

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3

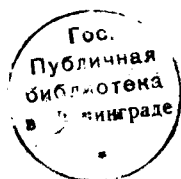
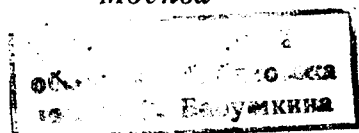
Май — Июнь

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. глав. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. глав. редактора), **В. Н. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

О. И. Шкаратан

**ЭТНО-СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ТАТАРСКОЙ АССР**

(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ)

Одной из первоочередных задач диктатуры пролетариата в многонациональной стране является ликвидация национального гнета и неравенства¹.

Но уничтожение национального гнета и юридическое равенство наций составляют лишь первый и, пожалуй, самый простой шаг в решении национальной проблемы. Само неравенство этносов в досоциалистических формациях, доведенное при капитализме до гнуснейших форм колониального угнетения, основывалось на реальном разрыве в уровнях экономического и социального развития. «Поэтому,— подчеркивал В. И. Ленин,— интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации... должен состоять не только в соблюдении формально-го равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»².

Коммунистическая партия и Советское правительство воплощают на практике ленинские принципы пролетарского интернационализма. Результаты этой политики общеизвестны. У нашей Коммунистической партии были все основания записать в своей программе, принятой XXII съездом: «Опираясь на взаимную братскую помощь, в первую очередь на помощь великого русского народа, все советские национальные республики создали у себя современную промышленность, национальные кадры рабочего класса и интеллигенции, развили национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру»³.

Однако было бы неправильно сказать, что в СССР нет уже никаких проблем национального развития и межнациональных отношений. Высокие темпы развития экономики и культуры еще не ликвидировали полностью некоторых различий между нациями. Следы их мы еще находим и в разных издержках на производство одной и той же продукции, и в доле квалифицированных рабочих и интеллигенции к общей численности населения, и в степени распространенности отдельных атрибутов современной культуры, степени комфортности быта и т. д. Но мера различий носит принципиально другой характер, чем в капиталистическом мире. В наших условиях речь идет о второстепенных социальных различиях между народами, находящимися исторически на одной и той же стадии экономического и социального развития, в капиталистическом же мире — о непреодолимых и антагонистических межстадиальных различиях.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 256.

² Там же, т. 45, стр. 359.

³ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 330.

В процессе перехода от социализма к коммунизму в обществе происходят сложные структурные изменения, связанные с процессом социально-классового и национального сближения. Эти процессы должны быть изучены и осмыслены не изолированно друг от друга (такие исследования еще бытуют в нашей науке), а в комплексе.

Таков и был замысел первого комплексного изыскания, предпринятого сектором конкретно-социологических исследований по проблемам культуры и быта народов СССР Института этнографии АН СССР в 1967—1968 гг.

Статья посвящена рассмотрению одного из важных аспектов сближения советских наций — выравниванию социально-профессиональной структуры городского населения в этнически разнородной среде⁴. При чем фактический материал, относящийся лишь к татарам и русским, проживающим на территории Татарской АССР, ставит и ограничения выводам.

В основу исследования было положено представление о первичности социально-экономических процессов по отношению к этническим, демографическим и культурно-бытовым.

В условиях советского социалистического общества по мере развертывания научно-технической революции все более возрастает социальное значение квалифицированных промышленных рабочих, связанных с передовой техникой, занятых трудом повышенной сложности, а также научно-технической интеллигенции.

Поэтому была сформулирована гипотеза о том, что свидетельством сближения и выравнивания наций является прежде всего равновеликое и в одинаковой мере эффективное⁵ участие представителей разных этносов в этих прогрессивных видах трудовой деятельности, а тем самым равная доля соответствующих социально-профессиональных групп в социальном составе этносов.

Вторая существенная гипотеза сводилась к предположению о том, что именно эти группы населения являются наиболее активными носителями прогресса в области межнациональных отношений. Объективными (и решающими) показателями этого явления служат данные о сближении в быту и культуре (об этом, прежде всего, говорят сведения о структуре социо-культурного потребления, о составе дружеского окружения и национальной принадлежности супругов и т. д.). Известное значение имеют, конечно, и субъективные оценки межнациональных контактов.

Мы также предположили, что процессу межнационального сближения содействуют урбанизация районов со смешанным национальным составом, увеличение доли потомственных горожан, особенно потомственных кадровых рабочих и технической интеллигенции. Была сформулирована и гипотеза о том, что этот процесс ускоряется в поселениях, где наблюдается высокий уровень социальной мобильности.

В связи с последними двумя гипотезами, а также ввиду существенно-сти разделения общества на городских и сельских жителей изучение со-

⁴ Подход автора статьи к основным понятиям, которыми приходится оперировать в этно-социологических исследованиях, в том числе его отношение к интерпретации такой категории, как «нация», кратко изложен в тезисах «О взаимодействии социальных и этнических процессов» (см. «Тезисы докладов на сессии Отделения истории Академии наук СССР, посвященной 50-летию Ленинского декрета о создании РАИМК — Института археологии АН СССР и итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г.», Л., 1969, стр. 54—58).

⁵ Показателями эффективности в условиях равной оплаты за равный труд служит размер заработной платы, а также участие в рационализаторстве и изобретательстве. Другие экономические показатели (типа данных о квалификационных разрядах, производительности труда) не могли быть использованы в исследовании, охватывающем все трудовое население, а не работников конкретной отрасли народного хозяйства.

диально-этнических процессов велось автономно по городу и по селу; программы были близкие, но совпадали не полностью⁶.

В качестве объекта исследования была избрана Татарская АССР. Таким образом, изучалось взаимодействие двух развитых в экономическом и культурном отношении наций СССР (русские и татары), имеющих длительный опыт совместного проживания и значительно различающихся по традициям в быту и культуре. Изучение велось в зоне проживания ядра татарской нации. Пропорции социального состава русских в городах Татарии соответствуют показателям состава населения городов коренных русских районов.

Хотелось бы подчеркнуть, что Татария выделяется среди других республик того района, относительно которого Энгельс писал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку», что «господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁷. Татария, издавна включенная в состав общероссийского рынка, достигла среднего уровня развития капитализма к моменту социалистической революции, а в ходе социалистического строительства раньше других республик достигла показателей, близких к уровню социально-экономического и культурного развития коренных русских областей.

Характерно, что если в 1939 г. на 1000 русских, проживающих в Татарии, приходилось 82 человека, имеющих высшее, среднее и неполное среднее образование, то у татар аналогичный показатель равнялся 45. Перепись 1959 г. продемонстрировала принципиально иное соотношение: 284 чел. из русских имели образование не ниже неполного среднего, а у татар — 235 чел. По данным нашего выборочного обследования, относящегося к 1967 г., этот разрыв уже почти совсем уничтожен (об этом см. ниже).

Были отобраны города, значительно отличающиеся по интенсивности социальных и этнических процессов и отражающие основные типы численно преобладающих в СССР городских поселений.

Отбор городов производился на основе следующих принципов. Города были классифицированы по критериям: а) экономической структуры; б) социально-профессиональной структуры населения и темпам социальной мобильности; в) этнической структуры.

На данном этапе мы выделили три города, представляющие определенные типы поселений: Казань — крупный город с многоотраслевым народным хозяйством, город, в котором представлены все основные социальные группы населения, город с высоким уровнем социальной мобильности. Альметьевск — средний по размеру промышленный город, в котором высоки темпы развития ряда отраслей индустрии, сравнительно высока вертикальная мобильность, но ограничены возможности горизонтальной мобильности, особенно за сферу материального производства. Мензелинск — небольшой город со слабо развитой промышленностью, в котором наличествуют лишь отдельные элементы социальной структуры городского населения страны, а возможности социальной мобильности крайне ограничены.

В каждом городе были выделены пропорционально их численности социальные группы населения, различающиеся характером трудовой деятельности; эти группы являются элементами социально-профессиональной структуры⁸.

⁶ Первые результаты исследований по селу суммированы в статьях: Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР), «Сов. этнография», 1968, № 4; его же, Конкретно-социологическое исследование национальных отношений, «Вопросы философии», 1969, № 12.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 241.

⁸ Обоснование принципов группировки см.: И. Н. Таганов, О. И. Шкаратаи, Исследование социальных структур методом энтропийного анализа, «Вопросы философии», 1969, № 5.

Распределение лиц различных национальностей по социально-профессиональным группам

Социально-профессиональная группа	% к общему числу работающих									Всего опрошено, % к итогу по столбцу		
	Русские			Татары			Прочие					
	Казань	Альметьевск	Мензелинск	Казань	Альметьевск	Мензелинск	Казань	Альметьевск	Мензелинск	Казань	Альметьевск	Мензелинск
Работники неквалифицированного физического труда и малоквалифицированного нефизического труда без специальной подготовки	53,8	47,1	67,5	43,4	44,3	32,5	2,8	8,6	—	13,4	14,5	18,
Работники квалифицированного, преимущественно физического труда, занятые на машинах и механизмах	62,2	49,7	57,0	35,9	41,4	41,0	1,9	8,9	2,0	24,9	20,5	22,
Работники квалифицированного, преимущественно физического ручного труда	59,4	50,0	62,4	37,8	41,6	32,7	2,8	7,4	4,9	24,8	22,5	18,
Работники квалифицированного нефизического труда без специального образования	66,8	56,3	63,8	31,6	39,3	31,3	1,6	4,5	4,9	10,7	12,3	16,
Работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции	46,7	48,7	66,7	50,0	43,2	—	3,3	8,1	33,3	0,7	1,8	0,
Работники квалифицированного умственного труда	63,9	58,1	60,7	28,8	32,2	37,2	7,3	9,7	2,1	15,5	16,4	16,
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	71,8	45,5	50,0	17,6	45,5	—	10,6	9,0	50,0	2,0	0,5	0,
Работники высококвалифицированного труда, так называемых творческих профессий	67,4	50,0	—	23,3	25,0	—	9,3	25,0	—	1,0	0,1	—
Руководители малых производственных коллективов	61,9	61,3	48,1	29,3	28,7	51,9	8,8	10,0	—	4,8	7,5	5,9
Руководители трудовых коллективов (начиная с начальников цехов и других аналогичных подразделений), общественных и государственных организаций	71,0	53,9	36,4	19,3	33,3	54,5	9,7	12,8	9,1	2,2	3,9	1,2
Итого	61,4	52,8	60,6	34,7	38,9	36,4	3,9	8,3	3,0	4231	2002	1000

Национальный состав городского населения Татарской АССР складывается из двух основных этнических компонентов: русских и татар. По переписи 1959 г. в городах республики русские составляли 61,0, татары — 33,3%. При этом в Казани доля русских равнялась 62,0%, а татар — 33,3%; в Альметьевске соответственно — 48,3% и 43,3%; в Мензелинске — 62,7% и 34,8%. Национальный состав жителей в этих городах за последнее десятилетие почти не изменился. Об этом свидетельствуют данные текущего учета Статистического управления ТАССР. В 1968 г. среди жителей Казани русские составляли 61,9%, а татары — 33,2%, в Альметьевске на ту же дату русские — 48,0%, татары — 43,6%; в Мензелинске на долю русских приходилось в 1968 г. 62,1% жителей, а на татар — 35,9%.

Исследование, проведенное в городах Татарии, было пробным, рассчитанным на проверку первоначальных гипотез и методик. В основу его были положены результаты выборочного опроса горожан, проведенного по «Опросному листу для интервью», предварительно опробованного на 150 жителях Казани. Всего было проинтервьюировано 7,23 тыс. горожан⁹. Помимо этого были использованы материалы непосредственных наблюдений, государственной статистики, а также делопроизводственные источники.

Остановимся, прежде всего, на социальном составе татар и русских (см. табл. 1)¹⁰.

Из табл. 1 видно, что к концу 1960-х годов (опрос проводился в сентябре — октябре 1967 г.) возможности лиц разных национальностей заниматься трудом равной степени сложности и ответственности стали практически равны. Например, по Казани, где работающих русских почти в два раза больше, чем татар, мы обнаруживаем лишь некоторое отставание татар, которые более активно представлены в группе работников малоквалифицированного физического труда и еще отстают от русских в занятости высококвалифицированным научно-техническим трудом. Если среди всех работников народного хозяйства Казани татар 34,7%, то среди неквалифицированных работников — 43,4%, т. е. на 9,7% больше, чем должно было бы быть при равновеликом представительстве всех национальностей в этом виде труда. В то же время их на 17,1% меньше против теоретической вероятности в группе работников научно-технического труда. В числе работников массовых профессий квалифицированного умственного труда доля татар близка к теоретически вероятной (28,8% против 34,7%).

Эти же выводы подтверждаются, правда несколько устаревшими данными переписи населения 1959 г., полученными нами в Республиканском статистическом управлении. По этим материалам среди руководителей предприятий в городах Татарии процент русских равен 77,9, а татар — 22,1. Среди инженеров и конструкторов процент русских равен 79,6, а татар — 20,4, среди такой значительной профессиональной категории, как слесари, процент русских равен 68,9, а татар — 31,9. Таким образом, данные выборочного обследования, проведенного спустя 9 лет после переписи, дают совпадающие по важнейшим своим характеристикам показатели.

О квалификационном уровне татар и русских в пределах одной и той же социально-профессиональной группы можно судить по такому показателю, как зарплата, которая отражает качественные и количественные показатели труда. Как показывают данные социологического исследования в Казани, татары и русские имеют примерно одинаковый уровень заработной платы. Незначительные различия (в 1—3 рубля) наблюдаются в одних случаях в пользу татар, в других — в пользу русских. Исключение составляет группа работников, занятых высококвалифицированным научно-техническим трудом (средняя зарплата у русских, — 160,4 руб., у татар — 130,3 руб.).

Возникает вопрос: каковы причины упомянутого отставания татарской технической интеллигенции от русской? Ведь в условиях социалистического государства и русские, и татары, как и лица других национальностей, получают школьную подготовку по одним и тем же программам, да и, как показало обследование, большинство татар-горожан училось в школах с обучением на русском языке. Высшее же образование и татары и русские получали в одних и тех же учебных заведениях. Среднее

⁹ Схема выборки кратко изложена в статье: Э. К. Васильева, Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 году (по материалам социологического исследования), «Сов. этнография», 1968, № 5.

¹⁰ Все таблицы составлены по материалам опроса.

число лет обучения у специалистов, занятых научно-техническим трудом, составляет у русских 14,2 года, у татар — 14,5 лет обучения. В составе татар, занятых научно-техническим трудом, процент лиц, имеющих высшее законченное образование, равняется 73,3, а в составе русских, занятых этим же видом деятельности — 70,7.

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что уровень профессиональной подготовки должен дать работникам одну и ту же эффективность. Однако данные по возрасту показывают существенные отличия состава русских и татар, занятых высококвалифицированным научно-техническим трудом (средний возраст татар, по данному обследованию, — 29,6 лет, а русских — 34,9). Таким образом, татарская научно-техническая интеллигенция значительно моложе по составу русской. Отсюда, естественно, — меньший профессиональный опыт и несколько более низкая заработная плата.

Обратимся теперь к данным социологического исследования по такому существенному показателю, как эффективность работника. Всего по Казани доля русских, занимающихся совершенствованием производства, составляет 21,2%, татар — 17,2%. Некоторое отставание имеет место, однако несущественное. Сложнее обстоит дело в отдельных социально-профессиональных группах. Так, среди рабочих квалифицированного физического труда, занятых у машин и механизмов, участвуют в рационализаторстве и изобретательстве среди русских 13,1%, среди татар несколько больше — 13,3%. Заметное отставание татар наблюдается в группе работников высококвалифицированного научно-технического труда. Здесь доля занятых рационализаторством и изобретательством у русских 45,9%, а у татар — 26,7%. Таким образом, и здесь наблюдается картина, аналогичная размерам заработной платы. И причины здесь те же самые.

Итак, можно сделать первый существенный вывод о том, что на современном этапе развития нашего общества татары-горожане достигли примерно тех же показателей социального развития, что и русские. Это является главнейшим свидетельством сближения и выравнивания уровня социального развития наций.

Однако уже приведенные данные показывают, что ситуация, наблюдаемая в настоящее время, сложилась сравнительно недавно. Поэтому интересно проследить темпы и характер изменений социального уровня татар по сравнению с темпами изменений у русских, т. е. рассмотреть факты относительно межпоколенной и внутрипоколенной социальной мобильности.

Начнем с данных, показывающих распределение русских и татар по социально-профессиональным группам в разных возрастах. Для простоты картины ограничимся следующими обобщенными цифрами. Все работники народного хозяйства (в данном случае Казани) разбиты нами на две группы: работников физического и малоквалифицированного нефизического труда и работников квалифицированного умственного труда. Для рассмотрения взяты две возрастные группы: группа от 23 до 27 лет (как представители молодежной группы, профессионально уже определившиеся, отражающие особенности социального развития нашего общества в 60-е годы) и группа от 50 до 55 лет (отражающая ситуацию предвоенного периода). В первой возрастной группе у татар распределение между работниками физического и малоквалифицированного нефизического труда, с одной стороны, и лицами квалифицированного умственного — с другой, соответственно составляет 80,5% к 19,5%. У русских доля работников умственного труда незначительно больше — 19,8%. Иначе выглядит положение дел во второй возрастной группе. Здесь в татарской части работающего населения Казани доля работников умственного труда равна 20,1%, тогда как у русских — 29,7%. Таким образом, социальная межпоколенная мобильность у татарского населения

значительно выше. Причем заметим, что речь идет о сравнении поколений 1930-х и 1960-х гг., т. е. поколений, вступивших в трудовой возраст при социализме, но первое из них, когда социализм в нашей стране был только что построен, а второе — в условиях развитого социалистического общества.

Внутрипоколенная мобильность складывается у русских и татар примерно одинаково. Русские, начавшие свою трудовую деятельность рабочими неквалифицированного физического труда, в 25% случаев таковыми и остались к моменту опроса, у татар же аналогичный показатель — 31,5%. Квалифицированными рабочими стали на момент опроса почти 58% русских и 52,5% татар. Работниками квалифицированного умственного труда разных категорий стали 9,5% русских и 8,5% татар. Аналогично положение и в других группах.

Для рассмотрения социальной мобильности особое значение имеет анализ динамики социального положения семьи от поколения к поколению.

В семейной карте, включенной в опросный лист, который использовался при обследовании в ТАССР, были выделены все взрослые члены семьи, работавшие или находившиеся на пенсии в момент опроса. Семьи были разделены на десять групп. Первая группа — семьи, где наблюдался рост социального уровня без перехода членов семьи на должности, которые требуют высшего образования. Вторая группа — семьи, в которых рост социально-профессионального статуса от поколения к поколению был связан с переходом части членов семьи на работу, требующую высшего образования. Третья группа — семьи, в которых младшее и старшее поколения сохранили примерно равный социально-профессиональный статус, но в пределах занятий, требующих не более среднего специального образования. Четвертая группа — семьи, где от старшего к младшему поколению не наблюдался рост социального статуса, но и в старшем и младшем поколениях имелись лица, занятые видами труда, которые требуют высшего образования. Пятая группа — семьи, в которых имел место спад, переход младшего поколения на более низкий социально-профессиональный статус, причем и в старшем, и в младшем поколениях в пределах видов труда, не требующих образования выше среднего. Шестая группа — семьи, где в старшем поколении были лица, занятые трудом, который требует высшего образования, а в младшем поколении представителей этого вида труда не было.

Седьмая — десятая группа охватывали семьи, в которых работали представители трех поколений. Таких семей, естественно, оказалось сравнительно немного, поэтому полученные нами данные статистически нерепрезентативны, однако для характеристики определенных процессов их можно использовать. В седьмую группу были отнесены семьи, где в младшем поколении произошли более прогрессивные изменения, чем в среднем, но и младшее поколение не выходило за пределы видов труда, который не требует высшего образования. Восьмую группу составили семьи, где в младшем поколении произошли более прогрессивные изменения, чем в среднем, но при этом в младшем поколении уже были лица, занятые на работе, которая требует высшего образования. Девятая группа — это семьи, в которых в младшем поколении были изменения менее прогрессивные, чем в среднем, однако социальный статус младшего поколения был более высок, чем старшего, при наличии высшего образования и у среднего, и у младшего поколений. К десятой группе были отнесены семьи, в которых в младшем поколении произошли менее прогрессивные изменения, чем в среднем, причем во всех случаях изменения не выходили за пределы видов труда, требующих образования не выше среднего¹¹.

¹¹ Методика группировки разработана Э. К. Васильевой. Нам кажется, что положенные в ее основу принципы могут быть полезными при дальнейших изысканиях на более широкой статистике.

Таблица 2

Средний уровень образования в Казани, Мензелинске и Альметьевске (в годах)*

Группы опрошенных	русские			татары		
	Казань $\bar{X}/S$	Альметьевск $\bar{X}/S$	Мензелинск $\bar{X}/S$	Казань $\bar{X}/S$	Альметьевск $\bar{X}/S$	Мензелинск $\bar{X}/S$
Работники неквалифицированного физического труда и малоквалифицированного нефизического труда без специальной подготовки	6,9/4,9	5,8/2,7	5,7/2,7	7,1/2,4	6,3/2,7	6,1/2,2
Работники квалифицированного, преимущественно физического труда, занятые на машинах и механизмах	8,1/4,9	7,1/2,5	7,3/2,2	7,9/2,3	7,9/2,0	7,5/2,2
Работники квалифицированного, преимущественно физического ручного труда	7,7/4,4	7,5/2,8	7,2/2,5	8,0/2,4	7,7/2,4	7,7/2,5
Работники квалифицированного, нефизического труда без специального образования	9,1/4,0	9,2/2,3	9,3/2,5	9,4/2,1	9,4/2,1	8,9/2,0
Работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции	10,8/4,6	11,9/1,9	14,0/1,0	9,7/2,7	10,9/2,3	—
Работники квалифицированного умственного труда	13,9/1,4	13,2/1,7	13,4/1,6	14,1/1,5	13,3/1,9	13,6/1,6
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	14,2/1,7	15,0/0,0	13,0/0,0	14,5/1,1	14,2/0,7	—
Работники высококвалифицированного труда, так называемых творческих профессий	13,7/2,0	15,0/0,0	—	13,9/1,5	15,0/0,0	15,0/0,0
Руководители трудовых коллективов, общественных и государственных организаций	12,3/2,7	12,6/2,5	13,4/1,8	13,0/2,2	13,3/2,7	12,2/2,7
По всем группам	9,4/3,5	9,1/3,6	8,5/3,1	9,0/3,2	9,0/3,3	8,9/3,4

* $\bar{x}$ — средний уровень образования (среднее число лет обучения); S — среднее квадратичное отклонение.

Обратимся теперь к некоторым цифровым показателям. Ввиду объема статистики мы вынуждены ограничиться данными по Казани.

К первому типу относилось 36,2% обследованных семей, ко второму типу — 14,5%. Это значит, что более половины семей (50,7%) обладают высоким уровнем социальной мобильности. Весьма значителен и процент семей, в которых происходит стабилизация социального уровня — это семьи третьего (27,6%) и четвертого (2,9%) типов.

Характерно, что семьи, в которых уровень среднесемейного социального статуса падает, представлены неизмеримо более скромной величиной, а именно 17,1%. При этом к пятому типу относится 10,5% семей и к шестому — 6,6%. Но в семьях шестого типа младшее поколение при наличии среднего образования еще имеет перспективу социального роста. Следовательно, говорить о том, что величиной в 6,6% выражается доля семей со снижающимся статусом, было бы опрометчиво.

Что касается семей седьмого — десятого типов, то их доля оказалась ничтожно мала — всего лишь 1,8%. Поэтому мы их не рассматриваем.

Таким образом, здесь нет соотношения, при котором, скажем, на 50% семей, повысивших свой социальный статус, приходилось бы 50% семей

Таблица 3

Показатели объема социо-культурного потребления среди русских и татар
(г. Казань)

Социально-профессиональные группы	Среднее число книг в собственных библио- теках		Число посещений театров и концертов за год	
	русские	татары	русские	татары
Работники неквалифицированного физического труда и малоквалифицированного нефизического труда без специальной подготовки	25	22	4,5	4,8
Работники квалифицированного преимущественно физического труда, занятые на машинах и механизмах	31	26	5,8	5,8
Работники квалифицированного, преимущественно физического ручного труда	35	27	5,5	6,1
Работники квалифицированного нефизического труда без специального образования	36	34	6,5	7,0
Работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции	59	49	4,4	5,3
Работники квалифицированного умственного труда	157	135	6,5	8,0
Работники высококвалифицированного научно-технического труда	196	163	6,1	8,7
Руководители трудовых коллективов общественных и государственных организаций	172	130	7,8	7,3

снизивших свой социальный статус. Речь идет о принципиальных изменениях социальной структуры, которые сопровождаются интенсивным возрастанием доли семей, социально продвинутых, об активном процессе повышения социальной однородности общества.

Остается невыясненным вопрос: есть ли какая-нибудь специфика в межпоколенной мобильности у русских и татар. При рассмотрении соответствующих данных выяснилось, что у русских к первому типу семей относится 35,4% опрошенных, а у татар — 39,1%, ко второму типу семей соответственно 14,8 и 13,3%. Аналогично выглядят данные, касающиеся третьего и четвертого типов семей, т. е. семей со стабилизировавшимся социальным уровнем.

Итак, можно признать, что на данном этапе социальное продвижение складывается у русских и татарских семей примерно одинаково.

Перейдем теперь к рассмотрению особенностей образа жизни у татар и русских с учетом в большинстве случаев социального положения. Известно, что важнейшей характеристикой социальных групп в современном обществе является образование. Образованием в значительной мере предопределяются черты повседневного образа жизни (селективность каналов массовой коммуникации, объем и структура социо-культурного потребления и т. д.). Поэтому остановимся в первую очередь на сравнении образовательной подготовки у русских и татар по социально-профессиональным группам.

Для экономии места в табл. 3 сведены воедино данные о среднем уровне образования во всех трех обследованных нами городах. Таблица 3 показывает, что уровень образования у русских и у татар в соответствующих социально-профессиональных группах весьма близкий, хотя в силу целого ряда причин некоторые колебания наблюдаются в одном случае в пользу русских, в другом — в пользу татар. Какой-либо явно выраженной закономерности здесь нет. По одним городам и в одних группах незначительно ниже образование у татар, по другим — у русских. Так, в Казани средний уровень образования у русских составляет 9,4 лет обучения, а у татар — 9 лет (в сумме по всем социально-профессиональным группам). В Мензелинске же образовательный уровень татарской части

населения несколько превосходит образовательный ценз русских (8,9 лет обучения против 8,5).

Рассмотрим данные по общественной деятельности. В Казани 50,8% русских находятся на выборной работе, либо выполняют общественные поручения, у татар соответствующий показатель равен 40,9%, причем анализ положения дел в конкретных социально-профессиональных группах по этому показателю не дает тех колебаний, которые наблюдались с рационализацией и изобретательством. Так, в только что рассмотренных группах обстановка такова: среди русских рабочих квалифицированного физического труда, занятых у машин и механизмов, участвует в общественной деятельности 38,6%, а среди татар той же группы — 35,0%.

Среди работников высококвалифицированного научно-технического труда у русских в общественной работе участвует 88,5%, у татар, занятых таким же видом труда, — 73,3%. Это заставляет задуматься о неодновременности развития разных форм общественного сознания, о более интенсивном процессе выравнивания в социально-производственной сфере.

Специального разбора заслуживают данные о культуре и быте различных социально-профессиональных групп. Было бы неправильным сравнивать объемы социо-культурного потребления у лиц разных национальностей без учета различий в социальной структуре, объединяя в едином рассмотрении и русских, и татар. Но подобное дифференцированное описание требует немалого места и должно быть предметом специальной публикации. Здесь мы ограничимся лишь несколькими цифрами, касающимися двух важнейших показателей. Первый из них — наличие и размер собственных библиотек. По специальным расчетам, проведенным нами на базе матриц коэффициентов Чупрова, показатель наличия собственных библиотек и их размеров занял третье место по значимости среди характеристик социальных групп (после образования и заработной платы). Еще одним показателем служит посещение театров и концертов.

Таблица 3 характеризует объем социо-культурного потребления по этим двум показателям. Из табл. 3 со всей очевидностью следует вывод о том, что культурный облик татар и русских, выравненный по социальным группам, обладает определенным своеобразием, но не различается по уровню. Своеобразие же сводится к пропорциям между разными видами культурного потребления у этих двух этносов. Надо заметить, что объем бытового потребления, т. е. показатели наличия предметов культурно-бытового обихода, размеров и качества жилья и т. д., и т. п., ничем не отличаются у русских и татар.

Итак, можно сделать вывод о том, что в основных своих моментах образ жизни татарского и русского населения в соответствующих социальных группах совпадает. Таковы итоги ленинской национальной политики. Теперь необходимо посмотреть, в какой мере они воздействуют на характер межнациональных личных отношений.

Для ответа на этот вопрос мы располагаем двумя типами данных¹². Во-первых, сведениями о национальности друзей и супругов опрошенных. Во-вторых, ответами на вопросы, касающиеся национальных установок респондентов по их субъективным отзывам относительно серии проективных ситуаций. Остановимся сначала на данных, характеризующих реальное поведение опрошенных. Такая последовательность изложения целесообразна в связи с тем, что, на наш взгляд, устойчивая ценностная ориентация более надежно замеряется данными о реальном поведении, чем весьма неустойчивыми суждениями относительно проек-

¹² Здесь и далее приводятся данные по Казани. Положение по другим городам аналогичное.

тивных ситуаций. По нашим данным, было обнаружено, что во всех социально-профессиональных группах национальный состав ближайших друзей совпадает с национальным составом социального окружения опрошенных. Так, у русских рабочих физического труда во всех профессиональных группах доля друзей-татар составляет от 31 до 32%, а у русских — работников умственного труда — от 30 до 38%. По татарам мы получили такие же результаты. В среде работников физического труда доля друзей-русских колеблется между 40—38%, а у работников умственного труда от 41 до 47%. Характерно, что в среднем в составе друзей у татар 47,8% составляют татары, 42,4% — русские. У русских национальный состав друзей таков: 58,3 — русские, 31,9% — татары. Напомним что, по данным нашего выборочного опроса на октябрь 1967 г., национальный состав работающей части населения г. Казани был следующим: русских — 61,4%, татар — 34,7%. Таким образом, этот весьма существенный показатель реальных межличностных контактов показывает высокую степень интернационализма, присущую и татарскому, и русскому населению.

Обратимся теперь к отношениям в столь интимной сфере жизни, как браки. Как известно, в устойчивых этносах обычно преобладают однонациональные браки. По всем социально-профессиональным группам русского населения однонациональные браки составляют 91,6%, на браки же с лицами татарской национальности приходится 5,1%. У татар положение несколько иное. Здесь на долю браков с лицами той же национальности приходится 87,4%, на браки с русскими — 10,7%. Однако надо иметь в виду то обстоятельство, что в составе русского населения высок процент мигрантов из коренных русских районов. Часть этих мигрантов прибыла в ТАССР уже семейными людьми, а другие, естественно, не сразу адаптировались к межнациональным контактам.

Интересно проследить, каким образом складываются брачные связи в национальном разрезе по разным социально-профессиональным группам. Из русских рабочих квалифицированного физического труда 94,7% имели супругов русской национальности, а 2,9% — татарской. У работников квалифицированного умственного труда положение заметно другое. Здесь уже 6,6% супругов принадлежат к лицам татарской национальности, а среди руководителей предприятий и организаций процент супругов русской национальности падает до 73,8%, зато доля лиц татарской национальности поднимается до 14,7%.

Обратимся теперь к сведениям относительно национального состава супругов опрошенных нами татар. У квалифицированных рабочих, преимущественно физического труда, доля лиц, имеющих супругов той же национальности, составляла 88,5%, а имеющих супругов русской национальности — 10,3% (против 6,9% в составе неквалифицированных рабочих). У работников квалифицированного умственного труда в 76,9% случаев супруги также были татарами, а в 19,9% случаев — русскими. У руководителей предприятий и организаций соответствующие проценты равнялись 64,3 и 28,5.

Таким образом, теперь уже можно с достаточным основанием дать ответ на один из вопросов, составляющих цель исследования. И ответ этот, очевидно, сводится к тому, что те социальные группы, которые связаны с более сложными видами труда, которые могут быть оценены как социально продвинутые в составе населения советского города, на практике более активны в контактах с другими национальностями.

Обратимся теперь к ответам опрошенных, отражающим их установочные относительно серии проективных ситуаций, аналогичных реальным ситуациям, рассмотренным выше. Проанализируем ответы русских и татар на вопрос: «Влияет ли на отношение в коллективе то, что в нем совместно трудятся люди разных национальностей». В числе возможных вариантов ответа был и такой: «Во многонациональном коллективе работать сложнее».

Неквалифицированные и квалифицированные рабочие физического труда и рядовые служащие татары лишь в 3% случаев выбрали этот вариант ответа, тогда как остальные, как правило, предпочли вариант ответа, что национальный состав не имеет значения. У русских по этим группам трудящихся доля отметивших сложность работы в многонациональном коллективе составляла 5—6%. Иное положение мы наблюдаем в интеллигентных группах населения. Лица высококвалифицированного научно-технического труда у русских предпочли этот вариант ответа в 13,1% случаев, у татар — в 6,7% случаев.

Прежде чем комментировать эти данные, рассмотрим информацию о предпочтительности выбора руководителей в зависимости от национальности. Подавляющее большинство рабочих и служащих (95—98%) отметили, что для них национальность руководителя не имеет значения. Мы не считаем, что такие данные следует абсолютизировать, но, видимо, нет никаких оснований думать, что степень искренности ответов в разных группах была различной, поэтому эти цифры могут быть использованы для анализа взаимодействия социального положения индивидов и степени притяжения межнациональных контактов на производстве.

В среднем среди русских отметили сложность работы в многонациональном коллективе 6,8% против 3,5% у татар. Относительно предпочтительности руководителя одной с опрашиваемым национальности позитивно высказались 6,4% у русских и 4,2% у татар.

О том, что это никак не связано с особым положением русских на производстве, свидетельствуют ответы на вопрос об удовлетворенности работой. В русской среде удовлетворенность содержанием работы не выше, чем в татарской. Так, в целом среди русских совершенно не удовлетворены содержанием своего труда (по всем социальным группам) 9,8%, у татар — 9,3%. При этом у квалифицированных рабочих физического труда среди русских доля совершенно неудовлетворенных содержанием труда — около 10%, среди татар — примерно 8%.

У работников же высококвалифицированного научно-технического труда принципиально другая ситуация. Здесь в русской среде наблюдается, как правило, полная или частичная удовлетворенность своим трудом, совершенно неудовлетворены всего 2,1%, тогда как у татар 27,3%. Среди руководителей производственными коллективами доля неудовлетворенных своей деятельностью у татар почти в четыре раза превосходит аналогичный показатель у русских и составляет 13,3%.

Мы предлагаем следующее предварительное объяснение этим данным. Выравнивание профессионально-квалификационного уровня приводит к такому положению, что и русские, и татары обладают резервом достаточно подготовленных работников для продвижения в высшие социальные группы. Определенная часть социально-мобильного населения в этих условиях склонна воспринимать межличностные конфликты, в том числе и связанные со служебным продвижением, как национальные. Об иллюзорности и ограниченном характере таких представлений свидетельствуют сопоставления ответов на вопросы о межнациональных контактах на производстве с ответами на вопрос о смешанных браках. Именно в русской интеллигентной среде, где сравнительно часто высказывались сомнения относительно желательности совместного труда с лицами иных национальностей, крайне редко звучали ответы о неприемлемости межнациональных браков (3,5—5%). Вообще следует иметь в виду, что если бы в этих группах русского населения существовала национальная несовместимость, то доля негативных суждений о межнациональных контактах возрастала бы при переходе к более интимным сторонам жизни. Между тем только что приведенные данные говорят об обратном. Наши данные, которые можно оценить как предварительные, служат важным доказательством отсутствия устойчивого отрицательного отношения к представителям другой национальности. Такое устойчи-

вое отношение обычно связано со стабильными социально-экономическими противоречиями. В советских же условиях, как мы убедились и на материале по социальному составу, по социальной мобильности и по образу жизни, нет базы для таких противоречий. Речь, следовательно, должна идти о каких-то временных явлениях и соответственно в области социальной психологии о нестабильных, неустойчивых установках, не являющихся постоянными и важными элементами социально-групповой ценностной ориентации. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что оценка межнациональных контактов относительно проективной ситуации несколько менее благоприятна, особенно в интеллигентных группах населения, чем реальная практика этих контактов. Это особенно очевидно из данных о национальном составе супружеских пар в разных социальных группах.

Полученные нами фактические данные говорят о том, что развитие татарской нации, формирование национальных кадров интеллигенции и рабочего класса проходят в условиях интенсивной иммиграции русского населения в Татарию. ТАССР географически расположена на пересечении транспортных артерий страны, она обладает самой дешевой в стране нефтью (на сегодняшний день Татария дает почти треть всей общесоюзной добычи нефти). Такие богатства не могут быть освоены только коренным населением, и требуется привлечение общесоюзных материальных и людских ресурсов. В результате мы наблюдаем, наряду с усилением национальной консолидации в связи с форсированным развитием экономики, процесс перемешивания населения, процесс уменьшения компактности проживания татарского населения. При этом национальное равноправие создаёт все условия к тому, чтобы процесс адаптации не сопровождался ассимиляцией. В этой связи характерны данные о принятии национальности детьми, рожденными в смешанных браках. В тех случаях, когда отец татарин, а мать русская лишь 48,6% указывают русскую национальность. Таким образом, картина здесь совершенно другая, чем в капиталистических странах.

Противоречит ли это сведениям о том, что родители обычно предпочитают отдавать своих детей в русскую школу и т. д.? Нет, не противоречит. Русский язык дает возможность приобщения к тем стандартам мировой культуры, которые обеспечивают наиболее безболезненную адаптацию к социальным нормам и к выполнению социальных функций в современном обществе, переживающем научно-техническую революцию. Однако этот процесс, конечно, связан с некоторыми проблемами в развитии национальной культуры. По нашим данным, в Казани среди татар, занятых неквалифицированным физическим трудом, лишь 2,1% совсем не владели татарским языком, 11,5% только говорили по-татарски, 12% говорили и читали, 74,4% свободно говорили, писали и читали. Среди татар, занятых квалифицированным физическим трудом, 3,5% совсем не знали татарского языка, 9,6% только говорили, 11,2% читали и говорили и, наконец, 75,7% свободно владели татарским языком. В составе научно-технической интеллигенции и руководителей коллективов — татар по национальности — мы встречаемся с другими цифрами: в их рядах соответственно 7,7 и 7,8% совсем не знали татарского языка. Таким образом, большинство татар, овладевая русским языком, сохраняет знание родного языка. Лишь в социально-продвинутых группах наблюдается некоторая тенденция превращения русского языка в родной.

Итак, приведенный, нами материал дает основание для ряда предварительных выводов.

Во-первых, в результате победы социализма в СССР социальные характеристики русских и татар, проживающих в городах ТАССР в основном совпадают и имеют тенденцию к дальнейшему сближению.

Во-вторых, в силу естественного отставания социально-психологических явлений от социально-экономических, возникающие иногда в про-

цессе повышенной социальной мобильности и территориальной миграции населения межличностные конфликты ошибочно воспринимаются некоторой частью населения как национальные.

Вместе с тем, проделанная работа показала, что для дальнейших изысканий в области этнической социологии:

1. Необходимо постоянно вести выборочные обследования социальных отношений в смешанных национальных средах и национальных отношений в разных социальных группах в национально смешанных районах страны.

2. Целесообразно в процессе дальнейших изысканий разработать рекомендации по оптимальному размещению производительных сил с учетом национальных традиций в приложении труда и его разделению.

Конечной целью таких исследований, взятых во всем их комплексе, должна быть выработка рекомендаций по дальнейшему развитию и совершенствованию гармоничных отношений между нациями в процессе дальнейшей интернационализации советской экономической жизни.

ETHNO-SOCIAL STRUCTURE OF THE URBAN POPULATION OF THE TATAR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC (ACCORDING TO THE DATA OF A SOCIOLOGICAL INVESTIGATION)

The results of a representative inquiry among the inhabitants of three cities of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic (Kazan, Al'metyevsk and Menzelisk) show that the indexes characterising the level of social development of the Tatars have drawn near those of the Russian population of the Republic. This conclusion is based upon data on socio-occupational structure, social mobility, educational level, earnings, way of life (participation in improvement of production methods and in political life, structure of leisure). Data are adduced showing the frequency of nationally mixed marriages, the national composition of personal friends of people belonging to different socio-occupational groups. The investigation was carried out in September — October 1967. The official statistics of 1959 to 1958 are used in the article.

П. Г. Ширяева

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЛЕТАРСКИХ ТРАДИЦИЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ИСКРА» 1900—1903 гг.)

О процессах, происходящих в общественной жизни рабочего класса царской России, впервые во весь голос заговорила газета «Искра», уделявшая много внимания новым явлениям в быту российского пролетариата, столь заметно отличавшемуся от старого патриархального уклада деревни. «Искра» отмечала самые маленькие, иногда едва заметные ростки нового быта, подчеркивая то, что становилось уже типичным для праздников русского рабочего класса и обращала внимание на черты нового, вклинивающегося в старую освященную веками обрядность.

Все описания складывавшихся в рабочей среде новых обычаев и обрядов, публиковавшиеся в «Искре», принадлежали в большинстве своем активным участникам происходивших событий. Эти-то очевидцы и дали в «Искру» такие живые, реалистические описания, правдиво освещавшие черты нового, становившиеся с расширением и углублением массового рабочего революционного движения не просто типичными, а типически традиционными в быту русского рабочего класса. «Искра» объединяла эти сведения «с мест», создавая тем самым обобщенную картину явлений современного быта, завоевывавшего в ожесточенной борьбе со старым свое законное место в жизни пролетариата. По существу это были документальные данные, свидетельствовавшие о росте политического сознания пролетариата, происшедшем за последнее десятилетие XIX в. И нижеприводимые слова В. И. Ленина, сказанные им в ноябре 1900 г., звучали уже как утверждение, как известный итог пройденного рабочим классом пути: «Через полгода русские рабочие будут праздновать первое мая первого года нового века,—и пора позаботиться о том, чтобы это празднество охватило как можно больше центров, чтобы оно было как можно внушительнее не только числом своих участников, но и их организованностью, их сознательностью, их решимостью начать бесповоротную борьбу за политическое освобождение русского народа, а тем самым и за свободное поприще классового развития пролетариата и открытой борьбы его за социализм... Харьковская маевка показывает, какой крупной политической демонстрацией способно стать празднование рабочего праздника...»¹.

За десятилетие с 1890 по 1900-е годы в быту рабочего класса России укоренились новые, отличные от прежних крестьянских обычаи и обряды — маевка и демонстрация. Они сложились как действия, выражавшие протест против существующего строя. К проведению их в каждом промышленном районе тщательно готовились. Заранее широко оповещали участников шествия о задачах праздника; устраивали предвари-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 363.

тельные собеседования с группами рабочих. Немалое место принадлежало специально изданным листовкам и прокламациям. Тщательно продумывался маршрут шествия празднично настроенных рабочих; выделялись специальные рабочие-знаменосцы, которые окружались на всякий случай плотным кольцом других рабочих; обязательным во время каждого праздника было выступление ораторов, в числе таких же неизменных мероприятий было разучивание революционных песен². В целях отпора возможным провокациям рабочие вооружались палками, тростями.

Другие обряды рабочих, такие как похоронный и свадебный, восходившие к традиционным крестьянским, впитали в себя немало отличительных черт городского быта³. Ритуал встречи Нового года, сложившийся и прочно укоренившийся в городских условиях еще до начала массового рабочего революционного движения, имел свои специфические черты в быту революционной студенческой молодежи и революционеров-профессионалов.

Новые обычаи и обряды русских рабочих заимствовали многое из опыта европейского пролетариата.

Наряду с элементами новой обрядности и заимствованием революционных песен европейского пролетариата⁴ русские рабочие творчески использовали и многие черты традиционного обрядового наследия прошлого. И это не удивительно, ведь рабочий класс России — класс молодой. Он сформировался на основе быстро протекавшего процесса разложения феодального строя и за два столетия (XVIII и XIX вв.) не успел порвать связей с крестьянством. Этим и объясняется исключительная живучесть привычек, обычаев и обрядов, складывавшихся в деревне веками и переносившихся иногда без всяких изменений в условия города. Из многих черт этой органической взаимосвязи в быту нового со старым мы отмечаем лишь некоторые, наиболее типические. Так, характерной чертой тесной связи рабочей обрядности с традиционной крестьянской обрядностью, с лучшими ее чертами, является широкое включение в рабочие праздники песни, которой отводилась важная роль в проведении массовых выступлений пролетариата. Певучесть, как присущая русскому человеку черта, была не просто перенесена в рабочий быт. Песня стала грозным оружием в борьбе пролетариата с существующим строем. Песни, которые взял на вооружение рабочий класс, не были похожи на крестьянские ни по своему образному и мелодическому содержанию, ни по идейному направлению. То были гимнические песни протеста и призыва к борьбе за свободу.

I

Известно, что 1 Мая в России впервые праздновалось в 1891 г., т. е. вскоре после принятия I конгрессом II Интернационала (в июле 1889 г.) решения об установлении международного праздника 1 Мая. Праздник проходил в лесочке за Путиловским заводом в Петербурге. В нем участвовала небольшая группа питерских, преимущественно путиловских ра-

² Предварительно заготавливались рукописные списки — у ростовского рабочего Скрипниченко были отобраны, например, списки «Марсельезы и Варшавянки» («Искра», 1903, № 39, 1 мая, стр. 14), или же заранее разучивались революционные песни (как это было у тульских рабочих, «Искра», 1903, № 41, 1 июня, стр. 21) и т. д.

³ См. Г. В. Жирнова, Русский городской свадебный обряд конца XIX — начала XX века, «Сов. этнография», 1969, № 1.

⁴ Среди стихотворений и песен, исполнявшихся европейскими рабочими на французском языке во время их политических выступлений, «Искра» называет «Интернационал», «Пролетарскую Марсельезу», «Падение Бастилии», «Бог» (П. Ж. Беранже), «Красное знамя», «Рабочую песню» (см. «Искра», 1900, № 1, декабрь, стр. 24, 25; 1903, № 42, 15 июня, стр. 23; № 49, 1 октября, стр. 21).

бочих. Праздник этот получил название «маевка», прочно закрепившееся за ним с той поры. В дальнейшем из года в год небольшие группы рабочих и интеллигенции, отмечая этот день, поздравляли друг друга с международным праздником рабочего класса, произносили речи, призывавшие к объединению сил пролетариата. Праздник 1 Мая в 1892 г. справляли (в несколько большем числе, чем питерские рабочие) рабочие г. Вильно, а в 1894—1895 гг. — рабочие г. Москвы (организацию празднования 1 Мая в Москве в эти годы возглавил «Московский Рабочий Союз») ⁵. На широкую улицу рабочие царской России вынесли свой праздник только в самом конце XIX в. Об опыте празднования 1 Мая 1900 г. была издана специальная брошюра «Майские дни в Харькове», предисловие к которой в ноябре того же 1900 г. написал В. И. Ленин. В этом предисловии он с достаточным основанием мог назвать день 1 Мая «рабочим праздником». Уже в первых номерах «Искры», относившихся к 1901 г., публиковались краткие сведения о том, как уверенно российский пролетариат выходит на «улицу», чтобы встретить свой интернациональный праздник под лозунгами, приобщавшими его к всемирному рабочему движению.

В 1901 г. «Искра» печатает еще довольно скудные сведения о проведении рабочими своего первого праздника. Наиболее же обстоятельные описания празднования 1 Мая встречаются в «Искре» за 1902—1903 гг., где дается огромный перечень промышленных центров, в которых успешно проходили первомайские демонстрации. И если В. И. Ленин в своем предисловии писал о том, чего еще не хватает рабочим в организации своего рабочего праздника, то за истекшие четыре года (1900—1903 гг.) рабочие творчески восприняли сделанные В. И. Лениным указания и стали разнообразить сами формы подготовки и проведения праздника. Во многих местных комитетах существовал обычай издания «приглашений» на демонстрацию и проведения предварительных бесед с рабочими перед праздником. Так, в сообщении из Баку говорилось: «Майская агитация велась здесь усиленная. Было два больших загородных рабочих собрания. Распространены майские листки на русском, армянском и грузинском языках» ⁶. Распространение листовок и прокламаций было также непохожим на то, как это делалось в первые годы празднования 1 Мая: стало правилом, чтобы первомайским утром рабочие находили в различных частях города (разбросанными или наклеенными) листовки и прокламации. В Красноярске, как сообщает «Искра», утром 18 апреля 1902 г. «улицы были красными от прокламаций... Листки эти были небольшие четырехугольники... Но кроме того, были и большие красные, изящной формы, вроде афиш» ⁷. И появление на демонстрации красного знамени встречалось рабочими уже как обычное явление, без которого «маевка» не может состояться. Зная это могло быть любого размера и из любого материала. Как сообщает «Искра», на маевках 1903 г. студенты-томичи подняли на шесте красный шарф, в других городах празднично настроенные рабочие несли большие красные полотнища, а в Тифлисе в день 1 Мая «один из рабочих развернул

⁵ К. С. Василенко, Московский Рабочий Союз, М., 1957, стр. 21, 30, 37.

⁶ «Искра», 1903, № 40, 15 мая, стр. 7.

⁷ «Искра», 1902, № 22, июль, стр. 20. «Искра» неоднократно привлекала внимание к разнообразно оформленным листовкам и прокламациям. Саратовский Комитет РСДРП к 1 Мая 1903 г. издал 1. «Большое гектографированное на красной бумаге объявление, приглашающее рабочих и ремесленников и всех, кому дорога свобода и ненавистен произвол и насилие на демонстрацию 5 мая»; на левой стороне этого объявления изображен рабочий с красным знаменем в одной руке и флагом — в другой, на флаге помещена надпись: «Политическая свобода», а внизу — «Свобода, равенство и братство! Да здравствует социализм!». 2. Печатное воззвание: «1 мая, ко всем рабочим и работницам!» с эпиграфом: «Вставай, подымайся рабочий народ!» («Искра», 1903, № 37, 1 апреля, стр. 19).

шелковое знамя с вышитыми лозунгами: «Долой самодержавие! здравствует свобода!»⁸. А как живо передается «Искрой» настроение демонстрантов в день 1 Мая! Так один из томских рабочих сообщает, что «18 апреля забастовали 4 завода, 4 или 5 мастерских... несколько мелких ремесленных заведений и рабочие на одной каменной постройке... В 12 час. дня улицы приняли необычный вид: на них появились в значительном количестве рабочие, из них многие были одеты по-праздничному», к девяти часам вечера «демонстрантов уже было около 5000 чел., в том числе студентов сравнительно немного. Громкие песни и громовое „ура!“ доносилось, как говорят, до окраин города. Стрельные рабочие и чернорабочие принимали деятельное участие, при этом пели „Дубинушку“ на свой лад, между прочим — один куплет своего собственного сочинения, что они за студентов пристанут и Кухтерин (местный крез, высылавший своих мясников бить студентов 18 февраля) плохо станет»⁹.

Рабочие шли по улицам в день 1 Мая не просто организованной толпой. Всякий раз ставилась задача пройти по наиболее многолюдным центральным улицам города. В одном из номеров газеты «Искра» отвидец рассказывает о демонстрации рабочих Риги в день 1 Мая: «Толпа выстроилась в ряды и с пением „Марсельезы“ прошла по Резницкой с пением „Варшавянки“, „Смело друзья, не теряйте“ и других революционных песен прошла по Суворовской улице»¹⁰.

«Искра» освещала день 1 Мая с самых разнообразных сторон. Один из самых больших заводов в г. Николаеве — «Французский» — не работал, не работал и Черноморский завод. «Город имел очень праздничный вид. Рабочие с самого утра разгуливали по городу, по бульвару. Демонстрационные рабочие собирались за городом. В одном месте рабочим была произнесена речь. Это первый случай празднования майского праздника большинством николаевских рабочих»¹¹. В том же номере о маевке в лесу, в которой приняли участие 300 смоленских рабочих, «Искра» сообщает: «Было оживленно и весело». Много внимания уделяет «Искра» поведению населения к проведению демонстрации. Так всякий раз отмечалось, что подготовка и само проведение демонстрации вызывали живейшее любопытство окружающего населения, его сочувствие и внимание: «Народ сплошной толпой стоял по обе стороны» идущих сормских рабочих. «Вид демонстрации так действовал на нее, что некоторые слыша стройное пение, не могли удержаться от слез»¹².

В зависимости от политической ситуации 1 Мая иногда праздновалось либо на несколько дней раньше календарного срока, либо позже. Например, один бакинский рабочий, участник первомайской демонстрации 1902 г., писал в «Искре»: «Мы бакинские рабочие, — писал он, — чтобы не отстать от рабочих других городов, сообща решили сделать первый шаг к святому делу... Стали не жалеть сил и времени, устраивать массовые собрания и вести пропаганду, говорить по поводу открытия празднования 1 Мая. Решено и сделано! Но вот наступил назначенный день 21 апреля! Все с охотой явились на назначенное место. Каждый в отдельности поднимал голову и глазами чего-то искал вверху. А все же так и жметесь от радости, что вот настанет минута, когда мы будем чувствовать себя героями святого дела, и мы можем сказать, что это наш праздник, и что знамя тоже наше. А вот и то, что так жадно ищем наши глаза — это сигнальные шары! Каждый, кто только увидел шар, сейчас бежал к назначенному месту, а наш brave знаменосец был

⁸ «Искра», 1903, № 39, 1 мая, стр. 17.

⁹ «Искра», 1903, № 40, 15 мая, стр. 6.

¹⁰ «Искра», 1903, № 39, 1 мая, стр. 17.

¹¹ «Искра», 1903, № 40, 15 мая, стр. 8.

¹² «Искра», 1902, № 21, 1 июня, стр. 12, 13.

столько разгорячен, кровь в нем так закипела, что он даже не вытерпел и минут на пять раньше, чем пустили третий шар, развернул знамя гордо и смело и произнес: «Товарищи! Сегодня великий праздник, в который мы выступаем против неправды, невежества и нищеты! Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Я должен заметить, что около знаменосца было всего человек 8—10, из которых трое разбрасывали маленькие прокламации, в которых были написаны требования: «Свобода, 8-часовой рабочий день» и т. п. Разбрасывая листки, все крикнули: «Ура!» На их крик раздался по всем улицам ответ: «Ура!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!». Со всех улиц громадной толпой пустились бежать к «парапету», где знамя гордо развевалось. Постовой городской, увидя это, до того испугался, что не знал что делать: отнять ли знамя или убежать, и как бешеный метался во все стороны и как раз попал в толпу демонстрантов. Когда он вырвался, он побежал без оглядки, желтый, как мертвец. Пристав же, который здесь стоял для охраны, помчался неизвестно куда. А демонстранты все прибавляются и прибавляются, а «ура» все усиливается и усиливается. С громким криком «ура» мы двинулись вокруг парапета к назначенному месту; но как только хотели завернуть на Николаевскую улицу, мимо нас проехали: полицеймейстер, его помощник и пристав. Молча направились они туда же, куда и мы. Но мы начали им угрожать кулаками с криком: «Долой самодержавие, долой полицию, долой собак!» А толпа тысячная кричит «Ура!» Это их задело, как видно, за живое, и они соскочили с извозчика и подошли к нам, бледные как мертвецы, они тряслись, как в лихорадке. Пристав заговорил телячьим голосом: «Что вы хотите?» А полицеймейстер заревел, как бык: «Разойтись!» Но товарищи не пали духом и угрожали палками: «Долой самодержавие! Долой полицию!» А я подошел к знаменосцу и говорю: «Товарищи, бросьте собак и вернемся обратно». Так и было: «ура» усиливается все больше и больше. Появилась учащаяся молодежь, пожилые и дети с криками «Ура!», «Да здравствует свобода!». На крышах и балконах появились люди разных сословий, толстобрюхие и т. п. господа. Мы им угрожали кулаками и криками «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Но с балконов и крыш эти толстобрюхие сочувственно отвечали: «Да здравствует, да здравствует!» Все проходящие с сияющими лицами кричали: «Молодцы, молодцы! Держитесь дружно! Не робейте!» и т. п.

...Хотели петь, но у нас уже сил не было. Один грузин начал танцевать, и все хлопали руками, а когда пристав прибежал, то его освистали и прогнали. Ни одной улицы не было, чтобы она не была полна народу... Народу было около 5000, так что крики и мертвых могли бы поднять... Мне невольно вспомнилась французская революция...»¹³.

«Искра» помещала на своих страницах не только подробные описания первомайского праздника, но и краткие сведения о его проведении в различных городах России. Таково, например, сообщение о праздновании 1 Мая в г. Одессе, где 150 семей железнодорожников, собравшись за «большим вокзалом», коллективно справляли «маевку». «Пели революционные песни и говорили речи...»¹⁴.

«Политические» справляли 1 Мая и в тюрьмах и в ссылке. Замечательное описание этого праздника в селе Шушенском в 1898 г. сохранилось в воспоминаниях Н. К. Крупской. «Помню как мы встречали первое мая, — пишет Надежда Константиновна. — Утром пришел к нам Проминский¹⁵. Он имел сугубо Константиновский вид, надел чистый воротничок и сам весь сиял, как медный грош. Мы очень быстро заразились его настрое-

¹³ «Искра», 1902, № 22, июль, стр. 16.

¹⁴ «Искра», 1903, № 42, 15 июня, стр. 23.

¹⁵ И. Л. Проминский — ссыльный села Шушенское, рабочий, поляк.

нием и строем пошли к Энгбергу¹⁶... Оскар [Энгберг] взволновал нас своим приходом. Мы расселись в его комнате и принялись дружно петь

День настал веселый мая!
Прочь с дороги гора тень!...

Спели по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпраздновать в поле... Когда вышли в поле на сухой пригорке Проминский вытащил из кармана красный платок... Вечером собрались все у нас и опять пели... мы с Ильичем как-то долго никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых когда-нибудь примем участие...»¹⁷.

Празднование 1 Мая в тюрьме было особым и, конечно, во многом отличалось от празднования этого дня в городе или в ссылке. Так, в петербургской тюрьме в день 1 Мая «все политические заключенные вывесили в окнах знамена, и вся тюрьма огласилась пением „Варшавянки“, а затем „Марсельезы“... После пения раздались крики: „Добро здравствует Первое Мая! Долой самодержавие!“ и прочие революционные возгласы, покрытые восторженными криками „ура“ не только политических, но и уголовных»¹⁸. Тюрьма была возбуждена в течение всего дня. «Вечером... снова были выкинута знамена, причем все окна были освещены свечами (своего рода иллюминация) и снова политические запели „Марсельезу“, „Варшавянку“, раздались снова революционные возгласы»¹⁹. Таким образом, даже в стенах тюрьмы праздник 1 Мая все же сохранил основные черты нового календарного праздника рабочих.

II

Демонстрация стала новым явлением в быту российского пролетариата лишь с самого конца XIX в. В годы массового рабочего революционного движения демонстрации были единственной формой политического протеста.

В статье «О демонстрациях», опубликованной в 14-ом номере газеты «Искра», Г. В. Плеханов рассматривает их как явление, уже укоренившееся в быту российского пролетариата: «Демонстрации, с наименованием собою начало 1901 года, повторились в его конце. Это заставляет думать, что и новый—1902 г. будет таким же, если не более, бурным, как и его предшественник»²⁰. И продолжая далее свою мысль о развитии этого нового явления в быту рабочего класса, он замечает: «Кто умеет ценить воспитательное значение демонстраций и кто желает сохранить это их значение, тот должен всеми силами стремиться к тому, чтобы они все более и более приобретали массовый характер». Еще более определенно мысль о месте демонстрации в рабочей среде была изложена В. И. Лениным в «Тезисах статьи „Первые уроки“», написанной им в январе 1905 г. Вот как выглядит набросанная В. И. Лениным схема роста демонстрационного движения за двадцать лет (1885—1905)²¹:

¹⁶ О. А. Энгберг — ссыльный села Шушенское, рабочий Путиловского завода.

¹⁷ Н. К. Крупская, Из воспоминаний о В. И. Ленине. В кн.: «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. I, М., 1956, стр. 85, 86.

¹⁸ «Искра», 1903, № 40, 15 мая, стр. 11.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Искра», 1902, № 14, 1 января, стр. 2.

²¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 400.

«1. Некоторые выводы. Первая волна отошла. Вторая на завтра неизбежна. Выводы из первой.

2. Исторический взгляд:

Пятилетие (1901—1905) В. И. Ленин разбивает по годам, отмечая тесную связь демонстраций со стачечным движением: «1902-ой год: громадная ростовская стачка превращается в выдающуюся демонстрацию»²⁴, «1903 год. Опять стачки сливаются с политической демонстрацией, но на еще более широком базисе»²⁵, 1905 год — «стаечное и демонстрационное движение, соединяясь одно с другим в различных формах и по различным поводам, росли вширь и вглубь, становясь все революционнее, подходя все ближе и ближе на практике к всенародному вооруженному восстанию, о котором давно говорила революционная социал-демократия»²⁶. Об укоренении в быту рабочего класса России революционной стачки и демонстрации В. И. Ленин писал не только в 1905 г., но и позднее. Свою новую статью «Развитие революционной стачки и уличных демонстраций»²⁷, относящуюся к началу второго десятилетия XX века. В. И. Ленин посвящает раскрытию дальнейшего развития этого нового явления в быту народов царской России и в первую очередь пролетариата.

С 1900 г., с момента появления в газете «Искра» сообщений «с мест», довольно четко наметились различные типы демонстраций. Праздник 1 Мая, обязательно сопровождаемый демонстрацией, стал общепролетарским календарным праздником по всей России. Столь же определенно оформились демонстрации, связанные с забастовочным движением этих лет (1900—1903). Отличными и по форме проведения и по их роли в общественной жизни были демонстрации, связанные с похоронами преждевременно погибших товарищей по революционной борьбе, а также демонстрации, возникавшие в связи с проводами рабочих и студентов в ссылку.

«Искра», начиная с первых номеров, постоянно информирует читателей о демонстрациях, происходивших в различных городах Российской империи в связи с высылкой рабочих и студентов за пределы родного города: студента Домбровского — из Кишинева в Вятскую губернию (1901, № 9, октябрь, стр. 13), А. М. Горького — из Нижнего Новгорода (1901, № 13, 20 декабря, стр. 3), группы рабочих отправляемых из Витебска в Сибирь (там же, стр. 16) и Петербурга (1902, № 22, июль, стр. 6—7), тифлиских рабочих, высылаемых в разные города России (1903, № 31, 1 января, стр. 8) и т. п.

²² Имеется в виду фраза «верного пса самодержавия» — Каткова о «сто одном салютационном выстреле в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса» (Там же, стр. 250).

²³ Слово «крошечная» относится к демонстрации во время первой «маевки» в 1891 г. (Там же, стр. 250 и 400).

²⁴ Там же, стр. 251.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 252.

²⁷ Там же, т. 22, стр. 281—287.

По-иному протекали демонстрации протеста в театре (разбрасывание прокламаций и листовок, выкрики лозунгов и призывов к борьбе с самодержавием)²⁸ и тюрьме (голодовка²⁹ или «голодный бунт»³⁰, устройство «шумной демонстрации»³¹).

Формы организации демонстрации были различными. Иногда рабочие начинали демонстрацию внутри завода по гудку, который давался рабочими, украдкой пробравшимися к охраняемому администрацией гудку, а затем уже организованно выходили на улицу. Иногда же рабочие, наоборот, собирались у завода, не допуская штрейкбрехеров внутри завода (гудок все равно давался). Порой демонстрация стихийно возникала около больницы, куда рабочие приходили, чтобы проводить в последний путь своего товарища. Подчас для организации демонстрации использовались собрания рабочих. Об одной из таких демонстраций, организованной Донским Комитетом РСДРП среди ростовских рабочих 2 марта 1903 г., сообщила «Искра» в номере от 15 марта. Автор корреспонденции рабочий, активный участник демонстрации, подробно описывает, как возникло шествие рабочих, как умело Донской Комитет использовал существующую с незапамятных времен традицию кулачных боев. «Из года в год, Великим постом, по воскресеньям у нас за Темерником устраиваются «кулачки». Иногда собирается масса народу от 5 до 6 тысяч. Картина грубая и ужасная.

За некоторое время до «кулачков» Донской комитет стал устраивать вечерние сходки рабочих в степи. На одной из таких сходок, а именно за день до демонстрации рабочие были приглашены на «кулачки», разумеется, не драться. Назавтра рабочие стали стекаться за Темерником... как раз в той балке, где происходили сходки во время стачки. Собралась многотысячная толпа. Д[онской] К[омитет] решил использовать момент, когда «кулачки» приутихли, были выкинута знамена и оратор обратился с речью, в которой приглашал рабочих пойти в город на демонстрацию. Картина была величественная. Мы окружали оратора, держа его на плечах, над нами развевались знамена. Достаточно было нескольких слов оратора, чтобы вся эта толпа с революционными песнями и криками: «Долой самодержавие»... двинулась демонстративно через Темерник в город.

Мы, человек восемь, с оратором посредине шли вперед в двух шагах за ними, — красные знамена, а за ними многотысячная толпа с организованными рабочими во главе... Через час весь город оглашался революционными песнями... Настроение рабочих и всех нас прекрасное. Мы торжествуем победу»³².

III

Новым в быту рабочих был и обряд гражданских похорон. Следует сразу же оговориться, что в рабочей среде долгое время сосуществовали два обряда — гражданский и церковный. Почти всегда на похороны приглашался священник, зажигались свечи, совершался полный обряд отпевания. Впервые чувствительный удар по церковным элементам обряда похорон был нанесен в Петербурге в 1876 г. во время проводов в последний путь студента Военно-медицинской академии П. Ф. Черныше-

²⁸ В Полтаве, например, такая демонстрация состоялась в честь Л. Н. Толстого («Искра», 1902, № 18, 10 марта, стр. 6), в Нижнем Новгороде — в честь Н. В. Гоголя (там же, стр. 12), демонстрация в Вильно связывается с постановкой пьесы «Родина» в день 1 Мая (1902, № 21, 1 июня, стр. 12).

²⁹ «Искра», 1901, № 14, 1 января, стр. 8—9.

³⁰ «Искра», 1902, № 18, 10 марта, стр. 10.

³¹ «Искра», 1903, № 39, 1 мая, стр. 15.

³² «Искра», 1903, № 36, 15 марта, стр. 12, 13.

ва³³. Сами похороны проходили в несколько необычной обстановке; проводы Чернышева на Волково кладбище с Выборгской стороны вызвали огромное стечение народа. В этих похоронах приняли участие и рабочие. По существу это была первая похоронная демонстрация протеста. Временами шествие приостанавливалось для объяснения встречной публике причин преждевременной смерти студента и пения «вечной памяти» у правительственных учреждений (здание тюрьмы, суда). Священник чувствовал себя во всех этих событиях явно лишним и пытался покинуть шествие, но не был отпущен. Второй, не менее чувствительный удар церковному ритуалу похорон был нанесен в Петербурге же два года спустя, в 1878 г., когда рабочие Трубочного завода на Васильевском острове проводжали в последний путь шестерых своих товарищей, погибших при взрыве на заводе. И здесь традиционное отпевание покойных сохранилось полностью. Но как в 1876, так и в 1878 г. в свершении обряда похорон было и нечто новое: во всей процедуре похорон Чернышева, самих проводах на кладбище чувствовалось сознательное занижение роли церковного обряда. С кладбища расходились с пением революционного гимна. На похоронах же рабочих-василеостровцев, которых также отпевали, была еще большая напряженность. Впервые рабочие во время похорон выступили от имени рабочего класса с прощальной речью (яркое описание этих похорон оставил Г. В. Плеханов, который в те годы вел агитационно-пропагандистскую работу среди пролетариев Васильевского острова)³⁴.

С течением времени отпевание теряло свое значение и такие похороны постепенно превращались в демонстрацию протеста. Безвременная кончина в 1899 г. златоустовского рабочего Андрея Степановича Тютева привлекла внимание широких слоев трудящихся. Этот передовой представитель уральского рабочего класса, как сообщалось в газете «Искра», был выпущен из тюрьмы за несколько дней до кончины. Похороны его в родном Златоусте превратились в мощную демонстрацию, собравшую около двадцати тысяч человек. В отличие от народной традиции, согласно которой поминки по умершему справляются в определенные, регламентированные церковью дни, рабочие создали свою традицию поминок. Ежегодно в день смерти Тютева они выходили на демонстрацию, чтобы добиться улучшения условий труда. Рабочие все настойчивей и настойчивей связывали имя Тютева с требованием восьмичасового рабочего дня и добились своего. Во вторую годовщину смерти А. С. Тютева уральские рабочие выпустили листовку-прокламацию, в которой говорилось о беззаветной преданности этого рабочего: «Имя Тютева будет напоминать не одним только златоустовским рабочим об их успешной борьбе за 8-часовой рабочий день. Нет, оно будет также напоминать всем русским рабочим те бесчисленные жертвы, которые гибнут от преследования самодержавного правительства...»³⁵. Лозунгом, призывом к дальнейшей борьбе звучали слова старого революционного гимна 1860 гг., вошедшие в текст той же прокламации:

Братья, вперед, не теряйтесь!
Бодро в неравном бою!
Родину дружно спасайте!
Честь и свободу свою!

Многочисленные описания похорон, то довольно подробные, то краткие, приводимые в «Искре», позволяют увидеть в похоронном обряде рабочих такие новые черты (не типичные для крестьянских похорон),

³³ Подробно см. «Вперед», 1876, № 34, 1 июня (20 мая), стр. 325 и др.

³⁴ Г. В. Плеханов. Соч. Под ред. Д. Рязанова, т. 3, М.—Л., 1928, стр. 157—160.

³⁵ Полный текст прокламации «К уральским рабочим» см. ЦГАОР, ф. 102, 1898, ед. хр. 5, ч. 3, л. В, лл. 13—17; см. также: «Искра», 1901, № 9, октябрь, стр. 8.

как сохранение в рабочем коллективе памяти об умерших, забота об их семьях, оказание материальной помощи оставшимся без кормильцев семьям, устройство на работу осиротевших детей. В условиях деревни память об умершем хранили лишь близкие родственники да семьи покойных. Не то было в рабочей среде; память о безвременно ушедших хранили все товарищи по борьбе. Из года в год вспоминали не только А. С. Тютёва или 69 рабочих того же Златоуста, погибших во время расстрела безоружной толпы. Питерские рабочие хранили в своем сердце память о славном сражении Обуховских рабочих в день 7 мая 1901 г. и об убитых ростовских рабочих и рабочих станции Тихорецкая. Надолго остался в памяти рабочих-костромичан агитатор-пропагандист К. А. Невзоров. В письме в «Искру» имя его упоминалось с большим уважением: «...вместо жалких похоронных песен [отпевания] он слышал могучий гимн свободы поднявшегося юга, видел шедшие сражаться с самодержавием отряды организованных рабочих... Мы, костромичи, не забудем его, не забудем как

он совесть будил в нас, он звал на работу,
он звал нас сплотиться тесней,
И был ненавистен насилью и гнету
Язык его смелых речей...»³⁶

Несмотря на репрессии, гражданские похороны все шире и шире входили в обиход рабочего люда России. Они превращались в могучее средство подъема сознания рабочих. В Батуми убит рабочий Ломадтария. В «Искру» сообщают, что «на похороны после гудка собралось много народу (3 000 чел.); хотели понести по главным улицам, но около Манташевского пер. встретила полиция и принуждены были пойти прямо на кладбище. Там было произнесено несколько политических речей; провожающие возвращались обратно с пением „Марсельезы“ на трех языках (грузинском, армянском и русском)». Интересна одна подробность: по пути следования, при встрече с буржуа демонстранты требовали, чтобы он повернул обратно, а при встрече с рабочими, кричали «Дорогу рабочему!»³⁷.

Письма, помещаемые в «Искре» с известием о преждевременной кончине товарища, ставшие обычным явлением, не походили на некрологи. Это скорее были воспоминания, посвященные товарищам, о деятельности которых, несмотря на то что они находились на нелегальном положении, в рабочей среде ходили многочисленные рассказы. «Искра» знакомила всю страну с такого рода воспоминаниями, посвященными памяти погибших, вызывая ряд откликов со стороны отдельных рабочих и социал-демократических организаций.

* * *

В сложных условиях массового рабочего революционного движения рождались обряды и обычаи российского пролетариата. Эта новая обрядность отражала новый кодекс трудовых взаимоотношений, товарищества и дружбы, взаимопомощи, новые понятия о нравственности и самое главное — единую позицию в борьбе с самодержавием и буржуазией. Эта классовая точка зрения и определяла характер новых обрядов и обычаев русского пролетариата.

³⁶ «Искра», 1903, № 50, 15 октября, стр. 24.

³⁷ «Искра», 1903, № 45, 1 августа, стр. 24.

ON THE EARLY OF REVOLUTIONARY TRADITIONS OF RUSSIAN PROLETARIAT (DATA FROM THE «ISKRA», 1900—1903).

Lenin's newspaper «Iskra» (1900—1903) was the first periodical to publish circumstantial data on the every-day life of the working class of Tsarist Russia. Among these data considerable room is given to descriptions of new customs and rituals arising within the working class at the turn of the XX century, such as May Day celebrations, political demonstrations, civil funerals, seeing off into exile fellow fighters in the class struggle, material aid and moral support for the families of victims in the fight for freedom.

The correspondents dealing with these new phenomena in the life of Russia's workers were as a rule themselves active participants in the events they described, professional revolutionaries (both intellectuals and workers).

И. С. Вдовин

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА ИТЕЛЬМЕНОВ

В существующих лингвистических и этнических классификациях принято относить ительменов к чукотско-корякской, а по другой терминологии — к чукотско-камчатской группе народов, которая состоит из чукчей, разных территориальных подразделений коряков, кереков и ительменов.

Отнесение ительменов к чукотско-корякской группе основывалось чаще всего на палеоазиатской гипотезе Л. И. Шренка¹, хотя сам он не считал ительменов принадлежащими к этой группе, а скорее утверждал обратное. Основанием для отнесения Л. И. Шренком определенного круга народов к палеоазиатам служили, как известно, их языковая обособленность и географическая изолированность. Так, он писал: «В географическом же отношении, с первого взгляда бросается в глаза то обстоятельство, что почти все подобные народы живут по краям или окружности материков... Особенно в Восточной Азии, берега которой почти всюду имеют такое очертание, всюду окаймлены полуостровами и континентальными островами или грядами островов, тянется до крайнего севера непрерывный ряд изолированных по своему языку народов. Таковы именно — ...гиляки, айны, камчадалы, коряки и чукчи, юкагиры, чуванцы... К ним примыкают ...алеуты, ...эскимосы и др.»².

Как следует из этого текста, Л. И. Шренк объединял лишь коряков и чукчей, тогда как ительменов, наряду с гиляками, айнами и другими, рассматривал как особую народность.

Не относили ительменов к чукотско-корякской группе народностей и самые ранние их наблюдатели и исследователи.

Так, В. Атласов, автор замечательных по своей полноте и точности наблюдений «сказок» о Камчатке, писал: «Камчадалы — возрастом небольшие, с бородами средними, лицом походят на зырян»³. Как видно, чисто внешнее отличие ительменов было настолько явным, что В. Атласов не нашел возможным сравнить их ни с одним ближайшим народом, в частности с коряками, которых он видел и знал. Вместе с тем для него было также очевидно, что ительмены говорят на совершенно особом языке, отличающемся от корякского.

Не считали ительменов генетически связанными с коряками и Г. Стеллер, и С. П. Крашенинников, авторы самых ранних монографий о Камчатке и ительменах. Хотя взгляды С. П. Крашенинникова на происхождение и генетические связи ительменов расходятся со взглядами Г. Стеллера, в одном они остаются общими — ительмены не являются частью или ответвлением их северных соседей — коряков и чукчей.

Г. Стеллер считал, что «по внешнему виду, по обычаям, по имени, по языку, платью, и по другим обстоятельствам думать можно, что камчадалы в древние годы переселились туда из Мунгалии»⁴.

¹ Л. И. Шренк, Об инородцах Амурского края, СПб., 1883, т. I, стр. 257.

² Там же, стр. 256.

³ «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., «Сборник архивных материалов, Описание земли Камчатки», М.— Л., 1949.

⁴ С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, М.— Л., 1949, стр. 362—363.

Возражая Г. Стеллеру главным образом против «мунгальского» происхождения ительменов, С. П. Крашенинников, в свою очередь, отмечал: «Если... положить, что коряки и камчадалы один народ, и в одно время или несколько лет спустя одни после других переселились, то удивительно отчего у коряк и камчадалов такая разность в языке, когда они всегда в соседстве жили и имели обхождение? Между славенскими и другими языками,— продолжает С. П. Крашенинников,— которые происходят от одного начала, везде есть остатки коренных слов как сущее доказательство их происхождения, хотя разделение народов за многие века случилось, и хотя народы одного языка не имеют между собой никакого почти сообщения, а в языке коряцкого народа (оленных разумеать должно) трудно сыскать слово, которое бы походило на камчатское»⁵.

С. П. Крашенинников и Г. Стеллер застали ительменов тогда, когда их быт, культура и язык едва начинали испытывать влияние русской культуры и русского языка и сохраняли еще свою самобытность.

В своих сочинениях о Камчатке и Г. Стеллер, и С. П. Крашенинников, касаясь быта и культуры ительменов, сообщают много таких подробностей, по которым можно составить определенное представление об этнических особенностях этой народности. И в области материальной культуры, и особенно в области духовной культуры ительмены существенно отличались от коряков и чукчей, хотя некоторые элементы культуры у них были общими, особенно с оседлыми коряками, жившими по соседству с ними. Это вполне закономерное явление не исключает генетической обособленности двух народов, оказавшихся соседями лишь в силу исторических обстоятельств. Несмотря на, видимо, продолжительные связи с коряками как на восточном, так и на западном побережье Камчатского полуострова, ительмены сохраняли много самобытных черт своей культуры. Так, ительмены имели несколько отличающийся конструктивно от коряцкого тип зимнего жилища, иной тип — летнего (балаганы на сваях)⁶, особый вид нарты и упряжки сзбак⁷. Они широко применяли в быту изделия из травы, вплоть до одежды (накидки), плели ковры, делали травяные мешки, корзины, сумки и другие бытовые предметы⁸, панцири⁹. Ряд существенных отличительных признаков был и у одежды ительменов: кухлянки имели сзади хвосты¹⁰, хотя по конструкции они также были глухими подобно коряцким и чукотским. Иначе ительмены приготавливали рыбу: преобладало копчение и печение, чего не было у коряков¹¹. У ительменов был распространен особый способ приготовления горячей пищи в деревянной посуде при помощи раскаленных камней и т. д., и т. п. Ительмены широко пользовались народной медициной при лечении самых разнообразных недугов, для чего применяли различные травы¹², в то время как коряки пользоваться в этих целях травами совершенно не умели.

Особый характер носили благодарственные праздники ительменов, сопровождавшиеся сложными пантомимами, плясками, пением¹³. Отличались и их бытовые обряды, связанные с выходом замуж¹⁴, с рождением ребенка¹⁵, с похоронами детей и взрослых. Детей они хоронили «в дуплеватых деревьях». Взрослых покойников довольно бесцеремонно, без каких-либо приготовлений, вытаскивали из юрты через входное

⁵ С. П. Крашенинников, Указ. раб., стр. 365.

⁶ Там же, стр. 373—378.

⁷ Там же, стр. 396.

⁸ Там же, стр. 384—385.

⁹ Там же, стр. 404.

¹⁰ Там же, стр. 387.

¹¹ Там же, стр. 394.

¹² Там же, стр. 440, 441, 459.

¹³ Там же, стр. 421.

¹⁴ Там же, стр. 435.

¹⁵ Там же, стр. 437.

отверстие в кровле и оставляли на поверхности земли¹⁶. У них не было представления о загробной жизни, поэтому с покойниками не клали никаких предметов, которыми он пользовался при жизни, как это делали коряки и чукчи. Следовательно, и в этих обычаях прослеживаются резкие отличия ительменов от их северных соседей.

Отличными от корякских и чукотских были и религиозные представления ительменов¹⁷. Например, их домашние «идолы»-охранители — хантай и ажушак (первый делался из дерева «наподобие сирены, т. е. с головы по груди человеком, а оттуда рыбою», второй — деревянный столбик «с обделанным верхом наподобие головы человеческой»), ни по форме, ни по представлениям о них и об их функциях не соответствовали домашним охранителям коряков и чукчей (связки семейных охранителей — тайн'ыквыт, деревянный прибор для добывания огня). Ительмены не имели бубнов, тогда как у коряков и чукчей были семейные и шаманские бубны.

Праздники и другие торжества ительмены сопровождали пением, которое отличалось особой музыкальностью. «Их песни,— писал Стеллер,— так мелодичны и настолько стройны по соблюдению правил музыки, ритму и каденциям, что этого никак нельзя было бы предположить у такого народа... они умеют петь не только в унисон, но и подпевают друг другу на два-три средних голоса»¹⁸. У коряков и чукчей пения песен, да еще многоголосого, «в унисон», не было совершенно.

По данным Крашенинникова и Стеллера, можно проследить еще больше отличий в материальной и духовной культуре ительменов от материальной и духовной культуры чукчей и коряков, если заниматься детальными сопоставлениями. Однако важно отметить то, что и Крашенинников, и Стеллер признавали генетическую обособленность ительменов от чукчей и коряков. Такому выводу немало способствовали языковые отличия ительменов, что довольно подробно и обстоятельно представлено главным образом в труде С. П. Крашенинникова¹⁹.

Генетическую обособленность ительменов от коряков и чукчей подчеркивал также В. Маргаритов. Он считал, что «Антропологическое родство коряк с чукчами и резкая разница их с камчадалами (т. е. ительменами. — И. В.) заставляет предполагать, что существовала более явственная физическая граница между этими разнотипичными народами, нежели таковая существует в данное время»²⁰. Не вдаваясь в тонкости аргументации В. Маргаритова (антропологических исследований на Камчатке тогда по существу не было), нельзя не прислушаться к голосу этого исследователя Камчатки. Более подробное высказывание по данному вопросу принадлежит Н. В. Слюнину, автору капитальной работы об Охотско-Камчатском крае. В своем исследовании он использовал всю имевшуюся к тому времени литературу и личные наблюдения. По его мнению, камчадалы «по языку, подобно корякам, чукчам и гилякам, занимают изолированное положение в азиатской семье народов, но по внешности имеют монгольский тип; земляная юрта по своему устройству и внутреннему расположению носила китайский тип. Поэтому можно заключить, что камчадалы представляют более древних выходцев из Средней Азии, чем тунгусы; Зибольд (см. Шренк, т. I, стр. 265) думает, что они пришли через страну, занятую айнами, которые, по его предположению, тогда жили в низовьях Амура»²¹. Эти за-

¹⁶ С. П. Крашенинников, Указ. раб., стр. 443, 444, 459.

¹⁷ Там же, стр. 376.

¹⁸ G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen. Lebensart und verschiedener Gewohnheiten, herausgegeben von J. B. S. (herer). Frankfurt und Leupzug, 1774, p. 327.

¹⁹ С. П. Крашенинников, Указ. раб., стр. 328—330, 444—448.

²⁰ В. Маргаритов, Камчатка и ее обитатели, «Записки Приамурского отд. РГО», т. V, вып. I, Хабаровск, 1899, стр. 104.

²¹ Н. В. Слюнин, Охотско-Камчатский край, т. I, СПб., 1900, стр. 402.

ключения Н. В. Слюнина далеко не бесспорны, однако главное в них — утверждение, что ительмены, или, как он их называет, камчадалы, в языковом отношении занимают изолированное положение среди народов Азии,— остается верным.

Особое место в истории изучения ительменов занял В. И. Иохельсон, который в 1908—1911 гг. руководил этнологическим отрядом Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского. К сожалению, собственно этнографические результаты этой экспедиции оказались весьма скромными, видимо, потому, что главное внимание В. И. Иохельсона было направлено на «изучение взаимоотношений между исконным населением Камчатки (до XVII в.) и населением западных американских побережий Берингова моря»²².

В. И. Иохельсон опубликовал лишь отчет об археологических исследованиях на Камчатке: кроме того, в 1961 г. уже другими лицами были опубликованы собранные им материалы по фольклору ительменов²³. Тем не менее в одном из своих сочинений он счел возможным высказаться, и притом довольно определенно, относительно принадлежности ительменского языка к чукотско-корякской группе. Он писал: «Камчадалский (ительменский.—И. В.) язык изучался мною в двух наречиях, сохранившихся на западном берегу полуострова Камчатки, составляет вместе с языками коряцким и чукотским, исследованными В. Г. Богоразом, одну родственную группу. Эти три языка, по-видимому, произошли из одного общего праязыка»²⁴. «Можно считать установленным,—отмечал он несколько ниже,—на основании материалов, собранных Богоразом и мною, что чукотский, коряцкий и камчадалский языки развились из одного праязыка»²⁵. Это уже весьма определенное заключение. Однако оно остается мало убедительным, так как не подкреплено необходимыми материалами.

В. Г. Богораз, который явился первым автором научных, в современном понимании, замечаний по ительменскому языку, был более осторожен в этом вопросе.

С особым вниманием исследователи отнеслись к появлению в 1922 г. в издании Смитсоновского Института работы В. Г. Богораза «The Chukchee». В этой работе содержится первый научный очерк грамматики чукотского языка, параллельно с описанием которого автор дает в сравнительно-сопоставительном плане аналогичные данные о языке коряков (каменский диалект) и, в меньшей степени, о языке ительменов (охотский и седанкинский диалекты). В. Г. Богораз в этой обширной работе нигде не ставит и не решает никаких проблем из области генетических и исторических взаимоотношений и взаимовлияний между чукотским, коряцким и ительменским языками. Он просто констатирует наличие главным образом общих или сходных элементов в фонетике этих языков, а также приводит примеры фонетических соответствий ительменского языка, чукотского и коряцкого языков. Необходимо здесь заметить, что встречающиеся соответствия обнаруживаются в словах, по всей видимости привнесенных в ительменский язык из коряцкого и соответственным образом фонетически переработанных.

Морфологические сопоставления занимают значительно большее место. В них даются парадигмы склонения имен, спряжения глаголов, некоторые элементы словообразовательного и словоизменительного аппарата ительменского языка. В данном случае В. Г. Богораз как бы приравнивает ительменский язык к хорошо разработанной им чукотской морфо-

²² В. И. Иохельсон, Археологические исследования на Камчатке, «Изв. РГО», т. LXII, вып. 3, 1930, стр. 199.

²³ D. S. Worth, Kamchadal Texts collected by W. Jochelson. The Hague, 1961.

²⁴ В. И. Иохельсон, Записка В. И. Иохельсона об оказании ему содействия в обработке и издании собранных им материалов по языкам, народному творчеству и этнографии алеутов и племен Крайнего Северо-Востока Сибири, 1915, стр. 135.

²⁵ Там же, стр. 137.

логической модели. Того, что выходит за рамки этой модели, В. Г. Богораз почти не касается. Из всей этой его работы видно, что автор искал лишь общие черты и общие элементы, которые сближают ительменский язык с языками корякским и чукотским, но совершенно не исследовал того, что отличало ительменский язык от этих языков. Такой задачи, видимо, не ставил.

На основании работы В. Г. Богораза мы можем лишь узнать, что обнаруживается сходство ительменского языка с корякским и чукотским. Каков же объем обнаруженного сходства применительно к системе ительменского языка, каково место и происхождение данного языка — этого Богораз не исследовал и об этом не говорит. Однако для установки вопроса об этнической и языковой принадлежности ительменского совершенно необходимо было определить тип связи их языка с языками корякским и чукотским. Нужно было установить — генетическими или только историческими узлами связан ительменский язык с языками северных соседей, а для этого, в свою очередь, необходимо было сделать по меньшей мере полное освещение всех явлений языка и, в частности, исследование его материальной основы, т. е. лексики. Лексика наряду с грамматикой является наиболее ответственным критерием при решении вопроса о принадлежности данного языка к той или иной группе. Применительно же к ительменскому языку этот вопрос в труде Богораза решен не был.

Особенно пристальное внимание привлекли к себе народности Севера в советское время, когда потребовалось усилить темпы их культурного развития и когда встал вопрос об основательном изучении их языков, культуры и быта. К 1930-м годам каким-то образом установилось такое мнение, что ительменский язык относится к чукотско-корякской группе языков; самих же ительменов стали считать частью этой этнической общности. Особенно прочно такое представление укоренилось после выхода в свет ряда статей, рассматривающих проблемы письменности и также статьи С. Н. Стебницкого об ительменском языке²⁷. Во всех этих работах ительменский язык рассматривался как принадлежащий к чукотско-корякской группе языков. Правда, ни в одной из них не говорилось о генетической общности этой группы народностей и их языков с такой прямолинейностью, как это делал В. И. Иохельсон.

Судить о языковой и этнической принадлежности ительменов с определенной уверенностью можно лишь на основе привлечения материалов не только лингвистики, но и всего комплекса смежных с ней дисциплин: антропологии, археологии и этнографии.

По имеющимся в нашем распоряжении языковым материалам, о принадлежности ительменского языка не имеет генетических связей с языками чукотским и корякским. Путем специального сопоставительно-сравнительного изучения лексики ительменского языка (его западнокамчатских диалектов, ныне еще сохраняющихся), Н. А. Богданова нашла лишь около 10 корней (основ), общих с чукотским языком и диалектами корякского языка²⁸. Наличные чукотско-корякские элементы оказались в языке ительменов лишь в результате длительного взаимодействия с носителями восточных и западных диалектов корякского языка. Это относится не только к лексике, но и к грамматике.

²⁶ К. Я. Лукс, Проблема письменности у туземных народностей Севера, «Север», 1930, № 1; Я. П. Алькор (Кошкин), Письменность народов Севера, «Север», 1931, № 10; его же, Вопросы создания и развития национально-литературных языков Севера, в кн. «Материалы I Всероссийской конференции по развитию письменности народов Севера», М.—Л., 1932; Е. П. Орлова, К вопросу о письменности у народов Севера, «Сов. Север», 1932, № 4 и др.

²⁷ С. Н. Стебницкий, Ительменский (камчадалский) язык. Языки и письменность народов Севера, ч. III, М.—Л., 1934.

²⁸ Н. А. Богданова использовала рукописный ительменско-русский словарь (с 4000 слов), составленный Т. А. Молл.

По общему признанию лингвистов, фонетическая система ительменского языка резко отличается и качественно и количественно от фонетической системы корякского и чукотского языков²⁹. В настоящее время ительменский язык несет в себе очевидные черты заимствований из корякского и русского языков, особенно из последнего. Как правило, из корякского и русского языков заимствуются не только слова, но и те грамматические формы, в которых эти слова чаще всего употребляются. Поэтому в морфологической структуре ительменского языка можно обнаружить и формы прилагательных корякского типа (нирвык'ин хвалч — острый нож'), пришедшие вместе с корякскими словами, и формы прилагательных русского языка — заимствованные вместе с русскими словами (вострой хвалч — 'острый нож'). Наряду с этими формами существует своя ительменская система обозначения признаков предметов (качественных и относительных), отличающаяся от чукотской и корякской. По-своему, со своими особыми показателями образуются в ительменском языке наречия (суф. *ꞥ*, интенсивность качества выражается префиксом *хе*). Среди наречий также много заимствований из русского языка (как правило, в формах этого языка).

Система склонения имен отличается от принятой в чукотском и корякском языках, как количеством падежей (их 6), так и показателями этих падежей³⁰. С иными показателями образуется множественное число имен существительных, в том числе путем флексии, что совершенно не свойственно ни корякскому, ни чукотскому языкам. То же следует сказать о спряжении глаголов, которое отличается от корякско-чукотского не только формальными показателями, но и наличием особых форм и типов спряжения «одушевленных» и «неодушевленных» глаголов и др. Таким образом, ительменский язык, помимо кардинальных фонетических и лексических отличий от корякского и чукотского языков, имеет также радикальные отличия и в области морфологии, несмотря на наличие определенных черт типологического сходства.

Сомнения относительно генетической связи ительменов с коряками и чукчами усиливаются, когда мы обращаемся к данным антропологии, археологии и этнографии. По мнению Г. Ф. Дебеца, ительмены обладают рядом антропологических признаков, которые дают основание выделять их из общей массы северо-восточных палеоазиатов. Так, он полагает, что «история формирования антропологических типов коряков шла, в общем, тем же путем, что и у чукчей, но осложнялась в процессе взаимодействия с «ительменским» типом, который хотя и близок к «оленному» типу, но все же достаточно своеобразен»³¹ (курсив мой.—И. В.). Это мнение основано на современных данных, которые, как известно, сильно осложнены напластованиями, возникшими в результате смешения ительменов и с коряками (в более ранний период), и особенно с русскими. Несмотря на весьма интенсивное смешение с русскими на протяжении последних двух с половиной веков, «ительмены и особенно камчадалы,— отмечает Г. Ф. Дебеч,— все-таки более темнокожи, чем коряки». В прошлом эти различия были, как он полагает, еще большими³².

²⁹ С. Н. Стебницкий, Указ. раб., стр. 86—89; Т. А. Молл, Очерк фонетики и морфологии седанкинского диалекта ительменского языка, «Уч. записки Ленинградского гос. пед. ин-та, им. А. И. Герцена», т. 167, Л., 1960; А. П. Володин, А. Н. Жукова, Ительменский язык, «Языки народов СССР», т. V, Л., 1968, стр. 334—336; D. S. Worth, La place du Kamtchadal parmi les langues soi-disant paleosibiriennes, «Orbis», Louvain, t. II, 2, 1962. Автор последней статьи обратил внимание также и на отличия ительменского языка от корякского и чукотского в морфологии. Он отмечает, кроме того, большие расхождения в лексике этих языков.

³⁰ Ср. соответствующие разделы названных выше работ по ительменскому языку.

³¹ Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Камчатской области, М., 1951, стр. 115.

³² Там же, стр. 117.

Есть и другие признаки генетической обособленности ительменов коряков и чукчей. «В описании физического типа коряков (по-видимому в первую очередь оленных), — пишет Г. Ф. Дебец, — заслуживает замечание С. П. Крашенинникова о том, что носы у них «коротки, однако не столь плоски, как у камчадалов» (стр. 449 и 727). Если наблюдение соответствует действительности, то отсюда следует, что крайней мере, по одному из важнейших признаков, служащих дляграничения азиатских и американских форм монголоидной расы, ительмены, еще не смешанные с русскими, сближались скорее с первыми».

Для решения поставленного вопроса необходимо привлечь и археологические материалы, правда, не очень многочисленные. С. И. Руденко выделил на Камчатке три археологических комплекса. Наиболее древний из них, который он связывает с ительменами, распространен по его мнению, в средней части полуострова. По его заключению, «археологический комплекс, характерный для предков ительменов, обнаруживает сходства ни с неолитическими культурами южного острова, ни с древними культурами Берингова моря и генетически связан с континентальной Сибирью, предположительно с неолитом Ленской Прибайкалья»³⁴. Коряков С. И. Руденко считает более поздними и шельцами на Камчатку, чем ительменов.

Археологические раскопки Н. Н. Дикова на берегу Ушковского залива принесли новое подтверждение глубоких отличий культуры ительменов от культуры их соседей — северо-восточных палеоазиатов. Преемственность культуры современных ительменов Н. Н. Диков прослеживает от времени позднего неолита. Последний характеризуется данными раскопок верхнего слоя Ушковской стоянки. В материалах этой стоянки весьма отчетливо отображена культура рыболовов. На вскрытой земле обнаружено кострище «с мощным напластованием пережженных рыбьих костей». Очевидно рыболовство было основным источником жизни, что получило отражение и в идеологии. «Здесь же приносил жертвы божеству-покровителю рыболовов, очевидно весьма сходном с ительменским Хантаем, — по описанию С. Крашенинникова, — полубой-получеловеком». В особой яме Н. Н. Диков обнаружил остатки стоявшего из кусков дерева и бересты изображения этого божества в виде рыбы, а также следы жертвенных костров³⁵.

Нельзя не согласиться с выводом Н. Н. Дикова, который считает, «с достаточным основанием, но пока, к сожалению, при полном отсутствии антропологических данных можно предположить, что все эти стоянки принадлежат предкам ительменов, истых рыболовов». Как раз с фактом отсутствия антропологического материала и является подтверждением прямой связи этого памятника именно с ительменами, так как еще в первой половине XVIII в. оставляли покойников на поверхности земли, о чем писали и Стеллер, и Крашенинников.

Для ближайших соседей ительменов на севере, т. е. для коряков, рыболовство приобрело важнейшее хозяйственное значение только в XIX в. до этого оно лишь дополняло охоту на парнокопытных и морских млекопитающих. Никаких культов, связанных с рыболовством, у коряков нет. Не известны они и в прошлом.

На отличительные черты древней материальной культуры ительменов указывал и М. Г. Левин. При этом он имел в виду четырехугольные формы землянки, а также толстостенные сосуды с рельефным орнаментом в виде поперечных выпуклых полос с желобками между ними, с у

³³ Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 118.

³⁴ С. И. Руденко, Культура доисторического населения Камчатки, «Сов. этнография», 1948, № 1.

³⁵ Н. Н. Диков, Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных, «История и культура народов Северо-Востока СССР», Магадан, 1950, стр. 13.

ками для подвешивания у верхнего края внутри сосуда³⁶. По существу и М. Г. Левин видел в ительменах особое этническое начало. Признавая вслед за другими авторами языковое родство, близость антропологического типа ительменов и коряков, он в то же время говорил лишь об общем ареале их формирования (т. е. об исторически сложившихся условиях устойчивых контактов), что конечно, не равнозначно генетическим истокам, генетическому родству.

Таким образом, и антропологические, и археологические материалы укрепляют основательность наших сомнений относительно генетического единства ительменов с коряками и чукчами.

Что касается этнографических материалов, свидетельствующих об отличиях культуры ительменов от культур их северных и южных соседей, то такие содержатся в работе С. П. Крашенинникова и касаются всего комплекса материальной и духовной культуры этого народа. Сопоставление и перечисление всех этих особенностей заняло бы слишком много места, что невозможно сделать в рамках статьи. Кроме того, некоторые из них уже отмечены выше. Все же я считаю нужным напомнить некоторые факты.

Ительмены были в первую очередь типичными речными рыболовами³⁷. Все остальные занятия играли в их жизни второстепенное значение. Их материальная культура вплоть до типа летнего жилища, которое одновременно служило помещением для хранения запасов (продуктов рыболовства) была всецело приспособлена к данному занятию. Об этом свидетельствуют и свайные постройки (так называемые балаганы), и долбленые лодки-баты, для плавания по рекам, и запоры для рыбы на реках. Промысел морских млекопитающих (нерп) производился на предустьевых отмелях (где находились лежбища), и то, по-видимому, только теми ительменами, которые жили ближе к устьям рек.

Второе по значению место в хозяйственных занятиях ительменов принадлежало заготовке разных дикорастущих трав, одни из которых употреблялись в пищу, другие применялись как средства народной медицины, третьи заготавливались и использовались для плетения циновки, накидок и других предметов быта. Не случайно некоторые виды трав широко использовались ительменами в качестве неперемного атрибута при всевозможных ритуальных отправлениях (тоншич). Ничего подобного не было у коряков (если не считать кое-каких заимствований от ительменов). В отношении использования растений в быту и вообще в хозяйстве ительмены далеко превосходили коряков и других соседей. Еще известный историк Сибири П. А. Словцов обратил внимание на эту особенность ительменов. «Где вы найдете племя,— писал он,— с таким удивительным знанием ботанизирующее? Камчадалы и камчадалки — самоучки, но знают вредоносные, питательные, целебные, лакомые силы всех прозябаний и трав, на их полуострове растущих»³⁸.

Эти основные занятия ительменов получили соответственное отражение в названиях месяцев, совершенно отличных от корякских и чукотских.

С. В. Иванов, занимающийся искусством народов Сибири и в том числе Севера, пришел к выводу, что искусство ительменов также стоит особняком от искусства чукчей и коряков. Оно имеет много существенных отличительных черт. Таким образом, эти немногочисленные пока этнографические материалы дают основания не считать ительменов генетически родственными корякам и чукчам.

³⁶ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, М., 1958, стр. 228.

³⁷ Н. К. Старкова, Пища ительменов, «Восьмая конференция молодых ученых Дальнего Востока (секция общественных наук)», Владивосток, 1965, стр. 65—68.

³⁸ П. А. Словцов, Историческое обозрение Сибири, СПб., 1886, ч. I, стр. 138.

Подводя итоги изложенному, можно сделать следующие выводы.

1. Особенности языка и культуры ительменов свидетельствуют об общем генетическом истоке их этнической истории, нежели истоки коряков и чукчей. Вместе с тем эти же материалы говорят о том, что имеющиеся в настоящее время значительные элементы общности ительменов с коряками и чукчами, как в языке, так и в культуре — есть следствие контактов исторического порядка.

2. Язык и культура ительменов пока не находит себе ближайших «родственников» ввиду их недостаточной изученности и неудовлетворительности знания этнической истории этого народа. Возможно, что ительмены остались таким же народом-одиночкой, какими оказались, например, нивхи или айны. Вопросы этнической и языковой принадлежности ительменов нуждаются в серьезном и всестороннем исследовании.

3. Выявленные материалы по языку и культуре ительменов уже сейчас дают основание считать их особой народностью, генетически не связанной с так называемыми северо-восточными палеоазиатами (чукчи и коряки).

ON THE PROBLEM OF THE ETHNOGENESIS OF THE ITELMENS

The Itelmens have been erroneously regarded as genetically related to the Chukchi and Koryak peoples within the North-East Paleoasiatic group. As a result of prolonged and intensive contacts with the Koryaks the Itelmens not only borrowed from them certain elements of material culture, but also underwent considerable linguistic influence; this gave the impression of their common origin. However a more thorough study of linguistic material reveals a fundamental difference between the Itelmen language and those of the Chukchi and the Koryaks. Ethnographic differences distinguishing the Itelmens from the Koryaks and the Chukchi are also supported by archaeological and anthropological material. Therefore the Itelmens are a separate people.

В. Е. Владыкин

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ УДМУРТОВ

Невозможно представить этническую историю народа как некий прямолинейный процесс развития какой-то одной исходной этнической группы. В своем сложном историческом развитии каждый народ испытывает воздействие со стороны многих, порой очень разнородных этнических элементов. Определение и исследование этнических компонентов, из которых складывается тот или иной народ, является одним из основных вопросов при решении проблем этногенеза.

Этническая история удмуртского народа в этом отношении еще мало исследована. Более того, до настоящего времени не опубликовано ни одной работы, специально посвященной вопросам удмуртской этнографии. Данная статья — лишь первый опыт в этой области, отнюдь не претендующий на решение проблемы во всей ее сложности; в ней лишь ставится вопрос о компонентах удмуртской этнической общности, о их взаимодействии, о роли каждого в формировании удмуртского народа. В работе используются как этнографические, так и археологические, лингвистические и антропологические материалы.

Сведения об удмуртах на страницах письменных источников появились очень поздно. Даже в «универсальной» «Повести временных лет», где с достаточной для того времени полнотой приводятся сведения о многих народах, об удмуртах не упоминается. Очевидно, это связано с тем, что русские сравнительно поздно (XIII—XIV вв.) познакомились с удмуртами, которые были известны своим соседям под тремя названиями: ары (аряне, арины, арское племя, арские люди); вотяки (вяда, веда, отяки, отины, чудь вотяцкая) и собственно удмурты. Последнее издавна было самоназванием народа, а с 1932 г. — официальным названием. Рассмотрим эти этнонимы по мере появления их на историческом горизонте.

Ары — самое раннее (из известных в источниках) название удмуртов. Первое упоминание об Арской земле, что была расположена в междуречье Волги, Вятки и Камы, встречается в сообщении арабского купца и миссионера Абу Хамида ал-Гарнати, который в 1135—1136 гг. побывал в Волжской Булгарии, а потом совершил путешествие в Венгрию через Русь. Одну из областей Булгарии он называет «Арв»¹. Этим названием, по всей вероятности, обозначена Арская земля, входившая тогда в состав Булгарского государства, а позднее (в XV в.) была включена в состав Казанского ханства. В 1552 г. Казань пала, и арские люди вместе с остальными обитателями ханства «...государю бьют челом и ясаки дают»².

Ко второй группе удмуртских этнонимов («вотяк» — «вотин» — «отяк»), очевидно, можно отнести и этноним «вяда»³, который наряду с буртасами, черемисами и мордвой впервые упоминается в памятнике

¹ П. А. Монгайт, Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг., «История СССР», 1959, № 1, стр. 172.

² А. С. Верещагин, Сказания русских летописцев о Вятке, «Труды Вятской Ученой архивной комиссии за 1965 г.», вып. 1, Вятка, 1905, стр. 80.

³ О связи вяда и удмуртов, см.: А. С. Орлов, Древняя русская литература XI—XII вв., М.—Л., 1945, стр. 143; С. А. Токарев, История русской этнографии, М., 1966, стр. 33.

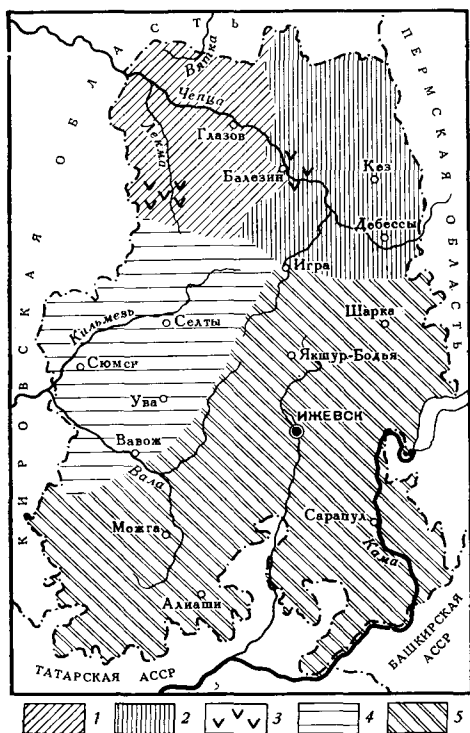

Схема расположения этнических групп удмуртов на территории Удмуртской АССР. 1 — нижние Ватка, 2 — верхние Ватка, 3 — бесермяне, 4 — калмез, 5 — остальные удмурты

литературы XIII в. — «Слове о погибели Русской земли»⁴. «Вяда» созвучно названию северных удмуртов «ватка», которое, в свою очередь, близко к этнонимам «воть», «вотяки».

В XIII в. венгерский миссионер Юлиан писал в одном из своих писем о том, что, разгромив Булгарию, монголы напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство Морданов⁵. Возможно, слово Ведин означает земля вяда, во всяком случае оба названия созвучны; не противоречит это предположение и географическому прочтению.

Таким образом, можно считать, что из второго ряда этнонимов самым ранним является «вяда» (XIII в.). Впоследствии это название было забыто, и русские стали называть удмуртов «вотяки», «отяки». Первые сведения о них встречаются в летописи, составленной в 1469 г.⁶, причем очевидно, что имеются в виду лишь северные удмурты⁷, жившие в Вятской земле по левому берегу р. Вятки и по р. Чепце. Ко второй половине XVI в. «отяками» стали называть и южных удмуртов, хотя

сохранялось и прежнее их название — «ары», «аряне»⁸.

Этноним «удмурт» в письменных источниках появляется лишь в XVIII в., но он, по-видимому, издавна был самоназванием народа.

Расскажем коротко о происхождении этнонимов «ар», «вотяк» и «удмурт». По этому вопросу имеется обширная литература⁹, но суждения авторов весьма противоречивы.

⁴ Ю. К. Бегунов, Памятник русской письменности XII века. «Слове о погибели Русской земли», М.—Л., 1965, стр. 184—185.

⁵ С. А. Аннинский, Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе, «Исторический архив», т. III, М.—Л., 1946, стр. 86.

⁶ «Полное собрание русских летописей», т. 26, М.—Л., 1959, стр. 227.

⁷ М. В. Сысоева, Первые письменные сведения об удмуртах, сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1967, стр. 302, 303.

⁸ А. С. Верещагин, Указ. раб., стр. 41.

⁹ Д. П. Островский, Вотяки Казанской губернии, «Труды Общества естествоиспытателей при Казанском ун-те», т. 4, вып. 1, Казань, 1873, стр. 5; В. М. Бехтерев, Вотяки, их история и современное состояние, «Вестник Европы», т. 84, СПб., 1880, стр. 626; С. К. Кузнецов, Общинные порядки вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии, «Этнографическое обозрение», кн. 63, М., 1905, стр. 26; В. И. Алатырев, Кызы кылдиз «удмурт», кыл. газ. «Советская Удмуртия», 18 июня 1958 г.; В. И. Лыткин, Этимология некоторых марийских слов, сб. «Вопросы марийского языкознания», вып. 1, Йошкар-Ола, 1964, стр. 61—62; В. М. Вахрушев, Одо выжыос, журн. «Молот», Ижевск, 1965, № 8; В. К. Кельмаков, Происхождение и первые упоминания этнонима «ар» (рукопись, с которой я познакомился с любезного разрешения автора); M. Zsirai, Finnugor rokonságunk, Budapest, 1937, ss. 223—224; P. Hajdu, Finnugor népek és nyelvek, Budapest, 1962, s. 220; K. Radanovics, Über den Ursprung einiger finnisch-lugrischer Völkernamen, «Congressus Internationalis Fennougristarum», Budapest, 1963, ss. 102—104.

Очевидно, наиболее правильным является предположение венгерского лингвиста М. Жирази, что этноним «ар» имеет тюркское происхождение и обозначает «человек», «мужчина», «муж». Удмурты получили это имя от своих соседей тюрков (возможно, от булгар)¹⁰. Участники «академических» экспедиций XVIII в. отмечали, что татары называют удмуртов арами¹¹. По-видимому, термин «ар» вначале употреблялся только по отношению к южным удмуртам, так как именно они первыми познакомились с тюрками.

Этнонимы «вотьяк» и «удмурт» некоторые исследователи связывают с марийским названием удмуртов «одо-марий» («луговой человек»), постепенно трансформировавшееся в «одо-мурт», а затем и в «уд-мурт». Такое объяснение вошло и в академическое издание по финно-угорским языкам¹². О марийском происхождении термина «удмурт» говорил и Г. Ф. Миллер, который писал в XVIII в.: «Слово „Уд“ по-черемиски (т. е. по-марийски. — В. В.) именуется „Ода“¹³. Русское „вотьяк“, „отьяк“, по этому толкованию, могло произойти от „ода“: один, сдяк, отин, отьяк и вотьяк»¹⁴.

Имеется и другое объяснение происхождения этнонима «удмурт»; оно принадлежит марийскому лингвисту Ф. И. Гордееву, который возводит слово «удмурт» к болгарскому названию р. Вятки — Ваты¹⁵. Удмуртов, живших на р. Вятке, могли вначале называть «вотмурт» — «народ, живущий на берегу Вятки». Со временем слово изменилось и приняло форму «отмурт», а затем и «утмурт», «удмурт». В XVIII в. П. С. Палласом была отмечена форма «утмурт». Он писал: «...вотьяки или ут-мурт, как они сами себя называют». В русском звучании этот термин приобрел форму «вотьяк» или «отьяк». По-видимому, к древнему корню «вât» был прибавлен русский словообразовательный суффикс¹⁶ (ср.: перм-як, тул-як и др.).

Таким образом, с давних времен удмурты имели два основных этнонима. Причем название «ар» было связано с южными удмуртами, а «вотьяк» — с северными. Впоследствии «вотьяками» стали называть всех удмуртов, что не совпадало с их самоназванием.

Факт, что у удмуртов было два этнических имени, говорит о том, что народ не был един и состоял из двух больших этнических объединений: северного и южного. Однако структура удмуртского этноса много сложнее: северная и южная группы удмуртов включали в себя еще целый ряд более мелких этнических подразделений.

В этой связи большой интерес представляют ранние этапы этнической истории удмуртов.

Истоки удмуртского этногенеза, по-видимому, следует искать в ананьинской культуре (VIII—III вв. до н. э.), на базе которой вырастет ряд локальных прикамских культур первых веков нашей эры; среди них осинская (Средняя Кама, устье р. Тулвы) и пьяноборская (устье

¹⁰ М. Zsigai, Указ. раб., стр. 224. Тюркский характер этнонима «ар» убедительно доказан и В. К. Кельмаковым, Указ. раб., стр. 1—3.

¹¹ Г. Ф. Миллер, Описание всех живущих в Казанской губернии народов яко то черемис, чуваш и вотьяков, СПб., 1791, стр. 32; П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, СПб., 1788, стр. 29.

¹² В. И. Лыткин, Пермские языки, «Языки народов СССР», т. 3, М., 1966, стр. 259.

¹³ Г. Ф. Миллер, Указ. раб., стр. 32.

¹⁴ В. И. Алатырев, Указ. раб.

¹⁵ Ф. И. Гордеев, Ирано-тюркские заимствования в марийском языке, «Тезисы научной сессии по этногенезу марийского народа», Йошкар-Ола, 1965, стр. 26.

¹⁶ Употреблялась и просто форма «воть», что наиболее близко к первооснове «ват», см.: А. И. Вештомов, История вятчан с 1181 по 1781 гг., «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXIV, вып. 1—2, Казань, 1908, стр. 1—2 и сл.

р. Белой)¹⁷. Некоторые ученые полагают, что предками удмуртов были носители осинской культуры. Впоследствии в результате передвижения племен на основе этой культуры в Чепецком районе возникают поло-ская (III—IX вв.) и чепецкая (IX—XV вв.) археологические культуры, связь которых с удмуртами очевидна¹⁸. Участие же пьяноборцев в удмуртском этногенезе отрицается или признается лишь в отношении южных удмуртов¹⁹. Так, В. Ф. Генинг считает, что пьяноборцы не принимали участия в формировании удмуртов. При этом в качестве главного аргумента выдвигается положение о том, что все племена периода пьяноборской культуры были оттеснены с Камы (III в. н. э.)²⁰. Если даже согласиться с этим утверждением, то нужно иметь в виду, что часть населения несомненно осталась и позже смешалась с пришлыми племенами, создателями мазунинской культуры, а впоследствии вошла в состав как удмуртского, так и башкирского народа²¹. Кроме того, в становлении удмуртов несомненно участвовали позднепьяноборские племена междуречья Волги и Вятки²².

Об участии пьяноборского населения в этногенезе удмуртов говорится сходство пьяноборского женского костюма с костюмом удмуртки (нагрудные повязки, прямоугольные нагрудники и другие детали)²³. Кроме того, эту генетическую связь подтверждает и антропологический материал. Как отмечает М. С. Акимова, «удмуртские черепа по многим признакам близки к пьяноборским. Это сближение прослеживается на мужских черепках в близких или даже одинаковых размерах лица, горизонтальной профилировке»²⁴.

Таким образом, нет никаких оснований отрицать связь пьяноборских племен с удмуртским населением.

В. Ф. Генинг полагает, что основой для становления удмуртского этноса послужило население бассейна р. Чепцы²⁵, у которого были тесные связи с населением более западных (земли по р. Вятке) областей. Слабая изученность археологических памятников этих районов не позволяет проследить в деталях процессы взаимодействия этих двух этнокультурных компонентов и пока можно предложить лишь самое общее решение этого вопроса.

По-видимому, часть древних племен с Белой и Камы в силу определенных причин (среди них как внешние — вторжение пришлых племен, так и внутренние — процессы саморазвития и расселения) уходит к Каме. Некоторые группы этих племен попадают в Волго-Вятское междуречье; другие расселяются непосредственно по Вятке, третьи концентрируются в бассейне Чепцы²⁶, откуда они частично переселяются опять таки на Вятку. Очевидно, только этим можно объяснить крайнюю малочисленность удмуртского населения по р. Чепце в момент присоединения

¹⁷ В. Ф. Генинг, Проблемы изучения железного века Урала, «Вопросы археологии Урала» (далее ВАУ), вып. I, Свердловск, 1961, стр. 37.

¹⁸ В. Ф. Генинг, Этногенез удмуртов по данным археологии, сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1967, стр. 274.

¹⁹ В. Ф. Генинг, Археологические памятники Удмуртии, Ижевск, 1958, стр. 10.

²⁰ В. Ф. Генинг, Азелинская культура III—V вв., ВАУ, вып. 5, Свердловск, 1961, стр. 21.

²¹ В. Ф. Генинг, Мазунинская культура в Среднем Прикамье, ВАУ, вып. 6, Свердловск, 1967, стр. 63.

²² В. Ф. Генинг, Этногенез удмуртов по данным археологии, стр. 276.

²³ В. Ф. Генинг, Археологические памятники Удмуртии, стр. 68—70.

²⁴ М. С. Акимова, Антропология древнего населения Приуралья, М., 1961, стр. 55.

²⁵ В. Ф. Генинг, Этногенез удмуртов по данным археологии, стр. 278.

²⁶ По-видимому, на Чепцу проникает какая-то иугорская группа (вторая половина I тысячелетия н. э.), которая, возможно, вошла в состав удмуртов, см.: В. Ф. Генинг, Этногенез удмуртов по данным археологии, стр. 275; Т. И. Тепляшина, Исследования об этнониме «пар», сб. «Происхождение марийского народа», Йошкар-Ола, 1962, стр. 263.

этих земель к Русскому государству²⁷. По всей вероятности, именно бассейн Вятки с его очень удобными для земледельческо-охотничьего хозяйства землями становится основным районом, где к концу I тысячелетия н. э. группируется большая часть удмуртского населения и начинается оформление древнеудмуртской этнической общности.

Многие исторические предания удмуртов говорят о том, что в среднем течении Вятки обитало племя ватка²⁸, об этой реке удмурты поют в своих песнях²⁹. В легенде о Тутое и Янтамыре рассказывается о том, что до переселения на Чепцу, удмурты жили в бассейне Вятки, где у них было свое царство³⁰. Согласно удмуртскому преданию, на месте нынешнего г. Кирова была Быдзым куала (Великая куала — родовое святилище)³¹. По Вятке и ее притокам (Пижме, Моломе) распространены топонимы удмуртского происхождения³².

Приблизительно на рубеже I и II тысячелетий в результате столкновения с древнемарийскими племенами, вышедшими к Вятке³³, древняя этническая общность удмуртов была разрушена. Часть населения, очевидно, была оттеснена к югу, и здесь в соприкосновении с тюрками и под их большим влиянием окончательно оформляется арская группа удмуртов, другая часть удмуртов, известная впоследствии под названием калмезов, теснимая марийцами, переселяется за Вятку на Кильмезь, Валу, и вероятно, достигает даже Чепцы.

Оставшееся на средней Вятке удмуртское население уходит уже позднее, по мере увеличения здесь числа русских поселенцев³⁴ (частично удмурты были ассимилированы русскими). С Кильмези и Чепцы удмурты начинают заселять глубинные районы края и постепенно занимают территорию своего нынешнего расселения³⁵.

Такова в самых общих чертах картина ранней этнической истории удмуртов. Многократные перемещения различных групп удмуртов, вызванные вторжением пришлых племен, их этнокультурное взаимодействие, наконец, замедленное социально-экономическое развитие удмуртского общества, вызванное низким уровнем развития производительных сил, патриархальностью, замкнутостью хозяйства, слабое развитие внутренних, органических связей — все это обуславливало довольно длительное существование в удмуртском этносе мелких этнических подразделений, принимавших иногда характер территориальных «земляческих» объединений, особых этнокультурных районов.

Археологические материалы позволяют выделить четыре таких района: 1. Чепецкий, 2. Малмыжско-Кильмезский, 3. Елабужско-Можгинский, 4. Ижевско-Шарканский³⁶. Однако слабая изученность этих районов пока не позволяет сказать что-либо определенное о том, как они сложились, насколько глубоки их отличия друг от друга, вызвано ли это своеобразием этническими особенностями?

Большую помощь в решении этих вопросов могла бы оказать удмуртская диалектология, истоки которой уходят в XVIII столетие. В XIX в. был опубликован целый ряд блестящих трудов по диалектам удмуртского языка (Ф. И. Видемана, Б. Мункачи, Т. Г. Аминоффа, Ю. Вихма-

²⁷ В. Ф. Генинг, *Азелинская культура*, стр. 62.

²⁸ Б. Г. Гаврилов, *Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний*, Казань, 1880, стр. 144—149.

²⁹ Сб. «Жингырты, удмурт кырзан», сост. П. К. Поздеев, Ижевск, 1960, стр. 148 и сл.

³⁰ «Легенды и предания», Записки Удмуртского НИИ, вып. 10, Ижевск, 1941, стр. 90.

³¹ П. Н. Луппов, *Удмурты в XV—XVII вв.*, Ижевск, 1958, стр. 11—12.

³² А. А. Спицын, *К истории вятских инородцев*, Вятка, 1888, стр. 49.

³³ В. Ф. Генинг, *Этногенез удмуртов по данным археологии*, стр. 276.

³⁴ А. И. Вештомов, *Указ. раб.*, стр. 5.

³⁵ А. А. Спицын, *Указ. раб.*, стр. 50—51.

³⁶ В. Ф. Генинг, *Этногенез удмуртов по данным археологии*, стр. 278.

на и др.)³⁷; но, к сожалению, до настоящего времени обобщающей работы по удмуртским диалектам нет. Более того, даже неизвестно, сколько же диалектов всего: в трудах разных исследователей их число определяется от двух (Г. Ф. Миллер, Т. Г. Аминофф) до девяти (Ю. Вихман). Выяснение же вопроса о диалектных группах имеет очень важное значение при определении этнических различий; ведь часто различия в языке свидетельствуют об определенных специфических особенностях их носителей. Для нас пока ясно одно: язык удмуртов делится на несколько диалектов, что указывает на наличие и нескольких этнических групп.

Среди самих удмуртов бытуют представления об их делении на две группы: Ватка и Калмез. На это уже давно обращали внимание исследователи, об этом писали Б. Г. Гаврилов, А. А. Спицын, Г. Н. Потанин и др.³⁸.

М. Г. Худяковым была даже сделана попытка распределить удмуртские роды-воршуды (число которых, по мнению автора, доходит до 70) между Ватка и Калмез. Так, он считал, что названия родов, оканчивающихся на «-га» (Можга, Нылга, Омга, Пельга, Пудга и т. д.), а также названия типа Докья, Кибья, Жикья, Тукля принадлежат племени калмез. Это предположение подтверждается тем обстоятельством, что на территории Глазовского уезда, где обитало племя Ватка, родов с такими названиями не встречается³⁹. Но некогда, очевидно, калмезы жили и на Чепце,— об этом говорят удмуртские предания⁴⁰, кроме того, в Глазовском уезде калмезы оставили названия некоторых рек. Например, здесь имеется река по названию Бадзым шур (на диалекте калмез — Большая река). Ватка же, живущие на этой территории в настоящее время, должны были бы наименовать эту реку «Зэк шур»⁴¹.

Сейчас калмезы — это весьма ограниченная группа, включающая удмуртов Селтинского, Сюмсинского, Увинского и частично Вавожского районов (западная часть Удмуртии). К Ватке относятся удмурты Глазовского, Балезинского, Кезского, Дебесского районов (север Удмуртии)⁴².

Удмурты обычно говорят так: «Кто жил на р. Вятке, тот был ватка, а кто жил на р. Кильмези, назывался калмез» (хотя, по-видимому, раньше связь между ними была обратная: реки получили свое название по имени этнических групп, живущих на этой территории).

Отношения между двумя основными группами удмуртов были в основном дружественными, но сохранились предания и о борьбе между ними — в основном из-за земли. Ватка с некоторым пренебрежением относились к калмезам, считая их слабыми. Обе группы были эндогамны⁴³.

Ватка, в свою очередь, подразделялись на «улланьёс» и «вылланьёс» (т. е. «нижних» и «верхних»), последние считают, что они в места своего нынешнего расселения поднялись с низовьев Чепцы⁴⁴.

В состав ватка и калмез не входят удмурты южных (с городами Можга, Алнаши, Кизнер), восточных (Шаркан, Воткинск) и централь-

³⁷ Подробнее о развитии удмуртской диалектологии см.: Т. И. Тепляшина, Памятники удмуртской письменности XVIII века, вып. 1, М., 1966, стр. 7—24; В. И. Алатаев, 50 лет удмуртского советского языкознания, сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1967, стр. 17—22.

³⁸ Б. Г. Гаврилов, Указ. раб., стр. 148; А. А. Спицын, Указ. раб., стр. 47; Г. Н. Потанин, У вотяков Елабужского уезда, СПб., 1890, стр. 193—194.

³⁹ М. Г. Худяков, Вотские родовые деления, «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXX, вып. 3, Казань, 1920, стр. 344—345.

⁴⁰ Б. Г. Гаврилов, Указ. раб., стр. 144—149.

⁴¹ М. Г. Худяков, Указ. раб., стр. 344.

⁴² Полевые материалы этнографической экспедиции МГУ в Удмуртской АССР, 1964, 1968, 1969 гг. (хранятся на кафедре этнографии исторического факультета МГУ).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

ных (Якшур-Бодья, Ижевск, Малая Пурга) районов Удмуртии, которые, по-видимому, имеют смешанное происхождение, может быть, они входили в особые этнические группы, не сохранившиеся до наших дней ⁴⁵.

Особой этнографической группой среди удмуртов являются бесермяне, живущие на северо-западе Удмуртии. Говорят они на северном наречии удмуртского языка, некоторые элементы их культуры отличаются от культуры остальных удмуртов.

Вопрос о происхождении бесермян до настоящего времени окончательно не решен. Некоторые исследователи, в их числе И. Н. Смирнов, считали, что представители этой этнографической группы «являются овотачившимися потомками какого-то тюркского племени, ранее татар жившего в бассейне р. Чепцы» ⁴⁶.

Н. П. Штейнфельд утверждал, что бесермяне близки к чувашам ⁴⁷, В. Н. Белицер видит в них потомков болгарского населения ⁴⁸. К этой же точке зрения примыкает Н. И. Гаген-Торн. При этом она отмечает большое сходство чувашской и бесермянской одежды, считая, что это результат старых связей ⁴⁹. В. Ф. Генинг считает, что предки бесермян близки к создателям именьковской культуры, среди которых он выделяет добулгарские тюркские племена: суваз (сувар), биляр, челман, саби и др. Название суваз (сувар) трансформировалось в «чуваш» и послужило собирательным именем для всего тюркоязычного добулгарского населения Среднего Поволжья. Отсюда и первоначальное название бесермян в русских источниках (грамотах, писцовых и переписных книгах) — «чувашаи» ⁵⁰.

Удмуртские филологи (Д. И. Корепанов и Т. И. Тепляшина) находят в бесермянском диалекте сходство с южноудмуртскими диалектами ⁵¹. Очевидно, это говорит о том, что некогда бесермяне и южная группа удмуртов были соседями. В бассейне Чепцы бесермяне поселились, по-видимому, позднее. Исследователь Г. Н. Трефилов считает, что они появились на месте нынешнего расселения в начале XVII в. ⁵² По его мнению, бесермяне как-то связаны с древними мадьярами ⁵³.

Татары, живущие рядом с бесермянами, считают последних крещеными татарами, говорящими на удмуртском языке. Сами бесермяне говорят: «Мы из татар, а сейчас — удмурты» ⁵⁴. Но следовать за этим утверждением было бы неверно. Этногенез бесермян значительно сложнее.

Бытующее мнение о том, что бесермяне — это тюрки, перешедшие на удмуртский язык, едва ли можно признать правильным. Некоторые, в прошлом удмуртские, деревни сейчас полностью отатарились, однако нам неизвестно ни одного случая, когда бы этот процесс шел в обрат-

⁴⁵ Полевые материалы этнографической экспедиции МГУ в Удмуртской АССР 1964, 1968, 1969 гг. (хранятся на кафедре этнографии исторического факультета МГУ).

⁴⁶ «Труды VIII археологического съезда в Москве», т. 3, М., 1897, стр. 314.

⁴⁷ «Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1896 г.», Вятка, 1894, стр. 255.

⁴⁸ В. Н. Белицер, К вопросу о происхождении бесермян, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 1, М.—Л., 1947, стр. 192.

⁴⁹ Н. И. Гаген-Торн, Женская одежда народов Поволжья, Чебоксары, 1960, стр. 224.

⁵⁰ В. Ф. Генинг, Этногенез удмуртов по данным археологии, стр. 277.

⁵¹ Д. И. Корепанов, Бесермяне, сб. «На удмуртские темы» вып. II, М., 1931, стр. 106; Т. И. Тепляшина, Бесермянские термины, выражающие понятия «мать», «отец», «Советское финно-угроведение», Таллин, 1966, № 1.

⁵² Г. Н. Трефилов, Бесермяне по письменным источникам, сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1967, стр. 314.

⁵³ Там же, стр. 317. Основанием для такого утверждения послужили некоторые топонимы в Венгрии, созвучные с этнонимом «бесермяне».

⁵⁴ Полевые материалы этнографической экспедиции МГУ в Удмуртскую АССР, 1968 г.

ном направлении. Очевидно, это свидетельствует о том, что бесермяне в своей основе все же удмурты и никогда не были тюрками. Возможно, что часть южноудмуртского населения «обусурманилась» в результате сильного и длительного воздействия со стороны тюрков⁵⁵ и утратила связь с удмуртским этносом. Затем бесермяне оказались среди северных удмуртов и до настоящего времени в какой-то степени осознают себя как нечто обособленное, отличное от удмуртов, хотя в последнее время различия между ними становятся все менее ощутимыми.

Таким образом, в удмуртском этносе мы видим несколько этнических групп: нижние и верхние Ватка, Калмез, бесермяне (северные районы), прочие группы удмуртов, живущие в центральных, восточных и южных районах Удмуртии. Существование мелких этнических подразделений у удмуртов подтверждают лингвисты и антропологи, последние говорят о существовании среди удмуртов 14 антропологических групп⁵⁶.

Однако все этнические группы удмуртского населения, как уже отмечалось, сводятся к двум большим объединениям, прошедшим довольно длительный исторический путь и дожившим до наших дней.

В северное объединение входят обе группы ватка, калмез, бесермяне, в южное — удмурты Можгинского, Алнашского, Мало-Пургинского и Сарапульского районов Удмуртской АССР. Жители центральных районов (Ижевск, Якшур-Бодья) занимают промежуточное положение между этими двумя объединениями удмуртов.

Различия между северными и южными удмуртами прослеживаются как в духовной, так и в материальной культуре. Особенно заметны они в традиционном костюме, в приемах ткачества, в тканях, используемых для одежды, их расцветке. Для узорного тканья в южных районах Удмуртии больше используют конопляные и шерстяные нитки; в северных — льняные⁵⁷. На юге встречаются преимущественно многоцветные сочетания с очень яркими красками, на севере и северо-западе бытуют более спокойные, светлые тона⁵⁸. В южных районах распространены наряду с браной и закладная техника тканья, последняя применяется для отделки головных уборов, одеял, полотенец. Наличие закладной техники позволяет говорить о проникновении к удмуртам отдельных элементов степной культуры⁵⁹.

Опишем два основных комплекса удмуртской народной одежды: северный и южный. Северный состоял из одежд белого цвета, как то: туникообразной рубашки, вышитого нагрудника «кабачи», передника «без груди», затканного красными бумажными нитками. Летом в качестве верхней одежды носили холщовый халат «шортдэрем»; зимой надевали суконовый кафтан «сукман». Головным убором девушкам служил круглая шапочка «такъя», замужним женщинам — холщовый чепец — «подурга», покрывавшийся самодельным платком «куинь сэрго» (дословно «треугольный»), поверх которого повязывалось полотенце «йыркотыр» (буквально «вокруг головы»).

На ногах носили белые холщовые чулки, суконовые короткие онучи черного цвета и лапти с шерстяными цветными оборами.

В качестве отделки одежды широко применяли вышивку, преимущественно красным шелком, исполненную набором, косым стежком, а также узорное тканье, браное и многоремизное. Как украшение носили

⁵⁵ Удмурты еще в XVII в. жаловались на татар, что те «обусурманивают в своей татарскую веру» удмуртов, см. ЦГАДА, ф. 131, 1699, ед. хр. 2, ч. 1, л. 584.

⁵⁶ К. Марк, Антропология волжских и пермских финно-угорских народов, М. 1964, стр. 1.

⁵⁷ В. Н. Белицер, Узорное тканье и вышивка удмуртов, «Записки Удмуртского НИИ», сб. 9, Ижевск, 1940, стр. 97.

⁵⁸ Там же, стр. 98.

⁵⁹ Там же, стр. 100.

ожерелья и бусы, сделанные из красной мастики и стекла, монет и раковин. Такой костюм был распространен на территории бывшего Глазовского и Слободского уездов (ныне север Удмуртской АССР и часть Кировской области). Северный удмуртский женский костюм по покрою и характеру вышивки близок к костюму народов Поволжья (луговых мари, мордвы — эрзи и некоторых групп чувашей). Ряд его элементы (головной убор, рубашка) находят параллели в костюмах пермяков и зырян⁶⁰.

Для южного комплекса характерна рубашка, сшитая из цветной посконной пестряди, под которую надевается нагрудник «кыкрак», составленный из разноцветных кусков материи⁶¹, и штаны; фартук «с грудью» из пестряди, затканый цветной шерстью. В качестве верхней летней одежды носили «зыбын» и камзол, сшитые в талию, из цветной шерстяной ткани, зимой — суконный кафтан «дукес» и шубу «пась».

Головные уборы сохраняют возрастные отличия. Девушки носили шапочку такую и различные головные повязки; замужние женщины — сложный головной убор, состоящий из нескольких отдельных элементов: налобной повязки «йыркерттет», полотенца — «чалмы», высокой шапки из бересты — «айшона» со спадающим на спину покрывалом — «сюлыком». Пожилая женщина вместо «чалмы» и «айшона» в этих районах носила «пелькышет» — холщовую шапочку с двумя длинными концами, которую покрывала платком.

На ногах — пестрые шерстяные чулки, обернутые короткими белыми онучами, и лапти удмуртского плетения. Костюм дополняли металлические украшения, изготовленные литьем, гравировкой или ажурной сканной техникой, ожерелье из монет, браслеты и кольца, нагосники и гребни, часто украшенные изображением двух конских голов, смотрящих в разные стороны. В расцветке костюма преобладает яркая полихромность⁶².

Первый комплекс — более древний, сохранил некоторые элементы одежды аборигенов. Во втором, наряду с чрезвычайно древними традициями, ведущими свое начало от ананьинской культуры, прослеживаются элементы заимствования от пришлого населения, главным образом от тюрок⁶³.

Влияние татар сказалось не только в костюме. Очевидно, под их влиянием у южных удмуртов появился обычай вмазывать котел в небольшую печурку сбоку русской печи. В этом котле кипятят воду, молоко, варят пищу. В северных районах этого обычая нет, и пищу обычно готовят в котле, который не вмазывается, а подвешивается над очагом или ставится на таган.

В избах южных удмуртов, как и в избах татар, обычно устраивались нары с деревянным изголовьем. У северных удмуртов нары не было, и они спали на полатах или деревянных кроватях, а то и просто на широких лавках, тянувшихся вдоль стен⁶⁴.

Тюркское влияние проникло не только в материальную культуру, оно прослеживается и в духовной жизни южных удмуртов.

⁶⁰ В. Н. Белицер, К вопросу о происхождении удмуртов, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 122; е е же, «Народная одежда удмуртов», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. X, М., 1951, стр. 80—81.

⁶¹ Рубашка этого типа отличается от рубашки северных удмуртов тем, что она значительно шире в подоле и бока ее состоят из четырех более коротких скошенных кусков холста.

⁶² В. Н. Белицер, К вопросу о происхождении удмуртов, стр. 123.

⁶³ В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов, стр. 81—82; о различиях в женской одежде северных и южных удмуртов см. также Т. А. Крюкова, Этнокультурные связи удмуртов с народами Поволжья и Приуралья по данным материальной культуры, «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1967, стр. 284.

⁶⁴ Полевые материалы этнографической экспедиции МГУ в Удмуртскую АССР, 1964, 1965, 1968 гг.

Северные и южные удмурты в какой-то степени отличались и в своей религиозной обрядности. У обеих групп существовало почитание священной рощи, но северные удмурты ее называют Луд, а южные (как и большинство народов Поволжья) — Кереметь (иногда и Луд). По-видимому, культ Керемети проник в Поволжье с исламом, а затем от тюрков был заимствован южными удмуртами и слился у них с местным культом священной рощи (Луд), который своими корнями уходит в эпоху родового общества. Моления южных удмуртов несколько отличаются от молений северных (в Керемети приносят в жертву коз, в молениях участвуют только мужчины, что вовсе не характерно для северных удмуртов). Кроме того, имеются определенные различия и в обрядах, выполняемых в честь умерших (виросетон — на севере, йырпыдсётон — на юге). Наблюдаются также различия в быту, терминологии родства и т. д.⁶⁵ В этногенезе удмуртов определенную роль сыграли пришлые элементы: тюркские, а возможно, угорские. Особенно заметный след в формировании южной группы оставили тюрки, как ранние⁶⁶, так и поздние (современные татары). Влияние последних в наши дни особенно чувствуется в языке. Достаточно сказать, что в южных районах Удмуртии значительная часть населения, наряду с родным языком, в котором имеется значительное количество тюркизмов, пользуются и татарским.

В формировании северной группы определенную роль сыграли берсермяне, а в последнее время на севере республики особенно ошутимо влияние русских. Своих северных сородичей южные удмурты иногда даже называют «звуч удмуртъёс», т. е. «русские удмурты».

Таким образом, этническая история этого народа представляется в виде сложного взаимодействия различных этнических элементов и групп. Но различия, имеющиеся в настоящее время между отдельными группами, незначительны. В удмуртском этносе налицо большое единство, что выражается и в единстве духовной и материальной культуры в этническом самосознании и т. д.

Основой для формирования удмуртского народа послужили местные племена, создатели последовательно сменяющихся археологических культур, начиная от ананьинской и кончая чепецкой.

Пришлые элементы не играли решающей роли в формировании удмуртского народа, они лишь наделили своеобразными чертами отдельные группы удмуртов.

Разграничение удмуртов на северных и южных сохранялось длительное время, так как они находились в составе двух политических образований: Московского княжества и Казанского ханства. И лишь к середине XVI в. обе группы были включены в состав единого государства, что способствовало формированию единой удмуртской народности.

Процесс консолидации особенно усилился в советское время, когда удмурты в братской семье народов СССР обрели свою автономию и получили право на свободное национальное развитие.

⁶⁵ Полевые материалы этнографической экспедиции МГУ в Удмуртскую АССР 1964, 1965, 1968 гг.

⁶⁶ Раннее тюркское влияние (со стороны булгар) испытали обе группы удмуртов, как северная, так и южная. Свидетельство тому — многочисленные булгарские заимствования в удмуртском языке. См. В. И. Лыткин, Из истории словарного состава пермских языков, «Вопросы языкознания», 1953, № 15, стр. 60, 61.

TOWARDS THE PROBLEM OF ETHNIC GROUPS WITHIN THE UDMURTS

The problem of the Udmurt ethnic groups is almost unstudied in ethnographic literature. The Udmurts are known in sources under various names: *Ar* (or *Arians*, *Ar people*), *Votiaks* (*Otiaks*, *Otins*, *Votiak*, *Chud*) and the *Udmurt* as such; this evidently indicates the existence of ethnic subdivisions among the *Udmurts*. At present the following distinctive groups can be marked out in the Udmurt ethnics: the *Vatka* (who are further subdivided into the «*Ullamyés*» and the «*Vyllamyés*» — the «Lower» and the «Upper»), the *Kalmez* (contrary to opinions commonly met with in literature, these do not originate from the south, but are a small Udmurt group from the western regions of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic) and the *Bessermians* — a specific ethnographical group of uncertain origin living in the north of Udmurtia. All other Udmurts, who do not belong to any of these groups, appear to be a product of their mixing.

The Udmurts are more broadly divided into the Northern and the Southern. The former have undergone a prolonged and strong influence on the part of the Russians; the latter came under the influence of Turkic groups (among them — the Tatars).

Recently a rapid process of national consolidation has been underway.

И. Лозе

ГЛИНЯНЫЕ ФИГУРКИ ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

Мелкая глиняная пластика представляет значительный интерес не только как один из видов искусства каменного века. Глиняные фигурки, изображающие человека и животных, являются важным историческим источником.

Глиняные фигурки характерны почти для всех неолитических культур Европы, однако территориальное распределение находок весьма неравномерно. Если в Юго-Восточной Европе (культуры Винча, Старчево, Триполье и др.) они найдены в довольно большом числе, то в Северной и Северо-Восточной Европе, за исключением территории Финляндии (культура гребенчатой керамики и пр.), они обнаружены в значительно меньшем количестве. Тем не менее вопрос о глиняных фигурках этой зоны неоднократно привлекал внимание исследователей, в том числе и прибалтийских.

Впервые вопрос о мелкой глиняной пластике эпохи неолита на территории Восточной Прибалтики был поставлен Э. Штурмсом в связи с находками глиняных фигурок на стоянке Пурциемс (Западная Латвия)¹. Этот вопрос затрагивался также другими исследователями, в частности Л. Ю. Янитсом, опубликовавшим изображения глиняных фигурок из неолитических стоянок Эстонии (Акали, Валма, Ломми, Наакамяэ и Тамула)². Внимание исследователей привлекли и некоторые образцы мелкой пластики из стоянок Лубанской низменности в восточной части Латвии (Абора, Найниеке и Сулька)³ и на берегу озера Буртниеку на севере Латвии (Звейниеки)⁴. Таким образом, за несколько десятилетий накоплен значительный материал, обобщение которого представляет определенный интерес.

К настоящему времени на территории Восточной Прибалтики обнаружено свыше 20 неолитических глиняных фигурок и их фрагментов. Фигурки эти можно разделить на три вида: антропоморфные, зооморфные и изображения неопределенного характера. Антропоморфные изображения—целые фигурки и фрагменты—обнаружены на большинстве стоянок Восточной Прибалтики (Абора, Акали, Звейниеки, Лагажа, Найниеке, Сулька и Тамула). Зооморфные изображения найдены на меньшем числе стоянок (Валма, Лагажа, Ломми и Наакамяэ), изображения

¹ Ed. Šturms, *Senākie cilvēka tēli Latvijā*, «Senatne un Māksla», Rīgā, 1937, IV стр. 83—91.

² Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье реки Эмайгэ (Эстонская ССР), Таллин, 1959, стр. 273—274; его же, Неолитическое поселение Валма, в сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», М., 1959, стр. 55, табл. II : 7; его же, Новые данные по неолиту Прибалтики, «Советская археология», 19, М., 1954, рис. 22 : 1, стр. 196; L. Jaanits, *Jooni kiviaja uskumustest, Reliigiooni ja ateismi ajaloo Eestis*, II, Tallinn, 1961, рис. 13, стр. 23—27.

³ I. Loze, *Senākie cilvēka galvas veidojumi mālā Austrumlatvijā*, «Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas Vēstis» (Изв. АН ЛарвССР), Rīgā, 1967, I, стр. 22—27.

⁴ F. Zagorskis, *Latvijas arheologu atklājums*, «Zvaigzne», Rīgā, 1965, 21, стр. 18.

же неопределенного характера известны лишь по находкам на двух стоянках (Акали и Лагажа).

В зависимости от стилистических особенностей и манеры исполнения антропоморфные фигурки можно разделить на несколько групп. Наибольшую из них составляют фигурки с приподнятыми вверх головками и плоским основанием.

Фигурки данной группы обнаружены при раскопках стоянок Пурциемс (3 экз.), Найниексте (1 экз.) и Звейниекс (1 экз.). Не исключена возможность, что именно к этой группе образцов мелкой глиняной пластики принадлежат почти целая фигурка со стоянки Акали, а также фрагменты отдельных фигурок с плоским основанием из Акали (2 экз.) и Лагажи (1 экз.).

Подобные фигурки в зависимости от того, насколько приподнята у них голова и какими средствами изображается лицо, могут быть, в свою очередь, подразделены на две подгруппы. Одну из них составляют фигурки с резко приподнятыми головками и применением в основном графических средств передачи частей лица, другую — фигурки с менее приподнятой головкой и использованием не только графических, но и пластических средств изображения лиц.

Наибольшей известностью среди образцов мелкой глиняной пластики первой подгруппы пользуется целая фигурка со стоянки Пурциемс (рис. 2, 1)⁵. Длина этой фигурки составляет 4,4 см, причем треть общей длины приходится на голову, которая резко приподнята. Держится голова на толстой и короткой шее. Овал лица довольно странной формы: лобная часть сильно сужена, а нижняя часть расширена. Отдельные детали лица достаточно тщательно проработаны, нос приподнят, подбородок резко очерчен. Глаза и брови намечены графически прорезными линиями, на узком лбу прочерчен поперечный штрих. Рот и уши не намечены. Руки и ноги у фигурки не выделены, но обозначены округлости плеч. Фигурка имеет плоское основание. Это изображение стоящего человека. Вся фигурка как спереди, так и сзади покрыта четырьмя параллельно идущими, косо направленными группами насечек. Фигурка имеет незначительные повреждения: слегка обломана левая боковая сторона, отсутствуют кончик носа и затылок.

К той же подгруппе фигурок с резко приподнятыми головками и плоским основанием принадлежит еще одна фрагментарная фигурка со стоянки Пурциемс (рис. 2, 2)⁶. От фигурки сохранилась лишь верхняя часть — голова, короткая шея и сравнительно широкие плечи. Лоб узкий, нижняя часть лица расширена. Глаза и рот не намечены, отсутствуют также брови и уши. Слегка заметен лишь приподнятый вверх кончик носа. Лицо и затылок украшают еле заметные мелкие штрихи, а тело — неглубокие ямки.

Обе рассмотренные фигурки были обнаружены в нижнем слое стоянки Пурциемс «С», в связи с чем Э. Штурмс отнес их к одному и тому же периоду. Нахождение фигурок в грубом морском песке, соответствующем уровню одной из литориновых трансгрессий, а также характер керамики (пористость массы) позволили Э. Штурмсу датировать фигурки примерно 2000 г. до н. э.⁷

Фрагменты глиняных фигурок с приподнятыми головками и деталями лица, выполненными графическими средствами, были обнаружены и в восточной части Латвии, в частности на стоянке Найниексте (рис. 1, 2)⁸. Найденный в Найниексте фрагмент представляет собой головку челове-

⁵ Ed. Šturms, Указ. раб., рис. 1.

⁶ Там же, рис. 2, а, стр. 86.

⁷ Там же, стр. 86.

⁸ I. L o z e, Указ. раб., рис. 1, 2, стр. 23—24.

Рис. 1. Головки глиняных фигурок со стоянок Лубанской низменности, Латвия: 1 — Сулька, 2 — Найниексте, 3 — Абора

ка с симметричным овалом лица. Длина головки 3,5 см. Глаза изображены мелкими углублениями, брови — нарезками разной величины, что несколько нарушает симметричность лица. Нос приподнят кверху, ноздри намечены мелкими штрихами. Рот обозначен глубоким штрихом. Парными удлиненными линиями на щеках и подбородке нанесены морщины или татуировка лица. По краям плоского овала лица имеются неглубокие нарезки, а на затылке — ритмично расположенные подковообразные дуги. Этот фрагмент фигурки найден на стоянке развитого неолита с пористой керамикой и датируется, таким образом, концом III тысячелетия до н.э.

Другой фрагмент фигурки этой подгруппы обнаружен на стоянке Звейниекки (рис. 3, 13)⁹. От фигурки сохранилась верхняя часть, — голова и плечи. Лицо овальное, подбородок опущен. Глазных впадин нет, кончик носа слегка приподнят. Подбородок украшен прямыми бороздками.

⁹ F. Zagorskis, Указ. раб., стр. 18.

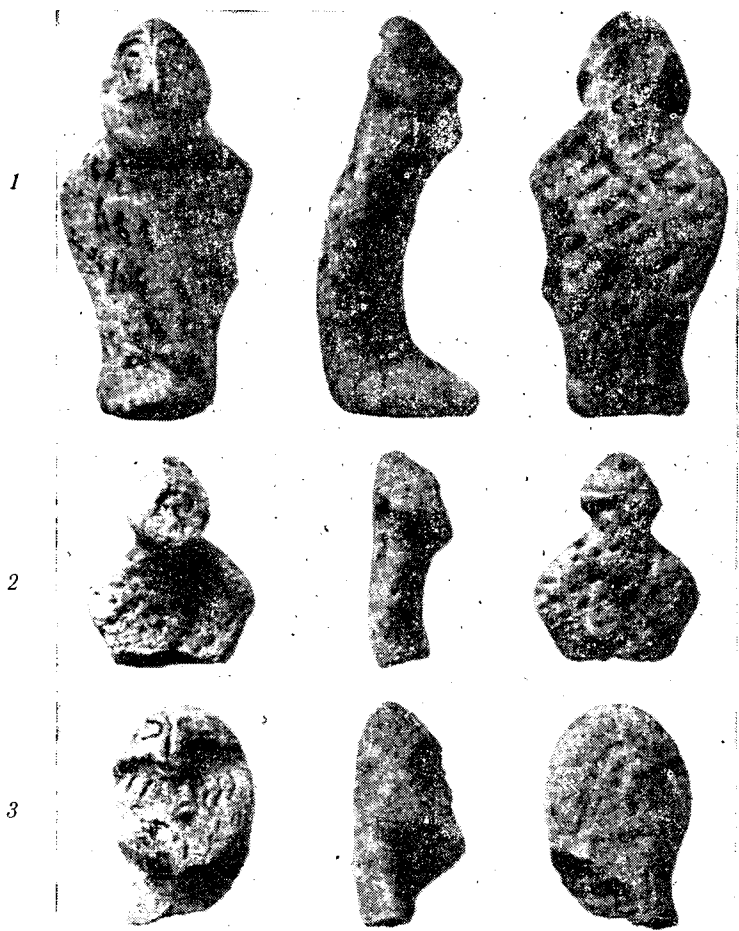

Рис. 2. Глиняные фигурки со стоянки Пурциемс, Западная Латвия

ками, а тело покрыто кривой сеткой прочерченных линий. Данный фрагмент датируется второй половиной III тысячелетия до н. э.¹⁰

Ко второй подгруппе фигурок, с менее приподнятыми головками и использованием не только графических, но и пластических средств при завершающей отделке лица, следует отнести один из образцов мелкой глиняной пластики со стоянки Пурциемс.

Эта фигурка фрагментарна (рис. 2, 3) — от нее сохранилась лишь голова¹¹. Она имеет почти правильный овал лица, довольно плавно переходящий в подбородок и шею. Глазные впадины и нос намечены пластически. Переносица сильно повреждена. Щеки украшены насечками. Фигурка обнаружена в том же нижнем слое стоянки Пурциемс «С», так что она также датируется временем, предшествующим началу II тысячелетия до н. э.¹²

Очевидно, к группе фигурок с более или менее приподнятыми кверху головками и плоским основанием следует отнести и почти целую фигурку со стоянки Акали (рис. 3, 1)¹³. Данная фигурка отличается особой

¹⁰ Ф. Загорскис, Археологические раскопки могильника и стоянки Звейниекс в 1965 году. «Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1965 года», Рига, 1966, стр. 15.

¹¹ Ed. Sturms, Указ. раб., рис. 2, b.

¹² Там же, стр. 86.

¹³ Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита..., рис. 59, 1.

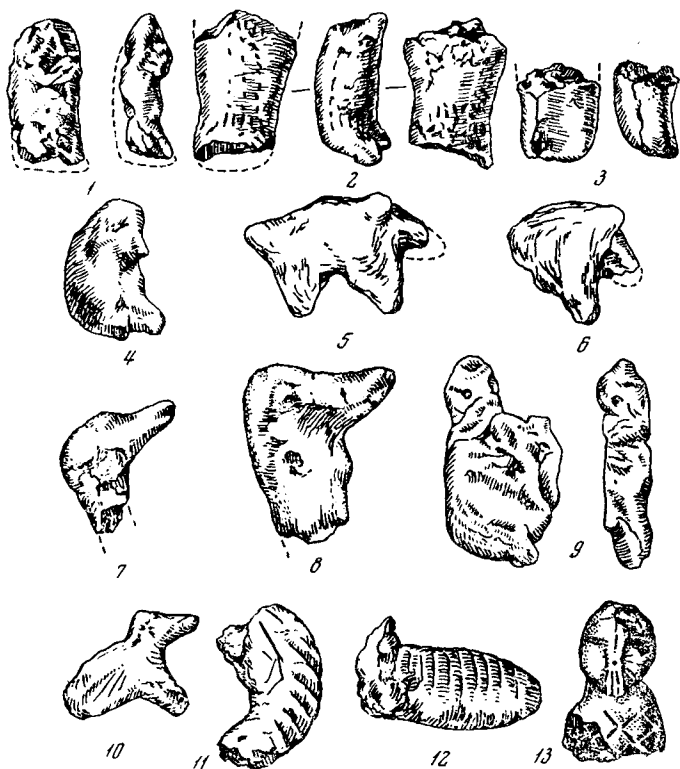

Рис. 3. Глиняные фигурки со стоянок Эстонии и Латвии: 1—3—Акали, 4—Валма, 5—Наакамяэ, 6—8—Ломми, 9—Тамула, 10—12—Лагажа, 13—Звейниеки

грубостью отделки. Треть длины фигурки (вся длина 3,5 см) занимает голова с круглым лицом. Глаза обозначены ямками, а нос образован плоской полосой, выступающей между ними. Подбородок резко отделен от тела. Нижняя часть фигурки, а также спина обломаны. Фигурка датируется временем бытования культуры гребенчато-ямочной керамики¹⁴.

С некоторой долей вероятности к той же группе можно отнести также несколько фрагментов нижних частей фигурок со стоянок Акали и Лагажа.

Один из них (со стоянки Акали), длиной в 3,6 см, представляет собой нижнюю часть фигурки со слегка обломанным плоским основанием (рис. 3, 2)¹⁵. Фигурка покрыта орнаментом из мелкой насечки, над основанием нанесены опоясывающие фигурку нарезные линии. Второй обломок фигурки с той же стоянки (рис. 3, 3)¹⁶ менее выразителен, так как поврежден значительно сильнее. Этот фрагмент, длиной 2,4 см, представляет собой нижнюю часть фигурки в месте перехода от туловища к основанию. Оба фрагмента датируются Л. Ю. Янитсом временем бытования на территории Восточной Прибалтики культуры гребенчато-ямочной керамики, т. е. второй половиной III и началом II тысячелетия до н. э.¹⁷

Третий из обломков со стоянки Лагажа представляет собой нижнюю часть фигурки (рис. 3, 11). Длина обломка 3,1 см, поверхность покрыта насечками, нижняя часть — с уплощенным основанием. Фигурка датируется

¹⁴ Л. Ю. Я н и т с, Поселения эпохи неолита..., стр. 2—73.

¹⁵ Там же, рис. 59, 2.

¹⁶ Там же, рис. 59, 3.

¹⁷ Там же, стр. 173—274.

ется временем перехода от эпохи неолита к ранней бронзе, т. е. примерно к началу второй половины II тысячелетия до н. э.¹⁸

Помимо глиняных антропоморфных фигурок с более или менее приподнятыми кверху головками и плоским основанием на территории Восточной Прибалтики встречены также относящиеся к эпохе неолита фигурки несколько иного облика. Прежде всего это человеческие фигурки, имеющие лицо с удлинненным, резко вытянутым вперед носом. Фигурки этой группы до сих пор известны лишь в двух экземплярах.

Одна из них — фрагмент, обнаруженный на стоянке Сулька (рис. 1, 1)¹⁹, представляет собой головку человека длиной 4,5 см, с удлинненным асимметричным лицом и выступающим затылком. Лоб сравнительно плоский. Нос сильно вытянут вперед. Рот намечен углублением. Глаз имеется лишь на правой стороне лица, уши и подбородок не выделены. На левой щеке процарапана полоска, напоминающая морщинку. Поскольку стоянка Сулька является типичным памятником культуры гребенчато-ямочной керамики Восточной Прибалтики (расцвет геометрического стиля орнаментации керамики), то фрагмент фигурки должен быть отнесен ко второй половине III тысячелетия до н. э.

Вторая фигурка этой группы найдена на стоянке Валма в Эстонии (рис. 3, 4)²⁰. Эта незначительная по размерам целая фигурка (несколько более 3 см) имеет раздвоенное плоское основание. Голова с удлинненным, вытянутым вперед носом слегка наклонена вперед. Спина согнута. Глаза намечены ямками. Очевидно, данная фигурка является не чем иным, как изображением человека. Однако было высказано и предположение, что это изображение медвежонка. Фигурка датируется временем бытования культуры гребенчато-ямочной керамики²¹.

Совершенно иная группа глиняных антропоморфных фигурок представлена на территории Восточной Прибалтики фрагментом в виде головки со стоянки Абора (рис. 1, 3)²². Головка эта длиной в 2,5 см. Головной убор или прическа была обломана в древности. Лицевая сторона головки плоская, нос приподнят и отличается значительной шириной. Глазные впадины представляют собой не менее широкие углубления, образованные равномерным нажимом пальцев. Губы утолщены и сильно вытянуты вперед. Подбородок резко очерчен. Рот и нижняя линия носа выделены глубокими нарезками. Тильная сторона головки плоская. Головка датируется началом II тысячелетия до н. э., т. е. временем проникновения на территорию Восточной Прибалтики культуры шнуровой керамики.

Большой аморфностью отличается весьма своеобразная глиняная фигурка со стоянки Тамула, изображающая человекообразное существо (рис. 3, 9)²³. Фигурка имеет головку и довольно грузное тело со слегка выступающими наружу ногами. Глаза намечены маленькими точками, а нос выцарапан в виде треугольника и напоминает клюв птицы. Грудь изображена в виде двух бугорков, которые расположены посередине туловища. На поверхности фигурки сделаны дугообразные насечки. Фигурка датируется Л. Ю. Янитсом на основе всего материала стоянки второй и третьей четвертью II тысячелетия до н. э.²⁴

Как уже отмечалось выше, помимо глиняных антропоморфных фигурок в Восточной Прибалтике обнаружены также зооморфные фигурки, как целые (стоянка Лагажа), так и фрагменты (Ломми, Наакаяэ).

¹⁸ И. Лозе, Археологические исследования Лубанской низменности, в сб. «Археологические открытия 1966 года», М., 1967, стр. 286.

¹⁹ I. L o z e, Senäkie..., рис. 1, 1; стр. 22—23.

²⁰ Л. Ю. Я н и т с, Неолитическое поселение Валма, стр. 55, табл. II: 7; L. J a a n i t s, Jooni..., рис. 13: 4; L. J a a n i t s, Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetland. Finskt Museum, 71, 1965, рис. 7: 7.

²¹ Л. Ю. Я н и т с, Неолитическое поселение Валма, стр. 55.

²² I. L o z e, Senäkie..., рис. 1; 3, стр. 24—25.

²³ Л. Ю. Я н и т с, Новые данные по неолиту..., рис. 22, 1, стр. 196.

²⁴ Там же, стр. 203.

Глиняная фигурка со стоянки Лагажа представляет собой сидящее, т. е. опирающееся на задние ноги, животное, возможно, кабана (рис. 3, 10). Намечены лишь контуры фигурки. Передние ноги обозначены выступом. Фигурка со стоянки Лагажа датируется второй и третьей четвертью II тысячелетия до н. э.²⁵

Два сходных друг с другом фрагмента глиняных фигурок животных были обнаружены на стоянках Ломми и Наакамая в Эстонии. Один из них, со стоянки Ломми, представляет собой заднюю часть туловища, передняя часть которого вместе с головой обломана еще в древности (рис. 3, 6)²⁶. Фигурка со стоянки Наакамая лучшей сохранности: у нее отломана лишь задняя нога (рис. 3, 5)²⁷. Для обеих фигурок животных характерна значительная упрощенность, отсутствие каких-либо деталей.

Два более мелких и менее понятных фрагмента фигурок были обнаружены на стоянке Ломми (рис. 3, 7, 8)²⁸. Л. Янитс²⁹ предполагает, что они изображают птиц.

Глиняные фигурки, с трудом поддающиеся определению, найдены на нескольких стоянках (Акали, Абора, Лагажа). Фигурка со стоянки Акали³⁰ напоминает обожженный кусок глины. Нельзя не отметить, что подобные аморфные куски глины найдены на стоянках Абора и Лагажа в значительном количестве.

Особого упоминания заслуживает фрагмент со стоянки Лагажа (рис. 3, 12). Идентифицировать его с тем или иным видом изображений трудно. Это утолщенный кусок глины длиной в 4 см, с отчетливыми контурами, напоминающий ухо животного. На месте расширения предмет обломан. На лицевой стороне аккуратные насечки покрывают почти всю поверхность.

Из всего сказанного следует, что на территории Восточной Прибалтики наибольшее распространение получили антропоморфные изображения. Для встречающейся чаще всего группы антропоморфных фигурок, как уже отмечалось, характерны резко приподнятая голова с графически оформленными чертами лица и уплощенное основание (стоянки Найниексте, Пурциемс и пр.). Распространение этих фигурок на территории Восточной Прибалтики совпадает со временем расцвета культуры развитого неолита, характеризующейся пористой керамикой с монотонной композицией узоров (оттиски гребенки, перевитого шнура, ямки, насечки, прочерченные линии и пр.). Эта керамика, которую ранее целиком относили к поздней гребенчато-ямочной керамике, в последние годы была выделена в новую группу, получившую название керамики типа Пиестиния³¹.

Наибольшее сходство фигурки этой группы имеют с фигурками, характерными для североευропейской зоны неолитических культур. Это особенно относится к находкам с известной стоянки Етбёле на Аландских островах (Финляндия), где среди более чем 100 обломков, принадлежащих примерно 60 фигуркам, имеется несколько экземпляров с приподнятым кверху лицом и деталями лица, подчеркнутыми в основном графически³². Особого упоминания заслуживает одна из фигурок, состоящая из трех обломков³³ (рис. 4, 8). Именно с ней следует сопоставить фигур-

²⁵ И. Лозе, Археологические исследования Лубанской низменности, стр. 286.

²⁶ L. Jaanits, Jooni..., рис. 13: 2; T. Edgren, Einige neue Funde von kammkeramischen Vogelbildern und Tierskulpturen aus Ton.— Finskt Museum, 73, 1966, рис. 9, b, стр. 21.

²⁷ T. Edgren, Указ. раб., рис. 9, a, стр. 21.

²⁸ L. Jaanits, Jooni..., рис. 13, 1, 3.

²⁹ Там же, стр. 25.

³⁰ Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита..., рис. 59, 4.

³¹ Ф. А. Загорский, Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии, Автореф. канд. дис., Рига, 1967, стр. 17—19.

³² B. Cederhvarf, Neolitiska lerfigurer från Åland, «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja», 26, Helsinki, 1912, рис. VII, 8, 13.

³³ B. Cederhvarf, Указ. раб., табл. IV, 1a, 1b; A. Å y r ä p ä ä, Kampakeramisen kulttuurin savikuviot, Suomen Museo, 48, 1941, рис. 40, стр. 105.

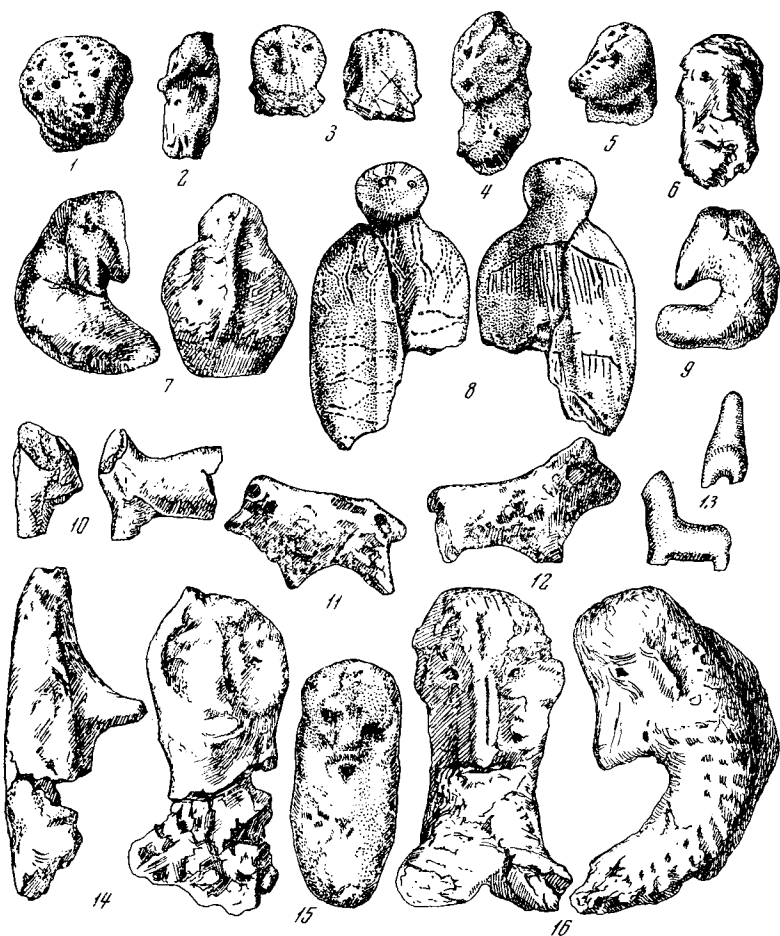

Рис. 4. Археологические параллели к глиняным фигуркам Восточной Прибалтики (мелкая глиняная пластика). 1 — стоянка на р. Модлоне, 2, 3 — Етбёле (Аландские острова), 4, 5 — Кубенино, 6 — Нискасу близ Кюми, 7 — Нискаринмяки в том же районе, 8 — Етбёле, 9 — Поппингангас близ Мельниково на севере Карельского перешейка, 10 — Вянтси к югу от Выборга, 11—13 — со стоянок на территории Польши, 14 — Хонкилахти (Финляндия), 15 — Кубенино, 16 — Хьетаниеми (Финляндия)

ки со стоянок Пурциемс и Найниексте. Фигурка со стоянки Етбёле имеет круглое лицо со слегка приподнятым кончиком носа и глазами в виде кружков с точками посередине. Овал лица украшен оттисками гребенчатого штампа, тело тоже покрыто орнаментом из гребенчатых оттисков (спереди) и прочерченных линий (сзади). Сохранившаяся часть основания фигурки уплощенная. Таким образом, здесь налицо те же признаки, которые свойственны фигуркам из Восточной Прибалтики. Находки с Аландских островов близки к ним также хронологически, так как датируются началом II тысячелетия до н. э.³⁴

За пределами прибалтийской зоны фигурки с приподнятыми кверху головками обнаружены М. Е. Фосс на стоянке Кубенино (рис. 4, 4, 5)³⁵. Однако они, очевидно, принадлежат к иному типу фигурок, так как у них сильно выдвинута вперед лицевая часть. Эти находки датируются концом

³⁴ В. Cederhvarf, Указ. раб., стр. 322—333.

³⁵ М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера Европейской части СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР», 29, М.—Л., 1952, рис. 10, 10.

III и началом II тысячелетия до н. э.³⁶ Большим своеобразием отличается также глиняная фигурка со стоянки на р. Модлоне, исследованная А. Я. Брюсовым (рис. 4, 1)³⁷.

Вторая подгруппа антропоморфных фигурок с приподнятой кверху головкой и плоским основанием, как уже указывалось, отличается от первой подгруппы менее приподнятой головкой и применением не только графических, но и пластических средств при оформлении деталей лица (стоянка Пурциемс) (рис. 2, 3). Прямые параллели ей среди образцов мелкой глиняной пластики неизвестны. Однако, эти изображения следов сопоставить с головками антропоморфных фигурок, изготовленных из кости или рога, например, с головкой, найденной на одной из неолитических стоянок о. Готланд (рис. 5, 2)³⁸. Значительное сходство обнаруживается также с фигуркой из рога со стоянки Ича (Латвия)³⁹; здесь, также как и у готландской фигурки, глазные впадины и нос намечены пластическими.

В неолитических стоянках Восточной Прибалтики, так же как и в других неолитических стоянках на Балтийском побережье, часты находки фрагментов глиняных антропоморфных изображений, в том числе и нижних частей — уплощенных оснований. В довольно большом количестве такие фрагменты обнаружены на стоянках развитой и поздней гребенчатой керамики на Карельском перешейке (Севастьяново-Каукол, Мельниково-Ряйсяля) и в Финляндии (Лильендаль и Порво на юге страны)⁴⁰, а также и на финляндских стоянках более раннего (Лапиньярви)⁴¹ и более позднего (Етбёле) времени⁴².

Группу фигурок из Етбёле А. Эйряпя связывает генетически с культурой гребенчатой керамики, так как для них (несмотря на некоторое различие в возрасте) характерен ряд общих черт (ямочки на головке, окраска основания в красный цвет). Подобно прибалтийским, они украшены различными узорами в виде рядов насечек или оттисков гребенчатого штампа.

Для антропоморфных изображений иного облика, с резко вытянутыми вперед носом (стоянки Валма и Сулька), более или менее близкие параллели также обнаруживаются лишь среди неолитических фигурок Севера. Подобные фигурки, как в целом виде, так и в фрагментах, хорошо известны по находкам в ряде неолитических памятников Финляндии и Севера Европейской части СССР. Фрагментарная фигурка — головка с резко вытянутым вперед носом — обнаружена на стоянке Етбёле на Аландских островах (рис. 4, 2)⁴³. В последнее время целая фигурка этого типа найдена также на стоянке Хьетаниemi на юге Финляндии (рис. 4, 16)⁴⁴. Она особенно близка к фигурке со стоянки Валма (удлиненный нос, глаза в виде точек, согнутая спина, две ноги). Отличают ее от валмской фигурки тонкие уши и оттиски гребенчатого штампа. Следует упомянуть также головку фигурки со стоянки Нискасуо близ Кюми (Финляндия) с резко вытянутыми вперед носом и глазами в виде точек (рис. 4, 6)⁴⁵. Последние

³⁶ М. Е. Ф о с с, Указ. раб., стр. 144.

³⁷ А. Я. Б р ю с о в, Свайное поселение на реке Модлоне и другие стоянки в Чаро-зерском районе Вологодской области, «Материалы и исследования по археологии СССР», 20, М.—Л., 1951, стр. 42, рис. 13, 3.

³⁸ J. Nihlén, Gotlands stenåldersboplatser, Stockholm, 1927, рис. 78, стр. 100.

³⁹ Л. В а н к и н а, В. У р т а н, Латвия в древности. Путеводитель по экспозиции музея истории Латвийской ССР, Рига, 1967, рис. 7, 4.

⁴⁰ А. А у г ä р ä ä, Указ. раб., рис. 21—31.

⁴¹ Там же, рис. 19.

⁴² Там же, рис. 40—42.

⁴³ В. С e d e r h v a r f, Указ. раб., табл. VII, 11.

⁴⁴ T. Miettinen, En idol från Hietaniemi i Luopioinen, Finskt Museum, 71, 1964, рис. 1.

⁴⁵ V. L u h o, Arkeologisk fältverksamhet i Finland 1963—1966, Flit i Fält, 1963—1966, Specialupplaga av Finskt Museum, 1967, стр. 32, рис. 7, b.

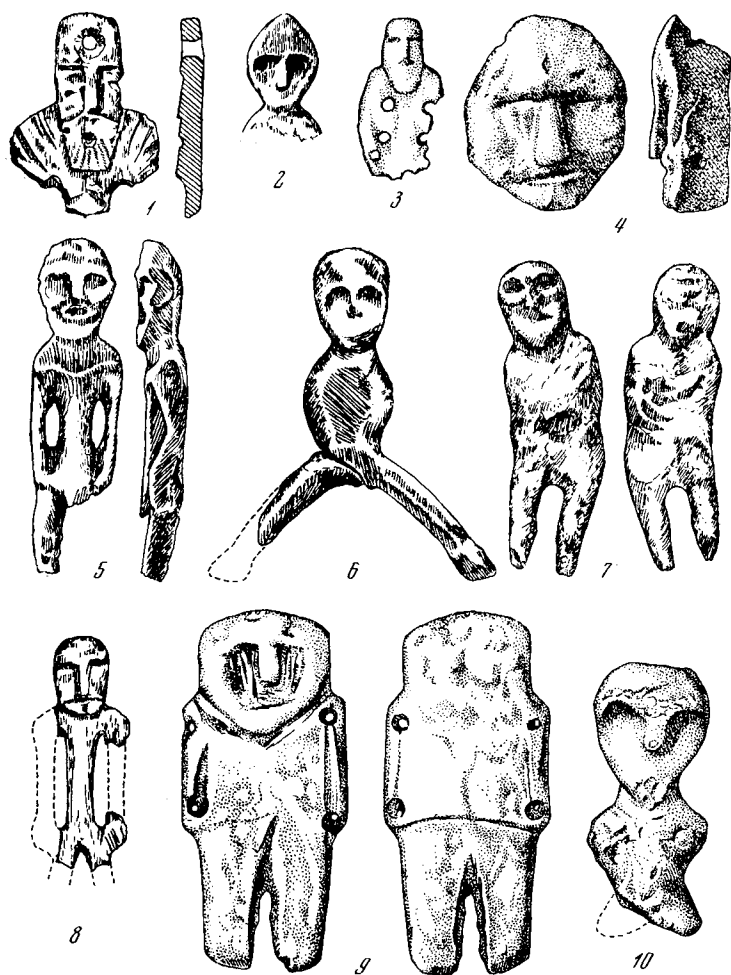

Рис. 5. Археологические параллели к глиняным фигуркам Восточной Прибалтики (скульптурки из кости и рога, янтарные поделки): 1 — Тамула, 2 — Гульврум (Готланд), 3, 4 — Юодкранте, 5 — Усвяты, 6 — Кубенино, 7 — Оленеостровский могильник, 8 — Тамула, 9, 10 — Юодкранте

фигурки датированы временем бытования культуры гребенчатой керамики в Финляндии, что вполне соответствует датировке фигурок со стоянок Восточной Прибалтики — Валма и Сулька.

Небезынтересно, что именно к этой группе некоторые финские исследователи относят сильно согнутые, как бы сидящие фигурки более аморфных форм (рис. 4, 9)⁴⁶, которые имеют весьма отдаленное сходство с человеческими существами.

И наконец, следует упомянуть фрагмент фигурки из Хонкилахти (Финляндия) — головку с резко удлинённым, сильно вытянутым вперед носом и глазными впадинами, очерченными довольно широкими углублениями (рис. 4, 14)⁴⁷. В этой фигурке как бы сочетаются два стиля: удлиненность носа — деталь, характерная для фигурок культуры гребенчатой керамики, и пластичность в воспроизведении сильно углубленных

⁴⁶ T. Miettinen, Указ. паб., рис. 3, 6.

⁴⁷ T. Edgren, Tva leridoler fran stenaldern, Nordenskiöld samfundets tidskrift, 24, Helsingfors, 1964, рис. 1.

глазных впадин, свойственная культурам пористой керамики. Но эта фигурка принадлежит к так называемой культуре Якярля (Юго-Западная Финляндия), которая по времени совпадает с периодом развития гребенчатой керамики в Финляндии⁴⁸.

Для решения проблемы классификации фигурок прибалтийской зоны важное значение имеет описанный выше фрагмент человеческой головки с приплюснутым носом со стоянки Абора (рис. 1, 3). Эта головка не имеет аналогий среди образцов мелкой глиняной пластики, что заставляет сопоставить ее с костяными или янтарными фигурками с территории Восточной Прибалтики. Костяные фигурки человека с эстонской стоянки Тамула (рис. 5, 1, 8)⁴⁹, а также янтарные фигурки из Юодкранте на Куршской косе (рис. 5, 3, 4)⁵⁰ близки к ней не только по стилистическому манере исполнения (совмещение графических и пластических средств при изображении деталей лица), но и по культуре и времени. Как известно, данные находки связаны с культурой шнуровой керамики и тем самым могут быть отнесены к началу II тысячелетия до н. э. Таким образом, фигурка со стоянки Абора как бы выпадает из совокупности находок глиняных фигурок прибалтийской зоны, что подчеркивается, как уже указывалось, ее стилистическими особенностями.

Находки глиняных зооморфных фигурок на территории Восточной Прибалтики сравнительно редки. Однако это не означает, что они имели незначительное распространение на территории всей балтийской зоны. Фигурки разных животных неоднократно находили на неолитических стоянках Финляндии и прилегающих к ней территорий. В качестве примера можно привести изображение лошади (?) в Вянтси на Карельском перешейке (рис. 4, 10)⁵¹, змеи и какого-то животного в Хиетаниemi⁵² и бобра в Кангасала⁵³. Такого рода фигурки хорошо известны также и с стоянок Севера Европейской части СССР — Илекса, Кубенино и пр.⁵⁴ У всех рассматриваемых нами зооморфных изображений больше сходства с фигурками животных, обнаруженными на территории Польши на энеолитических памятниках и памятниках культуры гребенчатой керамики (табл. 4, 11—13)⁵⁵. Именно эти польские фигурки своим схематизмом и упрощенностью ближе всего к восточноприбалтийским, что, очевидно, вызвано не случайными обстоятельствами.

Сопоставление глиняных антропоморфных изображений из Восточной Прибалтики с фигурками соседних территорий — Северо-Восточной Европы и Финляндии — приводит к убеждению о принадлежности их к единому культурному ареалу северной зоны. Как известно, в свое время финский исследователь А. Эйряпя выдвинул тезис о необходимости выделения северной группы глиняных фигурок в отличие от группы фигурок Юго-Восточной Европы⁵⁶. При сопоставлении этих групп он, так же как и ранее Б. Цедерварф и Э. Штурмс⁵⁷, пришел к выводу о некотором

⁴⁸ T. Edgren, Jäkärälä grupperna en västfinsk kulturgrupp under yngre stenåldern (SMYA, 64), Helsingfors, 1966, табл. 11, а, стр. 142.

⁴⁹ Л. Ю. Янитс, Новые данные по неолиту..., рис. 23, 1.

⁵⁰ B. Klebs, Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Baggerei bei Schwarzor und anderen Lokalitäten Preussens, Königsberg, 1882, табл. IX, 4; X, 6.

⁵¹ А. Аугрāпā, Указ. раб., рис. 35, стр. 99; T. Edgren, Einige neue Funde... рис. 8а, стр. 17.

⁵² Там же, рис. 8, с, стр. 18—20.

⁵³ M. Koskimies, Sarsan majavankuvio, Suomen Museo, 74, 1967, стр. 38—41, рис. 1.

⁵⁴ М. Е. Фосс, Указ. раб., рис. 10, 6, 11.

⁵⁵ H. Cehak, Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce. «Światowit», t. XIV, 1930/31, Warszawa, 1933, табл. IX, 5, 6, XII, 1, 2; A. Gardawski, Zagadnienie kultury «ceramiki grzebykowej» w Polsce, «Wiadomości Archeologiczne», t. XXV, z. 4, Warszawa, 1958, рис. 3; Ed. Šturms, Die neolithische Plastik im nordischen Kulturkreis. Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1955, рис. 2, 1.

⁵⁶ А. Аугрāпā, Указ. раб., стр. 122—123.

⁵⁷ B. Cederhvarf, Указ. раб., стр. 322—323; Ed. Šturms, Senākie..., стр. 89—90.

сходстве, несмотря на то, что они разделены между собой большим территориальным пространством. Оставляя в стороне данный вопрос, который, несомненно, составляет тему особого исследования, отметим лишь, что принадлежность этих групп к различным по своему характеру культурам очевидна.

Глиняные антропоморфные фигурки с неолитических стоянок Восточной Прибалтики отличаются большим разнообразием (фигурки с поднятыми вверх головками и плоским основанием, с графически или пластически намеченными чертами лица, фигурки с удлинённым носом, фигурки с уплощённым лицом), что, как отмечалось выше, связано с их принадлежностью к той или иной археологической культуре. Кажется вполне вероятным, что стилистические особенности различных глиняных фигурок отражают своеобразие данного вида творчества в определенных культурах каменного века. Это представляет большой интерес и в плане решения этногенетических вопросов, так как археологические культуры, как правило, можно сопоставить с определенным этническим образованием⁵⁸. Таким образом, мелкие глиняные фигурки могут быть весьма полезным материалом при уточнении границ того или иного этнического массива. В свое время на это обратила особое внимание М. Е. Фосс, отметившая, что для определения границ этнических массивов необходимо использовать не только орнамент керамики, но и орнаментацию глиняных фигурок⁵⁹, ибо в одних и тех же археологических культурах они совершенно одинаковы. Соглашаясь с этим, мы все же не можем разделить мнение М. Е. Фосс о том, что тождество глиняных фигурок на довольно обширной территории объясняется исключительно лишь межплеменными сношениями⁶⁰.

Анализ приведенных выше материалов, сопоставление их с археологическими параллелями позволяют считать глиняные изображения важным критерием при определении особенностей той или иной археологической культуры. Так, фигурки с сильно удлинённым носом (стоянки Валма, Сулька) характерны исключительно для культуры гребенчатоямочной керамики, фигурки с приподнятыми вверх головками и плоским основанием (Акали, Найниексте, Пурциемс) — для пористой керамики, относящейся к одной из культур развитого неолита восточного побережья Балтики, фигурки с уплощённым лицом (Абора) — для культуры позднего неолита. Сравнение антропоморфных фигурок из Восточной Прибалтики с фигурками с территории Финляндии и северо-востока Европейской части СССР подтверждает этот вывод. Так, фигурки с резко приподнятой головкой, столь характерные для Восточной Прибалтики, весьма сходны с фигурками, найденными на территории Финляндии. Эта близость, очевидно, вызвана принадлежностью фигурок к родственной группе культур, констатируемых на территории побережья Балтики в конце III и в самом начале II тысячелетия до н. э. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что на территории Финляндии именно этот тип фигурок бытовал весьма продолжительное время — вплоть до появления культуры поздненеолитического облика. Видимо, прав А. Эйряпя, отметивший в свое время, влияние культур гребенчатой керамики Финляндии на поздненеолитическую мелкую глиняную пластику⁶¹. Нельзя оставлять без внимания и факт близости восточноприбалтийских антропоморфных изображений с фигурками, имеющими менее приподнятые головки из

⁵⁸ А. Я. Брюсов, Что надо понимать под этническими общностями в археологии и их значение для проблемы происхождения древних и современных народов, «Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964, стр. 1.

⁵⁹ М. Е. Фосс, Указ. раб., стр. 73.

⁶⁰ М. Е. Фосс, Культурные связи севера Восточной Европы во II тысячелетии до нашей эры. «Сов. этнография», 1948, 4, стр. 29; ее же, Древнейшая история Севера..., стр. 198.

⁶¹ А. Эйряпя, Указ. раб., стр. 120—123.

рога, с той же территории и из областей за ее пределами (о. Готланд). Следует также отметить, что антропоморфная глиняная головка со стоянки Абора имеет параллели исключительно в прибалтийских находках (фигурки из кости и янтаря).

Мелкая глиняная пластика — первоклассный источник для характеристики той или иной археологической культуры. Антропоморфные фигурки, их чисто внешние, а также стилистические данные могут быть использованы при составлении культурно-хронологических шкал. Большой интерес при изучении мелкой глиняной пластики представляет орнаментация фигурок, всегда совпадающая с орнаментацией такого массового материала, как глиняные сосуды. Изучение структуры орнаментальных композиций с успехом используется для выделения этнических образований с совершенно определенными территориальными границами. Этой цели могут служить фигурки как из Восточной Прибалтики, так и из Финляндии. Элементы орнамента, состоящие из простых или дугообразных насечек (Найниексте и Пурциеме), прорезных линий (Звейниексте у оз. Буртниеку), оттисков гребенчатого штампа (Етбёле и Хиетаниеми) и образующие более или менее сложные композиции, свойственны и керамике культур развитого неолита прибрежья Балтики.

Параллели к антропоморфным фигуркам Восточной Прибалтики, обнаруживаемые на соседних территориях, позволяют сделать несколько предположений о генезисе и связях эпохи культур неолита прибрежья Балтики. Наиболее ранние антропоморфные фигурки — с резко вытянутыми вперед носами — типичны для культуры ямочно-гребенчатой керамики, имеющей весьма большой ареал распространения. Кажется вполне вероятным, что для этой культуры, отличающейся большим единообразием, должны быть характерны единые приемы изготовления глиняных фигурок. Более поздний тип фигурок — с приподнятыми кверху головками — свойствен для культур с пористой и поздней ямочно-гребенчатой керамикой Эстонии и Финляндии. Очевидно, сходство этих фигурок объясняется их принадлежностью к хронологически близким культурам, не только соприкасающимся территориально, но, быть может, и связанным общностью происхождения. Самый поздний тип фигурок характерен для памятников шнуровой керамики и боевых топоров. Он известен также по находкам целой серии янтарных фигурок на Куршской косе и костяных — на стоянках Эстонии. Далее к северу этот тип фигурок совершенно не встречается, что, по всей вероятности, указывает на некоторую общность в изготовлении пластики в юго-восточной и северо-восточной частях Прибалтики. За пределами этой территории, в частности в Финляндии, сохраняются местные традиции в изготовлении фигурок, оказавшиеся сильнее традиций, принесенных извне носителями культуры боевых топоров и шнуровой керамики. Этот момент может иметь большое значение при разработке этногенетических вопросов, поскольку он свидетельствует о том, что воздействие пришедших извне племен культуры шнуровой керамики на судьбы местных племен было на северном побережье Балтики значительно меньшим, чем на восточном побережье.

Таким образом, не только орнаментация глиняных фигурок, но и они сами по себе, их стилистические особенности (об этом ярко свидетельствуют фигурки из кости, рога и янтаря, совершенно лишенные орнамента) могут быть использованы в качестве надежного источника при выделении культур каменного века и связанных с ними этнических общностей.

Немалый интерес при изучении глиняной пластики Восточной Прибалтики представляет выяснение смыслового значения глиняных фигурок. Эти вопросы в свое время поднял А. Эйрия, указавший на культовое назначение фигурок⁶². Подобного мнения придерживался также

⁶² А. А у г ä р ä ä, Указ. раб., стр. 123.

Э. Штурмс⁶³. Доводы А. Эйрпя не отрицаются и советскими учеными⁶⁴. Но специально этот вопрос, к сожалению, не изучался.

Особенностями, которые в какой-то мере позволили бы приблизиться к пониманию назначения фигурок, являются, по-видимому, следующие: 1) поза изображения, 2) тщательность или небрежность отделки, 3) орнамент, покрывающий фигурки целиком или же лишь частично. Представляется, что именно эти три особенности наиболее показательны, но это, конечно, не исключает возможности выделения и других признаков (например, примеси к глиняному тесту или же условия нахождения фигурок). В зависимости от позы антропоморфные фигурки делятся на стоячие (Акали, Пурциемс) и сидячие (Валма). Можно предположить, что выбор позы соответствует определенному смысловому значению фигурок, использовавшихся для различных культовых обрядов. Вполне возможно, что фигурки с приподнятыми вверх головками «обращают свой взор» к небу и солнцу, а сидячие фигурки с опущенной головой «устраивают» его вниз. Есть определенное основание считать, что поза указывает на роль первых в качестве атрибутов плодородия и на связь вторых с культом домашнего очага (последний был культом подчиненного значения, но все же имел определенный вес в культовых представлениях неолитических племен). Тщательность или же небрежность отделки — это красноречивое свидетельство различного отношения к изображаемому существу. Наибольшим изяществом отличаются стоячие фигурки с приподнятыми вверх головками (Звейниеки, Найниексте, Пурциемс), в то время как сидячие фигурки обработаны более грубо (Валма). Очевидно, и это свидетельствует о различных культовых представлениях неолитического населения Восточной Прибалтики. Орнамент, покрывающий фигурки, также может быть использован для попыток толкования назначения фигурок. Вряд ли фигурки с простыми насечками на теле (Пурциемс) по своему значению были идентичны фигурке, тело которой покрыто сеткой ромбов (Звейниеки). Выбор тех или иных элементов орнамента и образование целых композиций на телах фигурок имели смысловое значение, ибо фигурки, без сомнения, орнаментировались с определенной целью, далеко выходящей за пределы чисто эстетических запросов. Орнамент на фигурках — это сложная смысловая картина, требующая специального изучения. При исследовании семантики орнамента фигурок (одного из наименее изученных вопросов) следует учитывать орнаментацию керамики и изделий из рога и кости.

CLAY FIGURINES FROM NEOLITHIC SITES IN THE EAST BALTIC REGION

Over twenty Neolithic clay figurines and fragments have been found on East Baltic territory. These figurines may be classified according to their subject-matter into three kinds: representations of human beings, of animals and of uncertain objects. The human figurines may be subdivided into several groups according to peculiarities of style and manner of execution: figurines with raised heads and flat feet at the base (sites at Purciems, Nainiekste, Zvejnieki, Akali); figurines with face looking downwards and flat feet at the base (Valma and Sulka sites), human heads with a flattened face (Abora site). The clay figurines reflect the peculiarities of this branch of creative art in various Stone Age cultures. Thus they may serve as a reliable source among the criteria used for distinguishing between Stone Age cultures and between related ethnic communities.

⁶³ Ed. Šturms, Указ. раб., стр. 91.

⁶⁴ Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита, стр. 276.

Д. В. Деопик, М. А. Членов

ТОПОНИМИЯ И ЯЗЫК

(К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ СУБСТРАТНЫХ
ТОПОНИМИЧЕСКИХ АРЕАЛОВ)

Язык, как известно, считается одним из важнейших признаков этноса. Важность языковых данных для этнографической характеристики существующих народов несомненна. Не меньшее значение имеют данные языка и для исследований в области этногенеза. При этом различаются два случая: 1) когда язык исчезнувшего народа сохранился в доступных для нас письменных памятниках, 2) когда таковые памятники не сохранились или не существовали вообще.

Во втором случае, к которому относится наше исследование, можно выделить ряд источников для выяснения языковой принадлежности исчезнувшей языковой общности. К этим источникам относятся: иноязычный субстрат в лексике языка современного населения, отдельные слова, сохранившиеся в письменных источниках других народов, и главным образом топонимия.

Исследование лингвистического комплекса по данным топонимии может быть опять-таки представлено в виде двух основных направлений: 1) когда сохранились представители той языковой семьи, к которой принадлежал исчезнувший народ; в этом случае оправдано применение этимологических исследований (в таком положении находятся, например, исследователи, занимающиеся этногенезом населения Севера Европейской части СССР, где сохранился богатый финно-угорский субстрат в топонимии); 2) когда нет возможности выдвинуть какую-либо обоснованную гипотезу о происхождении исчезнувших народов (классическим примером такого случая являются этруски). Но существуют и другие, более сложные случаи, когда не сохранилось никаких сведений о природе (этнической, языковой) субстратного населения, кроме самого факта заселенности территории в прошлом.

В таком случае немаловажные результаты можно получить при помощи формантно-рядового анализа топонимов, т. е. установления и картографирования устойчивых звуко сочетаний, характерных для определенного топонимического ареала. Наиболее сложные проблемы возникают в том случае, когда восстановление такого рода топонимических формантов, по крайней мере на ранней ступени исследования, затруднено или невозможно. В таком положении, как нам представляется, единственной реальной характеристикой исчезнувшего языка будет частотность распределения фонем и их сочетаний. В случае концентрации системно отклоняющихся от современного языка и достаточно многочисленных частотных характеристик можно высказать предположение о существовании на данной территории некой языковой общности и о пределах ее распространения.

При изучении этногенетических процессов на территории Индонезии чаще всего приходится сталкиваться с последней возможностью. Поэтому

му основное внимание авторов было сосредоточено именно на ее детальном анализе.

Теоретически можно представить, что установленный ареал системно отклоняющихся частотных характеристик отражает не столько влияние исчезнувшего субстратного языка, сколько специфику распределения фонем в топонимии, которая может определяться различными факторами, или что этот ареал отражает как первое, так и второе. С определенностью ответить на этот вопрос можно, только сопоставив частотный фонемный состав конкретного живого языка и географических названий, бесспорно созданных носителями этого языка. В качестве гипотезы можно утверждать, что частотный фонемный состав в обоих случаях одинаков. Проверке этой гипотезы и посвящена данная работа. В случае ее подтверждения можно будет говорить, что устойчивые отклонения частотности фонем в определенном ареале есть следствие влияния субстратного языка, сфера распространения которого, таким образом, приблизительно устанавливается. Доказательство данной гипотезы позволит восстановить некоторые лингвистические характеристики полностью исчезнувшего языка. Возможное влияние протосубстратного языка предполагается незначительным. После выявления отдельных ареалов системных отклонений восстановленные лингвистические характеристики послужат основанием для проведения сопоставлений и сравнительного анализа.

Проверка гипотезы о единстве фонемного состава языка и топонимии требует принципиально иной методики, чем этимологический или формантно-рядовой анализ, которые пока преобладают в работах по топонимике. Исследования предлагаемого типа, опирающиеся на массовый (в идеале — весь имеющийся) материал, по необходимости базируются на статистических методах. Особенно важна такая методика исследования для стран, где этимологический анализ затруднен в результате существования бесписьменных языков и вследствие их малой изученности. Это — страны Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки.

Следует оговориться, что при работе с субстратными топонимами мы встречаемся с проблемой фонетической адаптации, т. е. с переозвучиванием современным населением топонимов чуждого ему лингвистически субстратного населения. Этот факт делает практически невозможной полную реконструкцию фонемного состава субстратного языка, так как процесс фонетической адаптации является необратимым (например, в случае Херсонес > Корсунь при отсутствии каких-либо дополнительных источников восстановление начального «Х» было бы невозможным). Часть фонем, характерных для субстратной топонимии, заимствуется победившим языком, существование (но не звуковая природа) остальных может быть установлено путем статистического анализа топонимии; они реализуются в виде отклонений частот соответствующих фонем от их частоты в победившем языке.

Эксперимент по проверке изложенной выше гипотезы был поставлен на материале современного малайского языка (включая обе существующие литературные формы — малайзийскую и индонезийскую) и топонимии территорий, населенных малаеязычными народами. При выборе из всех языков островной Юго-Восточной Азии именно малайского мы руководствовались следующими соображениями.

1. Это — наиболее распространенный язык данной области, уже в средневековые ставший языком общения различных народов Индонезии и с тех пор постоянно расширявший сферу своего распространения.

2. Этому языку соответствуют наиболее древние районы компактного расселения одноязычного населения (из тех районов подобного рода, для которых можно исторически проследить древность расселения). Реально предположить, что именно в таких районах помехи, создаваемые

субстратом, будут минимальными. Соответственно, наибольшая вероятность выделения субстратных топонимических ареалов при помощи устойчивых отклонений в частотных характеристиках будет иметь место в районах сравнительно недавнего заселения.

3. На этом языке создана обширная, легко доступная у нас литература.

Выбор языка обусловил и выбор территории, с которой был взят топонимический материал. Это районы, населенные народами, считающими малайский язык и его диалекты родным, т. е. п-ов Малакка, восточное побережье Суматры от Медана до Палембанга, Центральная Суматра, архипелаги Риау-Лингга, о-ва Бангка и Биллитон, Анамбас и Натуна, а также малайские районы Калимантана (включая территории бывших султанатов Понтианак, Котаварингин, Кутей и Булунган). Спорным может показаться включение в эту территорию области расселения минангкабау, так как некоторые исследователи склонны считать минангкабау отдельным языком. Однако несомненно, что из всех языков суматранской группы минангкабау наиболее близок к малайскому и находится как раз на неясной и расплывчатой грани между языком и диалектом языка. В связи с этим мы сочли возможным условно рассматривать минангкабау как диалект малайского языка с расчетом на то, что существенные различия между этими двумя языками, если они существуют, неизбежно выявятся в ходе эксперимента.

На данном этапе исследования мы отказались от анализа диалектальных различий внутри малайского языка, так как наиболее существенные частотные характеристики малайского языка должны быть общими и для его диалектов в пределах общепризнанной зоны распространения малайского языка.

Нами была сделана выборка из 721 топонима с указанной территории на основании карт атласа («Atlas untuk sekolah landjutan», Djakarta, 1957) и 857 слов текста. Текст представлял собой три связанных отрывка из следующих книг:

1) отрывок из книги Х. Б. Ясина «Kesusasteraan Indonesia dimasa Djerang»;

2) отрывок из романа известного индонезийского писателя Т. С. Алишахбана «Lajar terkembang» (цитируется по книге «Образцы современной индонезийской прозы», Л., 1964, стр. 24—25);

3) отрывок из сказки «Kanchil dan anak-anak memerang», любезно предоставленный нам Е. В. Кочановым.

Последний отрывок был издан на малайзийской литературной форме малайского языка. Эти три текста отражают важнейшие жанры литературы: научный, художественный и фольклорный и поэтому могут рассматриваться как грубая выборка языка, достаточная по объему для фонологических исследований и близкая по объему к выборке из топонимов.

Выборка топонимов из всего имеющегося материала географических названий подчиняется требованиям, обычно предъявляемым статистикой к такого рода операциям. Проблема репрезентативности выборки, т. е. того, насколько она характеризует весь массив, сводится, во-первых, к определению ее необходимого объема, и, во-вторых, к обеспечению ее случайного характера.

Около 4000 фонемных сегментов в топонимии и приблизительно столько же в текстах — достаточно большие выборки для статистического анализа. Напомним, что отнесение выборки к большим или малым определяется не ее отношением к размерам генеральной совокупности, а ее абсолютной величиной. При анализе данных по районам мы работали с малыми выборками, теория которых в достаточной степени разработана. В данной связи следует упомянуть, что при достаточно больших процентных значениях тех или иных фонем полученные данные

пригодны для характеристики генеральной совокупности даже при выборках порядка двадцати топонимов.

Поскольку в большинстве работ по частотному анализу фонемного состава различных языков предполагается нормальное распределение величин экспериментально наблюдаемых частот тех или иных фонем вокруг некоторой постоянной для данного языка частоты (вероятности), мы предполагаем нормальное распределение и для малайского языка. Фонетический состав топонимов — явление лингвистическое, нормы распределения вероятностей вокруг средней здесь должны быть аналогичны. Большой объем выборки, а также то, что для выводов использовались лишь относительно частые фонемы, позволили нам использовать готовые таблицы доверительных интервалов для биномиального распределения¹, что значительно облегчило расчеты. Правомерность сведения к биномиальному распределению основана на его сближении с нормальным при достаточно больших числах. Для данных достаточно грубых расчетов сходимость частоты к вероятности считалась бесспорной, так как необходимость поправок к отклонениям появляется только при более строгом подходе. Естественно, что предполагается проверить сходимость на ряде дополнительных выборок.

Проведенная статистическая обработка материала показала, как будет видно далее, достаточность взятого материала для доказательства соответствия частотного фонемного состава языка и его топонимии. В то же время необходимость такого исследования очевидна, так как оно, во-первых, дает единственную возможность определять субстратные ареалы топонимов, связанных с языками иных семей, во-вторых, может послужить базой реконструкции фонемного состава субстратных языков, и, в-третьих, может быть применено к анализу родственных, но достаточно отличных от малайского языков, например, яванского.

Фонологический анализ топонимов поставил нас перед проблемой, общей для многих ономастических задач — проблемой записи топонимов в какой-либо общепринятой транскрипционной системе. Таковая запись еще никем не делалась. Но поскольку большинство топонимов Индонезии вошло в современную картографию через современные индонезийский и малайзийский варианты малайского языка и поскольку эти варианты чрезвычайно близки, мы сочли возможным записать выбранные нами топонимы средствами специально разработанной нами (применительно к графемам указанных источников) транслитерационной системы, приближающейся по своему характеру к фонематической. В дальнейшем транслитерационные единицы (графемы) условно воспринимались нами как фонемы соответствующего языка. Авторы отдавали себе отчет в том, что такой подход не давал возможности судить о звуковой (фонетической) природе данных фонем. Это тем не менее не мешало работе, так как акустическая субстанция не являлась объектом нашего исследования. Основанием для условной идентификации графем и фонем служит знаковый характер языка в целом и семиотическая (фонологическая) природа фонем в частности. Следует отметить, что фонологический анализ на основании исследования графем не является чем-либо новым ни в лингвистике, ни в топонимике². При работе с бесписьменными или младописьменными языками (каковыми является большинство языков Индонезии) такой подход правомерен и плодотворен.

Для статистической обработки материала данных выборок были использованы 80-колонные перфокарты, обработка которых велась на

¹ Л. Н. Большов, Н. В. Смирнов, Таблицы математической статистики, М., 1965, табл. 5.2.

² См. например: Ю. К. Лекомцев, Дистрибуция фонем и генерация слогов (на материале графических слогов классического тибетского языка), сб. «Вопросы структуры языка», М., 1964, стр. 8.

счетно-аналитических машинах: табуляторе типа Т-5-М, сортировке, перфораторе. Сам неопределенный характер задачи затруднял ее моделирование для обработки на электронно-вычислительных машинах, по этому анализ был проведен на счетно-аналитических устройствах. Статистическому анализу подвергались следующие элементы: фонемы, слогов³ и межслововые двухфонемные стыки; каждый из них анализировался в зависимости от типа топонима, от района, в котором данный топоним находится, от возможности заимствования данного топонима из какого-либо индонезийского языка, от величины слова и от позиции данного элемента в слове; изучалась и зависимость от одного или нескольких указанных факторов. Эта методика позволила проводить анализ основных интересующих нас показателей как в зависимости друг от друга, так и в зависимости от внематематических факторов. В итоге получился следующий макет перфокарты, в котором вся информация о топонимах была записана цифровым кодом⁴:

1—2 колонки — номер района. Весь ареал был нами разбит на 19 районов в соответствии с историко-административным делением этой области. Цифровые обозначения возрастают с севера на юг.

- 01 Перлис
- 02 Пенанг
- 03 Перак
- 04 Тренггану
- 05 Келантан
- 06 Паханг
- 07 Селангор
- 08 Негри-Сембилан
- 09 Малакка
- 10 Джохор
- 11 Центральная Суматра
- 12 Кутей-Булунган
- 13 Западный Калимантан
- 14. Бангка-Билитон
- 15 Палембанг
- 16 Джамби
- 17 Северная Суматра
- 18 Риау
- 19 Кедах

3—5 колонки — порядковый номер. Нумерация сквозная, в пределах соответствующего района (например, «Палембанг, Баюнглинчир» будет кодироваться как — «15001», где 15 — номер района (Палембанг), а «001» — порядковый номер топонима данного района).

6 колонка — тип топонима. Учитывая цели исследования, мы в данной работе не предполагали использования дробной классификации топонимов, а также отказались от привлечения топонимов, обозначающих крупные топонимические объекты. Была использована следующая градация:

- 1 — название населенного пункта
- 2 — название острова
- 3 — гидронимы (исключая морские объекты)
- 4 — оронимы
- 5 — мысы
- 6 — морские проливы и заливы

³ Результаты анализа слогов опускаются, поскольку методика их обработки принципиально не отличается от работы с фонемами, а объем статьи не позволяет изложить конкретные результаты.

⁴ Колонка перфокарты может нести информацию, записанную цифровым кодом (от 0 до 9). Выбор количества колонок определялся соответственно числом знаков, необходимых для цифровой кодировки данного элемента. Например, поскольку количество фонем превышает 10, каждая из них записывалась двухзначным кодом (а=03), занимаящим две колонки.

7—8 колонки — количество фонем в топониме. Цифра кода соответствует количеству фонем (например, «07» — семь фонем, «12» — двенадцать фонем).

9 колонка — количество слогов в топониме.

10 колонка — количество корневых и служебных морфов в топониме:

- 1 — один корневой морф (км)
- 2 — 2 км
- 3 — 3 км
- 4 — 4 км
- 5 — 1 км и 1 см (служебный морф)
- 6 — 1 км и 2 см
- 7 — 2 км и 1 см
- 8 — 2 км и 2 см
- 9 — 3 км и 1 см
- 0 — 3 км и 2 см

11 колонка — факт заимствования данного топонима (адресация слова к тому или иному языковому комплексу):

- 0 — незаимствованный топоним
- 1 — 1 элемент — малайский, 1 — индийский
- 2 — 1 элемент — малайский, 1 — из других индонезийских языков
- 3 — из других индонезийских языков
- 4 — 1 элемент малайский, 1 — из прочих языков (например, кхмерского, арабского, европейских, персидского)
- 5 — 1 элемент — из других индонезийских языков, 1 — индийский
- 6 — заимствование из индийских языков (индоевропейской или дравидийской семьи)
- 8 — заимствование из европейских языков
- 9 — прочие и неизвестные.

В процессе работы выяснилось, что подобная градация заимствований не оправдала себя и дальнейшее применение ее нецелесообразно. Прежде всего, часто затруднительно выделить чисто малайские топонимы из числа тех, которые могут относиться к другим индонезийским языкам. Кроме того, каждый отдельный вид заимствования обычно представлен слишком малым количеством топонимов для проведения статистического анализа. И, наконец, анализ фонетического состава каждого из отдельных видов заимствований не входит в цели исследования. Вероятно, наилучшим способом фиксации заимствований для подобных целей является дихотомическая запись, при этом топонимы, относящиеся к другим индонезийским языкам, должны быть включены в число незаимствованных.

12—31 колонки — запись двух фонем, находящихся на межслоговых стыках, в порядке расположения слогов (например, Байунглинчир — Bajur-lint'ir: его межслоговые стыки будут записаны следующим образом: а — j — 03—93, где 03 — а, 93 — j, затем j — l — 77—10, где 77- j, 10-1 и т. д.).

32—55 колонки — запись первого слова топонима по слогам: на каждый слог отводилось 6 колонок, для записи слова применялась система фиксированной записи слогов, при которой каждый слог, независимо от его длины, начинался с определенной колонки; в редком случае 4-фонемного состава слога первые две фонемы кодировались одним специальным обозначением. Например, слог «slim» условно разбивался не на 4, а на 3 элемента, причем фонемы «s» и «l» кодировались одним знаком. s кодируется как 22, l как 10, a sl как 98.

56 колонка — запасная.

57—80 колонки — запись второго слова для двухсловных топонимов, широко распространенных на территории Индонезии. Немногочисленные 5-сложные неразложимые топонимы, состоящие из одного слова, записывались таким образом, что 5-й слог писался в графе, отведенной первому слогу второго слова.

Примером может служить следующая кодовая запись:

150011114200393771002990000000006030093307710120299121100000000...0.
Читается она так: «15» — Палембанг, «001» — порядковый номер внутри района, «1» — населенный пункт, «11» — количество фонем в топониме, «4» — количество слогов в топониме, «2» — два корневых морфа, «0» — незаимствованный, «0393» — первый межслоговой стык: а — j, «7710» — второй межслоговой стык: j — l, «0299» — третий межслоговой стык: п — t'. «00000000» — запасные места для межслоговых стыков более длинных топонимов. «06» — b, «03» — a, 00 — запасное место для третьей фонемы первого слога, «93» — j, «30» — ц, «77» — j, «10» — l, «12» — i, «02» — п, «99» — t', «12» — i, «11» — г, 00000000...0 — запасные колонки для второго слова, в данном случае отсутствующего. В результате читается название топонима — город Байунглинчир — Bajunglin'ir.

По этому же принципу был составлен макет перфокарты для сортировки текста. В колонках 1—2 вместо кода района ставился номер соответствующего текста, в колонке 6 — вместо типа топонима отмечалась принадлежность данного слова к определенной синтаксической категории.

Каждый топоним и слово текста были нанесены на отдельную перфокарту.

Первоначально весь массив карт подвергается обработке на сортировке в соответствии с каждой конкретной задачей. Например, ставится задача — выбрать все незаимствованные топонимы и расположить их в определенном порядке (в силу технических удобств не совпадающих с алфавитом) по первой фонеме и в соответствии с типом топонимов. В целом такая операция занимает на сортировке полторы-две минуты для массива в 721 перфокарту. В результате материал группируется по трем признакам (при массиве около 800 топонимов решение подобной задачи на руках требует значительно большего количества времени). Определяется корреляционная связь между ними. Количественная оценка этой связи получается после того, как отсортированный массив перфокарт обрабатывается на табуляторе. Эта операция занимает еще 6—7 минут. Полученные количественные оценки (например, преобладающие такой-то фонемы в таком-то районе или группе районов среди незаимствованных топонимов) печатаются табулятором в виде табуляграммы, причем подсчет может производиться одновременно по нескольким признакам. Табуляграмма представляет собой стандартный список фонем с указанием их численности на всей территории, их вхождения в тот или иной район, их численности в данном районе, их принадлежности к тому или иному типу топонима и численности их по типам топонимов. Прибегая к другим видам сортировки и коммутации на табуляторе, мы можем получать и другие характеристики: число слогов — территория — длина слова и пр.

Полученные количественные характеристики не могут сами по себе служить основанием для той или иной интерпретации, поскольку численность топонимов в разных районах различна и статистическая достоверность количественных данных также неодинакова.

Для сопоставлений необходимо оперировать отношениями (в нашем случае процентами), а не абсолютными данными. Однако сами по себе проценты еще не являются статистически значимыми, поскольку при выборке из 4 топонимов и из 200 топонимов 50% в первом и втором случаях обладают совершенно различной степенью достоверности применительно к оценке общей совокупности топонимов той или иной территории.

Поэтому оказалось необходимым ввести в исследование понятие доверительного интервала или допустимой ошибки. Доверительный интервал представляет собой те пределы, в которых может оказаться истинный процент данной фонемы при исследовании всех без исключения топонимов данного района. Например, при нашей выборке в рай

не Центральной Суматры оказалось 17,6% топонимов с инициалю «b». Доверительный интервал показывает, что при привлечении всех топонимов этого района (сколько бы их ни было) эта величина не может быть меньше, чем 11,3%, и больше, чем 23,3% (с вероятностью = 0,95).

Для определения доверительных интервалов мы применяли таблицы доверительных интервалов биномиального распределения Л. Н. Большова и Н. В. Смирнова, уже упомянутые выше.

Выявление значимых различий как между топонимией и текстом в целом, так и между топонимами отдельных районов и групп районов производилось нами посредством сопоставления доверительных интервалов процентных долей одной и той же фонемы в одной и той же позиции в различных совокупностях.

Когда наибольший (верхний) доверительный интервал одной из сравниваемых групп оказывался меньше наименьшего (нижнего) доверительного интервала другой группы, считалось, что процент данной фонемы в данной группе *значимо выше* ее процента во второй группе (и наоборот) этот случай обозначался знаком ++ (или —).

Когда доверительные интервалы частично совпадают, но наблюдаемое значение одной из групп меньше нижнего доверительного интервала другой группы, *то различие отмечалось*, но до увеличения статистической базы *не считалось значимым* и обозначалось знаками + или —. Подобные данные имеют значение для дальнейших исследований, а также могут быть использованы при группировке районов.

Когда не имелось и такого различия, сопоставляемые доли считались практически *одинаковыми* и обозначались знаком 0.

Выделенные таким образом значимые отклонения и совпадения и являются тем материалом, интерпретация которого может дать надежные выводы для тех или иных построений в области топонимики, истории, этнографии или лингвистики. Напомним, что редко встречающиеся фонемы не использовались для выводов.

Применительно к нашей задаче это значило определить, имеются ли существенные различия в распространении фонем, слогов и межслоговых стыков в малайской топонимии и тексте, чтобы, как отмечалось выше, иметь надежную базу для реконструкции домалайских фонетических комплексов на территории, занятой ныне малайцами. Это означало выявление групп, не имеющих существенных различий и имеющих таковые. Применительно ко второй группе необходимо было выяснить, является ли причиной этих различий специфика топонимии или некоторые нефонетические закономерности, учет которых мог бы устранить эти различия.

Предполагая, что специфика текста, с одной стороны, и топонимов, с другой, усложняет сопоставление фонемного состава того и другого, мы попытались проверить это обстоятельство, составив соответствующую таблицу частот (табл. 1). Как видно, частотный состав по инициалам показал значительные отличия, хотя даже здесь из 25 фонем 12 не показали никаких отличий, 3 дали несущественные отличия, и лишь 10 — существенные (причем среди этих последних имеются как фонемы с высокой частотой встречаемости, так и с низкой). Это вполне естественно, так как и топонимы, и текст обладают определенными специфическими элементами, частотность которых выше, чем частота употребления корневых морфов. Сравнение суммарных (для топонимов и для текста) частот конкретных фонем становится возможным после учета этих элементов. Строгое вычленение этих элементов требует дальнейшей разработки на общетеоретическом уровне; применительно же к нашей задаче вопрос решался следующим образом.

1. В состав индонезийских топонимов часто входят обозначения характера географического объекта («вода», «река», «гора» и т. д.) и слова, характеризующие качество географического объекта («новый», «ста-

Таблица 1

**Частота инициальных фонем в топонимии и тексте
(без учета специфики каждой из двух групп)**

Фонема	Топонимия			Текст			Оценка
	min	%	max	min	%	max	
b	12,8	15,6	18,2	6,2	8,1	10,0	++
s	11,7	14,4	16,9	8,8	10,9	13,0	+
k	10,5	13,2	15,5	5,4	7,2	9,0	++
t	9,5	11,9	14,3	5,9	7,7	9,5	++
m	8,9	11,2	13,5	10,3	12,6	14,9	0
p	7,5	9,7	11,9	7,6	9,6	11,6	0
l	3,8	5,5	7,2	1,8	2,9	4,0	+
a	3,5	5,1	6,7	4,7	6,4	8,1	0
r	2,2	3,6	4,8	0,1	0,5	1,0	++
g	0,8	1,8	2,8	0,1	0,4	0,7	++
d'	0,8	1,8	2,8	0,6	1,4	2,2	0
d	0,7	1,7	2,7	10,9	13,2	15,5	—
n	0,3	1,0	1,7	0,1	0,7	1,3	0
i	0,1	0,8	1,5	5,0	6,7	8,4	—
t'	0,1	0,8	1,5	0,1	0,6	1,1	0
u	0,1	0,6	1,2	0,1	0,5	1,0	0
w	0	0,3	0,7	0	0,2	0,5	0
э	0	0,3	0,7	0,1	0,6	1,1	0
ñ	0	0,1	0,3	0	—	0,2	0
o	0	0,1	0,3	0,6	1,4	2,2	—
h	0	0,1	0,3	2,6	3,8	5,1	—
ñ	0	0,1	0,3	0	—	0,2	0
j	0	—	0,2	3,0	4,4	5,8	—
e	0	—	0,2	0	0,2	0,5	—
f	0	—	0,2	0	0,1	0,3	0

Таблица 2

**Частота инициальных фонем топонимии и текста
(с учетом специфики каждой из групп)**

Фонема	Топонимия				Текст				Оцен
	n	min	%	max	n	min	%	max	
b	54	10,6	14,2	17,8	31	9,5	14,2	17,8	0
s	53	10,4	13,9	17,4	18	4,5	8,2	11,9	+
k	50	9,8	13,1	16,4	12	2,4	5,5	8,6	++
t	49	9,5	12,9	16,3	24	6,8	11,0	15,2	0
m	40	7,4	10,5	13,6	11	2,1	5,0	7,9	+
p	42	7,8	11,0	14,2	18	4,5	8,2	11,9	0
l	23	3,6	6,0	8,4	16	3,8	7,3	10,8	0
a	11	1,2	2,9	4,6	13	2,7	5,9	9,1	0
r	15	1,9	3,9	5,9	3	0	1,4	3,0	+
g	7	0,4	1,8	3,2	3	0	1,4	3,0	0
d'	9	0,8	2,4	4,0	2	0	0,9	2,2	+
d	11	1,2	2,9	4,6	14	3,1	6,4	9,7	—
n	5	0,1	1,3	2,5	1	0	0,5	1,5	0
i	1	0	0,3	0,9	5	0,3	2,3	4,3	—
t'	3	0	0,8	1,7	2	0	0,9	2,2	0
u	4	0	1,0	2,0	4	0	1,8	3,6	0
w	—	0	—	0,6	—	0	—	0,9	0
ñ	1	0	0,3	0,9	—	0	—	0,9	0
o	—	0	—	0,6	10	1,8	4,6	7,4	—
h	1	0	0,3	0,9	26	7,5	11,8	16,1	—
j	—	0	—	0,6	—	0	—	0,9	—
e	—	0	—	0,6	2	0	0,9	2,2	—
f	—	0	—	0,6	—	0	—	0,9	—
э	—	0	—	0,6	—	0	—	0,9	—
я	2	0	0,5	1,2	—	0	—	0,9	0
Σ	381				Σ	219			

рый», «высокий», «любимый» и т. д.). Обе эти категории мы называем детерминативами в случае, если на взятом как выборка массиве они имеют достаточно большую частоту (5 случаев в препозиции и 3 случая в постпозиции). Различие в частоте — следствие особенностей индонезийской топонимии, в которой постпозиции встречаются реже.

2. Для текста мы считали необходимым учет различных служебных морфов и других явлений, которые практически не встречаются в топонимии. К ним в первую очередь относятся: глагольные и субстантивные аффиксы, фонетическое изменение основы при присоединении аффикса (топонимы не пользуются аффиксами), местоимения и предлоги.

И то и другое имеет смысл выделять лишь при наличии значительной частоты, которая могла бы повлиять на исход данного эксперимента, что мы и **делали**.

Вычленение из текста и из топонимов указанных элементов позволяет привести те и другие к сопоставимому виду, сформировать сопоставимый частотный фонемный комплекс. Эти комплексы, лишенные каждой своей специфики, являются наиболее подходящим объектом для проведения сравнений.

Далее оба комплекса были приведены к сопоставимому виду при помощи изложенной выше процедуры. В итоге была получена табл. 2. Из нее видно, что частоты большинства фонем топонимического комплекса и текста или совпадают (11 из 21), или отличаются несущественно (7 из 21); только три фонемы из исходного списка несовпадающих в табл. 1 сохранились (h, k, o).

Для сопоставлений были взяты инициальные фонемы: объем статьи не позволяет ввести данные по остальным фонемам, хотя технически это сделать несложно. Наименее обусловленные законами фонетических сочетаний в языке, не ассимилирующиеся предшествующей фонемой инициалы кажутся наиболее представительной группой для первого эксперимента. Правда, по предварительным данным, сопоставление фонем во второй позиции в слоге, где фонемы в основном представлены редкими гласными, дает меньше различий в топонимике и тексте по сравнению с инициалами. То же самое можно сказать и о финалях слога, на фонемный состав которого накладываются определенные фонетические ограничения, суть которых будет изложена ниже. Вместе с тем на выбор инициалей в качестве первого примера оказал влияние также тот факт, что инициалы очень часто связаны с определенными морфологическими элементами (префиксы и т. д.), что, на первый взгляд, должно вызывать немалые расхождения при сравнении двух исследуемых комплексов. Возможно, этим и объясняются указанные расхождения, сохранившиеся после обработки комплексов (табл. 2), хотя исход уже проведенной обработки показал продуктивность предложенной процедуры и позволяет надеяться, что ее улучшение снимет и эти расхождения. Возможно, эти расхождения частично могут быть объяснены и дефектами при первичной записи, в частности, неверным определением исконности или заимствованности данного слова или топонима⁵. Не исключена возможность интерпретации расхождений на основе специфики того или иного района.

Представилось целесообразным проанализировать также состав двухфонемных межслоговых стыков⁶, поскольку предполагалось, что они менее подвержены фонетической ассимиляции, чем внутрислоговые сочетания, и поэтому в них следует ожидать большей сохранности суб-

⁵ Это вызвано отсутствием квалифицированных этимологических словарей малайского языка и топонимии.

⁶ Разделение на слоги в спорных случаях производилось в соответствии со схемой, предложенной в статье А. П. Павленко, Предварительные данные интонографического исследования звуков индонезийского языка, в сб. «Языки Юго-Восточной Азии», М., 1967, стр. 117—125.

Частоты первого межслового стыка в топонимии и тексте*

Стык**	Топонимия			Текст		Сценка	Стык**	Топонимия			Текст		Оценка
	min	%	max	%				min	%	max	%		
m—p	2,2	4,0	5,8	1,2	+		i—a	0	0,7	1,5	1,8	—	
a—b	0,7	2,0	3,3	0,8	0		i—d	0	0,2	0,4	3,9	—	
a—k	0	0,9	1,8	2,0	—		i—n	0	0,2	0,4	1,4	—	
a—t	3,2	5,3	7,4	3,2	0		i—j	0	0,4	1,0	4,3	—	
a—p	0,2	1,3	2,4	2,0	0		u—b	0,8	2,2	3,6	0,8	0	
a—l	1,4	3,1	4,8	3,7	0		u—m	0,1	1,1	2,1	—	+	
a—r	1,4	3,1	4,8	1,8	0		u—l	0,7	2,0	3,3	1,2	0	
a—d	0,5	1,7	2,9	2,4	0		u—a	5,0	7,5	10,0	1,6	+	
a—n	0,1	1,1	2,1	3,0	—		u—d'	0	0,6	1,3	1,2	0	
a—i	1,8	3,5	5,2	—	+		u—h	0	—	0,6	1,0	—	
a—w	0,1	1,1	2,1	—	+		u—p	1,6	3,3	5,0	—	+	
a—ñ	0	—	0,6	1,2	—		o—r	0	—	0,6	1,6	—	
a—h	0	0,6	1,3	1,0	0		g—k	1,9	3,7	5,5	0,2	+	
a—j	0,3	1,5	2,7	—	+		э—b	0,5	1,8	3,1	2,2	0	
a—mb	0,1	1,1	2,1	—	+		э—s	0	0,9	1,8	1,4	0	
r—s	0	—	0,6	1,4	—		э—k	0,2	1,3	2,4	1,8	0	
r—t	0	—	0,6	1,6	—		э—t	0	0,6	1,3	1,0	0	
n—t	1,3	2,9	4,5	0,4	+		э—m	0,1	1,1	2,1	3,4	—	
n—d'	1,3	2,9	4,5	0,4	+		э—l	2,6	4,6	6,6	2,2	+	
n—d	1,6	3,3	5,0	2,6	+	0	э—r	2,4	4,4	6,4	1,4	+	
i—s	0	—	0,6	1,0	—		э—n	0,1	1,1	2,1	2,2	—	
i—k	0	0,4	1,0	1,2	—		э—n'	0	—	0,6	2,2	—	
i—t	0	—	0,6	6,7	—		э—ñ	0	0,6	1,3	4,1	—	
i—l	0,5	1,7	2,9	1,0	0		э—mb	0,3	1,5	2,7	—	+	

* В таблице в целях экономии места представлены данные только по тем межсловным стыкам, частота которых хотя бы в одном из сопоставляемых комплексов равна или превышает 1%.

** Различие констатировалось только в том случае, если доверительный интервал процентов в топонимии не перекрывал наблюдаемое значение процента по тексту.

стратных элементов. Если даже в этом случае расхождения будут незначительны, то возможность реконструкции элементов фонетики языка-ка-субстрата по данным остаточной топонимии представляется реальной.

Проведенный эксперимент показал, что частоты распределений межсловных стыков не образуют системы (табл. 3). Не только при сравнении топонимии и текста, но даже и при сравнении стыков в словах текста (между первым и вторым слогом, с одной стороны, и между вторым и третьим слогом — с другой) в пределах одного массива не наблюдается соответствия частот конкретных стыков. Не останавливаясь на возможных интерпретациях, выходящих за рамки компетенции авторов, укажем, что частотные характеристики в рамках данного эксперимента использоваться быть не могут, поскольку стыки, более многочисленные, чем фонемы, имеют на данном массиве малую частоту. Сам же по себе стык может быть объектом качественных сопоставлений и в качестве таковых представляют определенный интерес. Уже сам набор стыков оказался весьма единообразным и устойчивым как для топонимии, так и для текста, что свидетельствует о том, что в данном случае топонимия и язык в равной степени отражают существующие языковые закономерности. В то же время выделены списки стыков, специфичных для топонимов, и такие же списки для текста. Дальнейшая работа, видимо, уменьшит этот список за счет редких пока стыков; в то же время специфичность принадлежности некоторых из них очевидна. Как один из способов сравнительной характеристики стыков можно предложить их оценку через «валентность» финалей слога. «Валентностью» в данном случае называется способность финали предыдущего слога сочетаться с определенными инициалами следующего слога. По

«валентности» оба комплекса показывают значительное сходство, что проявляется прежде всего в стабильном сравнительно небольшом наборе фонем в первой позиции межслогового стыка. Ограниченность набора — следствие известных закономерностей языка; существенно, что эти закономерности в одинаковой степени действуют и в языке и в топонимии. Как пример приведем список фонем, которые не могут быть финалью слога ни в малайском языке, ни в малайской топонимии: k, b, p, l, d, w, t', d', ŋ f, j.

Появление одной из фонем данного списка в топонимии какого-либо района может быть лишь следствием субстратных или суперстратных влияний.

* * *

Изложенный эксперимент был проведен с целью выяснения степени соответствия частотных фонологических показателей малаеязычной топонимии и малайского текста. Статистическая обработка массового материала на счетно-аналитических машинах дает возможность утверждать, что:

1) частоты отдельных фонем (в соответствии с их позицией в слоге и в слове) в общих чертах совпадают в топонимии и в языке;

2) частоты межслоговых стыков не являются устойчивыми и по-разному выражены не только в сопоставляемых комплексах, но и внутри каждого комплекса;

3) сам же набор стыков является относительно стабильным и в топонимии и в тексте;

4) расхождения частот отдельных фонем и отличия в выборе межслоговых стыков между конкретным исследуемым языком и топонимией заставляют предположить иноязычное происхождение той части топонимии, где наблюдаются эти расхождения;

5) в случае невозможности отнесения данных различий к чему-либо, кроме субстрата (т. е. если исключено наличие адстрата или суперстрата), представляется возможным приблизительно определить ареал распространения данного языка (что особенно важно для исчезнувших языков) и дать некоторые приблизительные оценки его фонетической структуры.

Поскольку достаточное для наших целей сходство частотного фонемного состава топонимии и языка, ее создавшего, может считаться установленным, в дальнейшем будет достаточно сравнивать топонимию какой-то замкнутой территории с единым языком и какую-то часть того же топонимического комплекса, считая средние для данной территории частотные показатели надежно отражающими язык этой территории, а региональные или просто резкие конкретные отклонения от нее — следами субстрата⁷. Итоги данной работы позволяют утверждать, что выявленные при помощи подобной методики фонетические особенности того или иного топонимического комплекса не могут быть отнесены за счет фонетической специфики топонимии внутри создавшего ее языка, а являются следствием иноязычных влияний.

⁷ При помощи подобной процедуры были выявлены субстратные этнические ареалы на территории Центральных Молукк. См. М. А. Членов, Очерки по этнической истории народов Центральных Молукк (Индонезия) (автореф. дисс.), М., 1969, стр. 17—20.

TOPONYMY AND LANGUAGE (TOWARDS THE PROBLEM OF REVEALING SUBSTRATUM TOPONYMIC AREAS)

In reconstructing the past geographical distribution of peoples an important part is played by toponymy, especially where written sources are few, as in Indonesia. The reconstruction of past areas of population distribution is possible both at the semantic and the phonetic level. But in order to prove the existence of a certain area of constant phonetic deviations of the toponymy from the language of the people at present inhabiting the territory under investigation, it is necessary first to prove another basic thesis that the phonetic regularities of the toponymy originating with the speakers of a certain language are identical with the regularities of the phoneme frequencies of the language itself.

A statistical analysis of phoneme frequencies in the modern Malay language and in the toponymy of Malaya and the Malayan regions of Sumatra shows that the phoneme frequencies are identical; this permits ethnic reconstructions, at least in the Indonesian linguistic area, based upon the phonetic composition of the toponyms.

В. С. Я гья

ОБ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭФИОПИИ

(МАТЕРИАЛЫ К ПРОБЛЕМЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ЭФИОПСКОЙ НАЦИИ)

В Эфиопии, на территории 1,2 млн. кв. км, проживает около 24 млн. человек. В этническом и лингвистическом отношении население страны неоднородно. По некоторым подсчетам, в стране существует до 70 языков¹, относящихся в основном к двум языковым семьям². Однако, несмотря на языковое и соответственно этническое многообразие, между народами Эфиопии много общего.

Исторические судьбы страны сложились так, что население не консолидировалось в единую нацию, хотя различные этнолингвистические группы находились на протяжении веков в постоянном контакте. Становление эфиопской нации протекает на наших глазах. В настоящей статье предпринимается попытка охарактеризовать этнолингвистическую ситуацию в современной Эфиопии с тем, чтобы определить этнические и языковые компоненты формирующейся нации, а также выявить некоторые способствующие этому процессу факторы³.

Ядром складывающейся эфиопской нации является самая крупная народность страны — амхара. Основные районы расселения амхара расположены в центральной части Эфиопии (провинции Бэгемдыр, Годжам, Шоа). Это традиционные области проживания амхара. В настоящее время представители этой народности широко расселились по всей стране. Амхара можно обнаружить даже в Ассабе, портовом городе на берегу Красного моря, где прежде, как правило, они из-за плохих климатических условий не селились. Особенно многочисленными группами амхара живут ныне в провинциях Уолло, Сидамо, Арусси, Каффа, Уоллега, Харар. Они селятся там преимущественно в придорожных поселках, небольших городах и провинциальных центрах. В последние годы в результате переселения крестьян, специально осуществляемого правительством в целях улучшения их социально-экономического положения, немалое число амхара стало перебираться на жительство из густонаселенных центральных районов в деревни юга и юго-запада страны (в частности, в провинции Каффа и Сидамо).

Большая часть господствующего класса страны принадлежит к амхара. Это в известной степени следствие так называемой политики амхаризации населения, проводившейся в прошлом императорами страны и правителями отдельных областей, амхара по происхождению.

¹ G. A. L i p s k y, Ethiopia: Its people, its society, its culture, New Haven, 1962, p. 34.

² Большинство эфиопских языков относится к семито-хамитской языковой семье. Ее представляют в Эфиопии семитские (амхарский, тиграйский или тигринья, тигре, аргобба, гураре, харари, гафат) и кушитские (беджа, галла, сомали, агау, сахо, афар и др.) языки. Язык геэз (семитский) вышел из употребления в X—XIII вв.; ныне употребляется в религиозной жизни Эфиопии.

³ По этому вопросу см.: Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехин, М. В. Райт, Эфиопия и страны красноморского побережья, «Народы Африки» (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1954; М. В. Райт, Народы Эфиопии, М., 1965; Б. В. Андрианов, Население Африки, М., 1964.

Такая политика включала, во-первых, распространение на другие этнолингвистические группы форм социально-политической организации, характерных для амхара (в первую очередь, конечно, для их феодальной верхушки); во-вторых, распространение амхарского языка и амхарской культуры; и, наконец, христианизацию правящих групп неамхарского происхождения. Амхаризация в известной мере уравнивала в правах с амхара представителей других этнических общностей. В первую очередь это касалось права на владение землей.

В настоящее время об этой политике официально не говорят, но она фактически продолжает осуществляться, хотя заметно изменились ее содержание, направление и формы. Теперь уже отпал (точнее, признан необязательным) такой ее важный компонент, как христианизация. Основной упор делается на расширение сферы употребления амхарского языка, на приобщение жителей отдаленных и уединенных районов страны к амхарской культуре, на утверждение социально-политических институтов, признанных государством. Как отмечается в американском справочнике по современной Эфиопии, «...в настоящее время усилия амхаризации направлены не на то, чтобы вовлечь другие народы в структуру амхарского общества, а на то, чтобы заставить их принять определенные аспекты доминирующей культуры, особенно языка, и прежде всего... политический контроль»⁵.

Согласно статье 125 эфиопской конституции 1955 г., государственным языком Эфиопии является амхарский. Конституция зафиксировала то, что уже давно стало реальностью. Амхарский язык официальным языком страны стал, как полагает Марсель Коэн, с 1270 г. «Это был язык,— пишет Марсель Коэн,— правителей и их армии, которая состояла из людей родом из всех провинций страны и которая часто передвигалась от провинции к провинции...»⁶. Таким образом, амхарский язык уже с тех времен начал выступать как средство общения различных народов и постепенно вытеснил из сферы употребления некоторые языки (например, гафат и аргобба)⁷.

На амхарском языке издается несколько газет (наиболее популярна среди них «Аддис Зэмэн») и почти вся современная литература. Имена таких писателей и поэтов, как Афа Уорк Гэбрэ Иесус, Хыруй Уольд Селассие, Таддэсэ Либэн, Мэнгысту Лемма и некоторых других, получили широкую известность и за пределами Эфиопии. Их произведения переведены на ряд европейских языков, в том числе и на русский. На

⁴ Правящие круги Эфиопии вовсе не отказались от идеи христианизации всего населения страны. Этим можно объяснить, в частности, направление иностранных христианских миссий в районы, где проживают нехристиане. Однако практика принудительного крещения признается нецелесообразной.

⁵ «U. S. army area handbook for Ethiopia», Washington, 1964, p. 7.

⁶ M. Cohen, The Amharic language, «Ethiopia Observer», 1958, vol. II, No. 3, p. 101.

⁷ Гафат прежде был распространен в южной части провинции Годжам в районе Голубого Нила. На аргобба говорили к северу от Аддис-Абебы, в районе г. Анкобер (в деревнях Алию, Амба, Чано и др.), и к югу от г. Харара. О постепенном отмирании языка гафат писал еще в 1840 г. Ч. Т. Бик (см. Ed. Ullendorff, The Semitic languages of Ethiopia. A comparative phonology, London, 1955, p. 27). В. Леслау в 1947 г. во время научной поездки по стране смог найти лишь четырех информаторов, знающих язык гафат (см. W. Leslau, A year of research in Ethiopia, «Word», 1948, vol. IV, No. 3, pp. 220—221). Об исчезновении языка гафат говорили также И. Ю. Крачковский (см. И. Ю. Крачковский, Введение в эфиопскую филологию, Л., 1955, стр. 36). На сходную ситуацию с аргобба указывали Э. Уллендорф (см. Ed. Ullendorff, Указ. раб., стр. 27), А. Н. Таккер и М. А. Брайян (см. A. N. Tucker and M. A. Braun, The Non-Bantu languages of North-Eastern Africa, London, 1956, p. 135) а также М. В. Райт (см. М. В. Райт, Указ. раб., стр. 16). В докладе на Третьем международном конгрессе эфиопистов (Аддис-Абеба, апрель 1966 г.). В. Лессау отметил, что языки гафат и аргобба вымерли (см. Ch. Jesman, Some impressions of the Third International Congress of Ethiopian studies in Addis-Ababa, «Africa», Roma, 1966, anno XXI, No. 4, p. 410).

амхарском языке ведется преподавание почти во всех школах первой ступени (1—6 класс), за исключением лишь первых классов школ в глубинных районах: в них школьники приобретают прежде всего «рабочее знание амхарского языка». Даже в школах второй ступени и в высших учебных заведениях, где при обучении используется главным образом английский язык (см. ниже), некоторые уроки, лекции и практические занятия ведутся также на амхарском. Ныне ставится задача постепенного полного перевода преподавания в школах второй ступени на амхарский язык. Он является обязательным в армии и полиции; на нем осуществляется все делопроизводство в стране; проповеди в церквях читаются все чаще и чаще только на амхарском языке (начиная с 30-х годов XX в. проповеди читались параллельно на амхарском и геэзе, который не понимает абсолютное большинство населения страны). Амхарский язык используется как один из официальных языков эфиопского государства в его международных делах; на нем составляются тексты многих соглашений и договоров, заключаемых Эфиопией с другими странами. Радиостанции страны широко ведут вещание на этом языке. На нем же транслирует свои передачи телевидение. Правительство требует от иностранных христианских миссий — и те стремятся выполнять эти требования — вести религиозную пропаганду на амхарском языке. Лишь в отдаленных районах, да и то на начальных этапах, миссионерам разрешается пользоваться местными языками.

Население страны (неамхарское по происхождению) относительно легко усваивает амхарский язык. Причина здесь кроется, видимо, прежде всего в генетической близости многочисленных языков Эфиопии, особенно в области лексики; в результате длительного исторического развития в рамках единого государства между различными народами страны происходил (и происходит поныне) обмен культурными ценностями, а это приводит к лексическому заимствованию. Распространению амхарского языка содействует также строительство тех или иных объектов в разных концах страны, которое приводит к миграции населения, к совместному труду и проживанию в пределах одного и того же населенного пункта людей разных национальностей. Все это способствует расширению сферы употребления амхарского языка, постепенному сглаживанию этнических различий.

Другой народностью Эфиопии, которая оказывает заметное влияние на этноисторическое развитие ее населения, являются тиграи (около 2,5 млн. чел.). Они населяют преимущественно территорию провинции Тигре, где в 1966/67 гг. проживало более 1,5 млн. чел.⁸. Кроме того, тиграи живут в Эритрее, в областях Аккеле Гузай, Серае, Уолкайт, Тембиен, а также в городах Керен и Массауа. Тиграи можно встретить сейчас в разных частях страны в результате их переселения на более плодородные земли Эфиопии. Говорят тиграи на тиграйском языке (по-амхарски «тигринья»). В 40—60-е годы XX в. получила некоторое развитие литература на тигринья: было опубликовано несколько книг религиозного содержания. В 1958 г. на этот язык был переведен роман «Робинзон Крузо». На тигринья издается в Асмаре несколько газет. В Эритрее в годы итальянского колониального владычества (1892—1941 гг.) тигринья считался вторым (первым был итальянский) языком. После того как Эритрея вошла в состав Эфиопской империи на правах автономной единицы, тигринья, наряду с арабским (см. ниже), признавался в Эритрее официальным языком.

Примерно 500 тыс. человек, проживающих в низменных районах, а частично и в горах, в восточной, западной и северной Эритрее, говорят на языке тигре. Тигреязычными являются также жители архипелага

⁸ См. «Аддис-Зэмэн» (на амхарском языке), Екатит 5, 1959 (по эфиопскому летоисчислению).

Дахлак, входящего в состав Эфиопской империи⁹. Они сохранили еще племенную организацию. На тигре говорят племена, входящие в федерацию бет асгеде (хабаб, ад теклес, ад темарьям), племена менса, ма-рия, ад шейх, ад цаура, ад муаллим, бет мала, а также некоторые племена конфедерации бени амер. Часть племен бени амер говорит на кушитском языке беджа (то-бедауйе). Некоторые же из них двуязычны, т. е. говорят и на тигре, и на беджа. Есть и такие, которые говорят только на тигре. Основная масса тигреязычных племен (далее тигре) ведет кочевой образ жизни, поэтому проникновение в их среду амхарского языка крайне ограничено (это же характерно и для других кочевых скотоводческих народов Эфиопии). Тигре в подавляющем большинстве мусульмане, они предпочитают использовать арабский язык при общении с другими народами. Особенно это касается тех тигре, которые занимаются торговлей. В целом, как пишет Эд. Уллендорф, «нет сомнения, что язык тигре теряет свои позиции в пользу арабского языка»¹⁰. Этому способствует также сезонный отход части тигре в Республику Судан на работу по сбору хлопка. Те же тигре, которые переходят к оседлому образу жизни, довольно быстро приобретают знание амхарского языка. В этом я смог убедиться лично, когда посетил в 1963 г. окрестности г. Агордата, где имеются поселения тигре.

В настоящее время значительно возросло влияние амхарского языка на язык харари (или адари)¹¹, на котором говорит 30—35 тыс. жителей г. Харара, мусульман по вероисповеданию¹². В недалеком прошлом на харари оказывал первостепенное воздействие арабский язык. По мнению Липски и его соавторов, «с конца XIX в., когда Харарский султанат попал под власть эфиопской короны, амхарский язык начинает постепенно вытеснять харари»¹³.

Та же самая картина, т. е. расширение сферы употребления амхарского языка, характерна и для народа гураге¹⁴. К такому мнению пришли, в частности, Липски и его соавторы¹⁵. Еще в 1955 г. американский этнограф С. Д. Мессинг предсказывал, что со временем язык гураге со-

⁹ G. A. Lipsky, Указ. раб., стр. 48. Еще в I тысячелетии до н. э. началась миграция в Северную Эфиопию племен, говорящих на семитских южноарабских диалектах и населявших юго-западное побережье Аравийского полуострова (Йемен). Эти переселенцы смешивались с местным населением: одни полностью ассимилировались с абори-генами, хотя в некоторых случаях последние воспринимали язык пришельцев и некоторые элементы их культуры, другие же ассимилировали местных жителей, сохраняя свой язык и культурные ценности, хозяйственные навыки. Поток мигрантов с западного берега Красного моря не прекращался и до недавнего времени. На рубеже XX в. переселилось, например, в северную Эфиопию племя рашейда.

¹⁰ Ed. Ullendorff, *The Ethiopians. An introduction to country and people*, London — New York — Toronto, 1961, p. 129.

¹¹ На языке харари имеется небольшая юридическая, религиозная и поэтическая литература. Письменность харари, в отличие от других письменных языков Эфиопии, использующих так называемый эфиопский силлабарий, основана на арабском алфавите.

¹² В 1965 г. жителей Харара было 41 150 чел. Подсчитано на основании официальных данных, опубликованных в «Аддис-Зэмэн» (на амхарском языке) на гынбот 1, 1959 (по эфиопскому летосчислению); см. также: «Ethiopia Observer», 1958, vol. II, No. 2, p. 70.

¹³ G. A. Lipsky, Указ. раб., стр. 130.

¹⁴ Гураге живут в основном юго-западнее Аддис-Абебы, между реками Аваш (на севере), Омо (на западе) и озером Звай (на востоке). Живут они также в Аддис-Абебе, Дессе и некоторых других крупных городах. Часть ученых предполагает, что гураге — это потомки сидамо, кушитоязычного народа юго-западной Эфиопии, воспринявшие семитский язык (см. J. S. Trimingham, *Islam in Ethiopia*, London — New York — Toronto, 1952, p. 185; Ed. Ullendorff, *The Ethiopians*, p. 38; W. Leslau, *The languages of Ethiopia and their geographical distributions*, «Ethiopia Observer», 1958, vol. II, No. 3, p. 118). По некоторым данным, гураге насчитывается 350—500 тыс. чел. (см. М. В. Райт, Указ. раб., стр. 16). Согласно сведениям эфиопского ученого Фэа-ду Гэдаму, численность гураге составляет 2—3 млн. чел. (см. Ch. Jesman, Указ. раб., стр. 411). По религиозной принадлежности примерно 1/3 гураге — христиане, столько же мусульман и приверженцев автохтонных культов.

¹⁵ G. A. Lipsky, Указ. раб., стр. 56.

всем перестанет использоваться как разговорный¹⁶. Думается, однако, что предположение С. Д. Мессинга оправдается нескоро. Для этого необходимо разрушить (при помощи развития товарно-денежных отношений, строительства промышленных объектов и дорог, расширения школьной сети в ареалах расселения гураге и т. д.) своеобразные земляческие организации гураге, сложившиеся для оказания помощи соплеменникам. Через эти организации осуществляется связь между гураге, перебравшимися на работу в город, и оставшимися в деревне. Как считает У. Шак, крупнейший специалист в области изучения этнографии гураге, «основные улучшения в жизни (гураге.— В. Я.) были сделаны главным образом благодаря программам взаимопомощи, осуществленным гураге, проживающими в городах, при поддержке соплеменников на селе...»¹⁷. Даже представители местной власти, оплачиваемые правительством (принадлежащие по своему этническому происхождению к гураге и являющиеся, как правило, выходцами из числа прежней племенной аристократии), выступают, по утверждению У. Шака, в поддержку этих программ.

Все это позволяет предположить, что язык гураге не утрачивает своих позиций в настоящее время; по крайней мере, если этот процесс и происходит, то очень медленно. Другое дело, что гураге довольно быстро овладевают амхарским языком, становясь тем самым двуязычными. Это явление особенно характерно для городов, куда гураге стекаются в поисках заработка. Многие из них знают также языки своих соседей: галла на севере и востоке и сидамо на юге и западе. Таким образом, определенная часть гураге не только двуязычна, но и пользуется тремя языками.

Огромное влияние на этническую историю Эфиопии оказали и продолжают оказывать народы, говорящие на кушитских языках. Это прежде всего этнолингвистические группы агау, галла, сидамо. Самыми многочисленными являются галла (или оромо), которых, как полагают, насчитывается свыше 5 млн. человек. На их языке (галласком, по-амхарски галлинья) говорит, по мнению Е. Г. Титова, не менее 7 млн. чел.¹⁸. Видимо, Е. Г. Титов учитывал при этом и тех, для кого галлаский язык является вторым. Как бы там ни было, галла и по количеству населения, и по численности говорящих на их языке занимают второе место в стране. Галла проживают в 12 из 14 эфиопских провинций, на которые подразделяется страна в административном отношении. Они составляют основную массу населения в провинциях Иллюбабор и Каффа. Многочисленны их поселения в Уоллега, Уолло (в ее центральной части), в центральных и южных районах Шоа, в Арусси, Бале, Хараре и Сидамо. Часть галла уже не употребляет своих прежних племенных названий: тулама, мачча и др. В Центральной Эфиопии они подверглись интенсивному амхарскому влиянию. Между амхара и галла, особенно христианского вероисповедания, стали широко заключаться браки. Амхаро-галлаские «смешанные браки и принятие (галла.— В. Я.) амхарской культуры,— пишут Липски и его соавторы,—...крайне затрудняют возможность отличить галла, проживающих в провинции Шоа, и амхара»¹⁹. Наблюдения М. В. Райт также подтверждают факт этнической консолидации амхара и галла и вытеснение амхарским языком галлаского²⁰. О степени интеграции галла в рамках единой эфиопской нации

¹⁶ S. D. Messing, Changing Ethiopia, «The Middle East Journal», 1955, vol. 9, No. 4.

¹⁷ W. A. Shack, The Mäsqal — Pole religious conflict and social change in Gurageland, «Africa», London, 1968, vol. XXXVIII, No. 4, p. 466.

¹⁸ Е. Г. Титов, К вопросу о языковой ситуации в Эфиопии, «Семитские языки. Материалы Первой конференции по семитским языкам», вып. 2 (ч. I), М., 1965, стр. 101.

¹⁹ G. A. Lipsky, Указ. раб., стр. 37.

²⁰ См. М. В. Райт, Указ. раб., стр. 20.

говорит в известной мере и то, что в правящих кругах страны довольно значительна прослойка галлаской знати и образованной элиты. При этом они занимают ответственные посты не только в центральных органах, но и в провинциальной администрации. В личном составе армии и императорской гвардии сравнительно высок удельный вес галла. Наиболее интенсивно ассимилируют амхара тех галла, которые исповедуют христианство. Значительно медленнее происходит этот ассимилятивный процесс у галла, являющихся приверженцами ислама и автохтонных культов.

Этническая консолидация галла с другими народами в эфиопскую нацию относительно облегчена тем, что эта этнолингвистическая группа внутренне слабо связана. Разобщенность галла обусловлена в известной мере горным рельефом обширной по площади территории их проживания, который выступает в качестве естественного барьера для контактов.

Кроме того, она может быть объяснена еще и тем, что среди галла имеются так называемые презираемые группы, т. е. галла-ремесленники (ткачи, кузнецы, гончары, дубильщики и др.), представляющие собой низшую (отверженную) социальную группу в галласком обществе: им запрещено владеть землей, заниматься сельскохозяйственным трудом, в том числе и скотоводством, есть за одним столом с галла-земледельцами (высшая социальная группа), вступать с последними в брачные отношения. Попутно заметим, что подобное положение ремесленников встречается и в некоторых других этнолингвистических группах, в частности среди гураге²¹ и кушитоязычных консо. Конечно, в настоящее время подобные взаимоотношения меняются, хотя крайне медленно. Например, уже намечилось известное сближение между соответствующими социальными группами (ремесленниками и земледельцами) у консо, проживающих километрах в пятидесяти южнее оз. Шамо, в юго-западной Эфиопии²². Та же самая картина наблюдается и у галла провинции Уоллега²³.

В области Огаден провинции Харар, а также в провинциях Сидамо и Бале проживает, по некоторым данным, около 1,5 млн. сомалийцев. Немногочисленные группы сомалийцев осели на постоянное жительство в городах Аддис-Абебе, Хараре, Диредауа, Массауа и др. Большинство же ведет кочевой образ жизни, поэтому распространение в их среде общеэфиопских культурных ценностей крайне затруднено. Следует учитывать при этом также, что все сомалийцы — мусульмане. В пределах Эфиопии сомалийский язык бесписьменный, однако на нем ведутся радиопередачи из Аддис-Абебы. Многие сомалийцы знают амхарский язык, которым они овладевают в ходе торговых контактов с другими народами страны. Некоторые сомалийцы говорят также на языках своих соседей, например галла. Сомалийцы, перешедшие к оседлому образу жизни на восточных оконечностях Харарского плато, даже смешались с галла. Такими смешанными галла-сомалийскими группами являются, в частности, герри-джарсо и герри-бабиле²⁴.

На обширной территории юго-западной Эфиопии, в провинциях Каффа, Гему-Гофа и Сидамо проживают народы сидамо. К ним относятся каффа (каффичо), консо, шинаша, сидамо и др. Как полагают, единый некогда язык сидамо в ходе своего исторического развития распался на ряд отличных друг от друга диалектов²⁵. Некоторые ученые считают, что в настоящее время это уже самостоятельные языки²⁶. Между племенами, говорящими на языках сидамо, имеются определенные этни-

²¹ См. W. A. Shack, *The Gurage, a people of the Ensete culture*, London, 1966.

²² C. R. Hallpike, *The status of craftsmen among the Konso of South-West Ethiopia*, «Africa», London, 1968, vol. XXXVIII, No. 3, pp. 259—260.

²³ G. A. Lipsky, *Указ. раб.*, стр. 69.

²⁴ Там же, стр. 46.

²⁵ Е. Г. Титов, *Указ. раб.*, стр. 101.

²⁶ W. Leslau, *The influence of Sidamo on the Ethiopic languages Gurage*, «Language», 1952, vol. 28, No. 1.

ческие различия²⁷. Развитие сельскохозяйственного и промышленного производства в этом регионе благотворно воздействует на этническую интеграцию части сидамо в эфиопскую нацию. Этот процесс, возможно, ускорится в ближайшее время, после того как будет введена в строй железная дорога Назарет — Дилла, которая еще теснее свяжет центр страны с провинцией Сидамо.

Среди ассимилятивных процессов, происходящих в Эфиопии, значительный интерес представляет поглощение главным образом амхара кушитоязычного народа агау, некогда многочисленного, но ныне насчитывающего лишь около 50 тыс. чел. Прежде агау населяли значительную часть Эфиопского нагорья. В настоящее время они живут только в окрестностях г. Керен и оз. Тана, а также в некоторых горных районах к северу от Голубого Нила. Подавляющая часть агау восприняла амхарский язык, но некоторые тиграйский. Немногие сохранили свой язык, употребляя его лишь в домашнем кругу²⁸. Эд. Уллendorff отмечает факт окончательного отмирания языка агау²⁹.

Среди других кушитоязычных народов следует выделить сахо, афар (данакиль)³⁰, которые живут на северо-востоке страны, и беджа, обитающих на западе Эритреи. Численность их составляет несколько сот тысяч человек.

Все кушитоязычные и семитоязычные народы Эфиопии антропологически принадлежат к эфиопской расе. Однако на крайнем западе и юго-западе, вдоль границы с Республикой Судан проживает небольшое число (более 200 тыс.) представителей негроидной расы. В прошлом между ними и амхара (а равно другими народами) невозможны были официальные браки, так как негры в основном были рабами, тем не менее фактически брачные отношения были сравнительно широко распространены. Вот почему за пределами традиционных мест расселения негроидных народов встречаются небольшие группы лиц смешанного негроидно-эфиопского антропологического типа, уже забывшие свой родной язык и говорящие на языке тех народов, среди которых они живут. Многие из них знают амхарский язык.

После окончательной отмены рабства в 1942 г. изменилось правовое положение бывших рабов-негров и произошли известные сдвиги в статусе негроидных народов. В частности, некоторая часть их приняла христианство, что дало им возможность укрепиться в социальной и политической структуре эфиопского общества. Для негроидов было открыто также несколько школ, которые содействуют распространению амхарского языка и культуры. Однако ассимиляция этих народов по-прежнему затруднена, и в частности потому, что некоторые из них сохранили до сих пор значительные пережитки родового строя (например, кунама).

Негроидные народы говорят на нилотских и близких к ним языках Восточного Судана (это — барее, кунама, берта, нуэр, аннуак). К ним следует добавить также две другие языковые группы: кома и дидингамурле. Название языков, как правило, является названием народов — их носителей. Развитие товарно-денежных отношений в районах, населенных негроидными народами, возможно, позволит ускорить интеграцию этих этнолингвистических групп в рамках эфиопской нации.

²⁷ Ed. Ullendorff, *The Ethiopians*, p. 43, 44.

²⁸ Особый интерес представляет группа населения фалаша, говорящая на диалекте агау-кайла. Они проживают в основном в провинции Бэгемдыр, исповедуют иудейскую религию. Однако их обрядность имеет много отличного от классического иудаизма. Богослужение ведется на языке геэз, на нем имеется религиозная литература. Ни языка геэз, ни древнееврейского фалаша не знают. В. Леслау высказывает сомнение в том, что «многие фалаша говорят еще до сих пор на своем родном языке». (См. W. Leslau, *The Languages...*, p. 119). Многие фалаша, как полагает М. В. Райт, восприняли амхарский язык, другие — тигринья (см. М. В. Райт, Указ. раб., стр. 24).

²⁹ Ed. Ullendorff, *The Semitic languages of Ethiopia*, p. 28.

³⁰ На языке афар ведутся радиопередачи из Аддис-Абебы.

Проникновение товарно-денежных отношений во все сферы жизни страны создает ту реальную, экономическую основу, на которой формируется национальная общность народов Эфиопии. В результате социально-экономического развития страны стираются грани между различными этнолингвистическими группами населения. Примером может служить, в частности, сооружение нефтеперерабатывающего завода в Ассабе, в котором приняли участие три тысячи рабочих — амхара, тиграи, тигре, гураге, афар (данакиль) и др. В ходе совместного труда произошло сближение этих людей, у них появился общий интерес к делу, уверенность в необходимости их труда для родины. Все это укрепило в их сознании факт национального единения. Претворение в жизнь планов развития народного хозяйства (строительство промышленных предприятий, проведение телефонно-телеграфных линий, развитие транспорта и т. д.) способствует налаживанию и укреплению хозяйственных, политических и культурных связей с отдаленными районами страны, а также образованию общеефиопского рынка. Это, в свою очередь, цементирует экономическую общность населения Эфиопии. А отсюда — смешанные браки, обмен культурными ценностями, трудовыми навыками и т. д. Понятно, что эти процессы ускоряют стирание этнических различий и тем самым способствуют консолидации отдельных групп в национальную общность. Наиболее интенсивно национальная консолидация протекает «среди населения центральной Эфиопии, и, в первую очередь, в придорожных поселках и небольших торговых городках Эфиопии»³¹.

Огромное значение в формировании эфиопской нации имеют крупные города — экономические, административные и культурные центры. В них самих процесс национальной консолидации происходит значительно быстрее, чем в деревне. Но города оказывают влияние и на сельских жителей, прежде всего благодаря торговым и административным связям. Особенно велика в этом процессе роль столицы Аддис-Абебы, в которой в 1968 г. проживало 664 тыс. чел. Аддис-Абеба занимает господствующее положение в экономической, политической и культурной жизни страны. Ведущая роль Аддис-Абебы в образовании эфиопской нации в какой-то степени объясняется ее географическим положением: столица расположена в центре страны, окружена плодородными областями.

Этнической консолидации содействует в известной мере политика праявляющих кругов, предусматривающая предоставление ответственных постов в государственном аппарате чиновникам независимо от их этнической принадлежности. Это одно из направлений государственной политики в области национального строительства. В настоящее время все население Эфиопии, как правило, называет себя эфиопами, подчеркивая этим факт национального единства (хотя еще находящегося в стадии формирования). Как отмечается рядом исследователей, для большинства населения Эфиопии их собственная этническая принадлежность играет в настоящее время второстепенное значение³².

В Эфиопии, как и во многих других странах Африки, наряду с формированием нации происходят процессы укрепления отдельных этнолингвистических групп. Вследствие роста этнического самосознания и внутренней этнической консолидации в таких группах возникает некоторое стремление к обособлению.

Итак, современное население Эфиопии сформировалось из различных этнолингвистических групп. Но характеристика этнолингвистической ситуации в Эфиопии была бы неполной, если не отметить роли некоторых европейских языков, а также арабского и хинди и их носителей.

Из европейских языков наиболее распространен английский, который признан вторым официальным языком Эфиопской империи. На нем ве-

³¹ М. В. Райт, Указ. раб., стр. 230.

³² См. G. C. Savard, The people of Ethiopia, «Ethiopia Observer», 1961, vol. V No. 3, p. 218.

дятся обучение в школах второй ступени и в высших учебных заведениях. На нем дублируется почти вся государственная документация, ведется радиовещание, транслируются телепередачи, издаются газеты, журналы и многочисленные справочники, содержащие различную информацию об Эфиопии, печатается научная литература и т. д. Влияние английского языка на амхарский довольно существенно в области лексики: заимствовано большое количество терминов, отражающих преимущественно итоги научно-технического прогресса. Заимствование терминов происходит также из итальянского и французского языков, но значительно в меньшей степени, а в последние годы и из немецкого (в очень небольшом количестве). Значение французского языка в Эфиопии постоянно уменьшается. Сейчас на нем издается только газета «Addis-Soir» («Вечерняя Аддис») и ведется преподавание во французском лицее: а ведь до итальянской агрессии против Эфиопии в 1935 г. французский язык был основным иностранным (из европейских) языком страны.

Что касается немецкого языка, то сфера его употребления ежегодно расширяется. Объясняется это не только все усиливающейся экспансией западногерманского капитала, но и политикой самого эфиопского правительства, направленной на установление более тесных дипломатических, экономических, военных и культурных связей с ФРГ. В Аддис-Абебе действует западногерманский культурный центр с курсами немецкого языка. Совсем недавно открылась немецкая школа для эфиопов. Немало эфиопских чиновников, школьных учителей и преподавателей колледжей получили образование в ФРГ. В Западной Германии проходят обучение офицеры войск пограничной охраны Эфиопии. Несомненно, что при сохранении этих условий немецкий язык со временем может получить в Эфиопии большое распространение.

Итальянский язык не является официальным языком Эфиопии, но занимает важное место в ее деловой и торговой жизни. Особенно он распространен в Эритрее, находившейся на протяжении нескольких десятилетий под колониальным владычеством Италии. В Асмаре, центральном городе Эритреи, издаются газеты и журналы на итальянском языке, имеются итальянские школы. В Асмарском университете, наряду с амхарским и английским языками, преподавание ведется и на итальянском. В Университетском колледже Аддис-Абебы студенты также изучают итальянский язык. По нашим наблюдениям, в сельской местности итальянский язык известен в большей степени, чем английский. Это можно объяснить частично пятилетней оккупацией Италией Эфиопии, а также тем, что немало местных жителей работало или работает у итальянцев, постоянно проживающих в Эфиопии. Эти итальянцы, которых в 1962 г. насчитывалось 20 тыс. чел.³³, занимают значительное положение в хозяйственной жизни Эфиопии.

Итальянцы постепенно смешиваются с местным населением; все они хорошо владеют амхарским языком. Довольно распространены браки итальянцев с амхара и тиграи. «На улицах,— пишет советский журналист А. Мелик-Симонян, проработавший в Эфиопии пять лет,— часто можно видеть стариков итальянцев, прогуливающих со своими шоколадными внуками и внучками»³⁴. Мусто считает, что потомки итальянцев, постоянно проживающих в Эфиопии, через одно-два поколения окончательно станут эфиопами как по происхождению, так и по образу мышления³⁵. Сама атмосфера доброжелательства и радушия, которая окружает итальянцев в Эфиопии (им никто не напоминает о годах оккупации и чинимых тогда зверствах), способствует этому. Не последнюю

³³ «Africa 1962», 1962, Dec. 14, No. 25, p. 5.

³⁴ А. Мелик-Симонян, Страна тринадцати месяцев. Заметки журналиста, «Новый мир», 1968, № 12, стр. 207.

³⁵ W. E. Mustoe, Modern Ethiopia, «African Affairs», 1962, vol. 61, No 44, p. 222.

роль играет и то обстоятельство, что многие итальянцы, долго прожившие вдали от родины, отвыкли от нее, боятся в случае возвращения Италии не найти там места в жизни и поэтому все прочнее оседают на эфиопской земле.

Немаловажную роль в экономике играют арабы³⁶. Преимущественно это арабы из Йемена (25,2 тыс. чел.) и из Саудовской Аравии (16,9 тыс. чел.)³⁷. Они говорят на соответствующих диалектах арабского языка: относящегося к семито-хамитской языковой группе (в том числе и к южноарабским диалектам). Арабы в большинстве своем живут разбросанно среди местного населения. Имеются, правда, компактные арабские поселения (например, в Бате). Приток арабского населения с восточного берега Красного моря в Эфиопию продолжается и в наши дни, хотя и не так интенсивно, как в недалеком прошлом. При определении удельного веса арабского языка среди всех употребляемых в Эфиопии языков необходимо принять во внимание его широкое распространение среди местных жителей. Не случайно, видимо, было начато издание газеты «Сэндэк алямачин» параллельно на амхарском и арабском языках, как не случайно и то, что арабский язык считался одним из официальных языков Эритреи, когда та входила в состав Эфиопской империи на автономных правах. Арабы, занимаясь преимущественно торговлей, становятся неотъемлемой частью хозяйственной жизни Эфиопии. Это, в свою очередь, способствует сближению и слиянию арабов с местным населением, особенно мусульманским. Почти все они знают амхарский язык. Многие вступают в браки с местными жителями.

Таким образом, арабы и итальянцы так или иначе представляют собой составной элемент формирующейся эфиопской нации. То же самое можно сказать и об армянах, греках и индийцах. Численность каждой из этих национальностей, постоянно проживающих в Эфиопии и имеющих свои национальные общины, не превышает одной-двух тысяч человек, но они теснейшим образом связаны с экономической жизнью страны. Несмотря на то, что представители этих народов сохраняют свой язык, свои культурные традиции, они постепенно ассимилируются с местным населением. Этот процесс протекает медленно и противоречиво, но он неизбежен.

Таким образом, при образовании эфиопской нации происходит смешение не только различных местных (коренных) этнолингвистических групп, но и мигрантов из Европы и Азии, живущих в стране более или менее длительное время и имеющих постоянные хозяйственные и культурные контакты с коренным населением. Сам же процесс складывания нации в Эфиопии протекает как в форме консолидации — слияния нескольких народов (близкородственных по языку, вероисповеданию и социально-общественной организации), так и в форме ассимиляции, где основным ассимилирующим компонентом выступают амхара.

ON THE ETHNOLINGUISTIC SITUATION IN MODERN ETHIOPIA (DATA TOWARDS THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE ETHIOPIAN NATION)

The ethnolinguistic situation in modern Ethiopia is characterised in the article; the ethnic and linguistic components of the rising Ethiopian nation are clarified; certain accompanying and counteracting factors are also considered. The Ethiopian nation is

³⁶ В. Леслау пишет, что во внутренних районах страны торговля частично находится в руках арабов. См. W. Leslau, Arabic loan-words in Amharic, «Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London», 1957, vol. XIX, pt. 2, p. 221.

³⁷ M. R. Smith, Basic data on the economy of Ethiopia, «Overseas Business Reports», 1967, No. 14.

being formed under our very eyes. Its nucleus is the largest nationality of the country — the Amhara, 12,5 million). Amhara is at present officially the state language of Ethiopia; it is rapidly becoming its national language. The Amhara has ousted from use certain other languages (such as *Gafat*, *Argobba*). It is at present spoken by nearly two-thirds of the country's population. In the process of formation of the Ethiopian nation local (aboriginal) ethnolinguistic groups are merged, and also those immigrants from Europe (Italians, Greeks, Armenians) and from Asia (Arabs, Indians) who have lived in the country for a fairly long time and have constant economic and cultural contacts with the aboriginal population. The formation of the Ethiopian nation itself takes the shape both of consolidation (where several peoples closely related in language, religion and social organization are merged) and of assimilation (where the Amhara figure as the main assimilating element). The role of the state should not be ignored, and also the counteracting tendencies, such as, for example, the consolidation of the various component nationalities leading to separatism.

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ Ю. В. БРОМЛЕЯ «ЭТНОС И ЭНДОГАМИЯ»

В разделе «Дискуссии и обсуждения» журнала «Советская этнография» (1969, № 6) была опубликована статья Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия».

5 февраля 1970 г. в Институте этнографии АН СССР на совместном заседании двух теоретических семинаров (методологическом и по национальным проблемам) состоялось обсуждение названной статьи.

Ввиду большой научной значимости затронутых проблем редакция сочла полезным опубликовать материалы состоявшейся дискуссии и попросила Ю. В. Бромлея дать развернутый ответ на выступления участников этого обсуждения.

* * *

Ю. В. Бромлей. (Вступительное слово). Поскольку обсуждается уже опубликованная статья, ограничусь в основном некоторыми комментариями к ней.

Прежде всего относительно терминов, которые вошли в название статьи «Этнос и эндогамия». Первый термин, «этнос», как будто не вызывает особых вопросов. Но все-таки я позволю себе обратить ваше внимание на то, что, когда я в первый раз делал доклад на эту тему в апреле прошлого года в Ленинграде, он назывался «Этнические общности и эндогамия». Публикуя же статью, я назвал ее «Этнос и эндогамия». Почему? Потому что между этими двумя терминами, несмотря на то, что они почти идентичны, мы все же практически делаем некоторое различие.

Этническая общность, как справедливо, на мой взгляд, заметил в своей статье, посвященной данному вопросу, Н. Н. Чебоксаров, все-таки понятие более широкое, чем «этнос». Под этнической общностью мы понимаем всю этническую иерархию, начиная от этнографической группы и кончая этно-лингвистическими общностями. Под этносом, как правило, разумеется та основная этническая ячейка, которую обычно в просторечии называют народом, т. е. это племя, народность, нация. Впрочем, нередко этот термин употребляется в еще более узком смысле слова — близком к понятию «национальность».

Что касается термина «эндогамия», то он употребляется в статье в несколько непривычной форме. Ему придано буквальное значение слова «эндо» — внутри, «гамос» — брак, то-есть брак внутри группы. Мы же, этнографы, привыкли придавать ему условное значение, как запрет браков вне определенной группы. Но, очевидно, можно говорить о двух значениях этого термина (ведь большинство научных терминов, к сожалению, многозначно): в одном случае о нормативной, а в другом — о фактической эндогамии.

И если понимать эндогамию в таком смысле слова, иначе говоря, в широком значении этого термина, то оказывается, что не только ранние формы этноса, такие, как племя, являются эндогамными, но и поздние типы этноса обычно обладают эндогамией. Об этом, в частности, свидетельствуют приведенные в статье данные, относящиеся к различным этносам, в том числе к современным крупным нациям.

Конечно, можно найти немало исторических примеров нарушения эндогамии. Но, если наблюдается существенное увеличение неэндогамных браков, это, как правило, в конечном счете влечет за собой неизбежное разрушение самого этноса.

Наличие у этносов, находящихся в устойчивом состоянии, эндогамии имеет важное значение для их существования. Эндогамия обеспечивает этническую однородность семьи, а именно семья в тех или иных ее формах в большинстве общественно-экономических формаций передает традиционную культуру. Тем самым эндогамия обеспечивает однородность традиционной культуры, передачу ее из поколения в поколение, т. е. играет роль своеобразного стабилизатора этноса, ибо традиционная культура, в широком значении этого термина (включая и язык) — основной носитель этнической специфики.

¹ Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 96.

Но, вместе с тем, эндогамия создает для этноса своеобразный генетический барьер. Ибо заключение браков в пределах замкнутой общности ведет к ее изоляции не только в культурном, но и в генетическом отношении.

Кстати, речь идет о явлении, относящемся к научной дисциплине, которая не так давно в нашей стране, к сожалению, недооценивалась. И отнюдь не исключено, что как раз в этом и следует искать одну из причин того, что в нашей гуманитарной литературе столь долго оставалось фактически неотмеченным наличие у этнических общностей генетических барьеров. Факт самоочевидный и уже не раз фиксировавшийся в естественно-научной литературе. И хотя генетические последствия эндогамии для этноса в нашем представлении имеют третъестепенное значение, однако недостаточная освещенность этого вопроса в гуманитарной литературе заставляет нас остановиться на нем несколько подробнее.

Как отмечается в статье, наличие такого генетического барьера влечет за собой появление сопряженной с этносом популяции. Термин «популяция», как известно, употребляется в самых различных дисциплинах. И, например, в демографической, экономической, географической литературе данным термином обычно обозначают совокупность жителей определенных территориальных единиц или обитаемого ареала. Но в нашем случае речь идет о популяции как генетической единице, которая в таковом качестве фигурирует не только в биологии, но и в антропологии. В советской антропологической литературе элементарная человеческая популяционная единица — «дем» — определяется как группа людей, заключающих браки на протяжении нескольких поколений только между собой². Иными словами, дем — это устойчивая, эндогамная группа в нашем понимании данного термина.

Следует, однако, учитывать, что практически, особенно в современных условиях, брачные связи обычно, за исключением изолятов, не ограничиваются только рамками дема, и, стало быть, речь может идти лишь о его относительной эндогамии. В силу этого соседние деми нередко частично перекрывают друг друга. В результате образуется своеобразная брачная непрерывность, а это в свою очередь приводит к созданию более крупных популяций, объединяющих несколько демов.

Вообще следует иметь в виду, что популяции — явление иерархичное. При этом перед нами иерархия, построенная не только по принципу концентрических (вписанных друг в друга), но и пересекающихся, частично совпадающих кругов. Основание этой иерархии составляет дем, а ее высший уровень — в известном смысле все человечество, являясь в конечном счете тоже популяцией. Между ними расположено огромное число территориальных, социальных, этнических и даже расовых общностей, рамками которых преимущественно и ограничиваются брачные связи представителей таких общностей. Являясь, таким образом, самостоятельными популяциями, все эти общности в данном качестве отличаются друг от друга прежде всего степенью интенсивности ограничивающих их генетических барьеров.

Одним из важных и, вместе с тем, достаточно сложных является вопрос о соотношении между популяцией и расой. Каждая популяция, несомненно, характеризуется тенденцией к усилению однородности генетического фонда, т. е. стремлением к превращению в расовое подразделение. Именно это свойство популяции, как полагают сторонники популяционной концепции, и привело к образованию рас. И все же не обязательно совпадение популяции с расой или даже с расовым подразделением. Для сопряженных с этносом популяций такое совпадение вообще скорее исключение, чем правило.

Более того, существует немало сопряженных с этносом популяций, состоящих из представителей разных рас. Таковы, например, популяции, образованные нациями Латинской Америки. Но даже такие популяции, состоящие из разных рас, обладают отмеченной выше тенденцией выравнивания отличий между генетическими фондами составляющих их расовых компонентов. Для иллюстрации этого положения в статье делается ссылка на тот факт, что в Бразилии в результате заключения межрасовых браков за 90 лет (с 1819 по 1910 г.) число мулатов возросло в три раза, достигнув 60% общей численности населения. Иными словами, более половины бразильцев к началу этого века составляли новый, промежуточный антропологический тип.

Интенсивность подобных процессов зависит от самых различных факторов, прежде всего от численности сопряженной с этносом популяции, от длительности ее существования (количество сменявшихся поколений), от степени проницаемости ее внешнего генетического барьера и внутренних (междемных) генетических, в том числе социальных, перегородок.

Для сколько-нибудь значительных антропологических сдвигов в рамках больших популяций требуется смена многих и многих десятков поколений. Между тем, немалая часть сопряженных с этносами популяций существует гораздо меньшее время, чем то, которое необходимо для таких сдвигов. В результате генетические последствия эндогамии для этих этносов не столь существенны и практически неуловимы. Например, если у японцев указанный процесс привел к созданию своеобразного антропологического типа, то у итальянцев этот процесс не дал столь же наглядных результатов. Но сама общая направленность подобных процессов весьма показательна. И, видимо, она-то и является одной из важнейших объективных предпосылок использования палеоантропо-

² V. V. Bunak. The evolution of the elementary unit of population (dem) and its anthropological significance, M., 1968, p. 1.

логических данных при изучении этногенеза народов. Именно поэтому мы можем привлекать антропологические данные для наших исследований, посвященных происхождению народов.

Итак, большая популяция — это динамическая система, стремящаяся приобрести свой особый генофонд, т. е. расовые черты. Раса же — это результат процессов, протекающих в популяциях, притом процессов чрезвычайно длительных. Не приходится забывать и о том, что большинство основных расовых подразделений, включая антропологические типы, сложилось в далеком прошлом, на заре человеческой истории. И хотя эти процессы протекают и ныне (об этом иногда у нас забывают), они имеют как правило, характер незначительных модификаций. Словом, популяционные и расовые подразделения человечества, хотя и тесно взаимосвязанные, однако далеко не идеальные антропологические категории.

Взаимосвязь между этносом и популяцией уже не раз отмечалась в специальной литературе. Более того, существует точка зрения, будто бы популяция составляет основу этноса. В нашей литературе это представление развивается, как известно, Л. Н. Гумилевым. Вот как он это обосновывает: «Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для подразделения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда и нет». «Вынести за скобку, — подчеркивает он далее, — мы можем только одно — признание каждой особи: „мы такие-то, а все прочие другие“». И отсюда делается вывод: «поскольку это явление повсеместно, то следовательно оно отражает некую физическую или биологическую реальность»³. Однако остается непонятным, почему «повсеместность» делает эту «некую реальность» физической или биологической. Напротив, антитеза «мы» — «они» обычно как раз основана в первую очередь на этнокультурных различиях. Притом, поскольку признаки этноса представляют целостную систему, в одном случае на передний план в качестве решающего отличительного признака может выдвигаться один, в другом — иной компонент этноса. Сведя сущность этноса к «физической или биологической реальности», Л. Н. Гумилев в конечном счете полностью отождествил его с популяцией⁴.

Между тем, в действительности сопряженная с этносом популяция — сама явление производное от него, от тех факторов, которые образуют эндогамию этноса, — а это в основном социальные факторы. Таким образом, не популяция основа этноса, а социальные факторы, образующие этнос (этническое самосознание в том числе), превращают его в популяцию. То есть перед нами картина прямо противоположная той которую дает Л. Н. Гумилев. Поскольку роль социальных явлений в жизни общества, человечества в целом все более и более возрастает, естественно, социальные факторы начинают играть все большую и большую роль в образовании популяций.

В заключительной части статьи затрагивается следующий вопрос. Эндогамия, как мы видели, является свойством устойчивого этноса, а всякое свойство того или иного явления, на мой взгляд, может рассматриваться как его признак. Но я рассматриваю эндогамию как дополнительный, а не основной признак этноса. Почему? Потому что, как мне представляется, среди этнических свойств особенно важны те, которые наглядно отличают один этнос от другого, т. е. представляют собой внешне сравнительно легко уловимое выражение коренных свойств этноса. Но в некоторых случаях, когда мы не располагаем достаточно наглядными этническими показателями, эндогамия, на наш взгляд, может служить дополнительным критерием для определения — является ли та или иная общность этносом или не является таковым. В частности, в споре о том, что является основной этнической ячейкой первобытного общества — род или племя, критерий эндогамии явно говорит в пользу эндогамного племени, а не экзогамного рода. Полагаю, что и в некоторых других спорных случаях критерий эндогамии может оказаться полезным для решения вопроса, является ли рассматриваемая общность этнической.

М. С. Иванов. Мы обсуждаем важный вопрос, имеющий очень большое принципиальное значение для нашего Института, для того направления, в котором развиваются исследования в Институте этнографии АН СССР.

Прежде всего о терминах «этнос» и «эндогамия». Во вступительном слове Ю. В. Бромлей, отметил различие в понимании им терминов «этнос» и «этническая общность». В его статье такое различие не проводится. В беседах, которые у меня были с Ю. В. Бромлеем, он тоже говорил, что этнос — это и есть этническая общность. Из его объяснений, которые мы слышали, я так и не понял, в чем же, по его мнению, отличие между этносом и этнической общностью. В таком случае, зачем же вводить новый термин вместо бытующего в нашей литературе термина «этническая общность»? Что такое этнос? Этнос — греческое слово, означающее народ. В этом термине, мне кажется, исчезает специфика этнической общности как общественно-исторической категории, стирается специфика этнической общности в различные периоды развития человеческого

³ Л. Н. Гумилев, О термине «этнос». «Доклады Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 14.

общества. Так что вопрос о том, стоит ли заменять термин «этническая общность» термином «этнос», еще следует внимательно обсудить.

Обычно в нашей исторической литературе термин «эндогамия» применялся и применяется главным образом в отношении первобытнообщинного строя. Конечно, можно применять этот термин расширительно, но все же, употребляя его применительно к современности, мы невольно стираем разницу между первобытнообщинным строем и современным обществом.

Теперь по существу той концепции, которую предлагает Ю. В. Бромлей. Конечно, нельзя отрицать, что брак внутри данной этнической общности играет существенную роль в ее жизни, но не единственную и не решающую.

В статье Ю. В. Бромлея эндогамия рисуется как главный объективный механизм этнической интеграции. Ю. В. Бромлей пишет, что «эндогамия присуща этносу с момента его зарождения», а значительное нарушение эндогамии этноса ведет к его исчезновению, ведет к его разрушению. Следовательно, без эндогамии нет этноса, нет этнической общности.

Эндогамия, по мнению Ю. В. Бромлея, играет роль генетического барьера, т. е. сохранения общего генофонда, генов, присущих данному этносу. Отсюда автор обсуждаемой статьи делает вывод, что «эндогамия — это характерная черта этноса», в то время как другие признаки этнических общностей — территориальные, языковые, культурные — присущи большинству других видов социальных институтов и поэтому, надо **сделать вывод, не являются характерными чертами этнической общности.** Ю. В. Бромлей, перечисляя другие признаки и факторы формирования этнической общности, проходит мимо экономических связей. Эти связи в его статье, да и в выступлении, отсутствуют в качестве фактора, который играет большую роль в формировании и развитии этнической общности.

Эндогамия характерна и для этноса первобытнообщинного строя, и для нации то есть современного общества. Из этого приходится сделать вывод, что она сохраняет при помощи генетического барьера в этносе общий генофонд. Но при таком толковании этническая общность теряет исторический характер, характер общественно-исторической категории. Специфика этнических общностей различных периодов развития человека, различных общественно-экономических формаций таким образом исчезает. По концепции Ю. В. Бромлея получается, что посредством эндогамии, которая создает этнический барьер, этнос сохраняет свою специфику и на этапе первобытнообщинного строя, и на этапе развития нации. Это следует из всей его концепции. Имеется, таким образом, прямая линия сохранения специфики этноса на протяжении различных этапов развития человеческой истории, в периоды существования различных общественно-экономических формаций.

В таком толковании этническая общность приобретает характер не общественно-исторического явления и общественно-исторической категории (она изменяется и развивается не в зависимости от общественных изменений, которые претерпевает человеческое общество), а характер биологической категории. И хотя Ю. В. Бромлей здесь говорит, что выступал против того понимания популяции, которое выдвигает Л. Н. Гумилев, но по существу он сам выступает сторонником этой позиции.

Не случайно в резюме статьи Ю. В. Бромлея этническая общность в то же время объявляется антропологической (т. е. расовой) группой. Но мы знаем, что с марксистской точки зрения расовые и этнические общности — это разные категории. Антропологическая общность — группа, которая имеет особые физические, биологические черты, отличающие одну группу людей от другой.

Правда, Ю. В. Бромлей, делает оговорку о значении социальных факторов для этнической общности. Он говорит, что эндогамия является не основным, а дополнительным признаком человеческой общности. Но эти оговорки в его концепции звучат именно как оговорки, так как им не остается места в его схеме. Ведь о роли экономических связей в развитии этнических общностей он даже не упоминает. А языковые, культурные и территориальные связи он считает не характерными признаками этнических общностей.

Какие выводы следуют из всего этого? Во-первых, в концепции Ю. В. Бромлея нег исторического подхода к рассмотрению проблем этнической общности. У него получается, что этнос на стадии нации является продолжением развития этноса, который существовал на самых ранних этапах развития человека. Но вспомните, как резко критиковал В. И. Ленин в своей работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» народника Михайловского, который объявил национальные связи продолжением и обобщением родовых связей.

Во-вторых, в концепции Ю. В. Бромлея о развитии этноса по существу игнорируется значение общественно-экономических факторов, роль общественно-экономических формаций для развития этнических общностей.

В-третьих, он даже не упоминает значения экономических связей для развития этнической общности, а мы знаем, какое огромное значение, особенно при формировании нации, имели эти экономические связи. В. И. Ленин, полемизируя с народниками, особенно подробно все это разъяснял.

В-четвертых, Ю. В. Бромлей объявляет этническую общность в то же время антропологической, т. е. расовой группой. Но это противоречит фактам.

В истории было и есть много таких примеров, когда в состав этнических общно-

стей входят представители различных антропологических типов. Достаточно сослаться на Соединенные Штаты, Бразилию и т. д. Можно сказать, что этнические общности как правило, формируются из представителей различных антропологических групп.

В заключение хочу также отметить совпадение ряда положений концепции Ю. В. Бромлея с положениями книги В. И. Козлова «Динамика численности народов»⁵.

М. Я. Берзина. В своем выступлении М. С. Иванов остановился на резюме (в английском языке) к статье Ю. В. Бромлея, в котором, по словам выступавшего, этническая общность объявляется антропологической группой. Поскольку я переводила это резюме на английский язык, считаю необходимым разъяснить, что в тексте резюме на русском языке не было выражения «антропологическая группа». Там имелось слово «популяция». Перевод его на английский словом «population» сделал бы текст двусмысленным, непонятным. Поэтому я перевела это слово несколько более общим выражением «anthropological group», которое в английском языке, как известно всем специалистам по зарубежной этнографии, означает не только антропологическую, но и этнографическую и этнокультурную группы в самом широком смысле слова и отнюдь не тождественно понятию расовой группы; это понятие выражается по-английски словами «racial group». Переводить обратно с английского языка на русский выражение «anthropological group» словами «антропологическая группа» и тем более «расовая группа», как это сделал М. С. Иванов, неправильно.

Д. Д. Тумаркин. Мне кажется, что М. С. Иванов неправильно понял и истолковал ряд положений статьи и выступления Ю. В. Бромлея. Так, Ю. В. Бромлей ясно сказал о соотношении понятий «этнос» и «этническая общность». Об этом же немало говорилось ранее на страницах «Советской этнографии». Ю. В. Бромлей нигде не утверждал, что этнос — вечный социальный организм, дошедший до нас из первобытности. Этносы возникают и исчезают, трансформируются в ходе социально-экономического развития человечества. Параллельно изменяются и формы эндогамии, но она характерна для всех типов этноса.

Одна из существенных особенностей современного научного прогресса — синтез научных знаний на основе взаимодействия общественных и естественных наук. Например, для решения проблемы происхождения полинезийцев и путей заселения Полинезии недостаточно материалов только общественных наук. Исследователи этой проблемы широко привлекают данные антропологии, палеогеографии, ботаники, зоологии и даже океанологии и метеорологии. При изучении этногенеза полинезийцев приходится оперировать такими понятиями, как «популяция», применять термин «изоляция», ибо полинезийская этническая общность возникла в условиях длительной изоляции из одной или нескольких групп морских скитальцев. В этой изоляции завершилось формирование полинезийского антропологического типа, сложились полинезийский язык-основа и многие особенности общеполинезийской культуры. Конечно, миграция предков полинезийцев на острова Океании, особенности расселения в островном мире, степень изолированности отдельных групп и т. д. определялись социальными факторами, прежде всего уровнем социально-экономического развития. Но эти социально-исторические процессы происходили в определенной естественной среде и имели некоторые (разумеется, вторичные производные) антропологические последствия.

То же самое можно сказать об эндогамии, весьма характерной для этносов, на которые со временем разделилась полинезийская этническая общность. Этот обычай, как правило, сохранился у них и в условиях колониального режима. На Гавайских же островах, где под действием конкретных социальных факторов возобладали смешанные браки, происходит размывание местного полинезийского этноса (гавайцы) и даже возникает опасность его исчезновения.

Мне представляется плодотворной попытка Ю. В. Бромлея обогатить наши представления об этнических процессах; его основные выводы подтверждаются полинезийским материалом. Этнографы хорошо знают, что большинство браков заключается в пределах конкретного этноса, если он находится в устойчивом состоянии, и что эта закономерность характерна для этносов всех типов. Поэтому прав Ю. В. Бромлей, считая эндогамию (в широком значении этого термина) дополнительным признаком этноса как социального института; очевидны также генетические последствия длительной эндогамии. Все это вполне укладывается в марксистское понимание диалектической связи биологического и социального. Было бы желательно, чтобы Ю. В. Бромлей продолжил работу над данной темой, конкретизировав и развив те положения, которые в статье «Этнос и эндогамия» изложены по необходимости кратко.

С. А. Арутюнов. Я поддерживаю мнение о необходимости разграничения терминов этнос (народ), этническая группа (совокупность народов), этнографическая группа (часть народа) и этническая общность (общее родовое понятие для данных видовых). Эндогамию же лучше понимать только как запрещение браков вне группы, а в данном случае — говорить об определенной оформленности или ограниченности кругов брачных связей.

⁵ Завершая свое выступление, М. С. Иванов высказал критические замечания по поводу книги В. И. Козлова «Динамика численности народов» (М., 1969). Как отмечали участники обсуждения, эти замечания не имеют прямого отношения к теме дискуссии. Поэтому они не публикуются редакцией.

Далее, надо отметить, что при любом проценте смешанных браков, если их потомство распределяется поровну между брачующимися этносами, этнос не убывает. Таким образом, дело не в проценте смешанных браков, а в социальной обусловленности этнического выбора у потомков.

Вообще брачные связи — это лишь часть общей совокупности всех коммуникативных, информационных связей, которая и определяет целостность этноса. Правда, они особенно важны как канал передачи не только культурной, но и генетической информации. В этой связи сопоставление понятий этноса и популяции представляется весьма плодотворным. Генетические и социально-культурные барьеры во многом совпадают, но нужно лишь отметить, что со временем многие из них исчезают, и особенно сильно стерты они именно в нашей стране. Это, бесспорно, факт положительный.

В статье Ю. В. Бромлей эндогамия не выдвигается как главный фактор. Наоборот, автор подчеркивает, что это — существенный дополнительный ориентир. Действительно, это один из частных ориентиров для выявления общего комплекса связей. Мне кажется, что Ю. В. Бромлей не подменяет общественных категорий биологическими и между позициями Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлей имеется коренное различие.

В обсуждаемой статье речь идет о том, что, когда оформленность брачных связей резко меняется, когда возрастает процент смешанных браков, происходит этногенетический перелом. Пониманию механизма этой перестройки очень помогает работа Ю. В. Бромлей.

Что касается того, что не упоминаются экономические связи, то все мы, марксисты, знаем, что экономика — это определяющее явление в развитии любой общественно-экономической формации. Поэтому, если мы иногда оставляем экономику за скобками, то это не значит, что мы ее игнорируем. В целом статья Ю. В. Бромлей, которая, разумеется, содержит и поднимает целый ряд дискуссионных вопросов, на мой взгляд, заслуживает самой положительной оценки, и критика в адрес ее автора в значительной степени основана на недоразумении. То же, кстати сказать, относится и к упоминавшейся здесь книге В. И. Козлова, но это уже предмет для отдельного обсуждения.

С. А. Токарев. В статье Ю. В. Бромлей мы находим существенно новый подход к теме, которая в последнее время вызвала оживленный обмен мнениями. Она открывает новый этап в изучении этнической истории — сказано принципиально новое слово.

Не в том, пожалуй, дело, что Ю. В. Бромлею удалось подметить еще один признак этнической общности. Эти признаки уже не один раз фигурировали в литературе. Является ли эндогамия одним из признаков этнической общности? Несомненно. В обсуждаемой статье это подтверждено бесспорными статистическими подсчетами: если предпосылка однонациональных браков доходит до 90—99%, то что это, как не эндогамия?

Существенное значение имеет попытка автора подойти к этнической общности как к системе, структурному целому. Эндогамию можно рассматривать как своего рода структурообразующий элемент этнической общности. Ведь те признаки этнической общности, о которых обычно говорят, определяют принадлежность индивидуума к данной общности. Если человек говорит по-русски или по-французски, это обычно означает, что он русский или француз, если человек обладает культурным обликом якута или узбека, это означает, как правило, что он якут или узбек. Отрыв человека от культурной общности тем самым как бы ставит его вне этой общности. В то же время изменение культурного облика, даже языка, значительной частью коллектива не уничтожает самой этой общности. Данная общность может разделяться на 2—3 части по языку, культуре, оставаясь сама собой. Мордва говорит на эрзянском и на мокшанском языках, сознавая себя мордвой; ирландцы говорят по-английски и по-ирландски, оставаясь ирландцами.

Другое дело с эндогамией. Она относится не к одному человеку. Русский человек может жениться на грузинке, узбечке, но он не перестанет быть русским. Зато «прорыв эндогамии», когда он нарастает статистически и превышает какой-то максимум, это — угроза существованию этноса, раскол этнического барьера, что приводит к расшатыванию или к распаду этноса. Словом, этот статистический признак относится не к отдельному лицу, а к системе в целом, именно к данному целому коллективу.

Мне кажется, что и в самой статье, и в прениях излишнее внимание обращено на биологическую сторону дела, которая не играет в этом вопросе столь большой роли. Если бы Ю. В. Бромлей эту страничку изъясил из статьи, ее основное содержание от этого не изменилось бы. Даже если все человечество представляло бы собой абсолютно единый расовый тип, различаясь только по культуре и языку, то и тогда положения статьи сохранили бы полную силу. Лучше было бы, чтобы большее место в статье было отведено рассмотрению культурной общности народов, которая находится в определенной взаимозависимости с той же эндогамией.

По этому поводу вспоминаются взгляды французского ученого Леруа-Гурана, который впервые попытался подойти к этносу как к структурному целому, системе. В то время как Ю. В. Бромлей говорит об этносах, размежеванных между собой как реальные живые общности, Леруа-Гуран рассматривает этносы как необходимые формы существования человеческой культуры, которые обязательно принимает культура, концентрируясь в определенных группах.

Н. Н. Чебоксаров. Я с большим интересом прочел статью Ю. В. Бромлей и полностью согласен с основными ее положениями. Меня удивило, что автора упрекают

в неисторическом понимании этноса или этнической общности. Ведь обе эти категории являются бесспорно историческими (этническая общность более широкая категория).

На заре человеческой истории не было этнических общностей. Но уже тогда существовали люди, общество и труд. Мы начинаем вместе с археологами рассматривать сложный процесс формирования первобытных племен. В будущем высшие формы этнических общностей — социалистические нации и народности, существующие в советском обществе, — сольются в единое целое.

В статье Ю. В. Бромлей нет и намека на отрицание роли социально-экономического развития в формировании различных типов этнических общностей. Все мы, работая над проблемой формирования наций, пользуемся классическим трудом В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», где показана роль экономических связей, слияния местных рынков в один рынок для процесса формирования наций, как одного из видов этнической общности.

Этнической общностью следует называть широкую категорию, включающую не только народы или этносы, но и подразделения этих народов, группы родственных народов, имеющие целый ряд общих культурных и языковых черт, вроде восточных славян; об этом я уже писал в журнале «Советская этнография» в 1967 г.

Конечно, различные типы этносов коренным образом отличаются друг от друга. Этнос — историческая категория так же, как и класс. Но было время, когда не было классов, и мы живем в период, когда классы постепенно исчезают. Были классы рабов и рабовладельцев, крепостных крестьян и феодалов, рабочих и капиталистов. Даже в советском обществе существуют дружественные классы рабочих и крестьян. Но кому же придет в голову говорить, что «класс» — не историческая категория. Подобно этому, «этнической общностью» можно называть племя или группу племен, народность, буржуазную и социалистическую нации. Но никому не придет в голову делать из этого вывод, что между племенами, этносами средневековья и нациями нет качественных различий, связанных с социально-экономическим развитием.

Однако между всеми этими этническими общностями (племенами, группами племен, народностями и нациями) есть и нечто общее, как и между всеми классами. Каждая нация, в том числе и социалистическая, является народом. Разве русская социалистическая нация или любая другая — не народ? Но не каждый народ является нацией.

Несколько слов об эндогамии. В растительном и животном мире это явление, при котором скрещивание между родственными группами или индивидами происходит более часто, чем можно было бы ожидать при панмиксии, т. е. при совершенно равноправном скрещивании.

В истории человечества также встречаем эндогамию и экзогамию. Экзогамия в первобытном обществе — абсолютный запрет, одна из первых норм поведения, ограничивающих человека от животных. Эндогамия же обычно не является абсолютным запретом. Поэтому удобнее пользоваться термином «эндогамия» так, как это делает Ю. В. Бромлей, то есть рассматривать ее как явление, при котором большинство браков заключается внутри ограниченной группы. Эндогамия в виде абсолютного запрета нет не только в современном обществе, но и у большинства народов предшествовавших исторических эпох.

Несколько слов о соотношении этноса и популяции. Все мы, марксисты, сознаем примат социального над биологическим. В любой этнической общности брачные отношения, как внутри, так и вне ее регулируются определенными социальными факторами. Любая этническая общность представляет собой не биологическое, а социальное явление. Таким образом, закономерности развития всех этнических общностей, отношения между этническими общностями являются социальными. Однако каждая из конкретных этнических общностей всегда отличается преобладанием браков внутри нее. Это явление, общественно обусловленное, приводит к тому, что этническая общность приобретает относительную замкнутость. Она имеет тенденцию приобрести некоторые общие морфо-физиологические черты, стать популяцией в связи с действующими генетическими законами, в частности, генетико-автоматическими процессами.

Однако этот процесс исключительно разнообразен, он протекает в самых разных формах. Ю. В. Бромлей отметил только тенденцию к приобретению этническими общностями разных типов некоторых общих антропологических особенностей в результате того, что эти общности могут выполнять функции популяций.

Ни один этнос не формируется на основе биологических связей, но известная тенденция к популяционной консолидации у него нередко имеется. Вряд ли справедливо мнение, что популяций в биологическом смысле у человека нет. «Биологическое» у людей не уничтожено, но подчинено «социальному». Внутри человеческих популяций браки регулируются законами социального характера. Нет свободного скрещивания, но есть преобладание браков внутри определенного этноса. Именно это и стимулирует тенденцию к популяционной консолидации. Так, например, японцы — одна из крупнейших буржуазных наций — имеют тенденцию стать популяцией, обладающей некоторым общим генофондом. Недаром в «Атласе народов мира» на карте современных рас, составленной крупнейшим специалистом Г. Ф. Дебеком, японцы закрашены особым цветом. Но мы знаем, что японский этнос сложился по крайней мере из трех этнических и вместе с тем расовых компонентов. По антропологическим материалам население Японии было смешанным, но на протяжении примерно двух тысячелетий

сформировался японский антропологический тип, в котором только с трудом прослеживаются следы его смешанного происхождения.

В. В. Похшишевский. Хотя термин «эндогамия» давно бытует в этнической науке, статья, которую мы сегодня обсуждаем, вносит в его традиционную трактовку немало нового. В ней правильно ставится вопрос о возможности применения этого термина и в узком, и в широком смысле слова. И, конечно же, законен и широкий смысл. Если понятие «эндогамия» применять даже в отношении браков внутри классовых или сословных групп, то и здесь эндогамия будет выступать как стабилизатор любой подобной группы.

Но в применении к этническим явлениям явление «эндогамии» приобретает особенное большое значение. Почему? Потому что ни в одном другом случае, применительно ни к одной другой общественной группировке, она не проявляется столь отчетливо. Даже для конфессиональных групп приходится в меньшей степени говорить об эндогамии как о стабилизаторе.

Лишь беглая фраза в статье посвящена тому, что отмеченная в ней тенденция эндогамии показывает, что не род, а племя должно рассматриваться как основная этническая группа, но это вносит существенный вклад в наши представления о первобытном обществе.

Марксизм недвусмысленно учит нас тому, что, не зная на примат социального над биологическим, человек «не выпрыгивает» из природы, остается ее частью. Статья ценна тем, что в ней сделана попытка показать конкретный механизм связей социального с биологическим. Подключение к обычным категориям этнографической науки представлений о популяциях, о демах расшифровывает этот механизм, и я не вижу в этом никаких опасностей «биологизации» нашей науки.

Полагаю, что в дальнейшем надо: 1) Совершенствовать математический аппарат рассмотрения механизма «гомозитичности» браков. Хотя написано немало статей, говорящих о сравнительной вероятности однородных и смешанных браков, утверждать, что у нас здесь имеется окончательно отработанная методика, пока не приходится. По-видимому, нужно ввести в вероятностные показатели факторы распыленности или компактного расселения, а у нас пока вообще еще нет «меры этнической мозаичности». 2) Попытаться определить (это, видимо, задача антропологов) те отрезки времени, в течение которых создается (или стабилизируется) «генофонд», позволяющий говорить о четкой популяции. В статье упомянут период в 5—6 поколений — в 100—150 лет, в течение которых этнос может размыться. Разработка выраженных в поколениях показателей для формирования этнически устойчивой популяции приблизила бы нас и к решению вопросов расообразования.

Л. А. Фадеев. В своей статье Ю. В. Бромлей не делает различия между институтом эндогамии, который свойствен первобытным народам, и эндогамией в применении к современным этносам, которые живут в условиях капиталистической и социалистической формаций. Несмотря на то, что в обоих случаях выступают и биологический, и социальный факторы — это качественно различные институты, ибо социальные факторы, действующие в наше время, претерпели большие качественные изменения в сравнении с первобытным обществом.

Предложенное Ю. В. Бромлеем расширительное значение термина «эндогамия», вопреки мнению Н. Н. Чебоксарова, нельзя употреблять взамен привычного нам его значения.

Институт эндогамии, подобно самому институту брака, должен существенно меняться на различных исторических уровнях. Говоря о преимущественных браках, следовало бы в каждом случае анализировать конкретную социальную обстановку и выяснять характер брака, брачных условий и запретов на каждом историческом уровне.

Представляется сомнительным положение о едином брачном круге внутри этноса. Факторы, образующие границу эндогамии между этносами, препятствуют возникновению брачных связей внутри самого этноса: дальность расстояний и пр.

Положение о брачной непрерывности необоснованно. Так, в России в XVII в. социальные факторы препятствовали заключению браков между территориальными группами (население разного рода владений, слобод и пр.). Брачный круг в некоторых случаях мог существовать, а в других случаях условий для его возникновения нет.

К такому явлению, как этнос, не следует подходить однозначно. Этнос — явление сложное, непрерывно развивающееся. Вероятно, для этноса одинаково характерна тенденция к эндогамности (в смысле термина Ю. В. Бромлея) и, в то же время, тенденция к общению с другими этносами, в том числе и брачному.

Я думаю, для человека свойственно сознание единства своего вида и, поэтому, нет избирательности в отношении других этносов.

Если мы возьмем фольклорные материалы, мы обнаружим, что в фольклоре «эндогамность» этноса совершенно не отражается. Напротив, материалы последнего говорят о широких брачных связях героев сказок и мифов.

Таким образом, при рассмотрении проблематики интеграции этноса следует учитывать эти противоречивые, противоположные тенденции.

Ю. В. Ганковский. В небольшой по объему статье Ю. В. Бромлея ставится интересная и важная в научном отношении проблема. Естественно, что на восьми страничках журнального текста нельзя было исчерпать весь комплекс сложнейших вопросов, связанных с формированием и развитием этнических общностей. Поэтому мне пред-

ставляется оправданным, что Ю. В. Бромлей сконцентрировал свое внимание только на одном из этих вопросов — соотношении категорий этноса и эндогамии. Полезнее для дела критиковать эту статью не за то, чего в ней нет, а попытаться по достоинству оценить то новое, что она вносит в наши представления об этнических процессах, протекающих в современном мире.

Все мы знаем, что этническая общность это, прежде всего, общность социально-экономическая. В первую очередь и главным образом, но не исключительно. Как всякая живая система (пользуясь социологическими категориями) она несет в себе и некоторые биологические черты. Этнические общности потому и называют социальными организациями, что они, как всякие живые системы, развиваются, воспроизводят сами себя. Но в социологии живые системы обычно трактуются, как системы открытые. Из самой постановки вопроса в статье Ю. В. Бромлея следует, что этнические общности он считает закрытыми живыми системами. Это положение, как мне кажется, нуждается в дальнейшем теоретическом развитии и обосновании.

Мне представляется весьма продуктивной высказанная Ю. В. Бромлеем мысль о том, что эндогамия является своеобразным «интегратором основных компонентов этноса». Конечно, этнические общности формируются в результате взаимодействия многих, весьма разнообразных по характеру и направленности, факторов. Тем более важно выяснить механизм этого взаимодействия. Поэтому попытку Ю. В. Бромлея исследовать роль эндогамии, как определенного рода регулятора этнических процессов следует оценить положительно. В этой связи, как мне кажется, заслуживает дальнейшего изучения и обоснования высказанная Ю. В. Бромлеем гипотеза о том, что «нарушение эндогамии в пределах 10%» не сопряжено со сколько-нибудь значительными последствиями для этноса.

Обращает на себя внимание, что, ставя по-новому вопрос о соотношении категорий этноса и эндогамии, Ю. В. Бромлей сумел избежать односторонней переоценки, преувеличения роли эндогамии в этнических процессах. Как он справедливо пишет, «и при сохранении этносом эндогамии не исключена возможность коренной его модификации, включая появление нового этнического самосознания». Это важное положение также заслуживает дальнейшего обоснования и изучения.

Статья Ю. В. Бромлея — новое слово в науке. В любом плане — как факт нашей научной жизни — она заслуживает самой положительной оценки.

Я. Я. Рогинский. Я взял слово для очень краткого выступления. Краткость его объясняется, во-первых, моей специальностью: я антрополог и никоим образом не могу входить в обсуждение специальных вопросов этноса и эндогамии, которые были здесь так интересно освещены специалистами. Во-вторых, передо мною выступал очень квалифицированно антрополог Н. Н. Чебоксаров и я, собственно, хочу только присоединиться к заключительной части его выступления. Главная острота полемики, которая здесь возникла, заключается в обсуждении того — биологизируются ли социальные явления. Как антрополог я абсолютно не уловил такой биологизации.

Границы расы, антропологического типа и этноса исторически могут совпадать. Таких примеров очень много и профессионально мы этому радуемся, потому что это дает возможность использования антропологического материала как исторического. Биологизация начинается с того момента, когда обществу приписываются биологические законы, когда общество рассматривается как следствие расы. Ничего подобного в очень интересной и ценной статье Ю. В. Бромлея я не усмотрел.

Мне, как антропологу, которому приходилось писать статьи, касающиеся расизма, хочется напомнить об одном обстоятельстве: раса, с точки зрения советских антропологов, никогда не выступает сама по себе как причина исторических явлений, но раса может играть огромную роль, как явление, отраженное сознанием. Спросите негра, играет ли цвет кожи роль в его настроении, когда он входит в некоторые учреждения США?

А. В. Ефимов. Обсуждаемая статья Ю. В. Бромлея называется «Этнос и эндогамия». Из заголовка следует, что в статье изучено только соотношение между этносом и эндогамией. Можно ли вообще изучать отдельные стороны этнического развития? Не только можно, но и необходимо, потому что, не абстрагируя отдельных сторон общественных явлений, мы не сможем изучать жизнь общества.

Второе замечание. В столь квалифицированной аудитории, как настоящая, всем известно, что мы, марксисты, признаем роль экономического базиса. Между тем, М. С. Иванов сказал, что в обсуждаемой статье нет ни одного упоминания об экономической стороне жизни общества, классах. Вероятно, он невнимательно читал статью. А между тем в ней много таких указаний, в частности, вот одно из них: «Даже классы, а тем более сословия в тех случаях, когда они в большей или меньшей степени эндогамны, приобретают некоторые этнические свойства. В этой связи вспоминается ленинское указание о том, что при капитализме „есть две нации“ в каждой нации» (стр. 90).

Очень важен вопрос относительно общей направленности статьи. В Институте этнографии есть отдел антропологии. Нужен ли он в Институте, если учесть, что всякое обращение к антропологии — это биологизация общественных явлений? Мне кажется, такая постановка вопроса основана на недоразумении.

На последнем общем собрании Академии педагогических наук в выступлениях очень много говорилось, что один из самых больших недостатков современной педа-

гогической науки — недостаточное внимание к биологии, к биологическим процессам развития ребенка и подростка. И для этнографии вниманию к биологическим сторонам в общественном развитии совершенно необходимо. Есть единая история природы и общества. Создавать безлюдную этнографию, оторванную от не вызывающего сомнений факта, что именно люди с их биологической и общественной природой делают историю и создают этнические общности, никак не приходится.

Я считаю, что статья Ю. В. Бромлей очень полезна. Это, безусловно, марксистская научная статья, которая является некоторым показателем научного развития и роста нашего Института. Наблюдая работу нашего Института, участвуя в ней, я с большим удовлетворением могу отметить значительное улучшение этой работы, рост Института, большое внимание к теоретическим проблемам.

И. С. Гурвич. Статья Ю. В. Бромлей привлекает большое внимание, так как в ней сделана попытка осмыслить сущность основной категории, которой оперирует наша наука. Автор взял на себя труд осветить внутреннюю механику устойчивости этноса и указал на большое значение брачной замкнутости или круга брачных связей. Браки, заключаемые в пределах данного этноса, именуются в статье эндогамными. Ничего плохого в том, что термин «эндогамия» толкуется расширительно, я не вижу. Лучше использовать имеющийся термин, чем вводить в науку какой-либо новый. М. С. Иванов указывал здесь, что термин эндогамия имеет привкус первобытности, но в этот термин не всегда вкладывают «первобытное» содержание.

Выдвинутая и обоснованная в обсуждаемой статье гипотеза может быть подтверждена фактическим материалом по малым народам Крайнего Севера. В 1844 г. камчатскими властями в центре полуострова была обнаружена группа эвенов, оторвавшаяся от своих сородичей. Она состояла из двух в прошлом взаимно брачующихся родов — Долган и Улган.

В 1957 г. мне пришлось обследовать этих так называемых быстринских эвенков Камчатки. Они насчитывали в своем составе около 400 чел. У быстринцев почти за сто лет обособленного существования сложился свой диалект, свои особенности в культуре. Это результат эндогамии. Быстринцы редко смешивались с соседями — коряками, ительменами, так как этому препятствовали языковой барьер, различия в хозяйстве и обычаях.

Можно привести немало примеров по Северу и того, как прорыв эндогамии приводит к разрушению этноса, образованию новых этнических общностей. Укажу на алеутов Командорских островов. Первые алеуты были доставлены сюда в 1826 году, они смешивались с приезжими рабочими — русскими, украинцами, цыганами, но преобладали браки, заключаемые в своей среде. В связи с этим, хотя хозяйство островитян менялось, прочно сохранялись алеутский язык, самосознание, ряд культурных особенностей. Но в последние десятилетия положение изменилось. Освоение островов вызвало наплыв переселенцев. Смешанные браки алеутов с пришельцами, как показала наша экспедиция 1968 г., составляют около 40%. Преобладающая часть алеутов распределена по смешанным семьям. Из среды пришлого населения алеутов выделяет лишь особое национальное самосознание и некоторые особенности в быту. Однако это временные факторы.

Несколько слов по поводу выступления Л. А. Фадеева. Действительно, многие народы имеют сложную этническую структуру, и, естественно, браки заключаются преимущественно в отдельных локальных или этнографических группах. Но при этом имеются потенциальные возможности для заключения браков и за пределами своей группы, препятствием служит обычно расстояние. При усилении общения это препятствие, так же как и другие, снимается и брачный круг расширяется.

Статья Ю. В. Бромлей представляется мне важным шагом вперед в изучении этноса.

А. И. Першиц. В статье Ю. В. Бромлей статистически установлен тот факт, что этническая общность в силу абсолютного преобладания в ней эндогамных браков в той или иной степени совпадает с популяцией, то есть с биологической общностью. Этот факт мог бы быть оценен более точно — не просто в процентах одноэтнических браков, а с использованием метода сопоставления показателей одноплеменной к смешанной брачности. Однако и принятый автором метод оценки вскрывает несомненный факт, следовательно, обсуждать можно лишь вытекающие из него выводы.

Известное совпадение границ этнической и биологической общности может быть истолковано с принципиально различных позиций — расистских и антирасистских. Расисты пытаются говорить о доминирующей роли биологической общности, якобы обуславливающей собой свойства этноса, определяющей его историю и культуру. В действительности, известное совпадение границ этноса и популяции — продукт исторического развития: исторически сложившаяся общность территории, языка, культуры и так далее в результате действия эндогамии приобретает характер также и биологической общности. Таким образом, показав роль эндогамии в соотношении этноса и популяции, Ю. В. Бромлей дал еще один теоретически важный аргумент для борьбы против расизма и тем самым внес серьезный вклад в нашу науку.

Вместе с тем статья, на мой взгляд, не свободна от нечеткостей. Я считаю, что об эндогамии можно говорить как о стабилизаторе, но не как об интеграторе этнических общностей.

З. П. Соколова. В одной из своих работ я сделала вывод, который совпадает с выводами статьи Ю. В. Бромлей: «Думается, что определенное значение в сложении

этих групп играли брачные связи, так как при преобладании браков в пределах этнических групп и могли сформироваться особенности языка, культуры и быта»⁶ (речь идет о этнографических, территориально-диалектальных группах хантов и манси). Архивные материалы XVIII—XIX вв. показывают, что у обских угров преобладали браки в пределах административных волостей (например, в пределах Березовского уезда), которые, по всей вероятности, совпадали с территориально-диалектными группами хантов и манси.

Этот материал подтверждает положение Ю. В. Бромлея относительно роли преемственности мужественного заключения браков внутри этнических групп для сохранения их устойчивости. У хантов и манси не столько семья, сколько женщина, была носителем традиций, которые переходили из поколения в поколение. Естественно, если женщины брали в пределах определенной территории, то наблюдалась и преемственность в культуре. Как отмечал автор статьи (об этом же говорил С. А. Токарев), роль эндогамии, замкнутости брачных связей, преобладающих браков внутри определенной группы, влияние эндогамии на сохранение устойчивости этноса были известны. Но изучали мы обычно роль смешанных браков. Заслуга Ю. В. Бромлея в том, что он подчеркнул именно роль эндогамии.

Представляется, что следовало бы обратить внимание на взаимосвязь эндогамии со всеми остальными особенностями этноса, которые сами влияют на сохранение этноса. Вероятно, не следует считать эндогамию признаком, доминирующим над всеми остальными особенностями этноса. Надо учитывать также, что при прорыве эндогамии происходит не только разрушение этноса, но и создание нового этноса. Следовательно, и эндогамия, и ее прорыв являются признаками этноса. Лишь на определенном этапе существования этноса эндогамия может являться его признаком.

Г. Е. Марков. Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия» — примечательное событие в научной жизни этнографов. И прежде всего это связано с содержанием работы, ее направлением, с тем, что в ней ставятся впервые многие важные и интересные теоретические проблемы и намечаются существенно новые перспективы исследования вопросов, связанных с формированием этнических общностей. Основное новое, что усматривается в статье, это разработка проблем взаимосвязи эндогамии этноса, действия объективного механизма этнической интеграции; взаимоотношения эндогамии и «генетического барьера» и различного порядка этнических образований и «популяций», содержащих определенный генофонд. Следует сразу сказать, что высказанные в адрес Ю. В. Бромлея упреки в «биологизации» рассматриваемых явлений не имеют под собой оснований. Биологическим явлениям отводится то место, какое они заслуживают, и автор достаточно ясно подчеркивает первенствующее значение в развертывании этнических процессов социально-экономических, политических и других факторов.

Ю. В. Бромлей рассматривает значение брачных ограничений, эндогамии главным образом, на примере земледельческих народов. Есть основания считать, что его теоретические выводы особенно наглядно и убедительно могут быть применены к кочевничеству. Общеэтническая организация, племенная структура кочевников связана с эндогамией и «генеалогическим родством». Поэтому эндогамия играет существенную роль в этнических процессах у подвижных скотоводов. Но при этом, в случае необходимости, довольно легко происходит прорыв брачных барьеров, оправдываемый традициями «генеалогического родства».

Очень важно, что Ю. В. Бромлей обратил внимание на значение проблем популяций, генетического барьера применительно к этническим явлениям. По существу, эта первая постановка данного вопроса в этнографической литературе. Эти проблемы должны разрабатываться и дальше. Можно думать, что не следует дословно переносить биологическое определение популяции на человеческое общество. И здесь открывается большой простор для теоретической мысли: каково соотношение популяций и не больших изолированных общностей; крупных народов, обитающих в однопациональных странах; народов в многонациональных государствах и т. д.

Остановлюсь на некоторых замечаниях, сделанных автору статьи. Ему было брошено обвинение в том, что некоторые его положения близки к взглядам народников, и в частности Михайловского, подвергнутых В. И. Лениным суровой критике. Отвечая народникам, В. И. Ленин высмеял их предположение о том, что национальные государства являются продолжением и развитием родовых. Таким образом, В. И. Ленин рассматривал проблему развития общественной организации, социально-экономических общностей (см. В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократии?, Полн. собр. соч., т. I, стр. 153, 154). Статья Ю. В. Бромлея посвящена частной проблеме, не рассматривает развития социально-экономической общественной организации, а трактует этнические общности, этнос, что далеко не одно и то же. Таким образом, обвинение попадает не по адресу.

Теперь о терминологии. Что касается терминов, связанных с определением этнических общностей, то здесь возражений нет. Но в отношении расширительного толкования термина «эндогамия», следует согласиться с С. А. Арутюновым, что оно не совсем удачно. Как потому, что оно лишает этот термин конкретности, так и из-за

⁶ Глава «Социальная организация обских угров и селькупов» в монографии «Общественный строй народов Сибири в XVII—XIX вв.», в печати.

возможности его «фетишизации» (как с «родом» у кочевников), после чего могут начаться поиски первобытных корней в современных брачных барьерах. Думается, что под собственно эндогамией надо понимать социально и юридически действующий институт, известный у первобытных народов, в кастах, у кочевников и т. п. В рамках современных этнических общностей брачные барьеры не являются прямым запретом, элементом социально функционирующей системы, а лишь отражают определенные социальные, экономические и другие явления.

И последнее: следует подчеркнуть исследовательский дух статьи, стремление к генетической разработке важных вопросов, смелую постановку проблем.

И. М. Золотарева. Обсуждаемая статья Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия» интересна для антропологов не меньше, чем для этнографов. В этнографической литературе не часто обращаются к таким понятиям как популяция, их взаимосвязь и подчиненность, обсуждению значения величины брачного круга. Пользуясь разъяснением автора о применении им термина «эндогамия» (стр. 84), антрополог видит в нем отражение определения «круг брачных связей». А с этим понятием сталкивается любой исследователь, занимающийся конкретной историей развития определенной группы, включая и формирование ее антропологического типа. Действительно, антропологические типы выступают в наиболее определенной, стабильной форме именно в популяции, характеризующейся сравнительно небольшой численностью, ограниченной величиной круга брачных связей, сохраняющегося в течение ряда поколений. Такой первоначальной единицей популяции В. В. Бунак предложил считать «дем», с примерной численностью около 5 тыс. человек. Вероятно, эта величина численности не универсальна, но она подтверждена для ряда популяций русских Сибири.

Если под влиянием каких-либо социальных причин нарушается барьер данного круга, и процесс гетеро-этнических связей приобретает постоянный характер, естественным следствием является «размывание» данного комплекса антропологических особенностей, вступают в силу иные показатели изменчивости.

Относительно количественного выражения метисации — 10—15% смешанных браков, которое считается сравнительно «безопасным» для целостности этноса, — представляется, что здесь следует иметь в виду изначальную численность популяции. Возможно, что, например, для мелких групп коренных народностей севера Сибири «выход» за пределы популяции на этом очень невысоком уровне (10—15%) приведет к сравнительно быстрому изменению ее этнических показателей (как этнографических, так и антропологических).

Весьма сложный вопрос — срок образования популяции, формирования ее современной антропологической характеристики. Недостаточная изученность генетической природы антропологических признаков, в частности расовых, пока не позволяет с достаточной точностью определять «возраст» данной популяционной характеристики группы. Несколько легче представить модель развития изолята, и уже сделаны интересные попытки математического подсчета числа поколений, понадобившегося для образования современного распределения генов групп крови в некоторых группах коренного населения Сибири (Ю. Г. Рычков). Поиски в этом направлении весьма перспективны.

Иногда в ведении популяционно-генетических понятий в анализ этнической истории усматривают некоторую «биологизацию исторического процесса», что связано прежде всего с известной разобщенностью разных разделов науки, занимающихся изучением этнической истории конкретных групп населения, и, с другой стороны, с недостаточно широко поставленной информацией, касающейся развития популяционно-генетических исследований у нас в стране и за рубежом. Небесполезно в связи с этим вспомнить и другую сторону этих исследований, теснейшим образом связанную с борьбой с разными формами расизма, — многократную констатацию антропологами, биологами, генетиками фактов отсутствия биологически вредных последствий межнациональных и межрасовых браков. Это направление работ представлено обширной литературой, но, может быть, наиболее ярким документом является «Декларация о расе и расовых предрассудках» (1967), выработанная ЮНЕСКО, в подготовке которой, особенно в ее биологической части, существеннейшая заслуга принадлежит именно советским антропологам.

В целом, в связи с бурным развитием нового направления науки о человеке, когда все большее значение приобретают результаты антропогенетических исследований популяций человечества, внесение Ю. В. Бромлеем этих конкретных категорий в сумму наших знаний о развитии этноса — явление совершенно закономерное и перспективное.

И. А. Крывелев. В обсуждаемом вопросе следует выделить три аспекта: терминологический, фактический и методологический. Не нужно связывать исследователя обязательством применения общепринятых терминов в их общепринятом значении. Если ему нужно в интересах точности (как он ее понимает), лаконичности или даже эмоциональности изложения создать новый термин, употребить в новом смысле старый или заимствовать термин из другой научной дисциплины, он имеет на это право. Надо лишь, чтобы он при этом точно определил понятие, обозначаемое этим термином, и не подменял значение последнего, а в нужных случаях, применяя термин в другом смысле, специально оговаривал это. В докладе и статье Ю. В. Бромлея понятие и термин «эндогамия» применены в более широком смысле, чем это делается обычно; так как он при этом дает определенное обоснование своей семантики термина и читателю впол-

не ясно, о чем идет речь, то основания для возражений здесь нет. Нужно ли говорить «этнос» или «этническая общность» — опять-таки принципиального значения не имеет; с моей точки зрения, эти термины взаимозаменяемы, а первый имеет преимущество большей законности.

Факты, на которых основаны обсуждаемые доклад и статья, настолько очевидны, что спорить против них — дело безнадежное, да и ненужное. Первым из них является то, что эндогамия закрепляет этнические рубежи, а ее систематическое нарушение так же эти рубежи размывает. Вторым следует признать то обстоятельство, что длительное соблюдение эндогамии способствует закреплению некоторых анатомо-физиологических особенностей, характерных для данного этноса, а в некоторых случаях — возникновению и закреплению новых. При этом, чем меньше масштабы того этноса, о котором идет речь, тем этот процесс идет интенсивней и выражен более ярко. Отсюда, однако, вытекает вопрос, имеющий большое принципиальное значение: не означает ли тезис сопряженности с этносом популяции биологизаторского подхода к общественным явлениям? Полагаю, что обсуждаемые доклад и статья не дают оснований к такого рода опасениям.

В выступлении Л. А. Фадеева было сказано, что так как этнос представляет собой сложное явление, то к нему нельзя подходить «в однозначном плане». Если понимать под «однозначным планом» научный прием абстрагирования одной из сторон сложного явления с целью анализа именно этой стороны, то такое запрещение надо признать не правильным, ибо без анализа отдельных сторон нельзя синтезировать явление в его целом. В данном случае автор поставил своей задачей рассмотреть специально те последствия, — в том числе и биологические, — которые вытекают для этноса из факта длительного и систематически соблюдаемой эндогамии. Важнейшим условием правильности применения этого приема является установление связи рассматриваемой стороны явления со всеми другими сторонами, установление ее места во всем явлении. Протопоказана лишь абсолютизация того вопроса, который интересует исследователя. В данном случае этого нет, так как автор рассматривает трактуемую им биологическую сторону проблемы не как самодовлеющую и абсолютную, а как подчиненную и относительную (см. журнал «Советская этнография», 1969, № 6, стр. 91).

Биологические закономерности в обществе продолжают существовать, поэтому отказываться от их исследования нет никаких оснований. Надо, однако, помнить, что они действуют здесь, будучи включены в комплекс закономерностей более высокого социального порядка, т. е. в диалектически снятом виде. Это касается и важнейшей проблемы нашего обсуждения. Процесс превращения этноса в популяцию происходит в сложном переплетении ряда социальных факторов, некоторые из них сопутствуют ему, другие — содействуют или противостоят, причем влияния последнего рода особенно сильны. Поэтому указанный процесс остается лишь тенденцией, не находящей своего завершения.

В. П. Алексеев. Человек — существо социальное. Это не означает, однако, что биологическая его природа и вызываемые ею закономерности не играли большой роли в его истории. Многие стороны этих закономерностей вошли в историческую науку, изучаются отдельными ее разделами. Так, процесс воспроизводства человека, отражение его в социальных взаимоотношениях поколений широко рассматривается в этнографии, в той ее части, которая занимается изучением семьи. Другому биологическому компоненту человеческой истории — популяции не повезло и она, за немногими исключениями, вообще стоит пока за рамками исторического исследования.

Существует довольно строгая и хорошо разработанная теория популяций в биологии. В первые годы своего возникновения она имела в основном абстрактно-математическую форму, но затем была дополнена многочисленными конкретными наблюдениями, и в настоящее время представляет собою краеугольный камень теории эволюции.

Человеческие популяции, т. е. группы людей, вероятность заключения брака внутри которых выше, чем за их пределами, изучаются пока недостаточно. Само определение популяций говорит, что они отделены одна от другой генетическими барьерами. В биологии в качестве генетических барьеров выступают географические и репродуктивные факторы, у человека огромную, по-видимому, решающую роль приобретают социальные моменты: системы брачных связей, диалектные различия, этнографические традиции, самосознание и т. д. Изучение человеческих популяций пока и проводится преимущественно в части выяснения влияния изоляции на внутриспопуляционную структуру. Однако уже сейчас напрашивается общий вывод, имеющий кардинальное значение для теории расоведения, — популяция представляет собой микроэволюционную ячейку расообразования. Соответственно, старые типологические взгляды на расу как на сумму индивидуумов все больше отходят в прошлое. Место их практически уже заняла концепция расы как иерархии популяций.

Вместе с тем следует, как мне представляется, отметить, что изоляция оказывает значительное воздействие не только на генетическую структуру популяции, но и на ее исторические явления. Внутри изолированной группы фиксируются определенные особенности быта и культуры. Изоляция ведет к выделению диалектных различий в языке. В изолированной группе закрепляется динамический стереотип поведения и создаются предпосылки для формирования самосознания и противопоставления «своих» «чужим».

Этнос также обладает популяционной структурой. Все крупные народы имеют в своем составе многочисленные этнографические группы. Кстати сказать, во

эти группы приурочены к районам большей и меньшей степени изоляции. Этнографические группы в свою очередь распадаются на территориальные общности в соответствии с размерами кругов брачной связи. Последние, как правило, охватывают одно или несколько селений. Это и есть популяции. Таким образом, этнос, как и раса, имеет популяционную структуру.

Значит ли это, что этнические и расовые общности совпадают? Нет, не значит, хотя отдельные примеры географического совпадения этноса и расы имеют место (Япония, частично Восточная Европа, Кавказ, Австралия). В целом между ними нет причинной связи, потому что популяции по-разному группируются в пределах расы и в пределах этноса. В первом случае они группируются в соответствии с преимущественно биологическими законами расообразования, во втором — в соответствии с социальными законами исторических процессов. Скорость действия тех и других различна, поэтому-то расовая структура человечества в основном отражает ранние этапы его истории, поэтому же антропологический материал особенно эффективен как исторический источник, когда речь идет о древних эпохах.

Так как этнические границы в современную эпоху играют роль генетических барьеров, в известной мере этнос можно рассматривать как популяцию, что отмечалось в обсуждаемой статье. Однако, здесь важно учитывать координату времени. Как показывают математические расчеты в теории популяций, превращение многомиллионного этноса в однородную популяцию требует колоссального периода времени, что теоретически хотя и возможно, но практически имеет место редко. Этим, видимо, в первую очередь и объясняется преобладание случаев географического несовпадения расовых и этнических общностей над случаями совпадения.

Л. Н. Терентьева. Вопросы, поднятые в статье Ю. В. Бромлей, меня очень интересуют, так как среди выполняемых мною в последние годы работ значительное место занимают исследования роли семьи в этнических процессах, причем центральное место занимает изучение динамики браков, национальности брачующихся, влияние факторов образования национально-смешанных семей на ход этнических процессов в различных регионах нашей страны. Накопленные нами материалы, на известную часть которых ссылается Ю. В. Бромлей, подтверждают его основные положения о влиянии частоты национально-смешанных браков на формирование этносов. Разделяя точку зрения автора на то, что нарушение эндогамии неизбежно приводит к качественным изменениям данного этноса или двух взаимодействующих этносов, я хотела бы вместе с тем обратить внимание Ю. В. Бромлей и на то, что он, как мне кажется, преувеличивает и абсолютизирует разрушительную силу для этноса фактора этнических смещений в семье, степень модификации этноса и тем более возможность его полного исчезновения. Последнее обусловлено рядом взаимодействующих факторов, которые в конкретной ситуации по-разному влияют на этнические процессы, отраженные в семье, как первичной ячейке общества. При этом результат этнического смешения имеет не только разрушительную, но и созидательную силу, что в статье почти не отмечено.

Мне кажется также неправомерным считать эндогамию, т. е. преимущественное заключение браков внутри данного этноса, непременным свойством этнических общностей и выделять это явление в качестве одного из признаков этноса.

Эндогамия этноса не является чем-то неизменным, навсегда данным. Это явление обусловлено рядом факторов. О некоторых из них говорится в статье, как о барьерах, образующих границы эндогамии. Мне кажется, что эндогамию следует рассматривать не как признак, а скорее как определенное состояние этноса, обусловленное именно наличием барьеров, искусственно сдерживающих естественный процесс межэтнического общения и смешения. По мере исчезновения этих барьеров возрастает интенсивность межэтнического общения, и эндогамия постепенно утрачивает свое прежнее господствующее положение. Эти процессы и тенденции особенно характерны для нашей советской действительности. Таким образом, если и видеть в эндогамии отличительный признак этноса, то следует оговорить, к каким историческим эпохам явление в наибольшей мере относится.

В. И. Васильев. Каждый этнос независимо от его численной величины можно представить состоящим из цепи взаимнопересекающихся эндогамных кругов, которые сами по себе охватывают сравнительно небольшие в численном отношении части этноса, но в совокупности создают тот общий эндогамный круг, который, как справедливо полагает Ю. В. Бромлей, несомненно следует считать одним из важных характерных признаков этноса.

Прорыв эндогамии, как правило, происходит на периферии этноса в результате разрушения его пограничного эндогамного круга (или кругов) при взаимодействии с другим этносом. Результаты этого взаимодействия различны и не обязательно приводят к формированию нового этноса. Часто один этнос при взаимодействии с численно-уступающим ему другим этносом оказывается побежденным. Точнее, пограничный эндогамный круг первого этноса, оказавшись разрушенным и в силу ряда причин изолированным от основного этнического ствола, будучи охвачен другим эндогамным кругом соседнего более малочисленного этноса, может быть последним поглощен. Примером в этом отношении служит процесс сближения на основе энецкого языка лесных энцив и ненцев в низовьях Енисея. Процесс образования нового этноса на основе прорыва эндогамности в одном или нескольких этносах одновременно (или даже их частях) скорее представляется исключением. Обычно происходит последовательное

разрушение внутренних эндогамных кругов одного из этносов, результатом чего является его дальнейшая ассимиляция. Лишь в тех случаях, когда в силу конкретных исторических причин отдельные части крупных или мелких этносов оказываются в отрыве от основных этнических массивов и благодаря этому охватываются новым эндогамным кругом, прорыв эндогамности происходит одновременно в каждой из этих частей и приводит в итоге к образованию нового этноса (например, сложение долган на основе синтеза отдельных групп якутов, эвенков и русских старожилов).

Несколько слов о так называемом эндогамном барьере. Кроме природных условий, государственно-административных границ, а также религии, в числе признаков, способствующих образованию эндогамных границ, можно назвать также факторы этнокультурные и этнопсихологические. В настоящее время в связи с широким освоением природных богатств приток русского и иного некоренного населения в районы Крайнего Севера чрезвычайно возрос. Однако браки между приезжим населением и народами Севера все еще достаточно редки и у последних отмечены главным образом в среде интеллигенции.

Т. Д. Златковская. В этнографической литературе неоднократно обсуждался вопрос о признаках, определяющих этнические общности. В статье Ю. В. Бромлей рассмотрен один из них — эндогамия. Это исследование стоит на стыке биологии и этнографии; в последнее время именно стыковые темы дают науке наибольший эффект. Однако ни из обсуждаемой статьи Ю. В. Бромлей, ни из его докладов нельзя вывести заключения, что эндогамии придается значение единственного или даже ведущего признака этноса. Недавно, например, на заседании этнографической комиссии Географического общества им был сделан доклад, посвященный иному фактору — общности культуры, как одному из признаков, определяющих общность этноса.

Можно привести множество примеров из античной истории, подтверждающих существование эндогамии, строго соблюдаемой не только в масштабе народа, но и полиса (города-государства). Известен закон, изданный Периклом, по которому афинским гражданином считался лишь тот, кто родился от обоих родителей — афинских граждан. По существу, этот закон запрещал или почти сводил на нет экзогамные браки. Эти примеры из греческой мифологии и истории, которые можно было бы умножить, подтверждают роль эндогамии в сохранении античных этнических общностей.

Ю. В. Бромлей (Ответ на выступления). Передавая статью в журнал для публикации в дискуссионном разделе, я тем самым стремился привлечь внимание научной общественности к недостаточно изученному аспекту этнических явлений, узнать мнение коллег относительно поставленных вопросов. Эта цель в ходе настоящей дискуссии достигнута. В ней приняли участие 21 человек и она имела остро полемический характер. И это существенно облегчает мою задачу, ибо во многих выступлениях в той или иной мере уже были предвосхищены мои ответы на отдельные замечания по поводу обсуждаемой статьи.

В ходе дискуссии, к сожалению, не обошлось без некоторых крайностей. В частности, была явно преувеличена значимость обсуждаемой статьи, новизна поставленных в ней вопросов. Ведь применительно к отдельным этническим общностям значения эндогамии отмечалось и прежде (см. выступления З. П. Соколовой, И. С. Гурвича). Словом, идея эндогамности этноса уже давно висела в воздухе, о чем свидетельствует и упоминаемое в статье выступление К. В. Чистова. Что же касается генетического аспекта обсуждаемой проблемы, то его рассмотрение было вообще невозможно до сравнительно недавних существенных перемен в нашей биологической науке.

Другую крайность, на мой взгляд, представляет выступление М. С. Иванова. И, хотя несостоятельность основных положений этого выступления неоднократно отмечалась в прениях, все же нелишне вернуться к нему еще раз.

Прежде всего относительно утверждения М. С. Иванова о том, что употребление термина «эндогамия» применительно к современности якобы стирает разницу между первобытнообщинным строем и современным обществом. Это утверждение явно игнорирует тот уже неоднократно упоминавшийся в ходе дискуссии факт, что термин «эндогамия» употребляется в статье не в том узкоспециальном смысле, какой мы привыкли придавать ему, имея в виду один из институтов первобытнообщинного строя, а в более широком значении. А это коренным образом меняет дело. Ведь, как известно, существуют общественные явления, действующие в рамках не одной, а сразу нескольких или даже всех социально-экономических формаций. Им соответствуют, так сказать, межформационные категории. К числу таких категорий относится и понятие эндогамии, употребляемое в буквальном смысле этого слова. Очень удачно в данной связи заметил Н. Н. Чебоксаров, что в марксистской литературе термин «класс» употребляется, например, для обозначения и рабов, и современных буржуа, но никому не придет в голову на этом основании делать вывод, что класс, как социальное явление, в таком случае рассматривается не исторически. Следуя же доводам М. С. Иванова, из признания им такой «межформационной» категории, как «этническая общность», неизбежно пришлось бы сделать вывод об отсутствии у него исторического подхода к этническим общностям, о стирании им различий между отдельными типами таких общностей. Но в том-то и дело, что при рассмотрении межформационных категорий исследователь вправе абстрагироваться от особенностей, присущих отдельным разновидностям этих категорий, ибо для него в данном случае существенны не различия между такими разновидностями, а то общее, что их объединяет. И если, скажем, мы отмечаем, что

языковая общность характерна для всех типов этноса, то это отнюдь не значит, что тем самым не остается «места для исторического подхода к рассмотрению проблем этнической общности». Нет необходимости специально доказывать, что аналогичным образом дело обстоит и с эндогамией, рассматриваемой в статье в качестве одного из «сквозных» свойств всех типов этносов, когда они находятся в относительно устойчивом состоянии. Вместе с тем не может не вызвать недоумения то обстоятельство, что, говоря о стирании в статье различий между этносами разных формаций, М. С. Иванов как бы не заметил, что в ней неоднократно идет речь о таких исторически сменяющихся типах этноса, как племя, народность, нация (стр. 84, 85, 86, 87, 90, 91).

Статья, как следует из ее названия, посвящена проблеме взаимосвязи этноса и эндогамии. Иными словами, из всех многочисленных аспектов этнических явлений взят лишь один. О правомерности такого подхода уже говорилось в прениях (А. В. Ефимов, И. А. Кривелев и др.). Но из этого следует, что, раскрывая роль эндогамии в функционировании этноса, совсем не обязательно касаться всех остальных, уже не раз отмечавшихся факторов, играющих большую или меньшую роль в формировании и существовании этносов (в том числе и экономики). На этих элементарных положениях, к сожалению, приходится специально останавливаться, поскольку М. С. Иванов именно на том основании, что из всех свойств этноса главное внимание уделено в статье эндогамии, делает заключение, будто в ней язык, культура и территория не признаются характерными признаками этнических общностей. Между тем, в первых же строках статьи прямо говорится, что «этнос вообще и отдельные его типы в частности в нашей научной литературе обычно определяются как совокупность различных общностей: территориальной, языковой, культурной и т. д.» (стр. 84). Отнесение этих компонентов этноса (в первую очередь языка и культуры) к основным легко прослеживается и на протяжении всей статьи (стр. 87, 88, 89, 91).

Не может служить основанием для рассматриваемого утверждения М. С. Иванова и ссылка на то, что в статье отмечается наличие территориальной, языковой и культурной общности наряду с этносом и у некоторых других видов социальных образований (стр. 91). Факт этот бесспорен. Но сама по себе его констатация отнюдь не умаляет значения языка и культуры как основных этнических свойств. (Подобным же образом то обстоятельство, например, что экономика является важным компонентом наций, отнюдь не противоречит признанию за ней роли основного структурообразующего фактора общественно-экономических формаций). Более того, нельзя не подчеркнуть еще раз, что в статье эндогамия прямо называется **дополнительным** признаком (стр. 91). В свете этого факта (а его М. С. Иванов, хотя и с оговорками, вынужден признать) утверждение, что в статье эндогамия рассматривается как основной признак этноса, вряд ли может быть сочтено достаточно объективным.

Попытка доказать, будто в статье сущность этноса сводится к эндогамии и имеет место неисторический подход к объекту исследования, предпринимается М. С. Ивановым с далеко идущей целью. Именно на этом и базируется прежде всего его утверждение о том, что в статье «этническая общность приобретает характер не общественно-исторического явления и общественно-исторической категории..., а биологической категории». Между тем, как мы только что могли еще раз убедиться, в действительности, в статье к основным свойствам этноса относятся такие общественно-исторические явления, как язык и культура. Это во-первых. А во-вторых, в статье не только не отрицается, но напротив, неоднократно подчеркивается факт существования различных общественно-исторических типов этноса (племя, народность, нация). Но, как известно, коль несостоятельны аргументы, то и основанные на них выводы должны быть оценены соответствующим образом.

Правда, М. С. Иванов находит еще один дополнительный аргумент: автор статьи, по его словам, «объявляет этническую общность антропологической (то есть расовой) группой». Однако, как уже отмечалось, во-первых, в основном тексте статьи вообще не употребляется термин «антропологическая группа», он фигурирует лишь в резюме на английском языке, во-вторых, в английском языке этот термин отнюдь не тождествен понятию расовая группа. К этому следует добавить, что и в специальной литературе на русском языке биологические, в том числе антропологические подразделения, не сводятся лишь к расам, а включают, в частности, и популяции — общности, далеко не всегда совпадающие с расами тех или иных таксономических уровней.

Не случайно поэтому многие участники дискуссии (в том числе видные антропологи) сочли необходимым специально подчеркнуть, что в статье нет и намека на биологизацию социальных явлений (см. выступления Я. Я. Рогинского, Н. Н. Чебоксарова, А. В. Ефимова и др.). Не менее показательно, что соответствующий тезис М. С. Иванова не был поддержан ни одним из участников дискуссии, хотя в ходе ее был высказан ряд замечаний по отдельным конкретным вопросам.

Переходя к рассмотрению этих замечаний, прежде всего следует вновь вернуться к вопросу о правомерности употребления термина «эндогамия» в прямом смысле слова. Сомнение в такой правомерности было высказано несколькими выступавшими (С. А. Арутюновым, Л. А. Фадеевым, Г. Е. Марковым). Эти сомнения подкрепляются в первую очередь ссылками на непривычность предлагаемого значения термина эндогамия, предпочтительность однозначности каждого термина. Однако, как известно, история науки знает бесконечное множество примеров, когда для обозначения явлений, ранее оставшихся вне поля зрения исследователей, начинали употреблять в но-

вом значении слова, уже давно имевшие сложившуюся семантику. При этом практика обычно довольно быстро делала и новую семантику привычной. И в этом отношении настоящая дискуссия, несомненно, немало способствовала упрочению широкой трактовки термина «эндогамия», тем более, что речь по существу идет о восстановлении первоначального прямого значения этого термина. Показательно, что многие выступавшие и даже те, которые возражали против такой трактовки термина эндогамия, в ходе дискуссии употребляли его именно в широком значении. Некоторое недоумение вызывает замечание Г. Е. Маркова о том, что «расширительное толкование термина «эндогамия», лишает его конкретности. В действительности дело обстоит как раз наоборот. Ведь, говоря о фактической, а не только нормативной эндогамии, мы получаем возможность даже количественного ее выражения, о чем наглядно свидетельствует приведенный в статье статистический материал. Что же касается опасения Г. Е. Маркова относительно фетишизации эндогамии при расширительном толковании этого термина, то оно, на наш взгляд, напрасно. Ведь, как известно, фетишизация того или иного явления отнюдь не предопределяется термином, который употребляется для его обозначения (сам же факт существования того явления, которое соответствует буквальному значению слова «эндогамия», как следует из выступления Г. Е. Маркова, не вызывает у него сомнений).

Интересный вопрос поднят С. А. Арутюновым в его замечании о том, что «при любом % смешанных браков, если их потомство распределяется поровну между брачующимися этносами, — этнос не убывает». Отсюда же делается вывод, что «дело не в % смешанных браков, а в социальной обусловленности этнического выбора у потомков». Однако вопрос этот, на мой взгляд, несколько сложнее, чем он представляется С. А. Арутюнову. Действительно, в указанном им случае формально количественное соотношение обоих этносов, связанных брачными отношениями, остается тем же. Напри этом не следует забывать, что основным показателем сохранения этноса соотношения выступает такой субъективный показатель, как этническое самосознание. Между тем вследствие смешанных браков неизбежно усиливается взаимная диффузия этнических свойств этносов, представители которых вступают в брачные отношения. В результате удельный вес традиционных (этнических) свойств у каждого из этих этносов объективно все же убывает. И это обстоятельство при условии неоднократного воспроизводства смешанных браков в конечном счете не может не сказаться на определении этнической принадлежности. Притом масштабы такого рода последствий смешанных браков для этноса, разумеется, тем значительнее, чем выше удельный вес таких браков. А поскольку он всегда выше у меньшего из двух брачующихся этносов, именно этот этнос вследствие повторяющихся смешанных браков при прочих равных условиях обычно быстрее подвергается ассимиляции.

Л. А. Фадеев поставил под сомнение существование брачной непрерывности внутри этноса. При этом он сослался на то, что, например, в России XVII в. социальные факторы препятствовали заключению браков между территориальными группами. Однако данная ссылка явно не учитывает, что этносы существуют на протяжении целого ряда поколений и, следовательно, рассматривая брачную непрерывность в этническом плане, отнюдь не следует ограничиваться одним — двумя поколениями. Между тем хорошо известна значительная подвижность границ феодальных владений: обычно даже на протяжении жизни одного собственника они не оставались неизменными (как вследствие войн, так и различных дарений, продажи, закладов и т. п.). А такое изменение границ, естественно, перемещало социальные барьеры, препятствующие заключению браков между жителями соседних селений. К тому же не следует абсолютизировать и непроницаемость самих социальных барьеров. Неправомерной представляется также содержащаяся в выступлении Л. А. Фадеева тенденция к отождествлению значимости факторов, препятствующих заключению браков внутри этноса, и тех, которые образуют эндогамную границу между этносами. Такое отождествление в крайней мере не учитывает того, что в последнем случае ко всем прочим барьерам прибавляется этническое самосознание. В том, что оно немаловажно, убеждают довольно многочисленные случаи почти полной брачной изолированности этнических групп, проживающих попеременно на одной и той же территории. Вместе с тем, нельзя не признать, что в области конкретного исследования так называемых кругов брачной связи сделано еще очень немного и очевидна настоятельная необходимость их систематического изучения.

Спорным представляется мнение А. И. Першица, что «об эндогамии можно говорить как о стабилизаторе, но не как об интеграторе» этноса. На мой взгляд, замкнутость круга брачных связей не только обеспечивает значительную устойчивость поколений преемственности культуры (стабилизация), но и способствует усилению ее единства внутри такого круга (интеграция). Это связано с тем, что с каждым новым поколением в пределах эндогамной единицы в результате заключения браков происходит обмен представителями (или представительницами) между семьями, содействующий «выравниванию» культуры внутри такой единицы. Нельзя при этом не учитывать и того, что эндогамия в известной мере препятствует культурной диффузии между этносами.

Не могу согласиться и с возражениями Л. Н. Терентьевой, высказанными ею по поводу привлечения эндогамии в качестве одного из дополнительных ориентиров для выделения этнических общностей. Эти возражения не учитывают весьма существен-

ной оговорки, сделанной в статье: данный ориентир, сказано в ней, «имеет силу лишь применительно к этносам, находящимся в типичном, т. е. устойчивом состоянии» (стр. 91). Необходимо напомнить и о том, что, как было показано несколько выше, представление о возможности относительно длительного сохранения этноса в случае господства в нем смешанных браков является иллюзорным. И это полностью относится к современной эпохе, в которой, хотя и наблюдается некоторая общая тенденция к увеличению смешанных браков, однако преобладание эндогамии обычно остается обязательным условием сохранения этноса.

Не останавливаясь на некоторых других частных расхождениях с отдельными участниками обсуждения, в заключение хочу лишь подчеркнуть что, на мой взгляд, значение этого обсуждения несколько выходит за рамки вопроса о роли эндогамии в функционировании этноса как устойчивой системы. Рассмотрение генетического аспекта эндогамии заставило затронуть более широкую, но нередко остававшуюся в тени, проблему соотношения социального и биологического в жизни человечества. Конечно, проще всего эту проблему вообще полностью сбросить со счета. Однако человек представляет собой единство двух начал — социального и биологического. Соответственно еще Ф. Энгельс подчеркивал, что, согласно материалистическому пониманию истории, производство бывает двойного рода: с одной стороны — производство средств существования и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека (см. К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч. т. 21, стр. 25—26).

Сочетание этих двух видов производства особенно наглядно проступает в такой общественной ячейке как семья. И, хотя мы привыкли рассматривать ее преимущественно в социальном плане, тем не менее наличие у семьи биологической стороны тоже достаточно очевидно и поэтому не нуждается в особых доказательствах. Но есть биологическая (антропологическая) сторона также у этноса. Ведь каждый этнос обладает, например, таким преимущественно биологическим показателем — как половозрастной состав. Более того, в рамках каждого этноса имеется определенная направленность процессов воспроизводства его антропологической структуры. Это, в частности, связано с преимущественным заключением браков внутри устойчивых этносов (эндогамия) всех исторических типов. Дело в том, что относительно замкнутый круг брачных связей обычно открывает возможность для выравнивания внутри него антропологических различий за счет увеличения генетической однородности. Правда, реализация этой возможности зависит от целого ряда уже упоминавшихся факторов, в первую очередь длительности существования этноса. Поэтому антропологические процессы, протекающие внутри сопряженных с этносами популяций (особенно крупных), нередко не успевают привести к сколько-нибудь значительным результатам, представляя фактически всего лишь тенденцию к выравниванию их антропологической структуры.

Этносоциальные и антропологические явления не только просто сопряжены, но и определенным образом взаимодействуют. Примером воздействия первых на вторые может служить то уже отмечавшееся обстоятельство, что в роли генетического барьера этноса обычно выступают прежде всего социально-этнические факторы. Что же касается влияния антропологических явлений на социально-этнические, то в этой связи несомненный интерес представляет тезис А. В. Ефимова о том, что в известных исторических условиях раса становится социальной категорией.

В целом, однако, нельзя не признать, что проблема взаимодействия этнических и антропологических явлений в нашей литературе остается еще недостаточно разработанной. Совершенно очевидно, что для реализации этой задачи необходимо тесное сотрудничество этнографов и антропологов, в первую очередь в рамках Института этнографии АН СССР. Правда, еще существует психологический барьер, мешающий такому сотрудничеству: элементы некоторого предубеждения (кстати, довольно отчетливо проявившиеся в отдельных выступлениях) относительно правомерности выхода за формальные границы своих научных дисциплин, фетишизация этих границ. Надо надеяться, что настоящая дискуссия будет содействовать преодолению этих тенденций, а тем самым и всестороннему изучению диалектического единства социального и биологического в истории народов мира.

* * *

От редакции. Как показали материалы дискуссии, почти все выступавшие поддержали основные положения статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия», высказав в то же время ряд интересных соображений, которые будут содействовать дальнейшей творческой разработке поднятых в статье проблем.

Присоединяясь к общей положительной оценке обсуждаемой статьи, редколлежка журнала «Советская этнография» особо отмечает, что в статье плодотворно рассматривается один из наименее изученных аспектов кардинальной методологической проблемы — соотношения социального и биологического.

Устное обсуждение статей, напечатанных в дискуссионном разделе журнала — одна из форм привлечения к этим дискуссиям широкого круга специалистов. Редакция предполагает и впредь публиковать материалы таких обсуждений.

С. Б. Рождественская

ПРОСЕЧНОЕ ЖЕЛЕЗО — ДЕКОРАТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЖИЛИЩА РАБОЧИХ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рабочие Горьковской области в настоящее время при строительстве индивидуальных домов в городах и рабочих поселках, широко используют для их украшения просечное железо и пропильное дерево. Исследование просечных украшений в промышленных центрах¹ позволяет сделать ряд выводов о развитии народной художественной традиции на материале одного из бытующих видов народного искусства.

Просечное железо уже в XVI—XVII вв. довольно широко применялось не только для украшения бытовых и культовых предметов (сундуков, подголовников, замков, осветительных приборов, паникадил, хоругвей и т. п.), но и в зодчестве. В декоре церквей и монастырей просечное железо завершало кровли крыш ажуром металлического кружева, спускавшимся вниз (подзоры) и поднимающимся вверх (гребни). Островерхие крыши крепостных башен монастырей и древних кремлевских стен, так же как и богатых усадеб, увенчивали флюгеры, вырезанные из металла. Коньки вальмовых крыш украшались ажурными гребнями. Входные двери некоторых церквей были обиты просечным железом, а других же церквях амурные двери отделяли кружевом просечного узора алтарь от остального помещения².

В то же время в украшении народного жилища, кровли которого была тесовой или соломенной, просечное железо использовалось ограниченно. Из него изготавливались главным образом только личины — обрамления ключевин — отверстий для ключа в запорах и жиковины — петли, держащие двери³.

До середины XIX в. кровельным железом крылись в основном крыши общественных и культовых зданий, а также домов привилегированной части населения, поэтому и декоративные элементы из просечного железа распространялись главным образом вне народного зодчества.

¹ Горьком, Городце, Балахне, Кстове, Павлове, Выксе и др.

² А. Е. Горпенко, Кованое железо Великого Устюга, «Сборник трудов Научно-исследовательского ин-та художественной промышленности» (далее НИИХП), № 1 М., 1962, стр. 110; его же, Русское просечное железо XVII—XVIII вв., «Сборник трудов НИИХП», № 3, М., 1966, стр. 132; М. З а м е н с к и й. Свенский монастырь, «Старые годы», июль — август, 1915, стр. 82.

³ Резные ключевины и жиковины использовались, конечно, и в церковно-монастырской архитектуре, и при строительстве жилых домов привилегированных слоев городского населения не меньше чем в народном жилище.

В дальнейшем дома (жилые и общественного назначения), создаваемые по проектам профессионалов-архитекторов, украшались чаще всего литыми фигурными кронштейнами, парапетами, балконами и зонтами-навесами на витых или прямых столбах над парадными подъездами, а также окружались ажурными оградами. Украшения из просечного железа здесь употреблялись реже и обычно лишь в виде гребней, проходивших по коньку крыши.

В то же время восприятие профессиональными архитекторами народных традиций было опосредствованным, поэтому применение ими декоративных элементов в национальном стиле чаще всего приводило к созданию того типа зданий, которые получили название «псевдорусских».

Дома рабочих строились деревенскими (реже городскими) плотниками без проектов, по традициям народного зодчества. Они были генетически связаны с крестьянским жилищем, хотя имели определенные особенности, обусловленные городским образом жизни их владельцев. Развитие декора этих зданий определялось лишь бытующей народной художественной традицией.

Начало широкого распространения просечного железа как одного из элементов декора народного жилища относится ко второй половине XIX в. Это обстоятельство связано с увеличением выпуска промышленностью кровельного железа, относительным удешевлением его стоимости. В это время деревянные и соломенные покрытия заменялись железными.

Наиболее интенсивно этот процесс протекал в промышленных губерниях и непосредственно в центрах производства листового железа и металлообработки.

Нижегородская губерния — одна из промышленных губерний страны — имела сравнительно развитую металлургическую и металлообрабатывающую промышленность. Здесь ежегодно собиралось Всероссийское торжище — Нижегородская ярмарка, где продавалось не только железо местного изготовления (район Выксунских заводов), но и уральское, привозимое из Нижнего Тагила и других металлургических центров. Естественно, просечное железо уже во второй половине XIX в. было распространено в Нижегородской губернии более широко, чем во многих других губерниях. Значительное количество домов с украшениями из просечного железа сохранялось в Горьком вплоть до 1960 г., когда в связи с реконструкцией города началась ликвидация старого жилого фонда. В настоящее время в Горьком таких зданий уже немного, но в других рабочих центрах — Городце, Балахне, Семенове, Лыскове, Кстове (в старой части города) их сохранилось больше. Очень много домов, декорированных прсечным железом и построенных в разное время, находится в Павловском районе — центре металлообработки (особенно в Ворсме) и в Выксунском — центре металлургии.

Установлено, что в Горьковской области широкое использование просечного железа в декоре рабочего жилища совпадает по времени с появлением пропильной резьбы, которая сменила глухую рельефную резьбу.

Сквозная резьба по дереву, известная в России еще в XV в., не развивалась в течение более чем трехсотлетнего периода из-за несовершенного инструментария. В 70—90-е годы в связи с появлением коловорота и лобзика она быстро распространяется⁴.

Определяя взаимовлияние искусства просечки по металлу и искусства пропильной резьбы, исследователь художественных изделий из металла А. Е. Горпенко пришел к заключению, что в конце XIX в. орнамен-

⁴ Т. В. Станюкевич, Происхождение русской народной пропильной резьбы, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», т. X, М.—Л., 1950, стр. 7.

тальные мотивы просечного железа возрождаются в деревянной пропильной резьбе⁵. Однако процесс взаимовлияния этих двух видов народного искусства представляется более сложным. Во-первых, нельзя не учитывать того, что территория распространения пропильных деревянных украшений значительно шире территории распространения просечных железных. Значит, едва ли возможно говорить о возрождении мотивов просечного орнамента в искусстве пропильной резьбы. Во-вторых, само искусство пропильной резьбы прошло сложный путь, причем орнаментальные мотивы пропильного дерева и просечного металла постепенно сближались. Достаточно вспомнить переходные формы от глухой резьбы к пропильному ажур — накладную рельефную или моделированную резьбу, воссоздававшую на раннем этапе композиции глухой резьбы, или плоскую накладную резьбу, чтобы увидеть в развитии орнамента пропильной резьбы путь самостоятельных поисков.

Уже к середине 30-х годов XX в. украшения из просечного железа и пропильной резьбы объединяются общими стиливыми приемами. Об этом говорит, в частности, появившаяся в конце 20 — начале 30-х годов XX в. манера изготовления некоторых железных ажурных украшений жилища по шаблонам, употреблявшимся плотниками для пропильной резьбы.

Нельзя согласиться с довольно широко распространенным мнением о постепенном угасании этого самобытного вида народного искусства. А. Е. Горпенко говорит: «Безвозвратно ушли в прошлое, вместе с прежними условиями жизни, самые виды просечных изделий и способов обработки металла»⁶. Изучение современного жилища рабочих, и в частности рабочих Горьковской области, показывает, что традиция украшения жилых домов просечным железом сохраняется и сейчас, несмотря на индустриализацию жилищного строительства и господствующую тенденцию возведения типовых многоэтажных жилых зданий в городах и рабочих поселках⁷. Наряду с новыми многоэтажными домами повсеместного односемейного заселения, которые возводятся индустриальными методами, рабочими строятся небольшие индивидуальные дома по типовым проектам. Способы их украшения традиционны.

За последнее десятилетие в индивидуальное городское строительство внедрен комплекс бытовых удобств. Комфортабельный индивидуальный дом с садовым участком приобретает все большую популярность, особенно в средних и небольших промышленных центрах. В таких домах в настоящее время проживает в среднем по промышленным центрам около 10% рабочих. Однако число индивидуальных домов весьма значительно. Многие из них украшаются вне запроектированного декора просечным железом и пропильным деревом.

Сохранившиеся в Горьковской области просечные украшения из железа в декоре городского жилища целесообразно разделить по времени их создания на несколько групп, которые отличаются по следующим признакам: во-первых, по месту размещения просечных изделий, декорирующих ту или другую часть жилища (на водосточных трубах, на фронтоне дома, крыльца, или на наличниках, по гребню кровли крыши дома или ворот и т. д.); во-вторых, по характеру самих украшений (гребни, подзоры, флюгерные башни с флюгерами, декоративные вазы и т. д.) и в-третьих, по стиливым особенностям орнамента в каждой группе изделий.

К первой группе можно отнести просечные украшения второй половины XIX в. Это в основном навершья дымовых труб, в форме беседок на четырех опорных столбиках, с четырехскатной или, чаще, восьмискатной крыши и венчающим ее шпилем, украшенным цветком. Они напоми-

⁵ А. Е. Горпенко, Русское просечное железо, стр. 145.

⁶ Там же.

⁷ С. Б. Рождественская, Жилищно-бытовые условия рабочего класса сб. «Очерки истории рабочего класса СССР», М., 1969.

нают так называемые «дымники» тюменского типа по определению А. Зыбина⁸. Встречались также навершья дымовых труб в форме ажурных корзин четырехугольной формы, расширяющихся снизу вверх. Они венчали окованные железным листом трубы, на каждой грани которых размещены накладные рельефные розетки, которые изображают цветок с симметричными лепестками⁹. Навершья второго типа были не так широко распространены, как навершья первого типа. Довольно быстрое их исчезновение объясняется тем, что здесь утилитарная функция дымника была принесена в жертву декоративному эффекту. Такие вазы скорее способствовали задержанию и скапливанию снега и никак не предохраняли кладку дымовых труб от дождя.

В этот период украшения водосточных труб встречались реже, чем украшения дымников. Применялся ажурный просечный орнамент или из одинаковых по размеру, ритмично расположенных по верху воронки водосточной трубы щелевидных прорезей, или из криволинейных затыливых прорезей, подобных тем, которые характерны для дымников корзинообразной формы. Все трубы близ воронки были декорированы теми же накладными рельефными розетками — розами, что и на дымовых трубах.

Особое место среди украшений из просечного железа, относящихся к этому (и частично более позднему) периоду, занимают железные вазы, расположенные по углам фасада здания. Эти вазы сохранились в настоящее время в Павлове на домах кустарей, которые занимались металлообработкой. Они появились, по всей вероятности, под влиянием лепных украшений, изображающих урны с гирляндами цветов. Последними часто украшались особняки и общественные здания. Сначала форма ваз в комплексе декора из просечного железа была подражанием форме лепных урн. Впоследствии мастера-жестянщики далеко отошли от первоначального образца. Они переосмыслили самую форму урны. Видимое с точки зрения русского мастера отсутствие утилитарной функции в сосуде с ручками, закрытом крышкой, привело к восприятию урны лишь как вазы для цветов. Под влиянием традиционного для русского народного искусства мотива вазона форма урны в процессе творческой переработки приобрела характерные черты вазы с цветами. Сначала ее венчали несколько веточек с цветами, как бы выступавшими из традиционной глухой крышки, а затем стал украшать уподобившуюся вазону урну букет железных цветов. Декоративные вазы были распространены ограниченно и относительно быстро исчезали. Это объясняется тем, что они плохо вписывались в архитектурный облик жилища рабочих и кустарей, строившегося в основном в традициях крестьянского зодчества, и никак не были связаны с его конструктивными элементами. Весь декор из просечного металла, как и из пропильного и резного дерева, был в народном жилище художественным завершением его составных частей: кровли крыш и крылец, труб, оконных наличников, закрывающих щели между срубом и оконными рамами, и т. д. Декоративные же вазы, не связанные с конструкцией, остались инородным элементом.

Для этого периода характерно, что украшения из просечного железа выступают отдельными декоративными элементами и не объединяются между собой общими стилевыми особенностями. В декоре любого дома просечный орнамент одного из декоративных элементов отличается от орнамента других. Гребни светелок состоят из ритмичных зубчиков с криволинейно вогнутыми боковыми сторонами каждого зубца. Под ними

⁸ А. Зыбин, Дымники, «Декоративное искусство», 1969, № 2 (135), стр. 28.

⁹ Подобную декоративную деталь А. Зыбин определяет как принадлежность тульских дымников, там же, стр. 29.

¹⁰ Мотив вазона, как элемент орнамента из просечного металла, использовался значительно раньше (например, в орнаменте гребней церкви в с. Никольском под Москвой).

располагается линия S-образных или волнообразных прорезей или просто отверстий разной формы. Орнамент корзинообразных дымоходов построен из S-образных линий, иногда со спирально закручивающимися концами. На дымоходах-беседках — своеобразная железная бахрома из загнутых перпендикулярно к листу кровли беседки и во взаимно противоположных направлениях треугольников, вершины которых соединены с кровлей. На водосточных трубах встречается и сложный ажур из S-образных и спиралевидных линий, но наибольшее распространение получил ажурный пояс из щелевидных прорезей. Однако наряду с таким орнаментом на водосточных трубах появляются навершья в виде букета железных цветов, близкие по стилю навершьям железных декоративных ваз. Деталью, встречающейся почти на всех дымовых и водосточных трубах, является рельефная розетка.

Для этого периода характерно и то, что элементы декора из просечного железа не только не согласуются между собой по формам и стилю орнамента, но и в целом плохо гармонируют с украшениями из дерева и кованого металла в каждом из отдельно взятых домов.

Кованое железо в этот период, кроме традиционных личин и жиковин, было представлено кронштейнами, поддерживающими крыльца, решетками на дверях и окнах кирпичных кладовых, стоящих отдельно от дома или встроенных в нижние этажи кирпичных домов и полудомов — домов с нижним кирпичным и верхним деревянным этажами. Кованые кронштейны обычно состояли из двух S-образных завитков.

Деревянные украшения второй половины XIX в. — это еще сохранившаяся глухая резьба и накладная профилированная резьба, рельеф которой зачастую имитирует глухую резьбу, а также ажурная пропиловка. Если глухая резьба украшает на одних домах лобовые доски и фронтоны, то на других домах пропиловка спускается узкими полосками незадействованного деревянного кружева из-под края кровли по фасаду дома. Орнамент пропилованных украшений состоит из ритмично расположенных отверстий, сделанных коловоротом, под которыми размещаются раздвоенные или разделенные на три части зубчики.

Соединение разнохарактерных по стилю старых и новых элементов декора в убранстве одних и тех же домов показывает, что во второй половине и особенно в конце XIX в. складывается новый комплекс декора в оформлении городского народного жилища. Осваивается новая техника художественной обработки дерева — пропиловная резьба и новый декоративный материал — просечное железо (в традиционном народном зодчестве просечное железо было новым декоративным элементом). Этим и объясняются поиски формы украшений, узора орнамента, места размещения украшений.

Процесс организации всех новых декоративных элементов жилища в единый комплекс в XIX в. еще не вышел за рамки индивидуальных поисков. В этот период художественная традиция обогащается за счет применения новых видов украшений, освоения новой техники. Народные мастера — кровельщики, жестянщики, так же как и плотники, в основном черпают материал в истоках народной традиции. Все, что выходит в процессе индивидуальных поисков за ее рамки, либо переосмысливается и перерабатывается в традиционном стиле, либо отвергается.

Основная тенденция второй половины XIX в. (поиск в русле народной традиции новых стилевых приемов и форм просечных украшений) сохраняется и в последующий период в начале XX в. Но область поиска неизмеримо расширяется. В узорах просечного железа используются мотивы народной вышивки, росписи и резьбы по дереву, в частности, даже жанровые сцены. Отличительная черта этого периода — стремление объединить все просечные украшения какого-либо отдельного дома в единый декоративный комплекс, в целостную композицию, добиться гармонии резных железных и пропиловных деревянных украшений.

В конце XIX в. в жилище рабочих появляются, а в начале XX в. распространяются вальмовые крыши, их форма в известной степени определяет комплекс украшений, включающий ажурный гребень по коньку крыши; по его краям размещаются башенки для флюгеров, а в центре подчеркивающая симметрию композиции, окованная железом печная труба с ажурной беседкой. Она возвышается над флюгерными башенками. Нижнюю часть композиции составляют пышные навершья водосточных труб, гребень крыльца и крыши ворот. Столбы ворот могут, в свою очередь, заканчиваться башнями с флюгерами.

Другой комплекс просечных украшений связан с традиционной двускатной крышей рабочего жилища. Здесь один гребень из просечного железа обрамляет фронтон, другой идет перпендикулярно ему по коньку крыши, причем чаще всего до половины или трети ее длины и реже по всей длине. Орнамент обоих гребней един и включенные в него фигуры животных составляют одну трехфигурную композицию у вершины фронтона, причем одна из них перпендикулярна двум другим, расположенным в плоскости фронтона. Вместо трехфигурной композиции в орнамент иногда как бы в медальоне включается жанровая сцена, объемно выпуклый цветок розы или дата постройки дома. По крыше ворот и фронтону крыльца также проходят гребни.

В зданиях со светелками гребни украшают фронтон и конек светелки, фронтон крыльца, крышу ворот. У всех домов пышно декорируются водосточные трубы. Нередко на них укрепляются флюгеры.

Для этого периода характерна необычная пестрота резных украшений из железа. Флюгерные черные башенки выполняются и в форме колонны на постаменте с конусообразной крышей, увенчанной шпилем с флюгером, и в форме замковой башни с ажурным парапетом и высокой остроконечной крышей, и в форме невысокой башни на высоком постаменте с ажурным кольцевым завершением, и в форме усеченной пирамиды, увенчанной резным шаром, сквозь который проходит шпиль флюгера. Флюгеры также чрезвычайно разнообразны. Их делают в виде фигурок птиц (обычно одинаковых по размеру и по форме, напоминающих нередко ласточку) и в виде фигурки охотника на одной башне и собаки — на другой, в виде флажков, на которых вырезаны дата строительства дома или инициалы его владельца, а также в виде фантастических существ или их голов. Согласованное движение резных, симметрично размещенных на доме флюгеров создает тот эффект, которого и добиваются мастера: птицы устремляются своими головками в одну сторону, охотник как бы спешит за собакой или собака за ним и т. д.

Фигуры, венчающие фронтон, — это фантастические барсы или львы, изображения которых близки северным росписям по дереву и северным вышивкам. Животные стоят на задних лапах в традиционной композиции, по бокам дерева. Жанровые сцены чаепития чрезвычайно близки росписям на Городецких донцах. В крытой беседке двое мужчин, сидя на стульях за столом, пьют чай из самовара.

Особенно интересны флюгеры изображающие зооморфные и антропоморфные фигуры. Они помещаются на вершине фронтона и завершают резной железный орнамент. Например, к этому типу украшений относятся напоминающие и барсов, и львов три фигуры на доме № 134 по ул. Ленина в Ворсме (см. рис. на обложке) флюгеры в виде лошадиных черепов или бараньих голов с загнутыми рогами и высунутыми стреловидными языками на воротах дома № 136 по ул. Ленина в Ворсме (рис. 1). Интересны флюгера в виде фигурок, туловище которых напоминает «фараонку» — русалку (берегиню), хотя хвост у них скорее птичий, чем рыбий; вместо женской головы — мужская с четко вырезанной курительной трубкой, поддерживаемой то ли рукой, то ли крылом. На голове каждой фигуры — птичий хохолок. Шутливая фигурка, забавно сочетающая разнородные элементы, в целом укладывается в рамки тра-

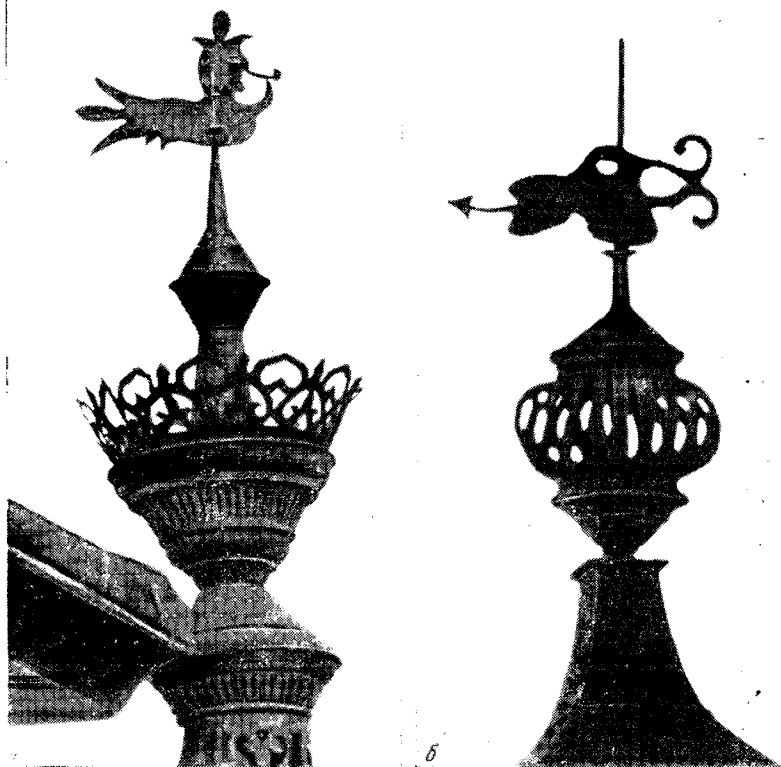

Рис. 1. Флюгеры в декоре рабочего жилища: а — флюгер на водосточной трубе, б — флюгер на воротах.

диционного силуэта, и не случайно, что на вопрос: «Кто же здесь изображен?», обращенный к жителям Ворсмы, были следующие ответы: «птица», «мужик с трубкой», «фараонка» (рис. 1).

В этот период мастера уже уверенно украшали традиционное народное жилище просечным железом, однако продолжали экспериментировать и создавали наряду с новыми узорами орнамента оригинальные жанровые сцены и фантастические зооморфные и антропоморфные фигуры. Встречаются также традиционные растительные узоры — побеги с симметрично отходящими в противоположные стороны листьями, заполняющие весь гребень или часть его; эта часть отделяется сплошной линией, за которой по верху идет узкой полосой легкая решетка и узор из S-образных завитков, образующих сердцевидные «черwonки». Наиболее распространен орнамент из двух переплетающихся решеток, состоящих из контуров больших и малых капель. Их утолщение обращено вниз, а острая приподнятая часть венчается трехлепестковым тюльпаном.

Варианты этого узора, как и узора из пересекающихся окружностей, очень разнообразны.

Характерно распространение орнамента, состоящего из двух полос. Нижняя, более широкая часть — сердцевидные и ромбообразные прорезы, вторая — устремленные вверх, как наконечники стрел, ромбообразные фигуры, которые чередуются с поднимающимися выше их модифицированными трехлепестковыми тюльпанами. Округлостью сближающихся лепестков они придают мягкость всей композиции.

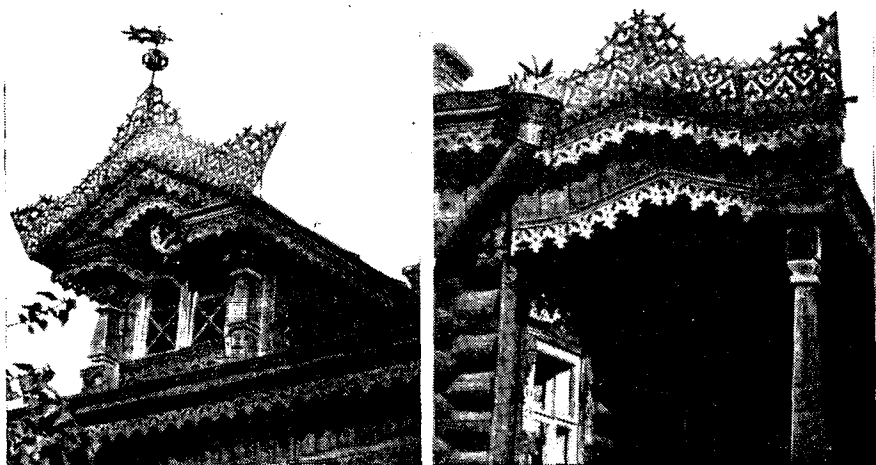
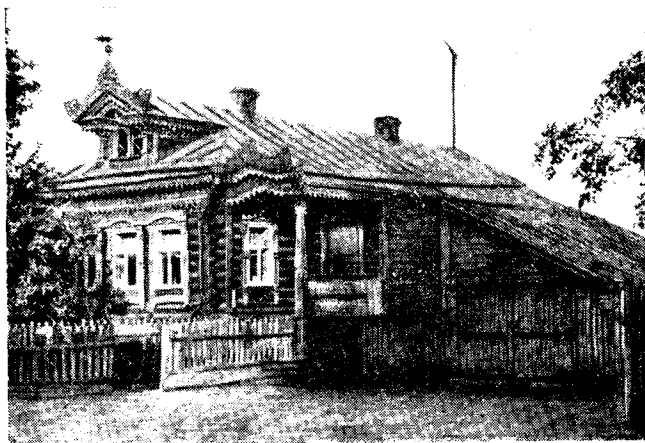

Рис. 2. Единый комплекс украшений из просечного железа и пропильной резьбы: а — общий вид дома, б — декор светелки, в — декор крыльца.

В начале XX в. развиваются украшения из пропильной резьбы, например, декоративные кронштейны, которые крепятся на обвязке сруба в одном декоративном комплексе (чаще при вальмовых крышах). Ажурные пропильные обвязки используются в другом комплексе (чаще при традиционной двускатной крыше). Пышные украшения из просечного железа гармонируют с пропильными деревянными.

Сочетание элементов геометрического и растительного орнамента в одном узоре, разнообразие сложных орнаментальных решеток, использование мотивов росписи и резьбы, создание единых по замыслу композиций — все это характеризует развитие искусства украшения народного жилища просечным железом во второй период. Количество жилищ, украшенных просечным железом, резко увеличивается.

Третий период развития просечных украшений совпадает с оживлением индивидуального строительства в городах, рабочих поселках и в окружающих их селах в конце 20-х и особенно в начале 30-х годов, что связано с процессами индустриализации и коллективизации, оказавшими влияние на рост населения промышленных центров. В это время вырастали целые улицы новых индивидуальных домов и в старых промышленных центрах, и на новостройках. На старых улицах строились отдельные новые дома или перекапывались (капитально ремонтировались) и декорировались заново старые.

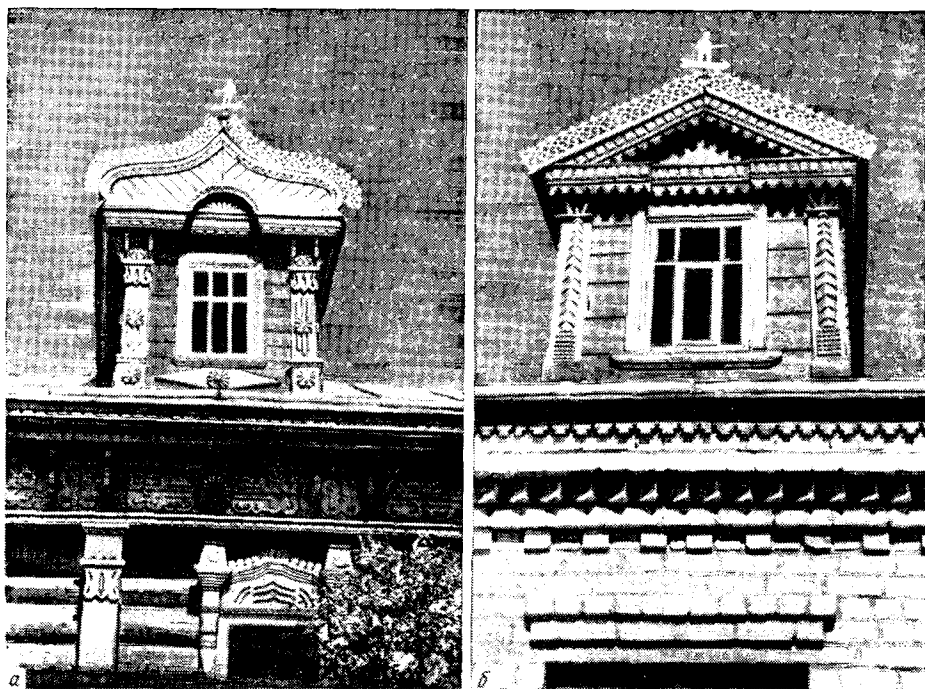

Рис. 3. Просечное железо в декоре домов, строящихся в настоящее время: а — декор светелки деревянного дома, б — декор светелки кирпичного дома.

Естественно, что благодаря притоку крестьянства в промышленность прочно удерживались традиции крестьянского зодчества в промышленных центрах.

Именно в этот период в народном зодчестве городов и рабочих поселков складывается единый комплекс украшений из пропиленного дерева и просечного железа, а также формируется своеобразный единый для всего комплекса просечных украшений стиль, связанный с несколькими группами орнаментальных мотивов.

Характерно для 1920—1930-х годов отсутствие «дымников». Вместе с тем чрезвычайно пышно украшаются навершья водосточных труб. Распространены флюгеры. Редко встречаются гребни по коньку крыши, но тщательно декорируются фронтоны светелок и крылец. Узоры украшений светелок и крылец одинаковы, что создает единую целостную композицию. Орнамент уже не включает ни зооморфных и антропоморфных фигур, ни традиционных растительных мотивов, что было характерно для предыдущего периода. Узор ажюра просечных изделий теперь составляют плавные линии сердцевидных «червонок», трехлепесткового тюльпана, пересекающихся контуров капли и S-образных завитков, которые завершают орнамент или создают центр композиции, где иногда помещается дата постройки дома.

Композиции просечных украшений фронтона светелки и фронтона крыльца строго симметричны. Орнамент строится здесь чаще всего на двух взаимопроникающих полосах однотипного узора. Они отличаются сложностью рисунка и размером, но представляют собой единое целое. Нижняя полоса шире по размеру, сложнее по узору, т. е. «тяжелее» и воспринимается как основа верхней более «легкой» части. В нижней полосе сердцевидные «червонки» обращены остриями вверх, в них вписан трехлепестковый тюльпан. В верхней полосе в «червонки», обращенные остриями вниз, вписаны лишь повторяющие их «червонки»

вынутый серединой. Пропильная резьба здесь двумя полотнами охватывает дом, фронтоны светелок и крыльца. Рисунок орнамента просечного железа в орнаменте резьбы не повторяется, но близок ему по мотивам (край резьбы завершается ритмичным узором трехлепесткового тюльпана). Это придает единство всей декоративной композиции дома (рис. 2).

В настоящее время просечные железные украшения в комплексе с резными деревянными декорируют многие дома рабочих Горьковской области, которые строятся как по типовым проектам, так и по традициям народного зодчества. Независимо от материала (кирпич или дерево) эти здания украшаются одинаково (рис. 3). Фронтон светелки обычно окружен гребнем, имеет флюгер, пышные резные украшения увеличивают водосточные трубы. Реже украшается просечным железом фронтон крыльца. Орнамент из пересекающихся контуров капли, завершающихся трехлепестковым тюльпаном, создает решетку, напоминающую узор просечных украшений жилища начала XX в.

Навершья водосточных труб, предохраняющие трубу от попадания мусора и пыли, выполнены в форме разнообразных ваз или корзин с цветами. Орнамент ажюра здесь тот же, что и гребней светелки. Нередко на месте прежних рельефных розеток-роз, украшавших трубу ниже навершья, размещаются плоские вырезанные украшения. Навершья венчают 3—4 стилизованных железных цветка на длинных стеблях. Широко распространены флюгеры в форме рыбы, петуха, стрелы или фигуры пограничника. Вместе с тем в последнее время иначе, чем в 20-е годы, выражается единство мотивов просечного орнамента и пропиленной резьбы. В некоторых местах трудоемкая пропиловка тонкого сложного узора ажюра заменена более легко выполняемыми и более прочными накладными резными украшениями (рис. 3).

Мы видим, что просечное железо применяется в Горьковской области для украшения жилища рабочих и в настоящее время, причем сохраняются старинные элементы орнамента. Середина и вторая половина XIX в. были отмечены в Верхнем Поволжье созданием того комплекса декора народного жилища, который под названием «судовой резьбы» или «корабельной рези» стал уже классическим образцом народного искусства.

К концу 20-х — началу 30-х годов XX века сложился новый комплекс украшений народного жилища из просечного железа и пропиленной резьбы, который являет собой новый этап в развитии декора народного жилища. Исследование современных украшений из просечного железа в жилище рабочих Горьковской области позволяет сделать вывод о дальнейшем развитии художественной традиции в народном зодчестве.

А. З. Розенфельд

**МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ
И ПЕРЕЖИТКАМ ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЙ
ТАДЖИКООЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ
СОВЕТСКОГО БАДАХШАНА**

В Советском Бадахшане, среди разнообразного в языковом отношении населения, говорящего на памирских языках, значительную группу составляют жители кишлаков, для которых родным является таджикский язык, называемый здесь «забони форси», или «заб-порси»¹. Полнейшая изолированность в прошлом Бадахшана (и особенно Западного Памира) от культурных центров Средней Азии, дорожное, своеобразная древняя культура, способствовали сохранению в этом отдаленном уголке Таджикистана пережитков древних верований и многих отличий в местных обычаях и обрядах. Несмотря на то что у населения Советского Бадахшана (как говорящего на памирских языках, так и таджикоязычного) много сходного в быту, верованиях, исповедуют ислам и существуют смешанные браки, у таджикоязычного населения можно наблюдать ряд особенностей в обычаях, обрядах, терминологии, не отмеченных у других припамирских народностей.

Исмаилизм наложил заметный отпечаток на весь уклад жизни населения Западного Памира, однако пережиточно в этой области хранятся и некоторые доисламские верования, представления, обычаи, свидетельствующие об их очень древнем происхождении и составляющие своеобразный синкретизм с более поздней религией. Эти пережитки прослеживаются в свадебных и погребальных обрядах, в обычаях почитания древних мазаров и во многом другом. Остановимся на одном из наиболее интересных обычаев таджикоязычного населения Бадахшана — обычае празднования Нового года — «навруз». О тесной связи этого древнейшего народного праздника ираноязычных народов с культом пробуждающейся природы свидетельствует весь ритуал. Теперь многие обряды, связанные с наврузом исчезли, существуют различия в его праздновании не только у разных народностей (шугнанцев, ваханцев и других), но и между отдельными селениями в пределах расселения одной народности. Навруз празднуется и сейчас повсеместно². Интересно отметить, что навруз является национальным праздником в Иране и Афганистане.

¹ О таджикском языке в Советском Бадахшане см.: А. З. Розенфельд, Таджикиоязычное население Советского Бадахшана (Материалы по этнографии и языку «Сов. этнография», 1963, № 1; ее же, Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других языков на Памире, «Вестник ЛГУ», 1963, № 20.

² О праздновании навруза в Вахане, Ишканиме см.: М. С. Андреев, А. А. Поповцев, Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, СПб., 1911, стр. 27—31; А. А. Бобринской, Горцы верховьев Пянджа, М., 1908, стр. 27—30. О наврузе см. также: М. С. Андреев, Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья), вып. II, подготовлен к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А. К. Писарчик, Душанбе, 1958, стр. 167, 330, 331; Н. А. Кисляков, Сочинение Абу-Бекра Мухаммеда Нершахи «История Бухары» как этнографический источник, «Труды АН ТаджССР», т. XXVII, 1954, там же литература по вопросу празднования навруза.

Празднование навруза падает на дни весеннего равноденствия — 20—22 марта, иногда начинается и на несколько дней раньше — 18 марта. Местное население называет этот праздник «айди бор» (местная диалектная форма, таджикское «иди бахор» — «праздник весны»), «шогуни бор» — «весенний шогун», а также «кулбарбори» (диалектное «кулба» — пахота), так как в эти дни начинается пахота. К наврузу обязательно шьют новую одежду. В навруз красят яйца в красный, синий и желтый цвета, играют ими в «битки». В день Нового года жарят яичницы из 40—50 яиц, пекут лепешки «кумоч», «кумочи шогуни», (по-видимому «шогун» — самое начало навруза или первый день, с полудня до вечера) ³. На рассвете этого дня хозяин дома выходил наружу, закрыв голову халатом, куском войлока или бараньей шкуркой, с лепешкой (кумоч) подмышкой, стараясь не смотреть на звезду «акраб» ⁴. Забросив на дерево взятый кусок войлока или шкурку, он возвращался в дом и садился завтракать. Обычно подавалось молоко, или «ширчай» — кипяченный с молоком густой черный чай, приправленный солью и маслом. После завтрака мужчины собирались на улице и устраивали различные игры: конное поло — «чавгонбози», скачки — «аспдавори», козлодрание — «бузкаши», борьбу — «кустингири»; мальчики играли в чижика — «лашбози» или в камешки — «колбози». Молодые девушки и женщины качались на веревочных качелях, подвешенных к деревьям. Около полудня хозяйка венком сметала сажу и копоть со стен и потолка (дома отапливались открытыми очагами) и собирала ее в какую-нибудь посуду, затем открывала дверь и, стараясь, чтобы ее никто не заметил, передавала сажу мужу. Он тоже, стремясь быть незамеченным, надевал вывороченный тулуп и шел в укромное место, где выбрасывал сажу. Если встречал кого-либо, то кричал: «Канора, канора шавед!» (в сторону, сторонитесь!). После этого хозяйка мылась, окунала руку в муку и совершала «шогун», т. е. оставляла на стене отпечатки своей пятерни. Затем обертывала тряпкой скрученный в кольцо прут, также окунала его в муку и наносила на стену рисунок кольца (отпечатки прута) и другие рисунки.

Сразу после начала праздника мальчики ходили по домам, забрасывали через световое отверстие в крыше «рузан» ведро на веревке и хозяйка клала туда различное угощение. В течение всего дня мужчины ходили в гости друг к другу. Предварительно заготавливались свежие ветки, прутья — «гымча». Зеленую кору подстругивали в виде бахромы, которая завивалась колечками. Каждый гость вносил гымча с собой в дом (некоторые из них оставляли за дверью). Путья выкалывали под потолком за балки, где они оставались до следующей весны.

в Средней Азии и Иране. О современном празднике Нового года (наврузе) на Ванче см.: А. З. Розенфельд, Материалы по этнографии и топонимике Ванча, «Изв. Всесоюзного географического общества» (далее «Изв. ВГО»), т. 85, 1953, № 4, стр. 398. Нами в течение летних командировок на Западный Памир в 1961, 1962, 1966 и 1968 гг. были собраны дополнительные материалы, не нашедшие отражения в указанных работах. Записи производились от лиц старшего поколения в селениях Цордж, Гарм Чашма, Кухилал, Козидех, Яхшволь, Нюд, Ямг, Нижгар.

³ «Шогун» по персидски и афгански значит «доброе предзнаменование». В Язгулеме и в Вахио (долина р. Хингоу и ее притоков) это же слово в форме «шавгун» имеет значение «старейший, уважаемый крестьянин», «представитель Бобо-дехкона» — Деда-земледельца (патрона земледелия); по-язгулемски также «файтынай». См. Н. А. Кисляков, Язгулемцы, «Изв. ВГО», т. 80, вып. 4, 1948, стр. 368—370; М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период, Душанбе, 1947, стр. 183; ср. также: М. С. Андреев, Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи), вып. II, Душанбе, 1958: «Человека, первого пускающего воду себе на участок, в Язгулеме называют файгынай, в Рушане — шогунай» (стр. 71—72).

⁴ В арабской космогонии, принятой таджиками, «акраб» — созвездие Скорпиона, знак зодиака, соответствующий октябрю. В южных областях СССР созвездие Скорпиона видно весной и летом.

Кроме украшенных прутьев, мужчины вносили пучки ветвей шиповника, которые вешали на перекладину между двумя столбами при входе в дом «бузовез», а также жерди и бревна, которые через несколько дней употреблялись для хозяйственных нужд (из них делали топорщица и т. п.). Каждый входящий произносил формулу: «Шогун нав муборак, шогун бор (боор, бахор) муборак» (пусть будет благостен новый шогун, пусть будет благостен весенний шогун!). В ответ хозяин говорил: «Ба руи шумо муборак! боша!» (пусть будет благостен шогун для вас!). В это время хозяйка и другие женщины осыпали правое плечо входящих мукой. Потом подавали различные угощения. Среди специально приготовлявшихся в навруз блюд обязательно были различные сласти: сладкий кисель — «ширбат», сахар и «суманак» — солод, смоченные семена пшеницы проращивали в корзине обильно поливая водой, затем их сушили, смешивали с мукой и водой и варили густую похлебку. Готовили мясное блюдо «бодж». Для этого в горшок закладывали оставляемые впрок ножки и головы баранов, насыпали немного пшеницы, наливали воды и ставили томиться на ночь в очаг на угли или золу «шабдег»⁵. Пекли особые ритуальные лепешки. Большую лепешку выпекали на раскаленном плоском камне «санги кумоч», для чего прожигали траву «модрах» (хвойник), дающую большой жар. Испеченную ритуальную лепешку прилепляли к стене, а оставшийся от нее след в форме круга посыпали мукой. Эту же лепешку оставляли на два-три дня у стены, а потом раздавали по куску приходящим гостям и родственникам. В кишлаке Ямг маленькую лепешку, испеченную в котле или на поду относили на поле, клали на кучу навоза и потом скатывали ее вниз. Совершали и другие обряды. Так, например, хозяин дома, накрывшись шерстяным халатом, въезжал на осле в дом⁶, и перед ослом насыпали ячмень⁷. Хозяину подавали «нонмолик» — лепешку, политую маслом и посыпанную сахарным песком. Позже собирались в доме у старейшего и почтеннейшего человека, куда каждый приносил собой угощение и где устраивалась общая трапеза. В этот день, по обычаю, перед заходом солнца мужчины выводили всех быков селения на какой-либо участок поля. Одна из женщин, надев вывороченный меховаружу тулуп, приносила «атола» — густую похлебку. Мужчины ели, а женщина в это время каталась по земле⁸.

Вечером в дом вводили пару быков, и женщины осыпали их мукой. Для быков варилась бобовая похлебка, которую давали им поесть этой же похлебкой мазали быкам лоб. Затем ждали, когда быки испражнятся, и только потом выводили их из дома. Из этого навоза делали комок в виде чашки и клали в него по счету семена пшеницы, ячменя, гороха, бобов. Комок оставляли на несколько дней на стенке разделяющей нары. Семена должны были прорасти и по количеству ростков определяли, каков будет урожай⁹. Если проросли все семена, считалось, что урожай будет богатым.

После первой пахоты, которая обычно начинается вместе с началом навруза, хозяин бросал часть семян с крыши через рузан в дом, а женщины старались поймать их в подол. Считалось добрым предзнаменованием, если удавалось поймать все зерно. Семена складывали потом

⁵ В кишлаке Нюд (Ишкашим) мы записали, что на новый год подавали «шошп» кушанье из суманака, муки, масла и льда, которое ели деревянной ложечкой «фик» (виде лопаточки).

⁶ Осел олицетворяет богатство.

⁷ Ср. Ф. М. Биддельф, Народы, населяющие Гиндукуш, Асхабад, 1886, стр. 138.

⁸ По-видимому, этот обычай давно вышел из обихода. Он записан нами со слов Назархотун Сафаровой в кишлаке Козидех (Горон). По свидетельству Сафаровой этот обычай в прошлом имел место и в других кишлаках. В кишлаке Цордж (Шахадра), информаторы говорили нам, что женщинам нельзя было в это время появляться на поле и кататься по земле мужчины.

⁹ Ср. М. С. Андреев и А. А. Половцев, Указ. раб., стр. 23, примечание.

в мешок и вешали на главный столб — «шасутун» деревянного каркаса дома, где они оставались несколько дней. Затем семена смешивали с остальными и сеяли.

Существовал еще и другой обычай: хозяин дома потихоньку от жены клал в платок семена ячменя и старался забросить их через рузан в комнату, жена подстерегала его и старалась опередить, она бросала из дома через рузан на крышу связанные вместе каталку и ложку. Если первым успевал забросить зерно муж — это предвещало урожайный год, если жена его опережала — это предвещало обилие молока и масла.

В Гороне и Цордже празднование навруза на этом заканчивалось. Однако, в Ишкашима (кишлак Нюд) и Вахане (кишлак Ямг) существовал еще обычай «наврас» или «джаврас» (поспевание ячменя), связанный с завершением празднования нового года, которое падает на 18—20 июля — начало жатвы ячменя. У грамотного старика, обычно муллы, спрашивали, когда можно приступить к жатве, и он определял время «по книге» или по положению «звезды акраб» (созвездие Скорпиона). Этот обряд заключается в следующем: старейший в доме (селении) входит в дом, хозяйка посыпает его правое плечо мукой, он притрагивается рукой к верхней части очага «лангар» и насыпает себе немного золы за голенище сапога¹⁰, при этом приговаривая: «джамияти джам, дили бегам, соли нав, мои нав муборак боша!» (Все соборща (?), пусть сердце будет без печали, пусть будет благоденствие новый год, новый месяц!). После этого старейший идет в поле, срывает колосья ячменя, приносит сноп в дом и сам привязывает его к главному столбу. Его усаживают на почетное место на нарах («сартакья»), подают сливочное масло с лепешкой. Потом приносят другие снопы и привязывают их к остальным столбам деревянного каркаса дома, где они и остаются до зимы¹¹. По обычаю в одном из домов собирались близкие соседи, здесь готовили угощение — молочную рисовую кашу, вареное мясо, кисель, пекли сдобные лепешки. Угощение посылалось и в другие дома. В названных селениях это считалось окончательным завершением празднования нового года, и с этого времени начиналась жатва.

Тесная связь навруза с началом пахоты и началом жатвы говорит о том, что это один из самых древних земледельческих праздников. Об этом же свидетельствуют все магические действия, совершаемые во время навруза (посыпание мукой и другие обряды, ритуальные кушанья). Возможно, что в праздновании навруза отразились и пережитки древнего солярного культа. Пережитки этого же культа, по-видимому, можно обнаружить и в названии одного из очень старых мазаров в кишлаке Лангаркиш (Вахан), а именно «Шокамбар Офтоб» (Солнце Шохамбар), что никак нельзя считать случайным. В современном празднике навруз, как уже отмечалось нами, изжиты многие старинные обряды. В народе сохраняется олицетворение этого праздника с пробуждением природы, он отмечается в день весеннего равноденствия. Многие ритуальные действия осмысляются как игровое, большое внимание уделяется народным спортивным играм. Только верующие старики в семьях соблюдают те или иные обычаи и ритуалы.

¹⁰ Аналогичные действия (обсыпание мукой, совершение обряда целования верхней части очага и насыпание золы в обувь) имеют место и в других случаях — на свадьбе, при выходе на летовку, при отъезде на чужбину, возвращение домой и т. д.

¹¹ О сходном празднике, связанном с началом жатвы у народов Гиндукуша см.: Ф. М. Биддольф. Указ. раб., стр. 135. К. Иностранцев писал: «...Ритуальное значение ячменя находит себе полное объяснение в том, что он является одним из древнейших культурных растений индо-иранского племени вообще, иранцев особенно» (К. Иностранцев, Материалы из арабских источников для Сасанидской Персии. Приметы и поверия, СПб., 1907, стр. 86).

Древние верования в разного рода злых и добрых духов, которыми суеверное воображение горцев населяло окружающие горы и ущелья, пережиточно бытуют и в наши дни не только в Бадахшане, но и в других районах Средней Азии. Это девы и пери, аджина, гули биёбон, фаришта и другие, при этом при сходстве названий они нередко приобретают весьма своеобразный локальный колорит¹². Отметим также, что и за пределами Средней Азии у различных иранских народов с этими же мифическими существами связано не мало поверий.¹³

Однако в данной статье мы коснемся лишь тех верований, которые были распространены у таджикоязычных бадахшанцев и не нашли отражения в специальных работах по среднеазиатской мифологии.

Это прежде всего вера в «хасмон» — духов-покровителей, которых считали человекоподобными существами, обитающими на летовках и способствующими увеличению удоев молока. С хасмоном отождествляли крысу или ласку и никогда их не убивали¹⁴. Считалось, что хасмон может покровительствовать дому, селению, и тогда его называли «хасмон джои манзил» — хасмон обитаемого места.

Особый интерес представляет «бургуш» — персонаж верований таджикоязычных ваханцев¹⁵. По местным представлениям это необыкновенной красоты мужчина. Бургуш умеет играть на музыкальных инструментах, он очень даровит, мастер на все руки, может добыть любую вещь. Бургуш, по поверью, избирал себе подругу среди женщин того или иного селения, но обязательно чистоплотную и опрятную, «навещал» ее по ночам и «выполнял» любые ее желания и прихоти. Рассказывают, что какая-то женщина, будто бы имевшая связь с бургушем, на чьей-то свадьбе потребовала от бургуша «набот» (леденец) и «набот» семь раз появлялся на скатерти с угощением. Если такая женщина потом отказывалась поддерживать дальнейшую связь с бургушем, он разорял все ее хозяйство. Удачливого человека считали сыном бургуша — «бургушзода».

Из менее значительных мифических персонажей отметим следующие: «джиндык» (от араб. «джинн» — бес + уменьш. суфф. — ак). маленькое существо, которое бродит по ночам. По поверью, человека, встретившего джиндыка, съест волк. «Кывкунак» (от местного глагола «кыв кун» + суфф. ак) — означает зовущий. Кывкунак якобы бродит по ночам, окликая человека пугает его. «Сангазанак» («санг задан») — бросать камни («сангазан», + суфф. — ак) означает — бросающий камни. Сангазанак швыряется камнями в горах. «Хафакунак», «хафа кардан» — душить, «хафакун» + суфф. -ак) т. е. душащий, — это бес, вредящий маленьким детям.

¹² М. С. Андреев и А. А. Половцев. Указ. раб.; А. А. Бобринский, Указ. раб., стр. 103—107; Н. А. Кисляков, Охота таджиков долины реки Хингоу — в быту и в фольклоре, «Сов. этнография», 1937, № 4; М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. I, 1953, вып. II, 1958; А. З. Розенфельд, О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов (в связи с легендой о «снежном человеке»), «Сов. этнография», 1959, № 4. Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969.

¹³ Садек Хедаят, Нейрангистан. Перевод с персидского, предисловие и комментарии Н. А. Кислякова, «Переднеазиатский этнографический сборник», I, М., 1958.

¹⁴ В Сафедорне (долина р. Хингоу) на летовках крыс и ласок тоже не уничтожали, их называли «элчи» (старшая). Так же называли и старшую женщину на летовке, ведавшую заготовлением масла, молока и сыра (сообщение М. Рахимова).

¹⁵ Возможно, что «бургуш» происходит от слов «бур» — бурый, рыжий и «гуш» — ухо, т. е. «буроухий». Наиболее характерной особенностью бургуша, как будто бы не отмечавшейся у других мифических существ, является то, что у него на животе нет кожи и сквозь тонкую прозрачную пленку видны внутренности.

Широко было распространено поверье, что злые духи могут унести ребенка и через некоторое время вернуть его на прежнее место. Они могут и подменить ребенка. Про ребенка или взрослого человека, имеющего физический недостаток или врожденное уродство говорят, что его подменили в детстве: это же говорилось и о человеке с очень злым характером («уштукбадал» — подмененный младенец) ¹⁶.

В наши дни эти поверья, как и полный ритуал проведения Нового года — навруза, помнят только представители старшего поколения. Но все это представляет ценный источник при сравнительном этнографическом изучении народных верований ¹⁷.

¹⁶ Аналогичное поверье распространено в Иране: здесь «верят, что припадочный или «сайе заде» — ударенный тенью, является подмененным пери «аз ма бехтарун». Такого ребенка наряжают, сажают в уголок какого-нибудь заброшенного строения с тем, чтобы пери унесла этого своего ребенка и принесла того, которого похитила» (Садек Хедаят, Указ. раб., стр. 270—271).

¹⁷ В личном фонде И. И. Зарубина (№ 121) в архиве Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР хранятся обширные материалы по этнографии и верованиям припамирских народностей, в том числе и о мазаре Шокамбар Офтоб и бургуше.

Л. Н. Молотова

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ РУССКОГО СЕВЕРА

(ОБЗОР ФОНДОВ ГМЭ)

Памятники народного творчества, собранные музеями, опубликованы в довольно незначительном количестве. Цель настоящей работы — краткий обзор одного из интересных фондовых собраний Музея этнографии народов СССР, насчитывающего почти четверть миллиона экспонатов, характеризующих народный быт и искусство с конца XVIII до наших дней. Наиболее многочисленными и разнообразными являются фонды отдела этнографии русского народа, включающие в свой состав 2400 коллекций, привезенных в свое время из разных губерний России.

Почти 70 тысяч экспонатов, собранных за 70 лет, рассказывают о труде и быте русских крестьян в прошлом и теперь.

Коллекции поступали в музей различными путями: часть собрана сотрудниками музея во время экспедиций, некоторые куплены у частных лиц или получены в дар от известных коллекционеров¹.

В число наиболее интересных коллекций входит собрание русских женских и девичьих головных уборов; оно содержит более 2000 экспонатов, которые отражают многообразие форм, богатство декора и орнамента, встречавшихся в России в последние два столетия. Коллекции головных уборов не равнозначны по объему материала и художественным достоинствам. Преобладают праздничные головные уборы, и это не случайно, поскольку дореволюционные собиратели чаще руководствовались эстетическими соображениями, нежели стремлением правильно и объективно отразить быт старой деревни.

В общей коллекции головных уборов выделяются памятники северных губерний России. Их отличает богатство форм, множество декоративных приемов, обилие узоров, что позволяет проследить не только все разнообразие последних, но и их стилистические особенности.

Определенные формы головных уборов закрепились в тех или иных местах с давних времен, что было связано с рядом причин исторического и социально-экономического характера. Головные уборы отражали социальную принадлежность и изменялись в зависимости от возраста, семейного положения женщины. Они четко делились на праздничные, будничные и обрядовые и всегда были тесно связаны с прической и костюмом, подчеркивая назначение последнего. Например, шитый золотом убор никогда не надевали к простому будничному костюму.

В коллекциях северных головных уборов наиболее многочисленны женские головные уборы — кокошники. Этот термин, как полагают некоторые исследователи, происходит от древнерусского «кокошь» (что одновременно означало курицу и петуха)² и чаще всего употреблял

¹ Коллекции Н. Л. Шабельской, Ф. М. Плюшкина, Л. В. Костинова и др.

² Д. К. Зеленин, Женские головные уборы восточных славян, «Slavia», 1910, тетрадь № 2, стр. 535.

для обозначения севернорусских головных уборов. Для кокошников характерно соединение в одно целое твердой основы и мягкого нарядного верха. Трудно учесть все их разнообразие, однако в этом множестве кокошников довольно ясно прослеживается несколько разновидностей. Для каждой из них характерны: единая конструкция, своеобразные черты декора, определенная локализация в бытовании. Таковы каргопольские кокошники, сольвычегодские, шенкурские, тверские ряски, белозерские шалочки и т. д.

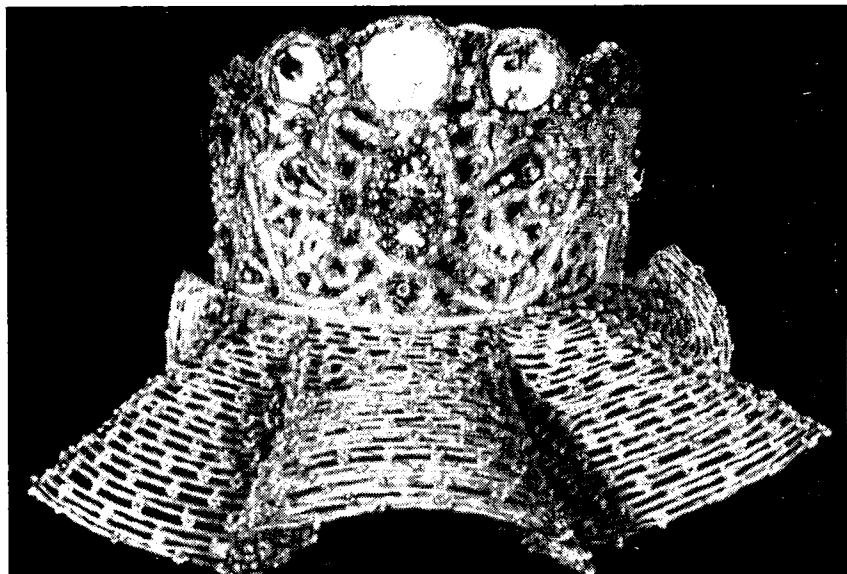

Рис. 1. Девичий головной убор. Олонецкая губ., Пудожский уезд.
Начало XIX в.

В фондах ГМЭ преобладают вологодские кокошники, среди которых мы выделяем несколько вариантов. Наиболее распространенным был «моршень» — женский головной убор, широко бытовавший на русском Севере³. По своей форме он близок к повойнику, мягкой шапочке, надеваемой обычно дома. Верх убора собран — «сморщен» — в густую сборку, отсюда и его название. В народе бытует и другое название — «здоровканье». Шили моршни из шелковых, а иногда и парчовых тканей, очелье украшали вышивкой золотой нитью, бисером, цветными стеклами.

Из общей группы вологодских кокошников заметно выделяется сольвычегодский тип, отличающийся сравнительно высокими художественными достоинствами и богатством орнаментальных мотивов. Эти кокошники преобладали в северо-восточной части губернии, славившейся такими искусными ремесленными центрами, как Великий Устюг, Сольвычегодск и др.

Конструктивной основой этого убора является овал — «четверть», к которому прикреплялся околыш из бересты или твердого картона, обшитый позументом, реже вышитый. Овалы, в основном изготовленные из алого штофа, обильно украшались вышивкой, узор которой отличался чрезвычайным разнообразием. Наряду с легким, изящным растительным рисунком встречаются стилизованные изображения птиц, геометризованные узоры, несколько тяжеловесные по своим формам.

³ Моршни носили в Архангельской, Вятской, Пермской, Костромской и других северных губерниях.

Сольвычегодский тип кокошников довольно стойко держался в народе на протяжении многих десятилетий, и в отдаленных от центров районах их можно было встретить еще в середине 30-х годов XX в.

Не менее многочисленной группой кокошников являются каргопольские уборы, бытовавшие на территории бывшей Олонецкой губернии и далеко за ее пределами. Форма их единообразна: очелье убора выдается вперед в виде рога и обильно унизано жемчугом, налобная часть заканчивается густой многослойной поднизью из жемчуга или из стекла.

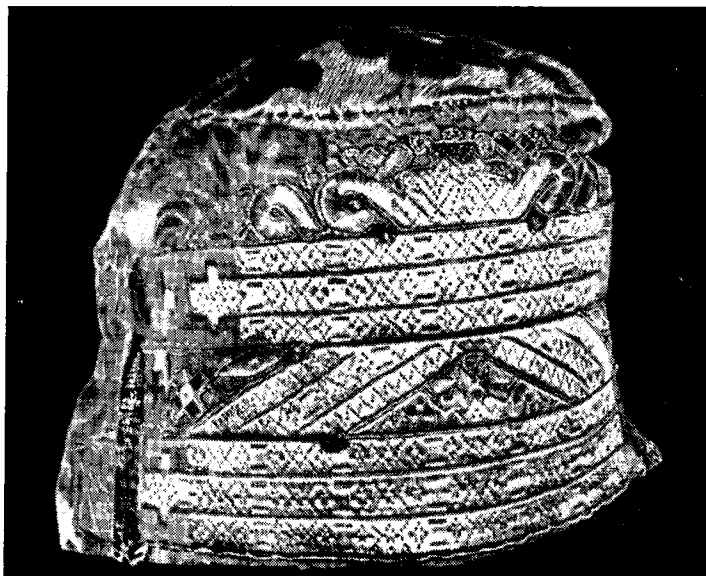

Рис. 2. Женский головной убор. Архангельская губ., Шенкурский уезд. Середина XIX в.

руса. На боковых частях, спускающихся на уши — «паушах» — золотой нитью вышивался узор, очертания которого удивительно напоминают пяти- и семилопастные височные кольца из могильников вятичей, а вышивка выполнена в том месте, где располагались височные кольца⁴. Такой тип кокошника носили все женщины независимо от сословия, только богатые носили уборы унизанные жемчугом, а те, кто победнее, «держали бусовые», т. е. украшенные искусственным жемчугом.

В XIX в. наряду с кокошником на Каргопольщине еще можно было встретить сороки, также украшенные жемчугом и золотым шитьем. В фондах музея их сравнительно немного. Несомненно, что по сравнению с кокошником сороки являются более древней формой головного убора. По мнению Г. С. Масловой⁵, кокошник, будучи генетически связанным с сорокой, произошел от нее. Доказательством тому служит не только общность в форме («пауши» — по сути распластанные крылья сороки), но и расположение узора и применявшийся декоративный материал.

В Архангельской губернии бытовали кокошники самых различных типов: каргопольские, сольвычегодские, шенкурские. Последние представляют собой род чепца из домотканины, штофа, реже — из шерстяной ткани, но всегда красного цвета. Этот матерчатый верх надевался на твердый каркас, что делало убор похожим на новгородскую

⁴ Это сходство в расположении узора было отмечено в свое время А. А. Спицыным.

⁵ Г. С. Маслова, Старинная одежда и гончарство Каргопольщины, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», т. VI, М.—Л., 1949, стр. 6.

кику. Здесь, видимо, сказалось влияние на народную одежду боярского костюма, который уже с конца XVII в. стал проникать в крестьянскую среду⁶.

Своеобразие шенкурским кокошникам придает очелье, вышитое золотой нитью, в вышивку иногда вкраплены красный гарус, блестки и цветные стекла. Узор, как правило, геометрического характера. Он состоит из нескольких шитых золотом горизонтальных полос, расположенных сверху и внизу рисунка. Между полосами вписан треугольник — центральная фигура композиции. Над верхним рядом полос — своеобразное навершие в виде уступчатой пирамиды. Этот прием орнаментации на шенкурских уборах весьма устойчив и имеет очень незначительные варианты.

В группу северных головных уборов входят кокошники Новгородской губернии. Среди них любопытны белозерские шапочки, небольшие по размеру, с плоским дном и невысоким околышем. Очелье шапочек густо зашито бисером и стеклярусом, в центре помещена крупная розетка, иногда вышитая жемчугом. Узор очелья, как правило, геометрического характера, причем нередко довольно причудлив по рисунку.

В фондах ГМЭ насчитывается немногим больше тридцати белозерских кокошников. Ареал их довольно ограничен: Белозерский и Кирилловский уезды. Эта локальность дает основание предполагать, что центр их изготовления мог быть в одном из этих уездов. Кроме того, в Белозерском уезде работали «стеклянные заводы», на которых изготавливались предметы отделки⁷.

В собрании северных головных уборов ГМЭ выделяется еще одна группа кокошников, которая отличается от остальных высокими художественными достоинствами. По форме этот убор близок к моршню, а по декору заметно выделяется из всей группы памятников. Кокошник сплошь зашит золотой нитью. Характерная особенность рисунка — растительный побег, от которого отходят ветки, цветы, птицы. Несмотря на то что все уборы этой группы выполнены в единой художественно-стилевой манере, каждый кокошник имеет свой неповторимый рисунок.

Этот вид кокошников был распространен в районах Севера весьма широко⁸ и проникал даже в такие губернии, как Московская, Тверская, Ярославская и Костромская⁹.

Мы рассмотрели в общих чертах праздничные женские головные уборы и не коснулись будничных. Это объясняется не только однообразием покроя и малочисленностью экспонатов, но и их малой художественной значимостью.

Другой значительной группой в собрании ГМЭ являются девичьи головные уборы, представленные во множестве вариантов.

Характерная особенность девичьих головных уборов — открытый верх. В основе любого убора, независимо от его конструктивных особенностей, лежит круг или полукруг. Названия уборов различны: повязка, перевязка, лента, почелок, венец, коруна и другие локальные термины, за каждым из которых кроется свой неповторимый вид убора.

Наиболее многочисленными в собрании ГМЭ являются разнообразные девичьи повязки. Среди них выделяются вологодские (черевковские) повязки из алого шелка, украшенные золотым шитьем. Орнаментация налобной части чрезвычайно разнообразна: от древних зооморфных изображений до пышного узора «рокайль». К некоторым повязкам прикреплялся вышитый натемник — овал, прикрывавший макушку головы, он означал, что девица просватана. Узоры натемников довольно однооб-

⁶ А. И. Некрасов, Русское народное искусство, М., 1924.

⁷ П. И. Челищев, Путешествие по Северу России в 1791 г., СПб., 1886, стр. 241.

⁸ Архангельская, Вологодская, Пермская, Вятская, Новгородская губернии.

⁹ По данным ГМЭ.

разны и всегда означали пожелание добра, согласия, богатства, т. е. обычные свадебные пожелания.

К черевковским повязкам по своей форме тесно примыкают олонские уборы, расшитые золотой нитью и жемчугом; они встречались ли в Олонецкой губернии.

К повязкам этого типа конструктивно близки высокие уборы из персидского хаза (позумент фабричного производства). Повязки заканчивались изящной жемчужной поднизью в виде фестонов. По всей видимости, эти повязки местного производства, так как известно, что уже в XVIII в. в Архангельске был налажен выпуск узорных позументов.

Наиболее интересная разновидность девичьих головных уборов — коруны и венцы¹¹.

Необычайно декоративны пяти- или семизубчатые венцы, сделанные из плотного картона, в украшении которых встречается множество различных художественных приемов. Сзади к венцам прикреплялась широкая, до 30 см шелковая лента, чаще нежно-розового цвета, по нижнему краю золотой нитью вышиты ромбы, квадраты, зооморфные изображения. Эта форма убора одна из давних, ее более старое название «венец с городы» или «венец теремчат», т. е. с теремами.

В ряде северных губерний бытовали необыкновенно изящные венцы с очень сложным стилизованным орнаментом, в котором наряду с розетками и побегами встречаются и элементы стиля рококо. Узор вышит мелким жемчугом и обведен тонким белым шнуром. Некоторые венцы, кроме того, расцвечивались еще цветными стеклами, имитирующими драгоценные камни, в прорези подкладывалась цветная фольга, что придавало убору цветистость, блеск и нарядность.

Весьма своеобразными головными уборами в конструктивном и художественно-декоративном отношении являются свадебные вологодские коруны (иногда конуры)¹². Группа этих памятников немногочисленна: в фондах ГМЭ их насчитывается всего четырнадцать¹³. По своей форме коруны необыкновенно затейливы. К широкой твердой повязке прикреплен выпуклый резной венок, украшенный бисером или рубленым перламутром. Каждая из них имеет свой неповторимый декор. Одни украшены медальонами, другие — камнями и расписными эмалью, третьи — разноцветными камнями и металлическими привесками. Уборы эти стоили дорого, и не каждая девушка могла справиться с ними к свадьбе. Нередко на всю деревню имелись две или три таких коруны, которыми брались напрокат. В конце XIX в. подобные уборы уже не изготавливались, были редкостью и потому венчаться в них считалось особым шиком.

В собрании девичьих головных уборов почти уникальными можно считать изысканные олонские ажурные короны с прихотливо изгибающейся поднизью. Чтобы изгиб был волнообразным, корону изготавливали из упругого конского волоса, на который низали жемчуг. Таких уборов в ГМЭ всего три (два из них экспонируются).

В настоящем сообщении очень сжато были перечислены основные группы женских и девичьих головных уборов, хранящихся в фондах ГМЭ, и не были охарактеризованы единичные виды кокошников, почечков, зимних шапок и прочих уборов. Здесь не было сказано и о такой большой группе уборов, как платки, так как, на наш взгляд, последняя группа заслуживает самостоятельного рассмотрения.

¹⁰ П. И. Челищев, Указ. раб., стр. 187.

¹¹ В некоторых губерниях нет четкого разделения между этими понятиями. Одни и тот же вид убора в одной местности называется «венец», а в другой «коруна».

¹² Слово «коруна», несомненно, испорченное латинское «корона», т. е. венец.

¹³ В Эрмитаже хранятся три подобных памятника.

В. И. Марковин

ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА И КУЛЬТЫ ДРЕВНЕГО КАВКАЗА

Археологи часто сталкиваются с труднейшей задачей — раскрытием смыслового значения орнаментального узора, рисунка, произведения пластики. При этом изучаемый материал, как правило, показывает, что не эстетические побуждения древних людей, а их мировоззрение является первопричиной возникновения произведений искусства. Обратимся для иллюстрации к памятникам Кавказа (по материалам до 1966 г.).

Многообразная природа Кавказа со всей ее изобильной роскошью и суровой жесткостью способствовала возникновению и развитию неверных фантастических представлений о жизни. Борьба с природой породила сложные верования. Они сплетались в столь запутанный клубок, что расчленить их по категориям порой почти невозможно.

Самым древним памятником первобытного искусства на Кавказе являются линейные начертания, обнаруженные в скальных навесах Мгвимеви близ Чиатуры (Грузия). Значение этих и подобных палеолитических рисунков до сих пор точно не установлено. Однако в них, по словам С. Н. Замятнина, ученые склонны видеть магические изображения ловушек или жилищ¹. П. П. Ефименко считает, что в эпоху палеолита для человека не было разницы между живым и неодушевленным, реальным и изображаемым².

Мы не думаем, чтобы и в дальнейшем, в эпоху неолита, энеолита-бронзы, человек также не расчленял мир живого и неживого. Так, некоторые выбитые рисунки, обнаруженные на скалах Кобыстана в Азербайджане, воспроизводят сцены жертвоприношений, ритуальных танцев, сцены, предвещающие счастливую охоту³. Дальнейшие успехи в металлургии, гончарном деле, в обработке камня и кости, наконец, переход к оседлому образу жизни, несомненно, привели к более реальным воззрениям на жизнь. Происходило постепенное накопление знаний, опыта, но чрезвычайная зависимость от различных случайностей подрывала веру человека в свои силы. Даже восстанавливаемые археологами заупокойные ритуалы свидетельствуют о сложности и противоречивости миропонимания древнего человека.

Не так давно в Грузии на Цалкинском нагорье (Триалети), близ Дманиси, О. М. Джапаридзе раскопал курганы, датируемые серединой II тысячелетия до н. э. На камнях дромосов и стены погребальных камер трех курганов были нанесены знаки в виде штриховок, зигзагов, углов (рис. 1, 1—3). Судя по беглому описанию, курганные «залы» содержали бронзовое оружие, украшения из золота, сердолика, глиняную посу-

¹ С. Н. З а м я т н и н, Пещерные навесы Мгвимеви, близ Чиатуры (Грузия), «Сов. археология», III, 1937, стр. 70—72, рис. 9, А, В.

² П. П. Е ф и м е н к о, Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 301.

³ И. М. Д ж а ф а р з а д е, Наскальные изображения Кобыстана в Азербайджанской ССР, «Труды Музея истории Азербайджана», т. II, Баку, 1957, стр. 107, 111; А. А. Ф о р м о з о в, Очерки по первобытному искусству, М., 1969, стр. 27 и сл.

ду. Можно думать, что в этих курганах, как и в раскопанных ранее Б. А. Куфтиным, был погребен лишь кремнированный прах умерших. Наибольшее количество знаков было нанесено на южные стены. О. М. Джапаридзе считает, что эти знаки связаны «с каким-то магическим или ритуальным обрядом»⁴, а может быть даже являлись первыми «попытками письма»⁵. Интересно то, что некоторые рисунки на камнях повторяют узор на керамике, извлеченной из этих же гробниц. Та

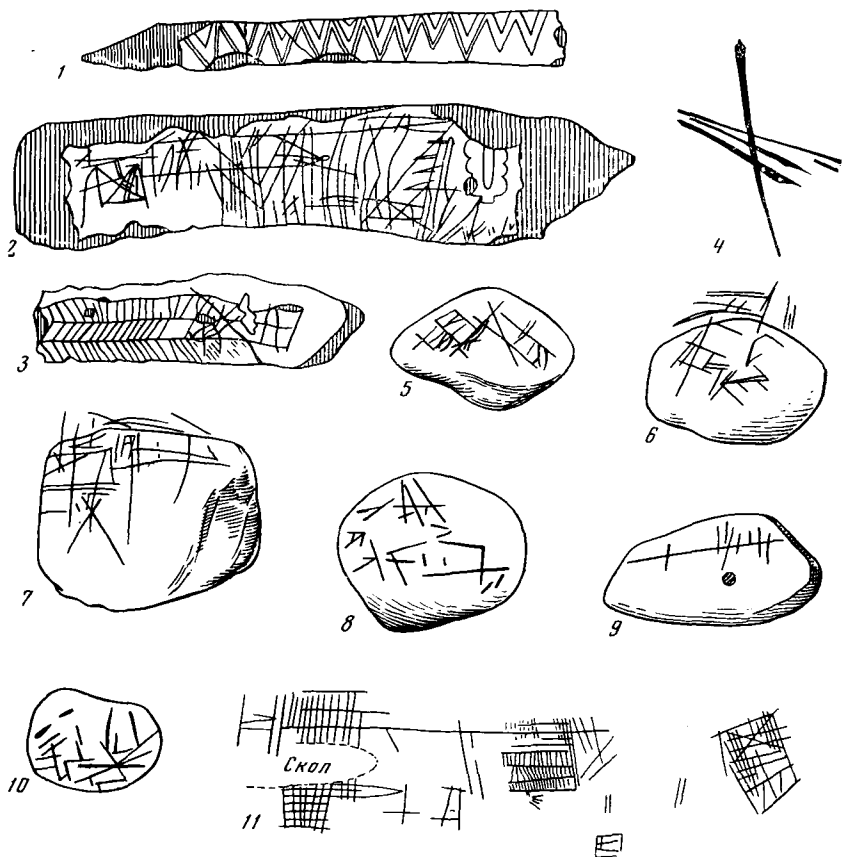

Рис. 1. Графические изображения на камнях и скалах; 1—3 — камни со знаками из кургана № 4 (по О. М. Джапаридзе. Грузия, Триалети); 4 — знаки на менгире (Дагестан, Махачкала, Нарра-Тюбинский хребет); 5—10 — начертания на камнях кромлеха (Северная Осетия, Кораурдсон); 11 — рисунок на скале (Дагестан, Калчугай)

кое совпадение не случайно. Орнаментака причерноморских дольменов (ст. Шапсугская, Эриванская, сел. Азербиевское, г. Геленджик; рис. 2) близка узору на сосудах, относящихся ко времени сооружения дольменов (поселения на Толстом мысу и в бухте у г. Геленджика, материалы из дольменов Красной Поляны и сел. Эшери)⁶. Подобные узоры в виде

⁴ О. М. Джапаридзе, Археологические раскопки в Триалети в 1959—1962 гг., «Сов. археология», 1964, № 2, стр. 114—119, рис. 14, 15, 17, 18; его же, Отчет археологической экспедиции 1960—1961 гг., «Изв. Отделения обществ. наук АН ГрузССР», 1963, № 6, стр. 192, и сл., табл. IX, X (на груз. яз.); его же, Зуртакетские курганы, «Сообщения АН ГрузССР», т. XXXI, Тбилиси, 1963, стр. 247—255 (на груз. яз., русск. резюме); его же, Отчет Триалетской археологической экспедиции за 1962—1963 гг., «Труды Тбилисского ун-та», т. 107, Тбилиси, 1964, стр. 65—74, табл. VI—X (на груз. яз.).

⁵ О. М. Джапаридзе, К изучению знаков на камнях Зуртакетских курганов. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР, Баку, 1965, стр. 76.

зигзагов и углов обычно рассматриваются как символы воды⁷. Так изображали воду на восточных рельефах, вишапах. Глиняные рельефы из Дагестана с орнаментикой, близкой триалетским камням, вполне справедливо считаются символическими знаками, связанными с земледелием⁸.

Изобразительная символика вообще характерна для кавказских народов.

Сваны очень условно изображали сцены «угона животных, посвященных душам мертвых, в потусторонний мир», выражали пожелания плодородия для всего живого⁹.

Среди этих изображений имеются зигзаги, «рогатые» элементы, волнообразный узор. У аварцев и грузин такие знаки должны были охранять дом; у лакцев аула Балхар и осетин ими украшалась посуда с целью, чтобы она не пустовала; у лезгин ручка сосуда в виде животного должна была охранять от порчи его содержимое. И все подобные изображения — обереги, или связанные с культами плодородия и воды¹⁰, должны были быть не только магически-действенными, но и зрительно-привлекательными, они должны «были нравиться, быть красивыми»¹¹.

Возможно, рисунки триалетских гробниц и дольменов служили той же магической цели — они призваны были охранять спокойствие мертвых, обеспечивать им полное благоденствие в загробном мире.

Не случайно и то, что в гробницах Триалети знаки были нанесены на южные стены. Известно предпочтение, которое отдавалось в древнейших погребениях эпохи бронзы на Кавказе ориентации на юг, восток — солнечным сторонам. Это, несомненно, было связано с культом солнца. Кромлехи, окружающие курганы и отдельные могилы, символизировали солнце¹². Иногда камни таких кромлехов покрыты узором. В 1964—1965 гг. в районе селений Кораурсдон и Кадгорон в Северной Осетии мы производили раскопки курганов северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. Для этих курганов характерны кромлехообразные окружения. Валуны кромлеха одного из курганов в сел. Кораурсдон с внутренней стороны были украшены врезам в виде углов, перекрестий, штриховок

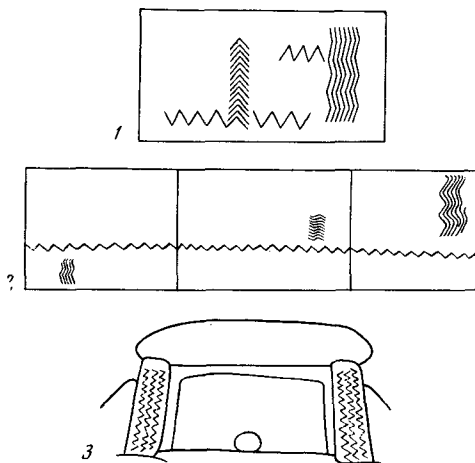

Рис. 2. Орнамент на дольменах; 1 — рисунок на задней стене (по Б. В. Лунину. Геленджик); рисунок на боковых и задней стенах (по А. Лещенко. Геленджик); 3 — фасад дольмена (по А. Лещенко. Жане).

⁶ Материалы Б. А. Куфтина, О. М. Джапаридзе, И. И. Аханова, В. И. Марковина (Гос. музей Грузии, музеи в г. Геленджике, Сухуми, Сочи).

⁷ И. И. Мещанинов, Змея и собака на вещевых памятниках архаического Кавказа, «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук», т. I, Л., 1925, стр. 243—249; его же, Закавказские поясные бляхи, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 45, Махачкала, 1926, стр. 202, 203.

⁸ В. М. Котович, Верхнегунисское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана, Махачкала, 1965, стр. 160 и сл.

⁹ В. В. Бардавелидзе, Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957, стр. 157.

¹⁰ А. И. Робакидзе, К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы, «Сов. этнография», 1948, № 3.

¹¹ В. В. Бардавелидзе, Указ. раб., стр. 158.

¹² И. И. Мещанинов, Кромлехи, Л., 1930.

(рис. 1, 5—10). Менгирообразный камень с подобными рисунками лежал на кургане в сел. Кадгарон. Известен еще один менгир с врезам (рис. 1, 4). Он возвышался у склона Нарра-Тюбинского хребта к северо-западу от Махачкалы¹³.

В виде кромлехов устраивались обширные постройки. Такие культовые сооружения, испещренные различными изображениями, в том числе и рисунками животных, недавно обнаружены у селений Мардакяны и Шувеляны в Азербайджане¹⁴. Знаки на подобных памятниках (сетки, штриховки, перекрестия), так же, как и часть рисунков из Триалети, очень напоминают наскальные изображения Дагестана (рис. 1, 11) и Прикубанья¹⁵. А. А. Формозов склонен предполагать, что узор типа решеток (сеток) обозначает «охотничьи загороди», которые должны были «обеспечивать успех загонной охоты»¹⁶. Нам же подобные «решетки» представляются счетными знаками, служившими своеобразной записью количества убитых животных, поголовья скота и т. д.¹⁷ У чеченцев есть сказка, из которой следует, что если сохранить все кости убитого животного, не переломав их, оно возродится. Для этой же цели могли и рисовать животное или просто отмечать его условным значком. Такие изображения на кромлехах должны были символически обеспечивать умершего в его загробном существовании всем тем, что он оставил на земле.

В воззрениях осетин, вейнахских народов, дагестанцев до сих пор живы пережитки культовых действий прошлого, и почти все эти действия сопровождаются пением и музыкой, обставляются предметами, украшенными резьбой, искусным рисунком. У осетин на ритуальных пиршествах (кувд) круговая чаша, ходившая по рукам, была снабжена ручками в виде бараньих головок. У них же существовало рогатое божество — «патрон домашних животных Фалвар», которое незримо присутствовало на всех обрядовых действиях, Рогообразные орнаментальные мотивы украшали мебель, одежду, обувь горца¹⁸. В Дагестане, Северной Осетии, Грузии и в других частях Кавказа кровлю дома поддерживала мощная деревянная колонна — «корневой столб». У аварцев он символизировал единство и мощь семьи, повреждение его было равносильно нанесению оскорбления хозяевам жилища. Корневой столб при переездах переносили в новый дом. Покупка дома со столбом, оставшимся от старых хозяев, означала приобретение «счастья и мощи» дома¹⁹. Такой столб украшался тонкой резьбой — солярными знаками, крестами, свастиками; капитель столба делалась в виде загнутых крутых рогов барана.

У осетин, дагестанцев, чеченцев и ингушей старинные постройки (вплоть до XVIII в.) покрывались петроглифами — выбитыми знаками и рисунками. На мечетях и могильных камнях высекали лабиринт, чтобы нечистая сила не проникла в храм или не мешала покою мерт-

¹³ Разведки производились вместе с Л. В. Бутыко в 1953 г.

¹⁴ Г. Н. Асланов, Археологические раскопки на севере Апшерона, «Тезисы докладов и сообщений сессии Ин-та истории АН АзербССР, посвященной итогам археологических работ в 1963 г.», Баку, 1964, стр. 30, 31; его же, Новый комплекс археологических памятников Апшерона, «Материалы сессии, посвященной итогам археологических работ 1964 г.», Баку, 1965, стр. 85.

¹⁵ В. М. Сысоев, Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г., «Материалы по археологии Кавказа», вып. IX, стр. 127, табл. XVII; П. У. Аутлев, П. А. Дитлер, «Камни-писаницы», Уруштена, «Пленум Ин-та археологии Кавказа» (тезисы докладов), М., 1966, стр. 3.

¹⁶ А. А. Формозов, Каменный век и энеолит Прикубанья, М., 1965, стр. 128.

¹⁷ В. И. Марковин, Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана, «Сов. археология», 1958, № 1, стр. 153.

¹⁸ А. Х. Магомедов, Культура и быт осетинского крестьянства, Орджоникидзе, 1963, стр. 25, 26.

¹⁹ З. А. Никольская, Из истории аварского жилища, «Сов. этнография», 1947, № 2.

вого; на стенах постройки мастер оставлял изображение своей руки, которое гарантировало крепость дома. Среди петроглифов можно видеть целые сцены, солярные и свастические знаки²⁰. Умелая рука мастера, его верный глаз позволяли иногда с большим вкусом сочетать архитектуру дома с петроглифами, создавая красочную игру светотени на стенах дома-башни.

Во всех произведениях примитивного графического искусства, будь оно памятником эпохи бронзы или средневековья, эстетическая сторона занимала подчиненную роль, хотя мастер в меру своих способностей всегда старался сделать свое произведение художественно совершенным²¹.

Верования горцев породили не только графическое искусство, но и пластику. И. И. Мещанинов делает интересное сопоставление: «Вода, как единое когда-то божество, дает жизнь и смерть. Как податель жизни и благого начала, оно тождественно с подателем человеческой жизни — женщиной. Поэтому богиня — женщина и божество — вода, как обладатели одинаковой силы рождения, совпадают»²². Трудно сказать, так ли это, однако можно утверждать, что графическое искусство и искусство пластики возникают почти одновременно, и среди произведений пластики первое место принадлежит образу женщины; лишь затем появляются изображения мужчин и животных.

Сейчас на Кавказе найдено довольно много подобной скульптуры. На энеолитическом поселении Мешоко (Прикубанье, майкопская культура) были найдены человеческие фигурки с раскинутыми руками, приседающие фигурки, обломки статуэток домашних животных²³. К этому же времени может быть отнесена и женская статуэтка из ст. Урупской²⁴. Подобного типа находка была сделана и на Агубековском поселении близ Нальчика²⁵. Поселения куро-аракской культуры также часто содержат глиняные изображения людей и животных (Урбниси, Амиранис-гора в Грузии, Кюль-Тапа близ г. Эчмиадзина в Армении, Кюль-Тапа близ г. Нахичевани в Азербайджане и др.)²⁶, в эпоху бронзы подобная пластика не исчезает: таковы находки из Ульского аула (Уляп, Прикубанье), Пятигорска, Южного Дагестана (курган Катарагач-Тапа близ Дербента)²⁷. К V в. до н. э. эти изображения делают уже не из глины²⁸, а из металла — преимущественно из бронзы²⁹, а

²⁰ Д. М. Атаев, В. И. Марковин, Петрография горной Аварии, «Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР», вып. XIV, Махачкала, 1965, стр. 342 и сл.; П. М. Дебиров, Резьба по камню в Дагестане, М., 1966, стр. 16 и сл.

²¹ А. А. Миллер, Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана, «Материалы по этнографии», т. IV, вып. I, Л., 1927, стр. 31—45.

²² И. И. Мещанинов, Закавказские поясные бляхи, стр. 201.

²³ А. А. Формозов, Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 128—129.

²⁴ В. И. Марковин, Глиняная статуэтка из станицы Урупской, КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 108 и сл., рис. 48.

²⁵ Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, Неолитическое поселение близ г. Нальчика, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 3, М.—Л., 1941, стр. 54, 55, рис. 3, 1.

²⁶ А. Н. Джавахишвили, Л. И. Глonti, Урбниси, I, Тбилиси, 1962, стр. 63, табл. XXIV, XXV, XXVII, I; Т. Н. Чубинишвили, Амиранис-Гора, Тбилиси, 1963, стр. 103, табл. X, XI; Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 35, табл. 2; О. Абибуллаев, Энеолитическая культура Азербайджана, «Материалы по археологии Дагестана», II, Махачкала, 1961, стр. 79.

²⁷ Н. И. Веселовский, Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России и на Кавказе, «Изв. археологической комиссии», вып. 35, СПб., 1910, стр. 2, 7; А. А. Русов, Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в Южном Дагестане, «Труды Предварительных комитетов V Археологического съезда в Тифлисе», I, М., 1882, стр. 571, табл. XVI.

²⁸ Глиняные статуэтки в большом количестве найдены в слое XI—XII вв. до н. э. на поселении Сержень-Юрт в Чечне. См. В. И. Козенкова, Антропоморфные статуэтки из Сержень-Юрта, КСИА, вып. 108, 1966, стр. 74—78, рис. 25.

²⁹ А. А. Zakharov, Material for the archaeology of the Caucasus, Swiatowit, t. XV, Warszawa, 1933.

иногда из бронзы и железа (в сел. Вани в Грузии была найдена железная статуэтка с золотыми височными кольцами и гривной, в сел. Шатой (Советское) в Чечне — статуэтка с туловищем из железа и бронзовой головкой; рис. 3). Известны подобные фигурки и для более позднего времени. Для всех них характерна одна общая черта — у них подчеркнуты признаки пола при довольно условной моделировке туловища. Однако встречаются отдельные бронзовые статуэтки, сделанные с

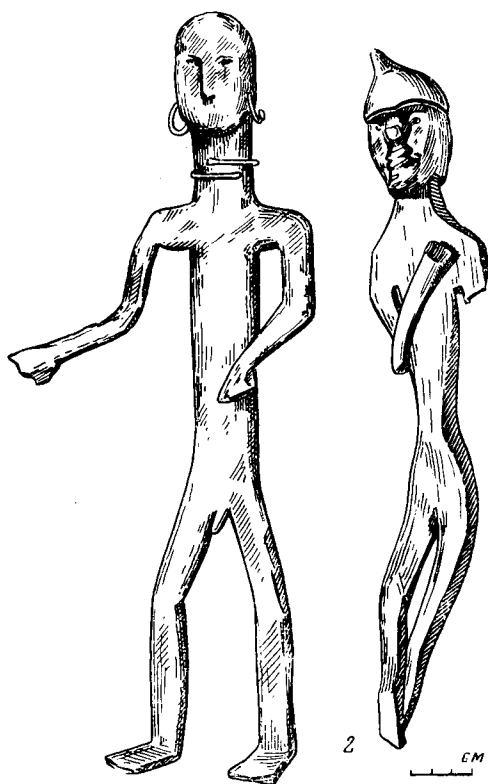

Рис. 3. Культовые статуэтки; 1 — из железа и золота (Грузия, Вани); 2 — из железа и бронзы (Чечня, Шатой)

исключительным мастерством. Таковы, например, женские обнаженные фигурки, происходящие из сел. Согратль в Дагестане и сел. Шатой (Советское) в Чечне, мужская статуэтка из сел. Арчо (Дагестан)³⁰. Это подлинные произведения искусства: прекрасны пропорции тела, лепка форм, подчеркнуты индивидуальные особенности. Статуэтки животных (козлы, бараны, кони) часто также выполнены очень искусно. Обычно такие металлические фигурки происходят из культовых мест, расположенных на высоких плато. Археологам известны сейчас подобные святилища в горных районах Дагестана и Чечни. А. П. Круглов раскопал одно из них. Оно находилось на вершине горы у сел. Арчо. Здесь были обнаружены остатки камней какого-то сооружения, в земле попадалось много углей; тут же были найдены железные трезубцы и бронзовые статуэтки. А. П. Круглов отмечает, что с места раскопок была видна величественная горная панорама с множеством аулов³¹.

Исследователи материалов эпохи ранней бронзы Кавказа единодушно подчеркивают куль-

товый характер статуэток, связывая их с земледельческими обрядами. Культы плодородия тесно переплетались с почитанием солнца, небес, огня. Угли, найденные в святилище А. П. Кругловым, указывают на какие-то действия с огнем.

На Кавказе долгое время сохранялись пережитки фаллических культов³². Они очень ярко проявляются в современном изобразительном искусстве и верованиях сванов³³. Совсем недавно в Ингушетии у сел. Кок возвышался фаллический памятник. Возле него происходили моления и этот памятник в дореволюционное время пользовался боль-

³⁰ А. П. Круглов, Культовые места горного Дагестана, КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 31, 35, рис. 11, д; 14; В. И. Марковин, Материалы по археологии Восточных районов Чечни, «Археолого-этнографический сборник», т. I, Грозный, 1966, стр. 129, 130, рис. 4, 9.

³¹ А. П. Круглов, Указ. раб., стр. 32—34.

³² С. М. Макалатия, Культ фаллоса в Грузии, «Постановления и резолюции II Краеведческого съезда Черноморского побережья и Западного Кавказа», Батум, 1925, стр. 36.

³³ В. В. Бардавелидзе, Древнейшие религиозные верования..., стр. 127 и сл.

шой известностью³⁴. Подобные памятники известны в Армении, Грузии, в бассейне р. Кубань.

Бессилие человека перед природой, особенно бессилие земледельца и скотовода, благополучие которых целиком зависит от урожайности поля и плодovitости животных, и породило подобные культы. Известно, что охотничьи племена при неудачах иногда наказывают своих божков: оставляют без жертв, заменяют другими, угрожают им проклятиями. Земледельцы и скотоводы в таких случаях не могли угрожать — над ними простиралась карающая рука божеств: «захотят» — погибнет поле или вымрет стадо. В этом коренное отличие верований охотников от верований оседлых земледельцев³⁵.

Пережитки земледельческих культов были живы в сознании кавказских горцев до самого последнего времени. Таковы праздники первой борозды, выпечка ритуальных хлебцев, эротические пляски и ряд других явлений, в изобилии зафиксированных этнографами.

Мы очень сжато рассмотрели только две категории памятников искусства древнего Кавказа: графику и пластику. Как видим, трудно говорить о чисто эстетическом начале в создании таких произведений. Тяжелые условия жизни древнего населения Кавказа не давали возможности заниматься излишней «роскошью» и только из чисто эстетических побуждений создавать прекрасное. Такое прекрасное рождалось в борьбе с природой и собственным невежеством.

³⁴ Л. П. Семенов, Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах, Грозный, 1963, стр. 100.

³⁵ В. Н. Чернецов, К вопросу о содержании термина «религия», Доклад на теоретическом семинаре АН СССР 23 февраля 1962 г., Архив Ин-та археологии АН СССР.

Н. Н. Кощевская

НЕКОТОРЫЕ РАНЕЕ ОТКРЫТЫЕ ПАМЯТНИКИ И НОВЕЙШИЕ НАХОДКИ В ИФЕ

Среди скульптур древнего йорубского города Ифе (Западная Нигерия) заслуженной известностью пользуются великолепные бронзовые терракотовые головы. Они не лишены некоторой идеализации, но тем не менее настолько достоверно передают как характерные этнические, так и индивидуальные особенности изображенных, что не приходится сомневаться в том, что за каждой из таких скульптур стояла реальная историческая фигура. В большинстве случаев это, надо полагать, сменявшие друг друга на ифском престоле обожествленные правители — оны. Возможно, кое-кто из них приобрел бы в наши дни благодаря великолепным портретам не меньшую популярность, чем такие персонажи древней истории, как, скажем, Нефертити или Антиной, если бы нам удалось связать с отдельными скульптурами имена изображенных и отдельные черточки их биографий.

В городе найдены и памятники иного рода, непосредственно не связанные или кажущиеся несвязанными с посмертным культом властителей. Среди них особый интерес представляют изображения маленьких головок людей, по-видимому, обреченных на смерть (почти каждая из таких головок обвязана веревкой, подобно узде, пропущенной через рот), а также изображения голов животных, в первую очередь баранов.

«Взнузданные» человеческие головки отнюдь не однородны по манере исполнения. Если во многих из них можно безошибочно признать руку создателей заупокойных скульптурных царских портретов, то в других, напротив, заметно отклонение от ифских традиций. Но всем им чужда идеализация, в них нет и следа торжественного спокойствия образованных людей.

В 1957 г. на площади Иемуу были найдены бронзовые предметы, среди которых два конусообразных жезла и два полых овоида, признаваемых на вершьями палиц. Все они несут на себе изображения человеческих голов. Отдельно выполненная в таком же стиле бронзовая «взнузданная» головка, по-видимому, также украшавшая когда-то ритуальный предмет, была найдена еще в 1949 г. при просеивании земли в руинах дворца Вунмонидже.

Среди названных изображений можно выделить необычайно яркую в то же время дающую представление о специфических жанровых особенностях остальных скульптур головку старика с большого по размеру овоида (рис. 1). Она подчеркнута индивидуализирована и в основных пропорциях, и в деталях: от очень широких скул лицо резко суживается к подбородку и к показателю с сильно выступающими надбровьями. Нос очень толст в нижней своей части и как бы перебит посреди переносицы. Приподнятые, сведенные вместе брови и большие широко раскрытые глаза придают лицу недоуменно-страдальческое выражение. Несмотря на некоторую утрировку черт, скульптура показывает, сколько веков ифские мастера могли передавать анатомическое строение человеческой головы и лица: под как бы высохшей кожей отчетливо ощущаются все формы черепа, великолепно моделированы скулы — на них

отмечены места прикрепления мышц и впадины между ними. Щеки и лоб изобразены резкими морщинами, расположенными, впрочем, несколько орнаментально.

Все бронзовые «взнузданные» человеческие головки сходны друг с другом стилистически. Они, безусловно, выполнялись в дворцовых мастерских, хотя во многом существенно и отходят от классических норм царских портретов. Им свойственны немыслимое для последних отсутствие даже малейшей идеализации, обостренность характеристик, свобода, раскованность лепки. В отличие от бронзовых, найденные в Ифе несколько терракотовых головок резко отличаются друг от друга мерой условности, принципами построения формы. Наиболее близки к бронзовым, настолько близки, что кажутся вышедшими из-под рук тех же мастеров, три головки. Все они, правда, не имеют «узды», но тем не менее, по-видимому, воплощают содержание, близкое, если не тождественное со «взнузданными»: брови изображенных тоже страдальчески подняты или сведены к переносице, рты полуоткрыты, своеобразие лиц обостренно подчеркнуто. Одна из трех наделена явными чертами старца — морщинами на лбу, бородой, усами. Кстати, головка с одного из двух бронзовых жезлов, как и эти три терракотовые, не имеют «взнуздывающей» веревки.

Рис. 1. Бронзовое навершие палицы с изображениями человеческих голов. Ифе

Чрезвычайно далека от ифских классических традиций терракотовая головка из Ита Иемуу. Если бы она не была найдена в Ифе и не имела веревочной «узды», рельефных полос на шее и некоторых иных второстепенных деталей, можно было бы усомниться в ее принадлежности к ифскому искусству. Автор этой скульптуры, очевидно, взял за образец изображения, описанные выше или им подобные. Прическа на этой головке выполнена в той же манере, что и на головках с бронзовых жезлов. Брови, обозначенные чисто условно, сведены к переносице, столь же условны большие миндалевидные глаза, сдвинутые почти вплотную друг к другу и оконтуренные рельефным кантиком, весьма отдаленно напоминающим веки. Условно изображены губы, замысловато стилизованы уши. На висках четко выделяются по три коротких шрама (рис. 2).

Терракотовым «взнузданным» головкам также присущи явные элементы условности, но они все же более естественно вписываются в рамки ифских традиций. Упомянутая стилистическая пестрота может быть объяснена тем, что мотив «взнузданной» человеческой головы воспроизводился в Ифе на протяжении длительного времени, в том числе и тогда, когда классические традиции сошли на нет. Возможно также, что подобные изображения создавались не только для общегосударственной потребности, в связи с чем авторами части скульптур были мастера не из дворцовых мастерских.

Столь же мало единообразия среди терракотовых изображений бараньих голов. И в данном случае стилистический диапазон простирается от очень точного следования натуре до довольно сильной стилизации. Многие из этих изображений опираются на плоские овальные подставки

Рис. 2. Терракотовая «взнузданная» головка из Ифе

Человеческие жертвоприношения не были в древнем Ифе редкостью. Еще и сейчас в городе показывают площадь, где они совершались. Интересно, что в наше время жертвенных животных таким же образом «взнуздывают» и связывают им за спиной передние ноги.

Ф. Уиллет, безусловно, прав, утверждая, что бронзовые и терракотовые человеческие «взнузданные» головки изображают людей, которые должны умереть насильственной смертью. Однако утверждение, что они создавались с целью подменить собой на алтарях в перерывах между жертвоприношениями «настоящий предмет» весьма спорно. Возможно, ответ на заданный вопрос следует искать в тех стилистических особенностях, которые отличают эти изображения от заупокойных царских портретов, поскольку эти особенности не могут не быть связанными с содержанием. Важно также иметь в виду, что были те обреченные на смерть люди, которые изображены «взнузданными».

В Ифе посмертные изображения властителей вкупе с комплексом заупокойных церемоний были призваны утвердить умерших в сане предков, помочь заручиться их благосклонной поддержкой. Сколь близко передают многие портреты облик ифских владык, по ним невозможно определить реальный возраст изображенных — последние неизменно предстают перед нами молодыми. Эта своеобразная «идеализация» неслучайна — «омоложенные» портреты как бы утверждали самого умершего вечно пребывающим в потустороннем мире в расцвете сил.

Сопоставим изображения молодых торжественно-спокойных правителей с изображением обреченных на смерть с их экспрессивно выраженным страданием, подчеркнутой во многих случаях худобой, старостью. Вспомним, что в большинстве своем это иноплеменики, что подтверждается имеющимися у ряда скульптур скарификационными знаками, специфическими прическами, подчеркнуто своеобразными лицами. Конечно, изображая обреченных на смерть, ваятели были свободны от канонов, которых они придерживались при создании царских портретов. Но, очевидно, не только этим объясняются особенности рассматриваемых

(рис. 3). Ф. Уиллет предположил, что скульптурные бараньи и «взнузданные» человеческие головы имели весьма сходное назначение — и те и другие могли служить напоминанием божеству о жертвах, принесенных в его честь¹. Ученый сравнивает этот ритуал с христианским обычаем оставлять зажженную свечу у изображения святого, дабы напомнить об обращенных к нему молитвах².

Своей находкой на площади Иему черепков сосуда, украшенного рельефом, Ф. Уиллет убедительно доказал, что веревочная узда — атрибут насильственной смерти: на рельефе мы видим отделенную от туловища «взнузданную» голову, а рядом с ней — само растерзанное на животе тело со связанными за спиной руками. Тем самым были подтверждены сведения, согласно которым у йоруба на обреченного одевалась веревочная «узда» с тем, чтобы он в последний момент не смог проклясть виновника своей смерти.

¹ F. Willett, *Ife in the history of West African sculpture*, London, 1967, p. 92.

² F. Willett, *Указ. раб.*, стр. 69.

мых скульптур. Скорее всего, обреченный иноплеменник должен был быть изображен именно таким образом. Скульптура, изображающая поверженного врага, была призвана утвердить его навечно пребывающим в беспомощном состоянии. В этой связи можно вспомнить о жезле Тутанхамона, на котором две фигуры — африканца и азиата — символизировали находящиеся в его «руке» народы. Сходные изображения имелись и на его сандалиях — при ходьбе фараон «попирал» покоренных. Можно найти аналогию и более близкую — во времени и пространстве. Так, в XVIII и XIX вв. к Золотому табурету ашанти были прикреплены колокольцы в форме очень условных человеческих фигурок, изображавших покоренных иноплеменных вождей и военачальников (среди них — изображение Чарльза Маккарти, разбитого и обезглавленного ашанти). Колокольцы именовались *нкоа*, слуги Золотого табурета. В соответствии с названием, вероятно, мыслились и их функции.

Рис. 3. Терракотовое изображение бараньей головы из Ифе

Все бронзовые ифские «взнузданные» головки украшали собой те или иные ритуальные предметы. На небольшом, найденном на площади Иемуу сосуде имеется изображение правителя в регалиях, поднимающего в руке миниатюрный жезл, точно такой, как те два, о которых говорилось выше. Трудно согласиться с тем, что скульптурные головки обреченных на смерть иноплеменников создавались лишь для напоминания божеству о полученных им жертвах. Думается, что прежде всего преследовалась цель магическим путем увековечить пребывание врагов в поверженном состоянии, обезопасить себя от «козней» тех из них, кто был убит.

Еще менее вероятно, что напоминаниями о жертвах были терракотовые бараньи головы. Уже много лет в ифском музее хранится терракотовое изображение головы слона, увенчанной короной с розеткой и косичкой, окаймленной овальным воротником с крупными круглыми бусами (рис. 4). Обе инсигнии точно повторяют те, что украшают известные фигуры *они*. Исключение составляет лишь воротник, который на фигурных изображениях плавно изгибался по форме тел, а здесь уплотился, стал базой скульптуры. Глаза слона имеют форму, которая типична для большинства ифских изображений человека (такой же формы глаза мы видим и на скульптурах бараньих голов). Вся поверхность скульптуры декорирована параллельными полосками орнамента, напоминающими декор человеческих голов из Обалуру. Рассматриваемое изображение определенно должно отождествляться с кем-либо из правителей Ифе. Возможно, оно в зримой форме являло закрепленный за ним эпитет³.

Скорее всего, и терракотовые го-

Рис. 4. Терракотовое изображение головы слона, увенчанной короной и розеткой из Ифе

³ Нечто подобное представляют собой некоторые рельефы абомейского дворца и деревянные скульптуры, изображающие царей Дагомеи (Беханзина, Глеле и др.) в облике соответствующих животных.

ловы баранов имели столь же малое отношение к жертвенным животным как и изображенный в виде слона владыка Ифе. Изображения голов баранов из Ошогбо и из дворца церкви св. Филиппа покрыты насечками, которые могут передавать фактуру шерсти, но с неменьшим основанием могут они воспроизводить, подобно орнаментальным полоскам на скульптуре царя-слона, раздражающие шрамы, такие, как мы видим на лицах многих ифских портретов. Чрезвычайно интересно, что одна из бараньих голов имела на шее бронзовый обруч. Известно, сколь высоко ценился в древнем Ифе этот металл — стоимость такого обруча должна была перекрывать стоимость и живого, и терракотового баранов. Трудно предположить, что скульптура, призванная лишь заменить жертвенное животное, украшалась бы столь богато. Далее: если сравнить овальные базы терракотовых бараньих голов и воротник царя-слона, можно прийти к выводу, что и в том и в другом случае скульптуры покоятся на воротниках, только у изображений баранов они значительно скромнее.

Не следует считать, что баран — лишь «узкоспециализированное» животное для жертв, что его изображения не могут иметь никакого, кроме названного, значения. Уиллет ссылается на то, что в Бенине скульптуры бараньих голов ставились на алтари мужских предков, в то время как на алтари цариц-матерей помещались скульптуры пегухов⁴. При этом он подчеркивает, что и в одном и в другом случае воссозданы любимые жертвенные животные. Но известно, что алтарные бараньи головы Бенина изображали не жертвенных животных, а самих предков и назывались ухув-элао, головы предков. Лишь в таком виде могли изображаться вплоть до XIX в. лица более низкого ранга, чем сам *оба*, его мать и некоторые влиятельнейшие приближенные. С другой стороны, у нынешних йоруба (ойо) баран — не только жертвенное подношение, но и священное животное божества Шанго.

В мае 1969 г. нигерийский археолог Экпо Эйю откопал в Ифе четыре скульптуры. Значение этой находки особенно велико, так как предметы не были ранее потревожены, и находились на своих местах по сторонам небольшого святилища. Последнее обстоятельство позволяет вплотную подойти к определению абсолютного возраста памятников. В связи с рассматриваемым вопросом наибольший интерес представляет характер изображений. Они во многом напоминают увенчанную короной терракотовую голову царя-слона — и названная регалия, и овальный воротник с шарами-украшениями имеются у каждой. Но на этот раз ифские владыки выступают в облике иных животных — антилопы, гиппопотама и... барана.

Сопоставив сказанное, естественно предположить, что терракотовые головы баранов, не имеющие пышных регалий, изображали лиц, пользовавшихся при жизни известным влиянием и получивших статус предков, но не принадлежавших к числу высших сановников государства. Овальные же базы голов, так же как и имеющийся в одном из случаев бронзовый обруч, не что иное, как изображение шейных инсигний, свидетельствующих о сане.

Таким образом, можно считать, что ифское искусство в той или иной форме запечатлеvalo не только обожествленных правителей, но и людей, относящихся по крайней мере к двум категориям — представителей покоренных племен (скорее всего, их вождей) и тех, кто играл при жизни относительно важную роль, был возведен в сан предка, но не входил в узкий круг высших сановников.

⁴ F. Willett, Указ. раб., стр. 163.

Л. И. Тегако

ДЕРМАТОГЛИФИКА БЕЛОРУСОВ

(К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА)

Во время экспедиционных поездок 1967—1968 гг., организованных Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, автором были собраны материалы по дерматоглифике белорусов и других народов с территории Белоруссии и соседних республик.

Для того чтобы результаты дерматоглифических исследований были сопоставимы с имеющимися антропологическими, лингвистическими и археологическими материалами по данной территории, при выборе экспедиционных маршрутов учитывались следующие моменты.

1. Антропологические данные о наличии территориальных морфологических типов. По наблюдениям В. В. Бунака, на территории Белоруссии можно выделить два местных типа — северобелорусский и южнобелорусский или полесский¹.

2. География диалектов белорусского языка. Различия в диалектах наиболее выражены между основным массивом белорусских говоров и полесской группы диалектов, распространенной в районах Бреста, Кобрина, Пинска, Луница. Для полесской группы характерно отсутствие дзеканья и цеканья и наличие оканья, тогда как для основного массива характерно аканье, дзеканье и цеканье. Среди диалектов основного массива выделяются северо-восточный, юго-западный и среднебелорусский; различия между двумя последними носят внутригрупповой характер².

3. Учитывались также археологические данные о расселении славянских племен на территории Белоруссии в эпоху средневековья (см. рис. 1).

В связи с этим было выделено для исследования пять территориальных групп: белорусы восточного Полесья, витебские белорусы, белорусы западного Полесья, минские и могилевские белорусы. Исследовались также поляки, литовцы и татары, проживающие на территории Белоруссии.

Татары в Белоруссии, Литве и Польше были поселены во времена князя Витовта (1386—1430 гг.), который, заботясь об укреплении границ Литовского государства, приглашал и поселял татарские дружины. Селились также пленные татары и политические беглецы. По переписи населения 1959 г., в Белоруссии проживало 7 208 татар. У современных татар сохранились некоторые своеобразные обычаи и обряды. Имеются также тюркские элементы в антропо- и топонимике. Поляков на территории Белоруссии по переписи населения 1959 г. насчитывалось 533 250. Польское население, среди которого проводились исследования, выделяется не только по языку, но и отдельными элементами быта и культуры. Среди исследованных многие семьи поддерживают связь с

¹ В. В. Бунак, Антропологические исследования в южной Белоруссии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXIII, М., 1956.

² «Нарысы на беларускай дыялекталогіі», Мінск, 1964.

родственниками в Польше. Литовцы проживают в районах, граничащих с Литовской ССР.

На территории соседних республик изучение дерматоглифических признаков проведено среди русских, литовцев, латышей. Всего исследовано 5 этнических и 14 территориальных групп, сведения о которых приведены в табл. 1. Дерматоглифические признаки украинцев изучены по коллекциям Г. Л. Хить³. Материал обработан по методике Камминса

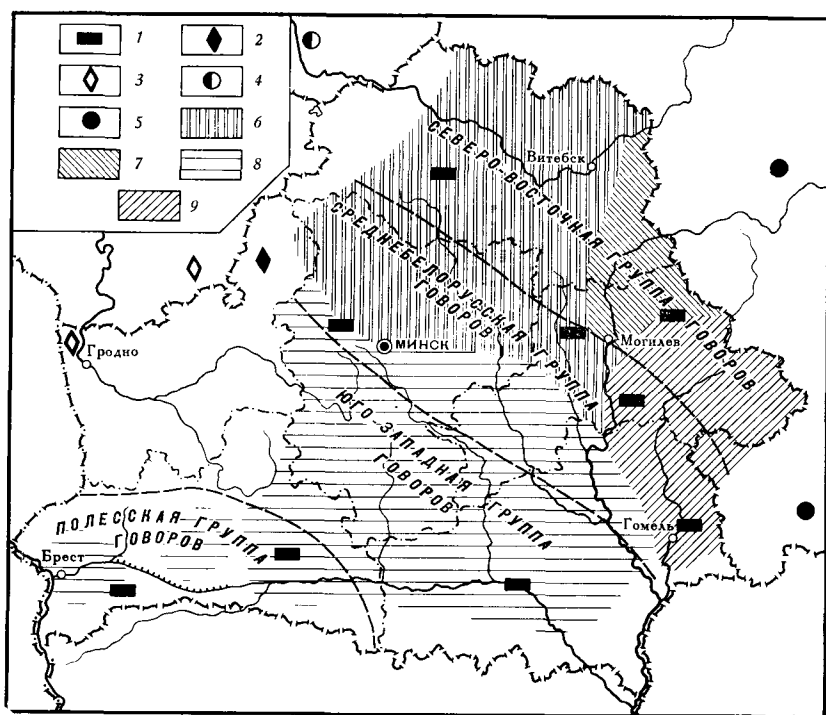

Рис. 1. Расселение славянских племен и исследованных групп, распространения диалектных говоров на территории Белоруссии. Исследованные группы: 1 — белорусы, 2 — литовцы, 3 — поляки, 4 — латыши, 5 — русские. Славянские племена: 6 — полочане, 7 — кривичи, 8 — дреговичи, 9 — родимичи

и Мидло⁴. Для определения достоверности разницы между двумя показателями вычислялась статистическая ошибка $S_p = \sqrt{\frac{p(100-p)}{n}}$, где p — величина признака в процентах, n — число исследованных особей в популяции, в случае пальцевых узоров умноженное на 10, в случае признаков ладонного рельефа умноженное на 2. Ошибка разницы $S_d = \sqrt{Spa^2 - Spb^2}$, критерий достоверности $t = \frac{d}{S_d}$, где d — разница между признаками ($Px - Py$), S_d — ошибка разницы⁵. Различия достоверны, если $t > 1,9$.

Дальше описываются вариации признаков суммарно в мужских и женских группах.

Пальцевые узоры (табл. 2). В целом по распределению типов пальцевых узоров изученное население укладывается в пределы вариаций, свойственных европеоидной расе.

³ Приношу глубокую благодарность Г. Л. Хить за предоставленные для обработки коллекции отпечатков и постоянную помощь в овладении методикой получения и обработки материала.

⁴ H. Cummins, C. H. Midlo, Finger prints, palms and soles, New York, 1961.

⁵ П. Ф. Рокицкий, Биологическая статистика, 1967, стр. 186, 187.

Сведения об изученном материале

Группа	Число исследованных и пол	Район исследования	Автор сборов и год исследования
Витебские белорусы	♂ 100 ♀ 60	д. Большие Дольцы Ушачского р-на Витебской обл.	Тегако, 1967
Белорусы Восточного Полесья	♂ 87 ♀ 90	д. Каменка Мозырского р-на, с. Еремине Гомельского р-на Гомельской области	Тегако, 1967—1968
Белорусы Западного Полесья	♂ 195 ♀ 153	с. Ставок Пинского р-на, с. Дывин Кобринского р-на, г/п Ляховичи Барановичского р-на Брестской обл.	То же
Минские белорусы	♂ 90 ♀ 100	с. Саковщина Воложинского р-на, г. Крупки и г. Столбцы Минской обл.	» »
Могилевские белорусы	♂ 90 ♀ 100	г/п Дрыбин, г. Быхов, г. Шклов Могилевской обл.	» »
Латыши	♂ 41 ♀ 55	г. Гулбенэ Латвийской ССР	Тегако, 1968
Литовцы Аникшай	♂ 50 ♀ 53	г. Аникшай Литовской ССР	То же
Литовцы Ширвинтас	♂ 50 ♀ 52	г. Ширвинтас Литовской ССР	» »
Литовцы Гродненской области	♂ 50 ♀ 50	г. Герваты Островецкого р-на Гродненской области	Тегако, 1967
Поляки Гродненской области	♂ 100 ♀ 60	г/п Сопоткино Гродненской области	Тегако, 1968
Поляки г. Эйшишкес	♂ 35 ♀ 40	г. Эйшишкес Литовской ССР	То же
Русские Брянской области	♂ 60 ♀ 50	с. Супонево Брянского р-на	» »
Русские Смоленской области	♂ 50 ♀ 50	г. Ярцево Смоленской области	» »
Татары		д. Орда Клецкого р-на, г. Узда Минской обл., г/п Ляховичи Брестской области	» »
Украинцы Волыни	♂ 100 ♀ 66	Ровенская обл. УССР, г. Острог	Хить, 1965
Украинцы Полесья	♂ 100 ♀ 74	Ровенская обл. УССР, г. Сарны	То же

Бездельтовые узоры $A+T$ (табл. 2). Частота их в изученных белорусских группах колеблется от $8,8 \pm 0,65$ (белорусы Минской области) до $9,6 \pm 0,50$ (белорусы западного Полесья). Различия статистически недостоверны. Для крайних вариантов $t=1,2$; $P=0,77$.

По количеству дуговых узоров белорусская суммарная группа сходна с поляками Гродненской области, украинцами Волыни и Полесья. Статистически достоверные различия по количеству дуговых узоров отмечаются между белорусами и татарами ($t=3,14$; $P>0,99$); белорусами и литовцами ($t=3,04$; $P>0,99$).

Однодельтовые узоры $L'+L''$ (табл. 2). Процент радиальных петель в белорусских группах варьирует от $2,6 \pm 0,36$ (белорусы Минской и Могилевской области) до $4,2 \pm 0,34$ (у белорусов западного Полесья). Различия статистически достоверны только между крайними вариантами, т. е. белорусами западного Полесья и минскими, а также белорусами западного Полесья и могилевскими белорусами ($t=3,4$; $P=0,99$). Минимум ульнарных петель среди белорусских групп отмечается у витебских белорусов ($51,5 \pm 1,25$), которые по этому признаку

Частота типов узоров на пальцах, радиоульнарный завитковый индекс
Гейпеля и дельтовый индекс

Территориальные и этнические группы	Пол	A+T	L'	L''	L' + L''	W	Количество завитков на I—III	Количество завитков на IV—V	Индекс Гейпеля	Дельтовый индекс
Белорусы										
1. Витебские	♂	8,3	2,7	47,8	50,5	41,2	256	156	328,2	13,29
	♀	10,2	3,0	57,7	60,7	29,1	111	64	346,8	11,89
	♂+♀	9,0	2,8	51,5	54,3	36,7	367	220	336,6	12,77
2. Западного Полесья	♂	8,7	4,8	58,8	63,6	27,7	346	205	337,5	11,91
	♀	10,9	3,4	58,3	61,7	27,4	276	145	380,6	11,65
	♂+♀	9,6	4,2	58,6	62,8	27,6	622	350	355,4	11,80
3. Восточного Полесья	♂	7,2	4,5	51,0	55,3	37,5	199	126	315,8	13,05
	♀	11,6	2,7	58,5	61,2	27,2	144	99	290,9	11,56
	♂+♀	9,4	3,6	54,9	58,5	32,1	343	225	304,9	12,27
4. Минские	♂	7,8	3,0	54,7	57,7	34,5	192	118	325,4	12,67
	♀	9,7	2,2	53,1	55,3	35,0	226	124	364,5	12,53
	♂+♀	8,8	2,6	53,8	56,4	34,8	418	243	344,0	12,60
5. Могилевские	♂	6,8	3,1	57,5	60,6	32,6	188	110	341,8	12,58
	♀	11,6	2,1	54,0	56,1	32,3	210	113	371,5	12,07
	♂+♀	9,3	2,6	55,6	58,2	32,5	398	223	365,9	12,32
1—5. Белорусы все	♂	7,8	3,8	54,7	58,5	33,7	1181	715	384,0	12,59
	♀	10,8	2,7	56,5	59,2	30,0	967	545	354,8	11,92
	♂+♀	9,3	3,4	55,3	58,7	32,0	2148	1260	340,9	12,27
6. Латыши	♂	8,8	2,7	53,1	55,8	35,4	95	50	380,0	12,66
	♀	7,3	3,3	57,8	61,1	31,6	119	55	432,0	12,43
	♂+♀	7,9	3,0	55,8	58,8	33,3	214	105	407,6	12,54
Литовцы										
7. Аникщай	♂	10,6	3,6	54,8	58,4	31,0	104	51	407,8	12,04
	♀	6,6	4,0	58,0	62,0	31,4	106	61	347,5	12,48
	♂+♀	8,5	3,8	56,3	60,1	31,2	210	112	375,3	12,27
8. Гродненской обл.	♂	5,8	3,8	59,8	63,6	30,6	90	63	285,7	12,48
	♀	9,4	2,2	52,4	54,6	36,0	114	66	345,4	12,66
	♂+♀	7,6	3,0	56,1	59,1	33,3	204	129	316,2	12,57
9. Ширвинтас	♂	7,4	4,6	53,0	57,6	35,0	111	64	346,8	12,76
	♀	5,6	2,5	63,8	66,4	28,0	85	58	293,1	12,24
	♂+♀	6,8	3,6	58,5	62,1	31,1	196	122	321,3	12,43
7—9. Литовцы все	♂	7,9	4,0	55,9	59,9	32,2	305	178	342,5	12,43
	♀	7,3	3,0	58,2	61,2	31,5	305	185	329,7	12,42
	♂+♀	7,6	3,5	57,0	60,5	31,9	610	363	336,0	12,43
Поляки										
10. Гродненской обл.	♂	10,9	3,4	47,2	50,6	38,5	225	160	256,2	12,76
	♀	7,3	3,3	54,5	57,8	34,9	128	81	318,0	12,76
	♂+♀	9,6	3,4	49,9	53,2	37,1	353	241	292,9	12,76
11. г. Эйшишкеса Литовской ССР	♂	7,5	2,2	55,7	57,9	34,6	75	46	326,0	12,71
	♀	9,3	2,5	52,7	55,2	33,5	93	49	379,4	12,62
	♂+♀	8,6	2,6	54,0	56,6	34,8	168	95	353,6	12,62
10—11. Поляки все	♂	10,0	2,5	49,8	52,3	37,7	300	201	298,5	12,77
	♀	8,1	3,0	53,8	56,8	35,1	221	130	340,0	12,60
	♂+♀	9,2	3,0	51,4	54,4	36,4	521	336	310,1	12,72
Русские										
12. Брянской обл.	♂	5,5	4,7	51,5	56,2	38,3	144	86	334,8	13,28
	♀	4,6	4,0	53,2	57,2	36,2	123	68	361,7	12,96
	♂+♀	5,3	4,2	52,3	56,6	38,2	267	154	346,7	13,30

Таблица 2 (продолжение)

Территориальные и этнические группы	Пол	A+T	L'	L''	L' + L''	W	Количество завитков на I—III	Количество завитков на IV—V	Индекс Гейнеля	Дельтовый индекс
13. Смоленской обл.	♂	4,2	5,0	55,4	60,4	35,4	93	84	221,4	13,12
	♀	5,8	3,6	61,4	65,0	29,2	91	55	330,9	12,34
	♂+♀	5,0	4,3	58,4	62,7	32,3	184	139	264,7	12,73
12—13. Русские все	♂	4,9	4,8	53,3	58,1	37,0	237	170	278,8	13,21
	♀	5,2	3,8	57,3	61,1	33,7	214	123	347,9	12,85
	♂+♀	5,0	4,4	55,2	59,6	35,4	451	293	307,8	13,04
14. Татары	♂	4,7	2,4	48,6	51,0	44,3	133	84	316,6	13,96
	♀	8,5	3,7	48,6	52,3	39,2	113	66	342,4	13,07
	♂+♀	6,6	3,1	48,6	51,7	41,7	137	88	311,3	13,51
Украинцы										
15. Волыни	♂	9,6	3,5	56,2	59,7	30,7	194	113	343,3	12,09
	♀	8,8	3,0	54,8	57,8	33,4	153	67	436,7	12,46
	♂+♀	9,5	3,2	55,6	58,8	31,7	349	180	387,7	12,22
16. Полесья	♂	11,2	4,1	52,7	56,8	32,0	206	114	363,1	12,08
	♀	7,7	3,7	60,0	63,7	28,6	144	69	417,3	12,09
	♂+♀	9,7	4,0	55,7	59,7	30,6	350	183	382,5	12,09
15—16. Украинцы все	♂	10,5	5,7	54,5	60,2	29,3	360	226	318,6	11,88
	♀	8,7	3,2	57,2	60,4	30,9	297	136	436,7	12,22
	♂+♀	9,6	3,6	55,6	59,2	31,2	697	363	384,0	12,16

сходны с белорусами Минской области и русскими Смоленской области, максимум — у белорусов западного Полесья ($58,6 \pm 0,84$). Различия по этому признаку статистически достоверны между белорусами западного Полесья и всеми остальными белорусскими группами, а также между витебскими и могилевскими белорусами ($t=2,1$; $P=0,95$).

В изученных этнических группах минимум однодельтовых узоров отмечается у татар — $51,7 \pm 1,62$, максимум у литовцев — $60,5 \pm 0,89$. Различия достоверны только при сопоставлении белорусов с татарами ($t=4,17$; $P=0,99$) и белорусов с поляками ($t=3,81$; $P>0,99$).

Двудельтовые узоры W (табл. 2). Внутригрупповой размах вариаций наличия завитков составляет у белорусов 9,1%. Минимальное количество их отмечается у белорусов западного Полесья — $27,6 \pm 0,76$, что делает дельтовый индекс 11,80. Максимальное число завитков у витебских белорусов $36,7 \pm 1,20\%$, у которых дельтовый индекс равен 12,77. Различия статистически достоверны между белорусами западного Полесья и остальными белорусскими группами. При сопоставлении этнических групп минимальное количество двудельтовых узоров отмечается у украинцев — $31,2 \pm 0,79$, максимальное у татар — $41,7 \pm 1,60$. Различия статистически достоверны между белорусами и татарами ($t=5,85$), между белорусами и русскими ($t=2,28$; $P=0,97$).

Главные ладонные линии. Линия A (табл. 3). Тип низкого окончания линии A (поля 1+2) варьирует в белорусских группах от 3,1 у витебских до 7,4 у могилевских белорусов. При сопоставлении этнических групп межгрупповые вариации линии A составляют 3,9. Крайние варианты — поляки 4,9 и латыши 8,8. Средний тип окончаний линии A (поля 3+4) преобладает во всех группах. Наибольшая частота этого типа отмечена у украинцев 68,9, наименьшая у русских 58,3. Высокое окончание линии A (поля 5'+5''+6) чаще всего встречается у белорусов — $35,9 \pm 1,06$, реже всего у украинцев — $23,1 \pm 2,37$.

Линия D. Минимальные величины высокого окончания линии D — тип 11 (поля 11+12+13) среди территориальных белорусских групп

Типы окончания линий *A* и *D* для обеих рук в процентах, индекс Камминса и частота истинных узоров на подушечках обеих ладоней в процентах

Этнические и тер- риториальные группы	Пол	Типы оконча- ния линий A			Типы окончания линий D			Индекс Камминса	Частота истинных узоров					
		тип 1 по- ля 1+2	тип 2 по- ля 3+4	тип 3 по- ля 5+6	тип 7 по- ля 7+8+ +X+0	тип 9 по- ля 9+10	тип 11 по- ля 11+12+ +13		Ну	Tu/I	Tu/II	Tu/III	Tu/IV	средняя для 5 по- дцатек
Белорусы														
1. Витебские	♂	4,0	56,5	39,5	14,0	44,5	41,5	8,74	28,0	6,5	8,0	34,5	49,0	25,5
	♀	1,6	63,4	35,0	14,2	41,6	44,2	8,84	43,4	3,4	3,4	35,0	37,5	24,5
	♂+♀	3,1	59,0	37,9	14,0	43,5	42,5	8,79	33,7	5,3	6,3	34,6	44,7	24,5
2. Восточного Полесья	♂	2,3	60,9	36,8	12,6	41,9	45,5	8,70	30,5	5,7	2,9	36,3	48,8	23,5
	♀	9,4	52,9	36,6	13,3	39,5	47,2	8,63	38,3	7,2	6,7	30,6	44,4	25,5
	♂+♀	5,9	56,7	36,7	13,0	40,6	46,4	8,70	34,5	6,5	4,8	33,3	46,6	24,5
3. Западного Полесья	♂	3,8	51,8	44,0	19,2	34,1	46,7	8,70	33,4	8,4	3,0	36,9	55,5	27,5
	♀	3,6	57,8	38,6	18,9	33,4	47,7	8,65	37,2	12,0	3,3	52,8	41,0	29,5
	♂+♀	3,7	54,5	41,5	19,2	33,8	47,0	8,69	35,1	10,0	3,0	43,9	49,2	28,5
4. Минские	♂	3,9	61,7	34,4	13,3	39,5	47,2	8,78	27,7	5,5	6,6	46,2	50,0	27,5
	♀	5,0	65,0	30,0	30,5	29,5	40,0	8,23	34,0	5,5	3,0	44,5	54,5	28,5
	♂+♀	4,5	63,4	32,1	22,4	34,2	43,4	8,41	31,0	5,5	4,7	45,3	52,3	27,5
5. Могилевские	♂	9,4	61,1	29,5	10,0	35,4	54,4	8,72	32,2	7,2	5,5	38,3	37,8	24,5
	♀	5,5	70,0	24,5	8,5	43,5	48,0	8,66	40,5	1,0	2,5	45,0	44,0	25,5
	♂+♀	7,4	65,8	26,8	9,2	39,7	51,1	8,69	36,6	3,9	3,9	41,8	41,0	25,5
1—5. Белорусы все	♂	4,5	57,1	37,1	14,8	38,3	46,9	8,73	30,9	7,0	4,8	38,0	49,5	26,5
	♀	5,0	61,2	33,2	17,6	36,6	45,8	8,52	38,1	6,6	3,7	43,3	44,4	27,5
	♂+♀	4,7	59,2	35,9	16,2	37,5	46,3	8,64	34,5	6,9	4,3	40,6	47,3	26,5
6. Латыши	♂	8,5	58,5	31,8	9,8	32,9	57,3	8,80	15,8	9,8	4,8	48,7	40,2	24,5
	♀	9,0	67,3	23,7	14,5	42,7	42,8	8,43	37,2	10,0	2,7	42,7	55,4	33,5
	♂+♀	8,8	63,6	27,0	12,5	38,5	49,0	8,51	29,0	9,9	3,6	45,3	48,9	28,5
Литовцы														
7. Аникщай	♂	6,0	53,0	41,0	16,0	26,0	58,0	8,89	41,0	15,0	4,0	41,0	44,0	29,0
	♀	7,5	53,9	38,6	7,5	35,0	57,5	8,95	24,5	6,6	5,6	49,0	48,1	26,8
	♂+♀	6,8	53,4	39,8	11,6	30,6	57,8	8,92	32,5	10,6	5,0	45,0	46,0	27,8
8. Гродненской области	♂	4,0	69,0	34,0	25,0	34,0	39,0	8,18	37,0	9,0	6,0	37,0	53,0	28,4
	♀	4,0	57,0	39,0	24,0	28,0	48,0	8,61	29,0	2,0	—	45,0	41,0	23,4
	♂+♀	4,0	68,0	27,5	24,5	32,0	43,5	8,29	33,0	5,5	3,0	41,0	52,0	26,9
9. Ширвинтас	♂	3,0	68,0	29,0	17,0	36,0	47,0	8,50	32,0	14,0	6,0	45,0	53,0	30,0
	♀	6,7	58,6	34,7	15,3	41,3	43,4	8,47	33,6	5,8	2,9	46,1	43,2	25,8
	♂+♀	4,9	63,2	31,9	16,1	38,7	45,2	8,48	32,8	9,8	4,5	45,6	48,1	28,1
7—9. Литовцы все	♂	4,3	63,3	34,5	19,3	32,7	48,0	8,69	36,0	12,7	5,3	41,6	55,0	30,2
	♀	6,1	56,6	37,3	15,5	34,7	49,8	8,71	29,0	4,8	2,9	46,8	44,3	25,6
	♂+♀	5,3	59,8	34,7	17,4	33,7	48,9	8,70	32,5	8,7	4,1	44,3	49,7	27,8
Поляки														
10. Гродненской области	♂	3,0	57,5	39,0	25,5	26,0	48,5	8,61	32,0	7,0	6,0	50,0	41,5	27,3
	♀	9,1	65,0	25,9	28,3	30,0	41,7	8,10	26,6	4,1	0,8	39,1	46,6	23,4
	♂+♀	5,3	60,3	34,4	26,5	27,5	46,0	8,39	30,0	6,0	4,0	45,9	43,4	25,9
11. Эшишкиса	♂	4,3	77,1	17,1	21,4	51,4	27,2	7,74	42,8	10,0	2,8	34,2	60,0	30,0
	♀	3,8	70,0	26,2	27,5	28,8	43,7	8,23	23,7	16,3	3,8	40,0	51,2	33,8
	♂+♀	4,0	73,4	22,0	24,7	39,3	36,0	8,00	32,7	13,4	3,3	37,3	55,3	28,4
10—11. Поляки все	♂	3,3	70,0	33,3	24,5	32,6	49,9	8,39	35,0	8,0	5,2	45,9	46,3	28,0
	♀	7,0	67,0	26,0	28,0	29,5	42,5	8,15	27,0	10,0	2,0	39,5	48,5	25,4
	♂+♀	4,9	64,4	30,2	25,9	31,7	42,4	8,27	31,5	9,0	3,8	43,2	47,2	26,5
Русские														
12. Брянской области	♂	7,5	60,0	31,6	10,0	32,5	57,5	8,71	27,5	10,0	4,2	44,2	44,2	26,0
	♀	4,0	57,0	39,0	15,0	33,0	52,0	8,60	30,0	10,0	3,0	42,0	50,0	27,0
	♂+♀	5,9	58,6	35,0	12,5	32,5	55,0	8,65	28,6	10,0	3,6	43,3	47,7	26,4

Таблица 3 (продолжение)

Этнические и территориальные группы	Пол	Типы окончания линий A			Типы окончания линии D			Индекс Камминса	Частота истинных узоров					
		тип 1 по- ля 1+2	тип 2 по- ля 3+4	тип 3 по- ля 5+6	тип 7 по- ля 7+8+X+0	тип 9 по- ля +10	тип 11 по- ля 11+ +12+13		Hu	Th/I	Tu/II	Tu/III	Tu/IV	средняя для 5 по- дущек
13. Смоленской области	♂	4,0	52,0	42,0	9,0	38,0	53,0	8,99	20,0	6,0	6,0	47,0	34,0	22,6
	♀	6,0	63,0	31,0	18,0	30,0	52,0	8,60	30,0	11,0	1,0	32,0	57,0	26,2
	♂+♀	5,0	58,0	36,5	13,5	34,0	42,5	8,81	25,0	8,5	3,5	39,5	45,5	24,4
12—13. Русские все	♂	6,0	56,8	36,7	9,5	35,5	55,0	8,82	24,1	8,2	5,0	45,4	44,1	25,4
	♀	5,0	60,0	35,0	16,5	31,5	52,0	8,65	30,0	10,5	2,0	37,0	53,5	26,6
	♂+♀	5,5	58,3	35,7	12,8	33,4	53,8	8,74	26,9	9,3	3,6	41,4	46,2	25,5
14. Татары	♂	8,2	55,1	36,7	18,2	30,8	51,0	8,62	27,5	8,2	11,2	38,7	46,9	26,5
	♀	5,5	67,3	27,2	13,0	38,0	49,0	8,57	32,6	10,9	3,2	40,2	55,4	28,5
	♂+♀	6,8	61,2	32,1	15,8	34,2	50,0	8,58	30,0	9,4	7,3	39,5	51,1	27,5
Украинцы														
15. Волины	♂	8,0	66,5	25,5	14,0	40,0	46,0	8,34	34,0	17,5	9,5	47,0	56,5	32,9
	♀	6,8	70,5	22,7	12,8	36,4	50,8	8,47	37,2	5,3	2,3	41,6	53,0	27,9
	♂+♀	7,6	68,0	24,4	13,5	38,5	48,0	8,32	35,2	12,6	6,6	45,0	55,1	31,0
16. Полесья	♂	8,0	70,0	22,0	10,0	41,0	49,5	8,26	32,5	10,5	6,5	44,0	49,5	26,6
	♀	8,1	69,9	21,6	18,9	43,9	37,2	7,99	31,8	9,5	1,4	33,8	61,4	27,6
	♂+♀	8,0	69,9	21,8	13,8	42,3	43,9	8,23	32,3	10,0	4,3	39,7	51,9	33,3
15—16. Украинцы все	♂	8,0	68,3	23,7	12,0	40,5	47,5	8,37	33,3	14,0	8,0	45,5	53,0	30,7
	♀	7,5	70,0	22,1	16,0	40,5	43,5	8,20	34,3	7,5	1,8	37,5	57,7	27,8
	♂+♀	7,8	68,9	23,1	12,6	40,4	47,0	8,30	33,6	11,3	5,4	42,3	55,0	29,6

отмечаются у витебских белорусов $42,5 \pm 2,7$, максимальные у могилевских белорусов — $51,1 \pm 2,26$. Размах вариаций составляет 8,6. Различия достоверны между витебскими и могилевскими белорусами, между белорусами восточного Полесья и могилевскими, между белорусами западного Полесья и минскими, между могилевскими и белорусами западного Полесья. В исследованных этнических группах различия достоверны только между русскими и белорусами ($t=2,42$; $P=0,98$). Размах вариаций высокого окончания линии D составляет 7,5 (белорусы $46,3 \pm 1,04$; русские $53,8 \pm 2,43$). Самый высокий индекс Камминса отмечается у русских — 8,74, самый низкий у поляков — 8,27.

Осевые ладонные трирадиусы (табл. 4). Процент карпального трирадиуса t варьирует в белорусских группах от $5,8 \pm 2,62$ у белорусов восточного Полесья до $66,3 \pm 2,43$ у могилевских белорусов. Размах вариаций карпального трирадиуса t в этнических группах достигает 4,5 (украинцы $61,0 \pm 1,87$, поляки $65,5 \pm 2,19$). Статистически достоверны различия между белорусами и поляками ($t=2,19$), белорусами — русскими ($t=2,33$) и между белорусами — татарами ($t=3,31$).

Процент промежуточного трирадиуса t' колеблется от $13,2 \pm 1,74$ у могилевских до $24,5 \pm 2,21$ у минских белорусов. Размах вариаций центрального трирадиуса t'' в белорусских группах достигает 4,7. Другие сочетания (tt' , tt'' , $tt'tt'$, t' , t'' , 0) встречаются редко. В этнических группах колебания промежуточного трирадиуса t' и центрального t'' не превышает 3%.

Добавочные межпальцевые трирадиусы чаще встречаются на II и IV межпальцевой подушечках, очень редко на III межпальцевой подушечке.

Истинные ладонные узоры (табл. 3). Размах вариаций узоров на гипотенаре составляет у белорусов 5,6 ($31,6 \pm 1,13$ — белорусы восточного Полесья, $36,6 \pm 2,11$ — могилевские белорусы). Суммарная белорусская группа характеризуется самым вы-

Наличие осевых и добавочных межпальцевых трирадиусов в процентах

Этнические и территориальные группы	Пол	t	t'	t''	tt'	tt''	t't''	tt't''	0	tt	ttt''	Добавочные межпальцевые трирадиусы			
												при трир. Д	при трир. С	при трир. А	суммарно
Белорусы															
1. Витебские	♂	66,0	19,5	3,0	7,5	3,0	0,5	—	0,5	—	—	12,5	2,5	7,0	22,5
	♀	65,0	19,1	—	9,2	5,0	—	—	1,7	—	—	11,7	—	3,4	15,1
	♂+♀	65,7	19,4	1,8	8,1	3,7	0,3	—	1,0	—	—	11,9	1,4	5,6	19,3
2. Восточно-го Полесья	♂	70,1	16,1	5,7	2,9	3,5	—	—	1,7	—	—	7,5	—	2,9	10,4
	♀	46,6	26,8	7,2	6,7	8,9	—	0,5	3,3	—	—	5,6	1,7	2,2	9,5
	♂+♀	58,0	21,4	6,5	4,8	6,4	—	0,3	2,6	—	—	6,5	0,8	2,5	9,9
3. Западного Полесья	♂	58,8	19,2	5,6	5,9	7,7	—	0,7	2,1	—	—	10,3	1,7	3,6	14,4
	♀	60,0	18,9	6,8	6,3	4,5	0,9	—	2,6	—	—	10,4	0,4	3,3	14,4
	♂+♀	59,2	19,2	6,2	6,0	6,3	0,4	0,4	2,3	—	—	10,4	1,2	3,4	15,1
4. Минские	♂	57,8	27,8	2,7	3,9	6,7	—	0,6	0,5	—	—	13,3	—	5,0	18,3
	♀	65,0	21,5	3,5	6,0	3,5	—	0,5	—	—	—	16,5	—	3,5	20,0
	♂+♀	61,6	24,5	3,1	5,0	5,0	—	0,5	0,3	—	—	15,0	—	4,2	19,9
5. Могилевские	♂	68,3	11,7	3,3	10,0	4,4	—	—	2,3	—	—	10,0	0,5	5,6	16,1
	♀	64,5	14,5	5,0	7,0	6,0	—	—	3,0	—	—	13,0	1,0	2,5	16,0
	♂+♀	66,3	13,2	4,2	8,4	5,3	—	—	2,6	—	—	12,2	0,8	4,2	17,1
1—5. Белорусы все	♂	63,0	18,9	4,4	6,2	5,5	0,1	0,4	1,5	—	—	10,6	1,2	4,6	16,1
	♀	60,0	20,0	5,0	6,8	5,5	0,3	0,2	2,2	—	—	11,4	0,7	3,0	12,3
	♂+♀	61,5	19,5	4,7	6,4	5,6	0,2	0,3	1,8	—	—	11,1	0,9	3,8	15,5
6. Латыши	♂	81,7	10,9	1,2	3,8	1,2	1,2	—	—	—	—	8,5	—	4,8	13,3
	♀	48,2	25,5	2,7	11,8	6,4	2,7	—	2,7	—	—	16,3	—	1,8	18,1
	♂+♀	62,5	19,3	2,1	8,3	4,1	2,1	—	1,6	—	—	13,0	—	3,1	16,7
Литовцы															
7. Аникшай	♂	53,0	26,0	1,0	11,0	4,0	1,0	—	4,0	—	—	7,0	1,0	3,0	11,0
	♀	56,6	29,3	4,7	4,7	2,8	—	—	1,9	—	—	18,8	0,9	5,6	25,3
	♂+♀	54,9	27,6	2,8	7,9	3,5	0,5	—	2,8	—	—	13,1	1,0	4,3	18,8
8. Гродненской области	♂	75,0	15,0	3,0	3,0	2,0	—	—	2,0	—	—	8,0	1,0	6,0	15,0
	♀	64,0	18,0	6,0	5,0	3,0	—	—	4,0	—	—	12,0	—	—	12,0
	♂+♀	69,5	16,5	4,5	4,0	2,5	—	—	3,0	—	—	10,0	0,5	3,0	13,3
9. Ширвинтас	♂	72,0	18,0	2,0	2,0	3,0	—	1,0	2,0	—	—	15,0	3,0	7,0	25,0
	♀	48,1	28,0	2,7	7,7	2,9	1,9	0,9	7,7	—	—	11,5	—	2,9	13,3
	♂+♀	60,0	23,1	2,4	4,9	2,9	0,9	0,9	4,9	—	—	13,2	1,4	5,0	18,8
7—9. Литовцы все	♂	66,7	19,7	2,0	5,3	3,0	0,3	0,3	2,7	—	—	10,0	1,6	5,3	26,0
	♀	56,2	25,2	4,5	5,8	2,9	0,6	0,3	4,5	—	—	14,2	0,6	2,9	17,1
	♂+♀	61,2	22,5	3,3	5,5	3,0	0,5	0,4	3,6	—	—	12,1	1,1	4,1	17,1
Поляки															
10. Гродненской области	♂	73,5	8,0	7,0	4,5	5,5	—	—	1,5	—	—	12,0	3,5	6,0	21,0
	♀	54,2	25,0	3,4	5,8	7,5	—	—	2,5	0,8	0,8	7,5	0,8	0,8	9,1
	♂+♀	66,3	14,3	5,6	5,0	6,3	—	—	1,9	0,4	0,4	10,3	2,5	4,0	16,0
11. г. Эйшишкеса Литовской ССР	♂	65,7	15,8	—	12,8	4,3	—	—	1,4	—	—	10,1	—	2,8	12,9
	♀	62,5	27,5	2,5	2,5	3,8	—	—	1,2	—	—	5,0	1,3	3,8	10,1
	♂+♀	62,0	22,0	1,4	7,2	2,0	2,0	—	1,4	—	—	7,2	0,6	3,4	11,0
10—11. Поляки все	♂	71,6	10,0	5,2	6,6	5,2	—	—	1,4	—	—	11,5	2,6	5,2	19,3
	♀	57,5	26,0	3,0	4,5	6,0	—	—	2,0	0,5	0,5	6,5	1,0	2,0	9,0
	♂+♀	65,5	17,0	4,2	5,7	5,6	—	—	1,6	0,2	0,2	9,3	1,8	4,0	15,5
Русские															
12. Брянской области	♂	58,4	18,3	5,8	5,0	6,7	0,8	—	5,0	—	—	10,0	0,8	4,2	15,5
	♀	72,0	15,0	3,0	3,0	4,0	—	—	3,0	—	—	15,0	1,0	3,0	19,0
	♂+♀	64,6	16,8	4,5	4,1	5,5	0,4	—	4,1	—	—	12,3	0,8	3,6	16,0

Таблица 4 (продолжение)

Этнические и территориальные группы	Пол	<i>t</i>	<i>t'</i>	<i>t''</i>	<i>tt'</i>	<i>tt''</i>	<i>t't''</i>	<i>tt't''</i>	<i>o</i>	<i>tt</i>	<i>ttt''</i>	Добавочные межпальцевые трирадиусы			
												при <i>тр.р.</i> <i>D</i>	при <i>тр.р.</i> <i>C</i>	при <i>тр.р.</i> <i>A</i>	суммарно
13. Смоленской области	♂	68,0	20,0	5,0	3,0	4,0	—	—	—	—	—	7,0	—	6,0	13,0
	♀	62,0	20,0	5,0	6,0	6,0	—	—	1,0	—	—	10,0	—	1,0	11,0
	♂+♀	65,0	20,0	5,0	4,5	5,0	—	—	0,5	—	—	8,5	—	3,5	12,0
12—13. Русские все	♂	62,7	19,1	5,4	4,1	5,4	0,5	—	2,8	—	—	8,6	0,5	5,0	14,1
	♀	67,0	17,5	4,0	4,5	5,0	—	—	2,0	—	—	12,5	0,5	2,0	15,0
	♂+♀	64,8	18,4	4,8	4,4	5,3	0,2	—	2,1	—	—	10,5	0,4	3,6	14,5
14. Татары	♂	58,1	22,4	5,1	6,2	7,2	—	—	1,0	—	—	6,2	1,0	11,2	18,4
	♀	71,7	15,3	3,2	2,2	6,5	—	—	1,1	—	—	10,9	1,1	4,4	16,4
	♂+♀	64,9	18,9	4,2	4,2	6,8	—	—	1,0	—	—	8,4	1,0	7,8	17,2
Украинцы															
15. Волыни	♂	63,5	14,0	6,0	5,5	8,0	—	1,0	2,0	—	—	17,0	1,5	9,5	28,0
	♀	56,9	22,7	4,5	5,3	6,8	0,7	0,8	2,3	—	—	8,5	2,3	2,3	13,1
	♂+♀	61,0	17,0	5,4	5,4	7,5	0,3	0,9	2,1	—	—	13,8	1,8	6,6	22,2
16. Полесья	♂	66,5	15,5	5,5	5,5	4,5	—	—	2,0	0,5	—	11,0	1,5	5,5	18,0
	♀	54,0	23,7	6,1	10,0	2,7	0,8	—	2,7	—	—	15,5	2,0	2,0	19,5
	♂+♀	61,3	18,8	5,7	7,5	3,8	0,3	—	2,3	0,3	—	12,9	1,7	4,0	18,6
15—16. Украинцы все	♂	65,0	14,7	5,7	5,5	6,3	—	0,5	2,0	0,3	—	14,0	1,5	7,5	23,0
	♀	55,5	23,2	5,4	7,8	4,6	0,7	1,4	1,4	—	—	12,5	2,1	2,1	16,7
	♂+♀	61,0	18,2	5,6	6,5	5,6	0,3	0,9	1,8	0,1	—	16,4	1,8	5,3	23,5

соким процентом узоров на *Hu* по сравнению с другими изученными этническими группами ($34,5 \pm 1,03$), самый низкий процент узоров на этой подушечке отмечен у русских ($26,9 \pm 2,16$). На II межпальцевой подушечке размах вариаций узоров среди белорусских групп достигает $3,3 (3,0 \pm 0,64)$ — у белорусов западного Полесья, $6,3 \pm 1,36$ — у белорусов Витебской области). В исследованных этнических группах самым низким процентом этого узора характеризуются латыши ($2,7 \pm 1,17$), самым высоким — татары ($7,3 \pm 1,89$).

III межпальцевая подушечка. Размах вариаций процента узора на III межпальцевой подушечке среди белорусских групп достигает 10,7. Наиболее высокий процент узора отмечен у минских и могилевских белорусов — $45,3 \pm 2,53$, наиболее низкий у витебских белорусов — $34,6 \pm 2,66$.

На IV межпальцевой подушечке самый низкий процент узоров у могилевских белорусов — $41,0 \pm 2,52$, самый высокий у минских белорусов — $52,3 \pm 2,56$. Различия статистически достоверны между минскими и могилевскими белорусами, между белорусами западного Полесья и могилевскими, между последними и белорусами восточного Полесья, а также между минскими и витебскими белорусами. Реальные различия отмечаются между белорусами и украинцами (4,01). Самый низкий процент узора на IV межпальцевой подушечке отмечен у русских — $46,2 \pm 2,44$, самый высокий у украинцев — $55,0 \pm 1,90$.

Для сопоставления групп составлены графики (рис. 2—4). На них представлены изученные этнические группы по следующим признакам: дельтовому индексу, индексу Камминса, количеству узоров на гипотенаре, проценту окончания линии *D* и *A*, количеству узоров на *Th/1* и количеству добавочных межпальцевых трирадиусов суммарно, а также наличию карпального трирадиуса *t* и *t'*.

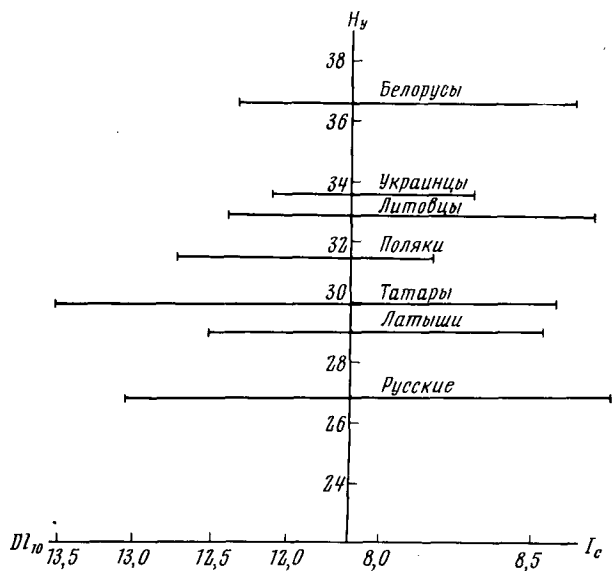

Рис. 2. Взаимное расположение изученных этнических групп по дельтовому индексу, индексу Камминса и количеству узоров на гипотенаре

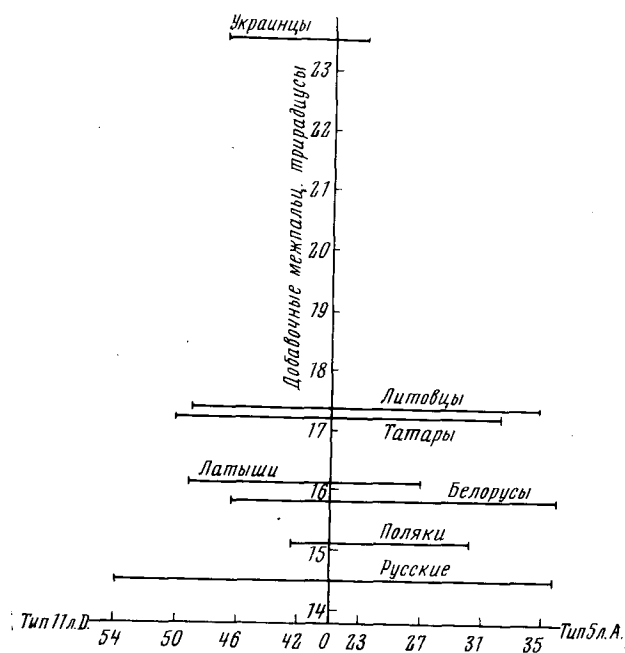

Рис. 3. Сопоставление этнических групп по типам окончания главных линий и добавочным межпальцевым трирадиусам суммарно

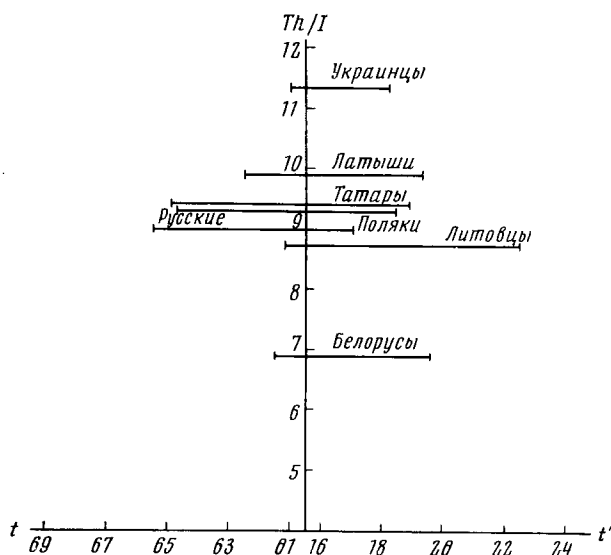

Рис. 4. Сопоставление этнических групп по карпальным трирадиусам и количеству узоров на Tn/I

Если расценивать каждый признак на шкале «европеоидности — монголоидности», то белорусская суммарная группа отличается комплексом «европеоидности», обладая наиболее высоким количеством узоров на гипотенаре, высоким индексом Камминса, низким дельтовым индексом, низким количеством карпального трирадиуса t и высоким t' . Наиболее выраженные отклонения в сторону «монголоидности» по отдельным признакам отмечены у татар, поляков и русских. По признакам пальцевых рисунков (количество дуговых, завитковых и петлевых узоров) изученные территориальные группы очень близки между собой и обнаруживают сходство с некоторыми этническими группами. Так, минские белорусы очень сходны с суммарной группой литовцев, витебские белорусы с поляками суммарно и поляками гродненской области, белорусы восточного Полесья имеют сходство с литовцами Аникщай, как и белорусы Могилевской области. На этом фоне выделяются белорусы западного Полесья (рис. 5). Это выделение характерно и по другим дерматоглифическим признакам, а также по признакам одонтологическим, изучение которых проводилось параллельно. Отсутствие соматометрических и краниологических данных с территории западного Полесья не позволяет провести аналогии между ними и признаками дерматоглифики. Поэтому мы можем ограничиться только археолого-лингвистическими параллелями. Как указывалось выше, на территории западного Полесья распространены полесские говоры, которые значительно отличаются от распространенного по всей территории Белоруссии основного массива говоров. Археологические данные, суммированные в работах В. В. Седова⁶ и Ю. В. Кухаренко⁷, не дают возможности проследить на территории Западного Полесья какие-нибудь перерывы постепенности в развитии археологических культур. Это дало возможность Ю. В. Кухаренко предположить, что примерно с середины эпохи бронзы эта область была заселена предками славян, тогда как на остальной территории,

⁶ В. В. Седов, К происхождению белорусов, «Сов. этнография», 1967, № 2.

⁷ Ю. В. Кухаренко, К вопросу о месте Полесья в этногенезе славян, «Древности Белоруссии», Минск, 1966.

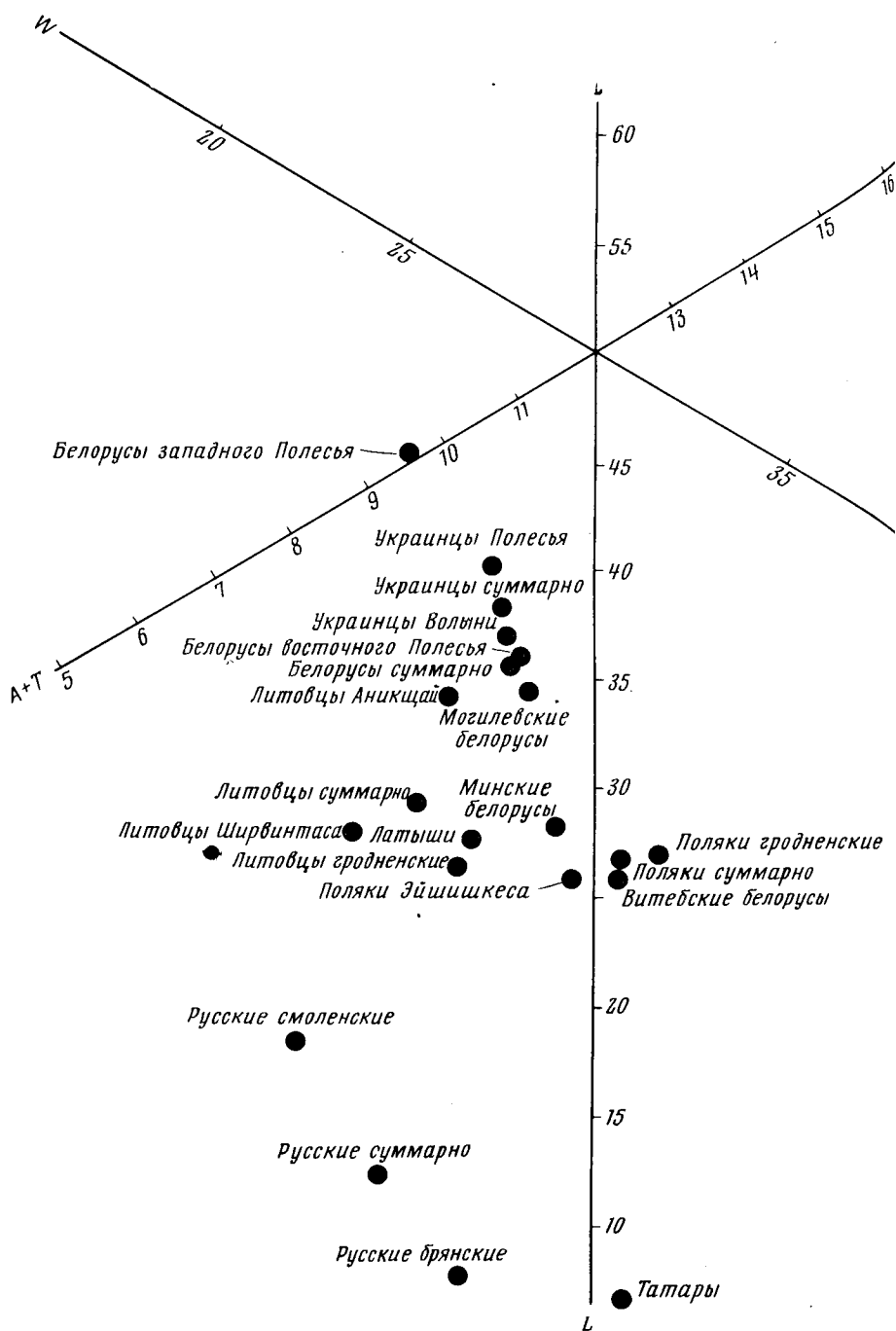

Рис. 5. Сопоставление изученных групп по типам пальцевых узоров

входящей теперь в состав Белорусской ССР, проживали балтские или балто-славянские племена.

Сопоставление данных обследования по разным взаимонезависимым системам признаков в дальнейшем углубит наши представления об этнических взаимоотношениях на данной территории.

М. Баярктарович

ЦЫГАНЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЮГОСЛАВИИ

Цыгане, присходящие из Индии, пришли на Балканы еще в XIV в. В настоящее время появилась возможность изучать быт, культуру этого интересного народа, его взаимосвязи с окружающим населением.

В довоенной статистике сведений о цыганах нет. В переписи 1931 г. вообще не выяснялась национальность респондентов. Переписной лист содержал вопросы о вероисповедании и языке. Вероятно, цыгане называли себя и мусульманами, и православными, и католиками. Многие из них считали своими родными языками сербохорватский или словенский.

По данным переписи 1953 г.¹, цыгане составляли 5% населения Югославии (84 713 человек из 17 млн.). Больше всего цыган было в Сербии (58 800), затем в Македонии (20 462); меньше всего в Черногории (230)².

Однако в число 84 713 не входят все представители этого народа, живущие в нашей стране. Многие из них называли себя сербами, македонцами, албанцами, турками и др. Изменение национального самосознания цыган — следствие начавшейся еще в давние времена ассимиляции их другими народами. В настоящее время этот процесс идет ускоренными темпами. Об этом свидетельствуют изменения в жизни различных групп цыган во всех республиках Югославии.

Так, раньше цыгане из с. Пишча в Прекмурье строили глинобитные жилища; их хозяйственных построек, ни большого двора они не имели. Как по языку, так и по образу жизни цыгане до недавнего времени были чужими для местного населения. В настоящее время они живут в деревянных домах, включились в «трудовой процесс дружбы», быстро отмирает «цыганская романтика» и исчезает «социальная изолированность»³.

Группы цыган в северо-восточной Боснии (всего около 1500 чел.) утратили национальное самосознание. Они пришли в этот район главным образом во второй половине XVIII в. из Румынии (край Црне Влашек), поэтому их называют каравлахами. Родным для каравлахов является диалект румынского языка. От румын они также переняли и православную религию. Эти два фактора позволяют им считать себя румынами. Каравлахи даже обижаются, если их называют цыганами⁴. Между тем антропологические данные подтверждают их цыганское происхождение⁵. Да и в Румынии эту группу относят к цыганам⁶.

¹ В переписи 1963 г. вопрос о национальности отсутствует.

² «Попис становништва 1953», кн. 7 — «Витална и етничка обележја, коначни резултати», Београд, 1959, стр. LXVIII, LXIX.

³ «Етнографија Помурја», Мурска Собота, 1967, стр. 39, 40.

⁴ Н. Павковић, Каравласи и њихово традиционално занимање. Чланци и грађа за културну историју источне Босне I, Тузла, 1957, стр. 104.

⁵ Там же, стр. 105.

⁶ Там же, стр. 105. Т. Филипеску, однако, пытался показать, что боснийские каравлахи — румынского происхождения см.: Т. Филипеску, Каравлашка насеља у Босни, «Гласник Земаљског музеја», т. XIX, Сарајево, 1907, стр. 59.

Группа цыган (не более 200 семей) в Апатине, в окрестностях Сомбора, также происходит из Румынии. Их родным языком является румынский. До конца прошлого века эти цыгане были православными, переселившись к Дунаю, приняли католичество. С 1945 по 1955 год здесь работала четырехразрядная школа, где преподавание велось на румынском языке, а после 1955 г. по желанию апатинских цыган, — на сербохорватском. До недавнего времени они занимались обработкой дуба (изготовлением корыт), а сейчас работают и в промышленности. Интересно, что в частной жизни представители этой группы признают себя цыганами, а во время переписей называют себя румынами. Мы видим, что и в данном случае цыгане постепенно теряют национальное самосознание.

Кочевых цыган в Черногории называют габели или грубети, а оседлых — маджупи. Самоназвание у тех и у других одинаковое — *рома* (народ, люди). Некоторые группы цыган в горном Полимле кочуют только летом (до Косова и Метохии, Рашки, Боснии и Боки), а зимой живут в Белом Поле, Иванграде или каком-нибудь другом городском поселении. Маджупи — кузнецы, а габели занимаются изготовлением медной посуды (лудильщики) или ремонтом металлической посуды. И оседлые, и кочевые цыгане держатся обособленно и не вступают в родство друг с другом. Вместе с тем в настоящее время все цыганское население Черногории причисляет себя к черногорцам⁸. В Македонии живет более 20% всех цыган Югославии. В разных пунктах этой республики они очень отличаются друг от друга по образу жизни, занятиям, языку и национальному самосознанию. В с. Мордовисе (Кочан) имеется группа (18 семей) цыган, по-видимому, переселившаяся из Румынии. Они исповедуют православие и своим родным языком считают румынский. Основным их занятием является плетение корзин, изготовление корыт. Соседи присвоили этим цыганам этническим лингвы⁹. В Овчепольской котловине цыган мало. Большинство из них православные, кроме цыганского они владеют и македонским языком. В этническом отношении они тянутся к македонцам, хотя до сих пор не вступали с ними в родственные отношения¹⁰. Цыгане-мусульмане живут в этом районе недавно; они сконцентрированы главным образом в с. Милино, в котором до них жили турки¹¹, и при переписи, вероятно, называли бы себя турками.

В тех поселениях, где преобладают албанцы (особенно в селах Скопского поля), цыгане-мусульмане албанизируются. Этот процесс облегчают два обстоятельства. Во-первых, многие цыгане переселились из Косовско-Метохийского края, где они уже овладели албанским языком. Поэтому на новом месте им было легко выдать себя за албанцев. Во-вторых, цыгане часто пытаются связать свое происхождение с каким-нибудь албанским фисом (племенем)¹². Тем не менее окрестные жители продолжают считать их цыганами, присвоив им название «малек».

Цыгане македонских городов, например Дебра, Кичева, Гостивара, —

⁷ Мирко Барјактаровић, Оаза апатинских цигана, «Род војвођанских музеја», 12—13, Нови Сад, 1964, стр. 191—203.

⁸ Милун Барјактаровић, Габели у Иванграду — прилог проучавању становништва у Горњем Полимљу, «Зборник за народни живот и обичаје Јужних Славена», 40, Загреб, 1962, стр. 27—33. В Горњем Полимљу и многе мусульмане славянског происхождения називају себе черногорцима. Но все же некоторые считают себя турками и переселяются в Турцию.

⁹ Сообщение профессора университета в Скопле И. Трифуноского.

¹⁰ Ј. Трифуноски, Овчепольска котлина, «Зборник за народни живот и обичаје Јужних Славена», Загреб, 1964, стр. 648, 651.

¹¹ Там же.

¹² Ј. Трифуноски, О племенским одликама Арбанаса у СР Македонији, «Радови», XXVI (Одељење историјских и филолошких наука. Научног друштва Босне и Херцеговине), Сарајево, 1965, стр. 201.

мусульмане, называют своим родным языком македонский. В самом Кичево насчитывается 150 таких семей¹³.

Особо следует выделить скопскую группу. Скопле — город, в котором издавна живет, вероятно, самая многочисленная группа цыган на всем Балканском полуострове. Перед второй мировой войной их число достигало 10 тыс.¹⁴. Уже тогда, как установил Филипович, они считали себя турками¹⁵.

Больше всего сведений имеется о цыганах Сербии; это и понятно — ведь в этой республике, особенно в южной ее части, живет более двух третей этого народа Югославии.

По данным статистики, в 1960 г. во Враньской котловине было 963 цыганских дома (5780 чел.). Большинство цыган (90%) здесь — мусульмане, они сохранили свой родной язык. Соседнее население называет их гурбетами. Те, которые живут вместе с албанцами-мусульманами, пытаются выдать себя за албанцев¹⁶. Другое дело цыгане-православные. Они считают родным языком сербохорватский и все больше тяготеют к сербам¹⁷. Соседи называют их джорговцы.

Цыгане в Сурдулице, во время переписи называли себя сербами или турками¹⁸. Представители рода Лингурции, по происхождению цыгане, имеют более смуглую кожу, а выдают себя за сербов¹⁹.

Особенно интересно проследить самоопределение цыган в Косовско-Метохийском крае. Православные, например, цыгане из Липляна, Сувой, Реки²⁰, Ореховца называют себя сербами. Современные городские семьи из косовской Митровицы — Даниловичи, Николичи, Джуричи, Турковичи и Джурджевичи — признают свое цыганское происхождение. В прежнее время остальные сербы неохотно вступали с ними в родство. Некоторые православные цыгане в Косове считают своим родным языком албанский, однако причисляют себя к сербам²¹.

В Баждаране и Призрене цыгане-мусульмане называют себя турками. Большая же часть цыган-мусульман Косова и Метохии относит себя к албанцам.

Мы видим, что большинство цыган в этом краю осознает себя представителями другой национальности. Оседлые цыгане (маджуни), которые в городах занимаются главным образом кузнечным ремеслом, а в селах земледелием (поденщики), называют себя албанцами, меньшинство — турками или сербами. Чергари или гурбети чаще всего считают себя цыганами. Брачные союзы заключаются внутри каждой из этих групп. Анализ местных (общинных) статистических материалов может привести к неправильному выводу, что цыгане здесь почти отсутствуют. Между тем они встречаются почти в каждом поселении, особенно в городах; их сразу можно узнать по характерным чертам. Местные сербы, турки и албанцы не признают их своими соплеменниками²² и не всту-

¹³ Ж. Трифуноски, Народна структура Кичевске Котловине, «Гласник Српског географског друштва», XIV 1/1, Београд, 1966, стр. 95.

¹⁴ М. Филиповић, Етничке прилике у Јужној Србији, Двадесетпетогодишњица ослобођења Јужне Србије, Скопље, 1937, стр. 410, 424.

¹⁵ Там же, стр. 433, 434.

¹⁶ Ж. Трифуноски, Цигани у Врањској котлини, «Гласник Етнографског музеја у Београду», 22—23, Београд, 1960, стр. 197; ето же, Врањска котлина — антропогеографска испитивања, I, Скопље, 1962, стр. 72.

¹⁷ Ж. Трифуноски, Врањска котлина, стр. 76.

¹⁸ Т. Вукановић, Сурдулица, «Врањски гласник», III, Врање, 1967, стр. 120.

¹⁹ Ж. Трифуноски, Бујановац, «Гласник Етнографског Института САН», VIII, III, Београд, 1957, стр. 328.

²⁰ М. Краснић, Сува Река, «Гласник Етнографског Института САН», VIII, Београд, 1960, стр. 94—95.

²¹ А. Урошевић, Косово, «Насеља и порекло становништва», књ. 39, Београд, 1965, стр. 108, 109.

²² М. Филиповић, Хас под Паштриком, стр. 50—52; М. Краснић, Сува Река, стр. 95.

пают с ними в родство. Именно поэтому хорошо сохраняется цыганский антропологический тип.

Приведенные данные показывают, что в настоящее время цыгане²³ пытаются слиться как с неславянскими, так и с отдельными южнославянскими народами в зависимости от того окружения, в котором они живут. Смешанные браки цыган с другими народами Югославии заключаются сравнительно редко.

На определение национального самосознания цыган влияют два основных фактора: религия и язык.

Еще в начале XX в. Т. Джорджевич доказывал, что цыгане как самостоятельный этнический элемент сохранились благодаря особому способу ведения хозяйства²⁴.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что они не будут долгое время оставаться чуждым, инородным другим народностям Югославии элементом. Это обусловлено, во-первых, особенностями расселения цыган. Они разбросаны по всей стране, живут небольшими группами в окружении других национальностей и в связи с этим перенимают от соседей их занятия, язык и некоторые характерные черты. Во-вторых, в социалистической Югославии все больше исчезают национальные предрассудки. Это, несомненно, облегчит и ускорит биологическое смешение цыган с другими народами. В-третьих, наконец, у цыган отсутствуют развитое национальное самосознание и культурные традиции, на основе которых они могли бы высказать свои пожелания, подобно другим народам Югославии. Эти три обстоятельства объясняют, почему цыгане ассимилируются другими народами, среди которых они живут.

Для антропологов румыны, албанцы, турки, словенцы с выраженными цыганскими чертами — люди с особыми соматологическими характеристиками, для статистиков — это сербы, румыны и т. д. В то же время этнографы рассматривают их в составе групп, которые находятся в фазе этнического расслоения, перенимают новые этнические черты и приобретают новое национальное самосознание.

²³ В разных краях Югославии цыган называют еще «габели», «гурбети», «маджу пи», «каравлахи», «джорговци», «лингури», «фирауни», «шунте».

²⁴ Т. Ђорђевић, Економија и социјални типови, «Годишњица Николе Чунџића» књ. 31, Београд, 1912, стр. 44, 45.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. М. Кайгородов

СВАДЬБА В ТАЙГЕ

Свадьбы эвенков, которые до недавнего времени кочевали в Маньчжурии в пределах Трехречья и р. Быстрой с ее притоками¹, бывали обычно летом — время самое свободное у охотников. Однако у русских поселенцев Трехречья, с которыми эвенки находились в дружбе и вели меновую торговлю, именно лето было самой жаркой порой. Даже самые заядлые русские охотники-промысловики летом не заходили далеко в тайгу, а тем более в район р. Быстрой, где кочевали эвенки и до которой было по крайней мере четыре-пять дневных переходов, если считать от поселка Дубовая².

Вот почему никому из русских Трехречья, хотя они и поддерживали связи с эвенками более полувека, не приходилось бывать на свадьбах охотников, и только мой отец, которому летом 1940 г. посчастливилось быть на богатой свадьбе эвенка из рода Сологоновых, представляет редкое исключение.

Свадьба произвела на отца большое впечатление, и он часто о ней рассказывал. Его рассказ я слышал десятки раз и теперь попытаюсь пересказать от первого лица. Для меня эта задача в какой-то степени облегчается тем, что эвенков и те места я хорошо знал, а камланье шаманки Ольги Дмитриевны Кудриной сам наблюдал несколько раз.

У каждого народа есть свои нравы и обычаи. Есть они (точнее были) и у эвенков Трехречья³. Для последних было характерно заканчивать любое торжество, в том числе и свадебное, всеобщей потасовкой — церемонией, по нашим понятиям, отнюдь не красочной, а по отношению к хозяевам, мягко говоря, бестактной. Тем не менее именно потасовка служила у эвенков признаком того, что торжество прошло на высоком уровне, что гости остались довольны хозяевами, а хозяева — гостями.... Когда я прибыл на стойбище родителей невесты⁴ (где по этикету эвенков должно было начаться свадебное торжество), большинство гостей было уже в сборе: семнадцать взрослых мужчин и около десятка женщин. Стойбище казалось непривычно шумным и оживленным.

¹ См. А. Кайгородов, Эвенки в Трехречье (по личным наблюдениям), М., «Сов. этнография», 1968, № 4.

² Пос. Дубовая — самый верхний населенный пункт по Дербулу (одной из трех рек Трехречья), с жителями которого эвенки поддерживали связи.

³ По последним сведениям, по отношению к эвенкам проводится политика насильственного окитаивания, и о соблюдении старых обычаев теперь говорить не приходится.

⁴ Отец был приглашен на свадьбу родителями жениха, которых он встретил у устья Джин за три дня до свадьбы.

Могучий туман, какие часто бывают в июле по р. Быстрой, рассеялся, и все с нетерпением посматривали вверх по реке, откуда должна была появиться на своих оленях главная гостья — шаманка.

Поздоровавшись со всеми за руку, в том числе и с ребенком в люльке (как это принято у эвенков), я осмотрелся кругом...

Стойбище родителей невесты находилось на высоком левом берегу Быстрой, здесь неширокой, но необычайно стремительной и порожистой. Справа, рядом со стойбищем, было большое озеро, берега которого поросли голубоватым камышом и высоким, выше человеческого роста, пыреем ядовито-зеленого цвета. За озером шел неширокий, по всем признакам болотистый луг, а еще дальше начинался пологий склон угрюмой лесистой горы.

Правый берег реки представлял изумительную по красоте картину. Высокие горы вплотную подходили к воде, их крутые склоны местами поросли соснами, кое-где на невероятной крутизне громоздились огромные глыбы, готовые, казалось, вот-вот сорваться и с грохотом полететь в реку. Красоту природы дополняли тускло поблескивавшие под лучами яркого солнца каменистые россыпи, обрамленные густыми зарослями горного папоротника.

Стойбище состояло из двух чумов и одной односкатной палатки. Один из чумов, довольно большой, снизу доверху был крыт кусками только что содранной бересты. Рядом с ним аккуратными рядами лежали седла, поты (сумы) и прочий хозяйственный скарб. Второй чум был несколько меньше и крыт от основания новыми свитками вываренной бересты, а в верхней части тонким, не успевшим полинять брезентом. Рядом лежало все необходимое для व्यюков на четырех оленей. Нетрудно было догадаться, что этот чум со всем скарбом, находящимся около него, предназначался в качестве приданого невесты.

Выбор места под стойбище был явно неудачным, так как утром и вечером здесь, видимо, появлялось несметное количество мошкеры и комаров, да и корма для оленей было мало. В первый момент это вызвало удивление и никак не вязалось с эвенками, до тонкости знавшими особенности таежной местности. Однако вскоре я узнал, что свадебный ритуал эвенков предусматривает определенную отдаленность стойбища невесты от стойбища жениха, которое должно быть расположено выше по течению реки (ручья). Разумеется, такое правило распространяется только на дни свадебных торжеств. Вот почему родителям невесты на этот раз волей-неволей пришлось остановиться именно на этом месте. Другое дело зима. Зимой эвенки останавливались здесь, видимо, нередко, так как не доходя сотню шагов до стойбища, я увидел несколько остовов зимних чумов, а на четырех росших поблизости лиственницах была сооружена сайва⁵. Скорее всего, эвенки зимой охотились здесь на выдру, так как близость реки и озера — идеальное место для зимовки этого зверька.

Между тем становилось нестерпимо жарко... К стойбищу с утренней кормежки возвращалось большое стадо оленей, сопровождаемое звоном колокольчиков и стуком колотушек, прикрепленных к шее каждого оленя. Женщины поспешили разложить дымокур. Невеста и ее мать хлопотали около огня, на котором в трех огромных котлах из тонкой жести варились большие куски оленины, а в некотором удалении от сильного жара аккуратными рядами стояли уманы⁶, которые женщины время от времени поворачивали. Нетерпение гостей, которым явно хотелось скорее начать пиршество, все нарастало. Шаманка же, как нарочно, все не появлялась. Некоторые, особенно нетерпеливые, уже начали выска-

⁵ Сайва — небольшой амбарчик, высоко поставленный на трех — четырех гладкоствольных деревьях. В нем хранятся охотничьи припасы, одежда, продукты. Амбар этот недостижим для хищников и прежде всего россомахи и рыси.

⁶ Уманы — кости ног сохатого и изюбря. Ценны костным мозгом. Уман — любимое блюдо эвенков.

зывать предположение, что Ольга Дмитриевна (так звали шаманку) не придет, что пора «начинать».

Наконец со стороны стойбища жениха показалась цепочка навьюченных оленей, впереди которых шел приземистый мужчина в рыжих арамузах⁷, а на олене с огромными ветвистыми рогами, шедшем впереди других, восседала женщина во всем черном. Гости и хозяева оживились, так как это, без всякого сомнения, были шаманка и ее муж Николай Гаврилович. На стойбище стало шумно и весело. Невеста и ее мать начали расстилать по земле свежие листы бересты, расставлять чуманы⁸, деревянные чашки и ложки.

Шаманка и ее муж, быстро развьючив оленей, стали вместе с гостями усаживаться вокруг огромных котлов с оленьиной. Гости садились прямо на землю, подгибая по-турецки ноги, и только я да шаманка удостоились особой почести — нам постелили каламаны⁹.

Когда гости расселись, отец невесты принес в трех чайниках разведенный спирт и с помощью невесты (ее звали Катей) налил всем по полной чашке. Гости, в их числе и жених, стали наполнять чуманы кусками дымящегося мяса, и только за мной поухаживала невеста: в мой объемистый чуман она положила три таких куска, которых любому взрослому человеку вполне хватило бы на два дня.

Одета невеста была по-праздничному — в голубое шелковое платье, в легкие унты, искусно расшитые разноцветными нитками. Несмотря на жару на голове ее был белый платок с яркими голубыми и красными цветочками.

Я ожидал, что кто-нибудь из родных или гостей произнесет тост, но ни тоста, ни поздравлений не последовало. Не было их и позднее, если не считать обычного пожелания эвенков «будем (з)доровы!», которое каждый произносил скорее только для себя и почему-то обязательно по-русски. Каждый из охотников, прежде чем выпить, подходил к огню и сплескивал несколько капель драгоценной влаги на пламя костра, выполняя ритуал поклонения силам природы. Я тоже, как и они, подошел к огню и выплеснул несколько капель из своей мастерски сделанной из нароста дерева чашки с затейливой ручкой в виде головы оленя. Осушив чашки, эвенки, в противоположность мне, не спешили закусывать мясом, зато каждый из них привычным жестом вытер губы рукавом рубахи.

После «первой рюмки» последовала вторая, затем третья. Теперь уже спирт разливали не хозяева, а сами гости. Хозяева следили только за тем, чтобы чайники не стояли пустыми. Оставшееся мясо свалили в один котел, а в освободившиеся заложили (опять же большими кусками) новые порции оленьиной. Ели эвенки не спеша, пища, казалось, не очень их интересовала, между тем к вечеру, как я смог убедиться, было съедено огромное количество мяса и уманов.

В программе свадебного гулянья торжество на стойбище невесты должно носить, так сказать, предварительный характер. Главное торжество должно быть на следующий день в чуме жениха. Однако уже и сегодня гулянье было в полном разгаре. Чайники беспрерывно ходили по рукам, и пошатывающийся отец невесты едва успевал разводить все новые порции спирта. Солнце дополняло действие спирта, и многие эвенки вскоре захмелели. Мне уже стало казаться, что вот-вот гости

⁷ Арамузы-ноговицы, надеваются на ноги, вверху они ремешками привязываются к поясному ремню, внизу соединяются с мокасинами. Делаются из замши, камоса (шкуры с ног сохатого или изюбря), или из шкуры летней косули.

⁸ Чуман — посудина из бересты. Бывает разной величины и формы: квадратной или продолговатой. Из маленьких чуманов пьют чай, большими пользуются вместо тарелок и блюд.

⁹ Каламан — коврик, сшитый из частей шкурок, снятых с лобовой части черепа, и отороченный кусочками разного меха. Бывают очень красивыми. У русских пользовались большой популярностью.

начнут «благодарить» хозяина за прием, однако, к своему удивлению, я вскоре заметил, что эвенки, словно по команде, перестали пить вино и большинство их переключилось на крепчайший чай, который всегда действует отрезвляюще.

Я обратил внимание на то, что во время веселья жених и невеста не сидели рядом и вообще их отношения ничем не выделялись. Друг за другом они не ухаживали и казались только знакомыми между собою людьми. На свадьбе было несколько молодых людей и девушек, однако никакой обособленности от взрослых я не заметил. У эвенков Трехречья судьбу молодых решали их родители, и это, вольно или невольно, наложило свой отпечаток на поведение молодежи. Более того, сколько я ни прислушивался к разговорам гостей и хозяев, никто из них не говорил ни об этой свадьбе, ни о жизни молодых после свадьбы. Не было ни советов, ни пожеланий.

Я незаметно удалился в чум родителей невесты и прилег отдохнуть. В тени было хорошо и прохладно. Часа через два меня разбудил жених. Оказывается, вскоре после того, как я ушел, охотники хватились меня и некоторые пошли искать след, решив, что я сбежал. Бедный жених и невеста приуныли, сочтя мой поступок несчастливым предзнаменованием, однако поискать меня в чуме сообразили лишь часа через два.

Солнце клонилось к закату, и жара стала постепенно спадать. Эвенки с шутками и смехом снова стали усаживаться вокруг котлов, снова по рукам заходили чайники со спиртом. Невеста и ее мать брали от костра готовые уманы, топориком аккуратно разрубали их и по одному клали перед каждым гостем. Кроме уманов и мяса перед гостями появилась целая гора оладий. Выпив по две чашки спирта и отведав уманов, гости и хозяева стали танцевать «хоро». Взявшись за руки, как в нашем хороводе, эвенки, а среди них и я, стали «танцующей» походкой делать несколько шагов сперва в одну, потом в другую сторону. Когда нужно было поворачивать, танцующие останавливались, по несколько раз ударяли в ладоши и выкрикивали хором «хоро-хоро-хоро!». Танец несложный и скорее однообразный, однако охотники его очень любят, и когда собираются вместе, непременно пляшут.

Перед заходом солнца стойбище было атаковано несметными полчищами комаров и мошкар. Женщины разложили из древесного гнилья три огромных дымокура: два для оленей, один для нас. Танцы прекратились, но выпивка продолжалась. Вскоре, однако, эвенки начали укладываться спать. Многие — тут же на земле, другие куда-то брели, спотыкались и падали.

Я прилег около огня, радуясь благополучному исходу дня. Вскоре на стойбище стало тихо. Тишина ночи нарушалась только всплесками реки, да изредка со сна вскрикивали пьяные гости.

Утром следующего дня меня разбудили элени. А так как я порядком озяб, то быстро вскочил со своей немудреной постели. Более десятка грациозных животных с большими ветвистыми рогами с жадностью собирали с земли крошки хлеба и рассыпанную соль, наступая при этом на руки и ноги спящих охотников. Стоял такой густой туман, что, казалось, земля никогда не освободится от этого влажного покрывала. Трава и все предметы на земле были мокрыми.

Охотники спали богатырским сном. Никогда не забуду этого зрелища... Мужчины и женщины лежали на земле в самых разнообразных позах. Большинство лежало скрючившись, положив руку под голову. Одну женщину сон свалил на самом берегу реки, она лежала так, что ноги висели над обрывом. Немолодой эвенк лежал, перевалившись через толстое полусгнившее бревно. Шаманка, которая вчера, как и все, изрядно выпила, уснула в позе «земного поклона», а ее супруг Николай Гаврилович свалился около дымокура так, что мокасины его покэробились, а штаны оказались прожженными во многих местах. Молодой эвенк, ровесник жениха, скатился в озеро и лежал в воде, и только

голова его со всклокоченными длинными волосами уютно покоилась на широкой кочке, густо поросшей мягкой осокой.

Первой проснулась и отогнала от стойбища оленей Катя. Затем пробудились — и ее родители, а вскоре около огня стали собираться и остальные эвенки. Женщины начали разводить дымокур и кипятить чай. Жених и его родные сразу же ушли на свое стойбище. Уходя, жених пояснил мне, что сегодня должно состояться главное свадебное торжество, и очень просил (почему-то только меня) обязательно быть на его стойбище.

Спирт и мясо никому не предлагали (видимо, не положено по этикету), зато все с огромным наслаждением пили чай. Молодой эвенк, который ночевал в воде, стоял около костра, и пар валил от его мокрой одежды. Он шутил и весело смеялся, да и все остальные были в отличном настроении.

Между тем один эвенк, по прозвищу Усаткан, все не появлялся. Я предложил гостям пойти на поиски. Однако отец невесты уверенно заявил, что опасаться не следует, так как Усаткан наверняка спит в сайве, где дует освежающий ветерок и нет комаров. Каково же было мое удивление, когда подойдя к сайве, я увидел охотника, осторожно спускавшегося на землю. Непостижимо, как сумел совершенно пьяный эвенк подняться на такую высоту по голому стволу дерева, куда не под силу вкларбаться ни рыси ни росомахе!

Минут через тридцать после ухода жениха и его родителей невеста и ее мать начали разбирать чум, который, как я уже говорил, предназначался в качестве приданого. Они аккуратно свернули в рулоны вываренную бересту и уложили ее в поты. Туда же положили постель, одежду и прочие вещи, предназначенные в приданое невесте. Тем временем ее отец привел четырех оленей и, когда все необходимое было уложено в сумы, стал выючить животных. Я не мог не обратить внимания на то, что все предназначенное для приданого было сделано с большим вкусом и хорошо украшено.

Гости, приехавшие на оленях, тоже выючили своих животных. Было похоже, что все стойбище готовится к дальнейшему переходу, между тем как до чума жениха было не более одной версты.

Густой туман в русле реки стал постепенно рассеиваться, но тайга, казалось, никак не хотела расставаться с ним и упорно удерживала около себя тяжелые свинцовые клочья. В том месте, где было солнце, туман казался прозрачным, с розовым оттенком, отчего краски на земле приобрели нежно-розовые тона. Неописуемо красивое зрелище в то утро представлял гле́ец, величаво вырисовывавшийся на горизонте. Непрístupная его вершина была все еще в тумане, но лучи восходящего солнца заливали ее розовым светом.

Однако приподнятое настроение эвенков, готовых тронуться в путь, объяснялось не только чудными красками этого утра...

Первыми тронулись в дорогу олени невесты, которых повел ее отец. Невеста, ее мать и брат шли следом за выючным караваном, за ними — караван шаманки и, наконец, олени гостей. Шествие замыкали гости, которые прибыли на свадьбу без оленей. Среди последних находился и я.

Тропа (аргиш) шла берегом реки. Справа тянулось озеро; несколько выводков диких уток с любопытством поглядывали на нас, не проявляя особенного беспокойства. Там, где в Быструю впадали мелкие речушки, местность была болотистой, и нам приходилось прыгать с кочки на кочку. Я несколько раз попадал в воду, в то время как охотники проходили эти места не замочив ног. Местами аргиш шел колючим кустарником и опять-таки только один я поцарапал себе лицо, руки да еще вдобавок порвал одежду.

Вплотную к стойбищу жениха проследовал только караван невесты,

остальные гости остановили своих оленей шагов за двести до чума жениха. Так как со мной не было оленей, то я прошел прямо к чуму.

Жених, его родители и остальные члены семьи вышли невесте навстречу и поздоровались с Катей и ее родителями за руку, и мать жениха тут же благословила молодых иконой. Затем невеста и ее мать быстро развьючили оленей, выюки аккуратно сложили несколько в стороне от чума родителей жениха. В одно мгновение был сооружен новый чум и это означало, что появилась новая, отдельная семья охотников. Когда олени были развьючены, к ним подошел жених и небольшим охотничьим ножом сделал на ушах животных новую, уже свою, мету¹⁰.

...Гости, отпустив на волю оленей, с серьезными лицами толпились около огня. Перемена в их настроении была понятна: шаманка стала готовиться к камланию. Она одела черное платье простого покроя (несколько просторнее, чем было на ней), прожженное во многих местах, и стала распускать волосы.

Я присел на большой камень под тенистым кустом и не без смущения стал наблюдать за готовящейся церемонией, которой в обязательном порядке сопровождаются торжества у эвенков. Камлание шаманов мне приходилось видеть не один раз и глядя на это страшное зрелище, я всегда испытывал безотчетный страх. Сегодня же для волнения были основательные причины: в глухой, дикой тайге я один русский среди эвенков, и стоит шаманке сообщить своим соплеменникам, что для счастья молодых «духи велели убить русского», как приговор мог быть приведен в исполнение. К счастью, этого не случилось.

Шаманка извлекла бубен, который, как я потом убедился, представлял собою решето, плетеное из конского волоса. Бубен был своеобразно украшен: к обечку прикреплялись многочисленные бубенчики из желтой меди с разноцветными ленточками и кончиками беличьих хвостов.

Эвенки — гости и хозяева — расселись широким кругом на земле и молча ожидали начала камлания.

Шаманка резким движением руки отбросила прядь волос на лоб, окинув присутствующих ошалелым взглядом. Затем так же резко одела бубен на голову, поддерживая его правой рукой. Прокатившееся по горам эхо бубенцов, похожее на отдаленный вой стаи голодных волков, показалось мне зловещим.

Какое-то мгновение она, закатив под лоб глаза, оставалась неподвижной. Потом медленно, как будто через силу, засемила вокруг костра, сделала один круг, потом вдруг запрыгала, сперва на левой, потом на правой ноге. Движения с каждой минутой становились все более быстрыми и резкими... Сорвав с головы бубен, старушка резко ударила в него, и тут началось что-то неопишемое: она то прыгала на одном месте, то пускалась в своеобразный пляс вокруг костра, остревенело колотила в бубен, диким гортанным голосом зывала к духам... Многие эвенки, глядя на это зрелище, тоже начали приходить в экстаз. Они повскакали со своих мест и дикими голосами, тараща покрасневшие глаза, стали подвывать шаманке. Один из них, кажется Усаткан, сперва завыл, потом запричитал, а его брат Федор стал издавать звуки, напоминавшие истерический смех.

Со страхом ожидал я конца этого представления. У меня не было желания ни выть, ни причитать, но не скрою, что хотелось без оглядки бежать из этого места.

Постепенно движения старушки становились все более вялыми, было видно, что силы начинают покидать ее. Голос сделался хриплым, с лица градом катился пот. С трудом обойдя вокруг костра в последний раз, она странно взмахнула руками, как бы стараясь ухватиться за

¹⁰ Эвенки метят оленей специальными надрезами на ушах или прожогами на копытах.

что-то в воздухе, и с тяжким стоном рухнула на землю. Бубен с глухим звоном покатился в сторону.

Эвенки повскакали со своих мест и плотным кольцом окружили лежащую на земле женщину. Я тоже подошел ближе; лицо ее было влажно, землисто-серого цвета, она изредка вздрагивала всем телом и с трудом ворочала распухшим языком. Эвенки замерли, стараясь не пропустить ни одного ее слова. Я тоже стал прислушиваться, но понять ничего не мог... Позднее отец жениха пересказал мне содержание ее слов, которое сводилось к следующему: духи обещают счастье молодым величиной с Окольной¹¹, на свадьбу они прислали медведя, которого убил русский (!), будет пятеро детей, двое из них родятся по Быстрой, а трое по Кырэну¹², и т. п. Шаманка не отличалась большой фантазией, и подобные ее «предсказания» я слышал и на предыдущих камланиях.

Минут через пятнадцать шаманку оставили в покое. Бедная старушка продолжала лежать под горячим солнцем, и мне с трудом удалось уговорить охотников отнести ее в чум. Когда я поставил около нее чуман с холодной речной водой, она с жадностью осушила всю посудину и снова в полусознании откинулась назад. Только к вечеру, когда пир уже подходил к концу, женщина пришла в себя.

Эвенки оживились. Точно гора свалилась с плеч. Началась активная подготовка к пирушеству. Был заколот и буквально за пять минут освежеван крупный олень белой шерсти. В большие котлы закладывалась медвежатина, оленина и еще что-то...

Гости и родные, как и вчера на стойбище невесты, расселись широким кругом вокруг чуманов, наполненных мясом. В центре «стола» красовалась голова медведя, сваренная целиком, и страшный оскал пасти с прикушенным языком был направлен как раз в мою сторону. Снова, как и вчера, деревянные чашки (более объемистые) наполнили разведенным спиртом. Однако начало трапезы должно было ознаменоваться новой церемонией, на этот раз связанной с медведем, которого убил старший брат жениха за два дня до свадьбы. Убил, совершенно случайно напоровшись на зверя в тот момент, когда последний жировал на ягоднике, а эвенк возвращался домой после неудачной охоты на сохатого. Разделенная туша огромного хищника висела над небольшим дымокуром.

Эвенки выпили по чашке спирта, но перед тем как приступить к еде, стали выкрикивать заклинания, суть которых сводилась к тому, чтобы снять с себя ответственность за смерть медведя.

«Медведь, медведь,— разом закричало несколько голосов,— это не я тебя убил, а другой, ... русский!» (вину за убитого медведя они обычно сваливают на русских охотников). При этом по этикету положено поносить «убийцу» медведя разными бранными словами и ругательствами. Но, так как я хорошо понимал их язык (и эвенки это отлично знали), то ругая меня за медведя, они были весьма умеренными. «Медведь, медведь, это не я тебя убил, а русский! Он никуда не годный охотник, ленивый, плохо стреляет, только спать, да мясо есть, да вино пить любят!»—выкрикивали заклинанья эвенки, съедая при этом кусочек мяса от головы. Интересно заметить, что женщины выкрикивали заклинанья визгливыми срывающимися голосами, в которых чувствовался неподдельный страх. И «брань» в их заклинаниях была более резкой и злой, чем в выкриках мужчин.

Чтобы скорее покончить с церемонией, я громко закричал: «Медведь, медведь, это я тебя убил! Я никуда не годный охотник, а эвенки хорошие охотники, спать не любят и вина никогда в рот не берут!».

¹¹ Окольной — голец, самая высокая гора в бассейне р. Быстрой, видимая со стойбища жениха и невесты.

¹² Кырэ — приток Быстрой.

Трудно описать восторг, в который пришли охотники после моего збливания. Настоящий «убийца» медведя даже полез ко мне целоваться. Началась попойка, подобной которой мне никогда не приходило видеть.

Этот день показался мне необычайно долгим. Было выпито очень много спирта и съедено огромное количество мяса. Замечу, кстати, что стол на свадьбе жениха, семья которого жила в достатке, был богат разнообразен. Гостям была подана медвежатина, оленина вареная оленина жареная на прутиках (вроде нашего шашлыка), отварная гусиная кожа и сычуг¹³, зажаренная на углях косулятина (по вкусу тоже напоминает шашлык), сырая печень косули и печень сохатого слегка зажаренная на прутиках, вареные глухари и тетерева, белка заяц, зажаренные на углях таймень и ленок. Последнее блюдо было очень вкусным, и я с удовольствием съел несколько рыбешек. Было употреблено много оладий, приготовлены большой чуман мелко порезанного подсолненного лука (дикого), несколько чуманов голубики и жимолости и, конечно, уманы — любимое блюдо эвенков. Как мог я заметить, эвенки больше ели уманы, медвежатину и сырую печенку. Меньше оленину, гусиную кожу и сычуг, к остальным блюдам почти не прикасались, что касается рыбы, лука и ягод, то, как сообщила мне невеста, они были приготовлены исключительно для меня. У эвенков подобные вещи не пользуются большой популярностью.

Между подвыпившими эвенками время от времени завязывался спор. Однако дело кончалось тем, что спорившие брали луки или самострелы и устраивали небольшие соревнования. Но так как все было пьяными, то стреляли плохо.

Я, как и вчера, потихоньку удалился, искупался в холодной реке и прилег на каламан под тенистым кустом. День был таким жарким, что даже в тени не было прохлады. Проспал я, точнее пролежал, часа три с половиной и когда встал, то заметил, что небо над правым берегом Быстрой затянуто тяжелыми тучами, крошки которых золотились на солнце. Около огня несколько эвенков пили чай, другие подходили к костру, как видно, тоже после сна. Сильно пьяных не было, если не считать одной женщины, которая лежала под кустом, широко раскинув руки.

Снова расселись по своим местам и началась выпивка. Стало прохладнее, и чайники заходили по рукам с удвоенной энергией. Эвенки становились все возбужденнее. Споры завязывались поминутно и по каждому пустяку. Было очевидным, что дело клонится к потасовке. Зачем-то привели собак, и один пьяный гость (тот, что ночевал, перевалившись через гнилую валежину) начал проверять их охотничьи качества. Но так как это были не щенки (охотничьи достоинства которых эвенки проверяют, поднимая щенка за шиворот и прислушиваясь к какому «голосу» тот заскулит), а взрослые псы, то один из них тут же укусил «исследователя».

Не успел я подумать о том, как бы отвести драку, как молодой эвенк (тот, который ночевал в воде) размахнулся и с силой ударил по уха сидевшего напротив жениха. Другой эвенк (отец невесты) в тот же миг схватил отца жениха за ворот рубахи и располосывал последнюю сверху донизу. Между тем брат жениха (тот, что убил медведя) сильным ударом повалил на землю гостя, который подходил к нему со сжатыми кулаками. Усаткан и его брат Федор сидели рядом и вдруг, как по команде, вскочили и начали наносить друг другу удары... Началась безобразная потасовка. Эвенки, которые, казалось, не в состоянии были подняться с мест, повскакали и начали без разбора потчевать друг друга тумаками. Женщины с визгом сорвались с мест и броси-

¹³ Сычуг — часть желудка жвачного животного. Любимое кушанье эвенков.

лись бежать в сторону леса, а те, что замешкались, получали удар кулаком и хороший пинок. Жених устремился было к невесте, но я подставил ему ножку, и парень распластался по земле, а Катя успела убежать. Шаманка, которая снова успела изрядно напиться, получила хороший пинок и не от кого-нибудь, а от собственного супруга.

Солнце между тем скрылось за горизонтом, быстро темнело. Гости старались выразить свою признательность хозяевам не только кулаками... Угрюмая тайга, притихшая перед грозой, неожиданно огласилась диким ревом. Было похоже, что на стойбище ворвался стадо разъяренных медведей. Люди кричали, били того, кто попадал под руку, без всякого разбора...

В драке я, естественно, участия не принимал и опасался только, как бы эвенки не пустили в ход ножи и ружья. Однако мои опасения были напрасны. Оказывается, этот «церемониал» эвенков строго запрещает применение не только оружия, но и палок, камней и т. п.

Трудно сказать, сколько времени продолжалось бы побоище, если б не дождь... Он начался неожиданно и через минуту перешел в страшный ливень. Тайга зашумела, застонала. Я перешел в чум. Молнии, сопровождаемые резкими ударами грома, поминутно полосовали небо, на мгновение освещая стойбище. Но никого из людей, кроме шаманки, неподвижно сидевшей около костра, я увидеть не мог. Наступила крошечная тьма. Мне казалось, что ливень заставит людей вернуться в укрытие, но ничего подобного не произошло — в чум никто не приходил.

Пламя огромного костра оказывало дождю отчаянное сопротивление, но тщетно! Потоки воды, низвергавшейся с неба, вскоре залили его. Дождь перестал так же неожиданно, как и начался, и наступила жуткая тишина, изредка нарушаемая грохотом камней, катившихся с горы на противоположном берегу. С треском обломилось и рухнуло на землю сухое дерево... Было жутко. Только на рассвете забылся я беспокойным сном.

Утром промокшие до нитки, угрюмо молчавшие гости и хозяйева собрались около потухшего огня. Всех смущала не беспокойно проведенная ночь, а костер! Он был потушен, а это нехорошая примета, да еще в день свадьбы. И как это я не сообразил до их прихода развести на том же месте новый огонь!

Жениха и его отца ко всему еще смущало то, что я не участвовал в драке. Они подошли ко мне, один с синяком под глазом, второй с распухшим носом и робко спросили: чем же я вчера остался недоволен?

Эвенки, кто напившись чаю (уже сваренного на новом огне), а кто и так, стали быстро собираться и раскочевываться по тайге.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ БАШКИР

13—15 мая 1969 г. в г. Уфе проходила научная сессия по этногенезу башкир, организованная Отделением истории и Башкирским филиалом АН СССР, в которой приняли участие историки, археологи, этнографы, антропологи, фольклористы, языковеды, искусствоведы республик и областей Поволжья и Урала, Москвы, Ленинграда, Ташкента, Фрунзе, Нукуса, Новосибирска и других городов.

Сессию открыл заместитель академика-секретаря Отделения истории АН СССР член-корреспондент АН СССР Ю. В. Бромлей. Отметив необычайную многослойность этнической истории башкир, обусловленную расположением края в зоне активного взаимодействия различных этнических массивов, он подчеркнул необходимость комплексных исследований по этногенезу башкир с участием археологов, филологов, антропологов, этнографов, фольклористов.

На пленарном заседании было заслушано девять докладов.

Н. А. Мажитов (Уфа) в своем докладе «Происхождение башкир (историко-археологический анализ)» дал интерпретацию археологических памятников Южного Урала, относящихся к I тысячелетию н. э. Древнейшие этапы этногенеза башкир, по его мнению, восходят к V—VII вв. н. э.; при изучении этого периода решающая роль должна принадлежать археологии.

Башкиры — тюркоязычный народ, и поэтому большое значение приобретает вопрос о начале тюркизации населения Южного Урала. Тюрки пришли на Южный Урал в I тысячелетии до н. э. С их появлением связаны открытые недавно каменные курганы «с усами». Докладчик считает, что племена VI—VII вв., оставившие памятники типа Ново-Турбаслинских курганов, следует рассматривать в качестве ближайших предков башкир. Возможно, в это время на Южном Урале уже звучал этноним «башкорт». Примерно на рубеже VII—VIII в. на Южный Урал пришли новые группы кочевого населения с ярко выраженной тюркской культурой. В VIII—X вв. башкиры уже населяли современную территорию Башкирии. Что же касается бахмутинской культуры, то Н. А. Мажитов полагает, что она была оставлена угорскими племенами, обитавшими во II—VII вв. в Северной Башкирии и принявшими активное участие в формировании мадьярского союза. Значительная часть угорских племен, очевидно, осталась в Приуралье и, смешавшись с тюркоязычными племенами, вошла в состав башкир.

В докладе Р. Г. Кузеева (Уфа) «Этническая история башкир с конца I тысячелетия н. э. до XIX в.» была предпринята попытка наметить узловые моменты в формировании тех признаков, которые легли в основу современного этнического облика башкир, и воссоздать общую схему сложения народа. На раннем этапе своей истории башкиры жили в двух районах: западном Приуралье и в Приаралье. В середине I тысячелетия н. э. на территории от Волги до Урала и от Средней и Нижней Камы до Волго-Яицкого междуречья обитали в основном финно-угорские и иранские сарматско-аланские племена. Часть юга этой территории — юго-западную Башкирию — занимали древние мадьяры. С началом массовой тюркской экспансии в Приуралье во второй половине I тысячелетия н. э. с расселением в начале VIII в. в Среднем Поволжье булгар и родственных им племен начинается булгаро-мадьярское взаимодействие и тюркизация части угорских (мадьярских) и сарматско-аланских племен. В этой этнической среде в VIII—IX вв. сформировался ранний пласт башкирского народа. Центром его расселения была Бугульминско-Белебеевская возвышенность.

На другой территории, в Приаралье и низовьях Сырдарьи, во второй половине I тысячелетия н. э. формируются печенежское и печенежско-огузское племенные объединения, сыгравшие наряду с кипчаками определяющую роль в этногенезе башкир. Как свидетельствуют восточные источники, в VII—VIII вв. в эти объединения входили башкиры и буззяне. Часть башкирских племен Приаральских степей находилась в этнических и исторических контактах с западносибирскими уграми (хантатами) и была объединена под общим названием «истяк».

В IX в. приаральская группа древнебашкирских племен под давлением восточных кочевников, следуя традиционным маршрутам кочевков, переселилась в Южное При-

уралье и Зауралье. С этого периода, по мнению докладчика, этногенез башкир целиком протекал на территории современной Башкирии. Воинственные кочевники вступили в активные этнические контакты с булгаро-магьярскими группами и другим населением. В результате складывается этническая общность, послужившая основой для дальнейшего развития башкирского народа, формируются те особенности башкирского языка, которые и сегодня выделяют его среди других кипчакских языков. Намечаются различия между основными локальными (восточными и западными) группами башкир.

XI—XIII вв.— период активного кипчакского проникновения. В это время под воздействием кипчаков происходит формирование основных признаков современного облика башкир.

Р. Г. Кузеев пытается также проанализировать, какое участие принимали монголы и ногайцы в формировании башкирского народа; как первые, так и вторые оставили заметный след в родо-племенном составе и этническом облике башкир.

Вопросы этногенеза башкир по данным антропологии рассмотрены в докладе М. С. Акимовой (Москва). На основе изучения современного физического типа башкир и палеоантропологического материала сделан вывод, что башкиры по антропологическому облику занимают промежуточное положение между народами Волго-Камья, с одной стороны, и казахами и киргизами — с другой. Отчетливо выделяются две группы башкир: северо-западная и зауральская. Одна группа с более четко выраженными европеоидными признаками тяготеет к финским народам Волго-Камья и казанским татарам; другая, у которой преобладают монголоидные черты, обнаруживает близость к юго-восточным соседям — казахам и киргизам. Однако в целом башкиры ближе к своим западным и северо-западным соседям, нежели к юго-восточным. Это, по мнению докладчика, свидетельствует о том, что формирование башкир и соседних народов Волго-Камья происходило на близкой антропологической основе. Все же башкиры сильнее, чем другие народы Приуралья, испытали влияние пришлых групп.

Доклад Н. Х. Ишбулатова (Уфа) был посвящен влиянию этнической истории башкир на диалектные особенности башкирского языка. Изучение фонетической системы и лексики языка башкир свидетельствует, что в формировании этого народа приняли участие самые различные племена: древнетюркские, булгарские, финно-угорские (прежде всего угорские), кипчакские; тем не менее основа языка, несмотря на участие иных элементов, осталась тюркской.

Система диалектов и говоров тесно связана с особенностями этнического развития локальных групп, с историей родо-племенной системы башкир. Северо-восточная группа башкирских говоров в фонетической системе, грамматическом строе и лексике имеет много общих черт с языком западносибирских татар, а также с восточными тюркскими языками. Юго-восточные говоры тяготеют к ногайско-кипчакским языкам, причем связь эта больше всего обнаруживается в лексике. В северо-западной диалектной области когда-то, по-видимому, преобладал булгарский тип, но с XVI в. она подвергалась сильному влиянию татарского языка и в настоящее время отношение ее к тому или иному диалекту вызывает споры.

О значении фольклорного материала при решении этногенетических проблем говорилось в докладе А. Н. Киреева (Уфа) «Этногенетические легенды и предания башкирского народа». В башкирском фольклоре сохранилось много интересных сведений об этнических связях древних родо-племенных групп, вошедших впоследствии в состав башкирского народа. Так, в эпохе «Бабаск и Кусяк» рассказано о распаде родо-племенного союза, куда входили двенадцать племен, в том числе бурзян, кипчак, тамьян, тангаур и др.; по вариантам сказания «Алпамыша и Барсынхылу» можно судить о наличии алтайского и булгарского компонентов в составе башкир, а сюжет эпической поэмы «Кузы-Курпес и Маянхылу» сообщает об этнических контактах башкирского и казахского народов. О родстве с финно-угорскими племенами свидетельствует сюжет легенды о происхождении башкирского племени гэйз, а предание о переселении усерганского племени из Приаралья на Южный Урал, по мнению докладчика, указывает на связь этого племени с кипчako-огузским этническим массивом.

А. Х. Халиков (Казань) выступил с докладом «Общие процессы в этногенезе башкир и татар», где этнокультурная, языковая и антропологическая близость этих двух народов обусловлена участием в их этногенезе сходных компонентов.

До III—IV вв. н. э. в районах Волго-Камья и Приуралья обитали преимущественно финно-угорские племена. В тюркизации населения этих областей выделяется два периода. Первый из них связан с продвижением гуннских племен (III—IV вв. н. э.), а второй совпадает со временем расширения тюркского каганата (середина VI — начало VII в.). Эта общетюркская масса и легла в основу и башкирского и татарского народов. Разрыв в этническом развитии этих народов начинается с проникновения в VIII в. на Среднюю Волгу булгарских племен из Придонья и Приазовья. В Булгарском государстве формируется общепулгарская народность, в которой докладчик усматривает основу общетатарской народности. Башкиры же сохраняли устойчивую связь с печенежско-половецким кочевническим миром.

Немалую роль в консолидации татарского и башкирского народов сыграл золотоордынский период. В это время и позднее в условиях распада Золотой Орды начинают складываться татаро-мишарская народность в Западном Поволжье, казанско-татарская — в пределах Казанского княжества, группа уфимских татар — в восточной

части бывшей Булгарии и в западной Башкирии. В период Казанского ханства этот процесс замедляется, а с присоединением края к Русскому государству создаются благоприятные условия для сближения татар Поволжья не только с населением Западной Башкирии, т. е. с уфимскими татарами, но и с собственно башкирскими племенами, кочевавшими за р. Белой и на Южном Урале.

В. Ф. Генинг (Свердловск) сделал доклад «Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение». Археологические и этнонимические материалы свидетельствуют о том, что в I тысячелетии н. э. население Башкирии было сильно смешанным и состояло из племен различной этнической принадлежности. Это были, по мнению докладчика, многочисленные группы местного пермского и угорского (возможно, приуральяского) населения, которые смешались с пришлыми племенами самодийского, древнетюркского и угорского происхождения, переселившимися из Западной Сибири и Казахстана. В IX в. на территории современной Башкирии появились собственные башкирские племена в составе печенежского союза, отступавшего на запад из Приуралья под натиском огузов и кипчаков. В результате дальнейшей массовой тюркизации местного населения складывается башкирская народность.

В докладе К. Ф. Смирнова (Москва) «Ранние кочевники Южного Урала» был поставлен вопрос о времени появления на Южном Урале сарматов, сарматов и ранних тюрков. Начало тюркизации населения степей Южного Урала К. Ф. Смирнов относит к II—IV вв. н. э. и связывает с передвижением гуннов на Запад.

Древнейшей истории Южного Урала и времени первоначального заселения Башкирии человеком был посвящен доклад О. Н. Бадера (Москва) «Палеолит Башкирии».

Помимо пленарных заседаний на сессии работало три секции: археологии и антропологии, этнографии, языка и фольклористики.

На секции археологии и антропологии было заслушано 18 докладов и сообщений.

А. П. Смирнов (Москва) в докладе «Из этнической истории западного Приуралья в I тысячелетии н. э.» отметил волюнтаризм ряда археологических работ в оценке исторических источников, что проявилось, в частности, в интерпретации именьковско-романовских памятников как тюркских. По мнению докладчика, именьковская культура, генетически связанная с городищской, принадлежит древнемордовским племенам, которые переселились на левобережье Волги и ассимилировали местные племена, входившие в пьяноборскую этнокультурную общность. Именьковская культура включала и третий этнический элемент — славян. Они пришли на Среднюю Волгу из лесостепи, о чем свидетельствует Рождественский могильник (около VI в. н. э.). Именьковцы-романовцы не сыграли большой роли в этнической истории Башкирии и сравнительно быстро были поглощены тюркоязычными племенами.

О большой близости романовских и именьковских памятников говорилось в сообщении П. Н. Старостина (Казань).

Г. И. Матвеева (Уфа) в своем сообщении «Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н. э.» отметила, что до первой половины I тысячелетия н. э. лесная и лесостепная Башкирия в основном была населена финно-угорскими племенами. В конце V в. сюда проникают сарматско-аланские племена. К VIII—IX вв. в центральной Башкирии складывается единая культура, для которой характерно сочетание местных и привнесенных южных особенностей. Приблизительно в середине VI в. на территорию Башкирии проникают еще две родственные группы. С их появлением, по мнению Г. И. Матвеевой, связаны памятники кара-якуповского и кушнаренковского типов. Этническую принадлежность кушнаренковских памятников она определяет как угорскую.

С. М. Васюткин (Уфа) выделяет в этнической истории населения средневековой Башкирии (III—XIII вв.) три этапа: первый (III—V вв.) связан с переселением в Башкирию небольшой группы западносибирского и зауральского угорского населения, которое вместе с местными финно-угорскими племенами (пьяноборцами и карабызцами) приняло участие в формировании раннебахмутинской культуры; на втором этапе (V—VIII вв.) в лесостепной и лесной Башкирии появляются турбаслинские кушнаренковские и романовско-именьковские племена; третий этап (конец VIII—начало XIII в.) начинается с проникновения на Южный Урал собственно башкирских племен (в составе печенежского союза) и заканчивается монголо-татарским завоеванием.

В сообщении А. Х. Пшеничнюка (Уфа) анализировался этнический состав населения Башкирии в эпоху раннего железа. Докладчик считает, что в формировании культур I тысячелетия н. э. участвовали местные финно-угорские (пермские) и частично ираноязычные и угорские племена. Большинство памятников этого периода (кушнаренковский, кара-якуповский, позднебахмутинский, романовский) оставлены пришлыми племенами.

Основные направления хозяйства ранних башкир были охарактеризованы на основе археологических материалов в докладе М. Х. Садыковой (Уфа).

В докладах Т. Н. Троицкой (Новосибирск), В. А. Могиляникова (Москва), И. Кожомбердиева (Фрунзе), В. Н. Ягодина (Нукус) рассматривались связи древнего населения Южного Урала с племенами Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана.

Этнические и историко-культурные взаимосвязи древних башкир с булгарами были освещены в сообщениях Р. Х. Фахрутдинова (Казань), Е. А. Халиковой (Казань) и Е. П. Казакова (Казань).

Г. Н. Матюшин (Москва) в своем докладе «Пути развития Южного Урала в эпоху мезолита и неолита» попытался реконструировать этническую карту края в эпоху мезолита и неолита. Дополнением к докладу Г. Н. Матюшина явилось сообщение Ю. Ф. Рыжова (Магнитогорск) «Писдненеолитическая стоянка Боборыкино VII».

История племен эпохи бронзы нашла отражение в докладе В. С. Стоколова (Уфа) «Локальные варианты алакульской культуры в Южном Зауралье».

На секции этнографии было заслушано 13 докладов, освещающих различные аспекты происхождения и этнической истории башкирского народа. Во многих докладах сопоставлялись традиционные формы культуры и быта народов, которые исторически соприкасались в прошлом и ныне обитают на обширных пространствах Европы и Азии. На этой основе выявлялись генетические истоки родственных народов, их вторичные культурные контакты, а также процессы взаимопроникновения культур этих народов в те или иные периоды. Характерно стремление докладчиков определить относительную и (хотя бы приблизительно, в пределах широких рамок времени) абсолютную хронологию взаимосвязей народов и их предков и тем самым преодолеть основную трудность в этногенетических исследованиях.

В докладе Т. А. Жданко «О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир» был приведен обширный материал об этнических и культурных связях башкир с узбеками, казахами, туркменами, каракалпаками. Башкир роднят с каракалпаками не только истоки древнетюркской общности, но и то, что те и другие в течение длительного времени находились в составе огузо-печенежского союза. Роднит их и решающая роль кипчаков (на более позднем этапе) в формировании особенностей языка и культуры этих народов. Однако узловое моменты этногенеза двух этих близко родственных народов происходили в разных районах, в разной этнокультурной среде, чем и обусловлены различия в их современном этническом облике. Однако исторические судьбы башкир и каракалпаков постоянно скрещивались. Это нашло отражение в родо-племенной номенклатуре, этногенетических преданиях, обычаях, материальной культуре.

Докладчик полностью солидаризируется с тезисом Р. Г. Кузеева о тесных связях древних башкир с печенежско-огузским миром.

Вопросы, затронутые Т. А. Жданко, получили развитие в докладах Л. С. Толстой «О некоторых каракалпакско-башкирских фольклорных связях», Х. Е. Есбергенова «О близости пережитков доисламских верований в обычаях каракалпаков и башкир». Сопоставляя исторические жанры фольклора башкир и каракалпаков, Л. С. Толстова выявила в них ряд аналогий и исторических параллелей. Особенно близость обнаруживают башкирские кубанры и каракалпакские толгау. Их объединяет как сюжетно-тематическая общность и образная система, так и схожие изобразительные средства и одинаковые размеры стиха.

Г. П. Васильева намечает хронологические рамки появления общих элементов культуры башкир и туркмен — народов территориально отдаленных, но связанных узлами древнего родства. Манера украшать одежду серебряными монетами и бляшками берет, по ее мнению, начало со времени наибольшего распространения народов скифо-сарматского круга. Техника и орнамент вышивки косой сеткой (кушэлме, кожиме), которые встречаются у башкир, туркмен, якутов и ряда других народов, могли быть занесены племенами, входившими в гуннский союз, при передвижении гуннов с востока на запад. О том, что древние гунны знали эту технику вышивки, свидетельствуют находки в могильнике Ноин-Ула. В период экспансии Хорезма на север у башкир и туркмен появились многие одноименные родо-племенные группы и общие элементы в культуре. Больше всего общих черт у племен кипчакско-печенежского круга эпохи средневековья. Сюда относятся родо-племенные подразделения с этнонимом «туркмен» в составе башкир, женский головной убор типа саукеле, состязания «кокбори» и др.

Близость художественно-стилевых традиций в орнаментальном творчестве башкир, с одной стороны, с культурой казахов, киргизов и каракалпаков — с другой, была продемонстрирована в докладе искусствоведа Е. Г. Яковлевой (Москва) «Черты общности декоративно-прикладного искусства башкир и народов Средней Азии».

В. Н. Белицер (Москва) в своем докладе «Этнографические параллели в культуре башкир и мордвы» привела многочисленные примеры из хозяйственной деятельности, материальной культуры, быта и художественного творчества башкир и мордвы, которые, по ее мнению, указывают не только на взаимные контакты, но говорят о некоторых общих компонентах, принимавших участие в формировании этих народов. Большую близость к башкирам обнаруживает мордва-мокша, которая испытала значительное влияние степных кочевников.

Результаты сравнительного изучения декоративно-орнаментального искусства удмуртов и башкир были изложены в докладе Н. С. Королевой (Москва). Общие черты проявляются с наибольшей отчетливостью в традициях узорного ткачества и вышивки. Н. С. Королева объясняет это не только взаимовлияниями, но и общностью некоторых этнических компонентов.

В докладе «Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства» С. Н. Шитова (Уфа) выделяет в традиционные формы культуры башкир несколько пластов, различающихся по истокам и времени происхождения. Древнейший пласт (туникообразный покров одежды, конические и прямоугольные шалаши, отдельные виды цельнодолбленной и берестяной посуды и связанные с ними узоры резьбы и др.) берет начало в культуре племен Южной Сибири, которые сыграли ту или иную роль в своеобразии восточных тюрков, тунгусов, самодийских и угорских народов. Второй, «раннескотоводческий», включает комплекс элементов культуры, характерный для большинства тюркских и монгольских народов. Третий, «позднетюркский» или «кипчакский», сформировался в среде кочевников степей неазиатских и южнорусских степей в конце I — начале II тысячелетия н. э. Наиболее ярко он выражен в технике и орнаментации металлических частей конской сбруи, серебряных украшений, тамбурной вышивки. Четвертый пласт составляют элементы распространённые на сравнительно узкой территории — в Средней Азии и Закавказье: это традиции выделки палаток и ковровые узоры в ткачестве, тюрбетки, женские шапочки «тупый», головные уборы типа покрывал, использование кораллов. И, наконец, пятый пласт образовался после расселения башкир в Приуралье (группа узоров, характерных для браного ткачества и счетной вышивки, лапти, фартуки, некоторые виды клепаной и плетеной посуды и т. д.). Выделенные пласты в той или иной мере обнаруживают связь с локальными группами башкир и указывают на этнические и культурные контакты отдельных племен с этническими образованиями древности и средневековья.

Р. З. Янгузин (Уфа) поднял вопрос о генезисе земледелия в Башкирии. На материалах археологии и документальных источников он делает вывод, что занятие земледелием у северо-западных башкир (бывшие Казанская и Осинская дороги) имеет древние корни и может быть объяснено «только участием местных оседло-земледельческих этнических групп в формировании башкирской народности».

О значении терминологии и системы родства как этногенетического источника сделан доклад Н. В. Бикбулатов (Уфа). Этому же вопросу было посвящено сообщение У. Д. Доспанова (Нукус).

«Культовка у башкир (к этимологизации этнонима башкорт)» — так называло сообщение Ф. Ф. Илимбетова. Докладчиком собран обширный материал, который свидетельствует о широком бытовании у башкир в прошлом культа волка. Отсюда делается вывод, что народная этимология самоназвания башкир (баш — «головной» «главный» + корт — «волк») не лишена оснований.

Р. Б. Ахмеров (Уфа), анализируя генезис башкирских родовых и семейных тагов, отмечает, что многие из них унаследованы от древнего населения Приуралья: андроновцев, племен срубной культуры, сармато-аланов, бахмутинцев и др. Некоторые таги говорят о взаимосвязях башкир с финно-угорскими народами края и населением Средней Азии и Казахстана.

На секции языкознания и фольклористики было заслушано 14 докладов и сообщений.

Т. М. Гарипов (Уфа) в своем докладе «Место башкирского языка в структурно-типологической классификации языков» отнес башкирский язык к урало-волжской ветви кипчакской группы языков. По его мнению, самостоятельное развитие этого языка началось приблизительно пять веков назад. В то же время основные черты племенных наречий башкир сформировались в тесной связи со становлением тюркского этноса задолго до II тысячелетия до н. э.

Вопросу о тюркоязычных народах, обитавших в Поволжье и Приуралье до нашей эры, и его роли в раннем этногенезе башкир был посвящен доклад К. И. Петрова (Фрунзе) «О генетической общности урало-алтайских, индоевропейских и других языков». Докладчик пришел к выводу о близком генетическом родстве урало-алтайских, индоевропейских, иберийско-кавказских, семито-хамитских языков. На определенном этапе развития единая языковая общность, существовавшая в Передней Азии, разделилась на более развитые языковые системы. Одну из них составила индоевропейско-урало-алтайская общность. Европейские носители урало-алтайских языков, выделившись из нее, двинулись через Прикаспий и Среднюю Азию в Поволжье, Приуралье и Сибирь, ассимилировали часть монголоидных племен и явились этническим субстратом формирования ряда народностей, в том числе башкир, чувашей и др. Время бытования «древнетюркских» языков, по мнению докладчика, следует относить не к нашей эре, а к значительно более раннему периоду. Известные передвижения в I—II тысячелетиях н. э. тюркоязычных и монголоидных племен с востока на запад завершили этические этногенетические процессы.

В ряде докладов рассматривались языковые взаимосвязи башкир с другими народами. В сообщении «О каракалпакско-башкирских языковых отношениях» Д. С. Насыров (Нукус) объясняет общие черты в фонетическом и грамматическом строе башкирского и каракалпакского языков общей кипчакской основой. Приведенные Д. С. Насыровым фонетико-грамматические и лексические явления из южного и северного диалектов каракалпакского языка находят свои аналогии в одних случаях в южном диалекте башкирского языка, в других — в восточном и тем самым обнаруживают связь с историей отдельных родо-племенных образований.

З. Г. Ураксин и Э. Ф. Ишбердин (Уфа) в сообщении «Некоторые моменты лексической связи башкирского языка с монгольским» отмечают довольно большое количество общих корневых слов в составе этих языков. Значительная их часть употребляется в большинстве современных тюркских языков и, очевидно, составляет древний пласт, свидетельствующий о генетическом родстве тюркских и монгольских языков. Другая часть относится к более позднему времени и расчленяется на несколько групп. Одна из групп включает слова, характерные для башкирского, монгольского, казахского и киргизского языков, вторая — для башкирского, монгольского и тюркских языков восточной ветви, третья — только для башкирского и монгольского языков.

С. Ф. Миржанова (Уфа) выступила с сообщением «Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка». Анализ башкиро-финно-угорских параллелей и выявление общих языковых моментов доказывает существование длительных исторических контактов башкир с финно-уграми, которые происходили, видимо, на всей территории Башкирии. Если лексические параллели в говорах северных и северо-восточных башкир с финно-угорскими языками можно объяснить взаимодействием этих языков в сравнительно позднее время, то истоки происхождения аналогичных явлений в южных говорах надо искать в ранних этапах этногенеза башкир.

Анализ топонимов Башкирии был дан в докладе А. А. Камалова (Уфа) «Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир». Большинство гидронимов края — тюркского (прежде всего башкирского) происхождения. Однако в основе значительной части названий этой группы лежат слова, которых уже нет в современном башкирском языке. Вместе с тем эти слова имеют параллели в древнетюркских письменных памятниках, в восточнотюркских, огузских и монгольских языках. Это говорит о сохранении в гидронимах элементов древней тюркской лексики. Другая группа гидронимов свидетельствует о языковых и территориальных контактах башкир с финно-угорскими (финно-пермскими, угорскими) и ираноязычными народами.

Сопоставление географии отдельных гидронимов и зоны бытования слов, которые легли в их основу, показывает, что в пределах современной территории расселения башкирского народа передвижения тюркских племен совершались с запада на восток и с юга на север.

Г. Е. Корнилов (Чебоксары) говорил об участии отдельных башкирских родов в этногенезе соседних народов и в частности чувашей.

Отражение процесса сложения башкирской народности в сказочных сюжетах и эпических поэмах было раскрыто в докладах М. Х. Мингажетдинова (Уфа), М. М. Сагитова (Уфа), К. М. Максетов (Нукус) проследил взаимосвязи каракалпакского и башкирского героического эпоса.

Сообщение о генетических связях башкирской народной музыки было сделано Л. П. Атановой (Уфа). В музыкальном фольклоре башкир докладчик выделяет несколько песенных пластов, свидетельствующих о древних этнических связях народа. Известны, например, мелодии, несущие на себе отпечаток музыки древних кумано-половецких племен. Некоторые башкирские орнаментированные протяжные песни обнаруживают сходство со старинными венгерскими и монгольскими мелодиями.

Большой интерес вызвали источниковедческие доклады А. Б. Булатова (Казань) «Восточные средневековые авторы о башкирах» и А. Г. Кудашева (Уфа) «Башкирские и татарские дореволюционные деятели культуры о древних башкирах».

Позднейшие этапы культурно-языкового развития башкир в дореволюционную эпоху были освещены в докладе Б. Х. Юлдашбаева (Уфа) «От племен к народности и нации».

* * *

В последний день работы сессии на пленарном заседании после заключительных выступлений руководителей секций состоялась дискуссия по докладам. Наиболее оживленные споры вызвали вопросы о ранних тюрках в Поволжье и Приуралье и проблема интерпретации этнической принадлежности некоторых археологических памятников I тысячелетия н. э.

Не по всем проблемам было достигнуто согласие. Однако, как отмечал в своем заключительном слове Ю. В. Бромлей, сессия явилась крупным событием в научной жизни Башкирской АССР, соседних республик и областей. Она помогла в значительной степени преодолеть крайности в толковании этногенетических процессов, связанные с преувеличенными представлениями о роли автохтонных племен или, наоборот, миграций. В научный обиход был введен обширный материал, который позволяет углубить изучение многих сторон этнической истории башкир и других народов, исторически соприкасавшихся с ними. Рекомендации сессии содержат развернутую программу научных исследований по археологии, этнографии, антропологии, исторической лингвистике, фольклористике.

Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. Илимбетов

XII СЕССИЯ ПОСТОЯННОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ АЛТАИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

29 августа — 2 сентября в Берлине (ГДР) состоялась очередная XII сессия Постоянной Интернациональной Алтаистической конференции (ПИАК), созданной в 1957 г. на XXIV Международном конгрессе востоковедов. Основной задачей организации ПИАК является изучение истории, культуры, искусства, литературы, фольклора и языков народов алтайской семьи — тюрков, монголов, тунгусо-маньчжуров. На каждой сессии ПИАК собираются крупнейшие специалисты-алтаисты для обсуждения актуальных алтаистических проблем, для обмена информацией о состоянии алтаистики в этой стране, которую они представляют.

Предыдущая, XI сессия ПИАК состоялась в июне 1968 г. в Хорсгольме (Дания). В ее работе впервые приняли участие алтаисты Советского Союза¹.

XII сессия ПИАК была наиболее представительной и носила характер Международного Алтаистического конгресса. Если на предыдущих сессиях число участников колебалось между 30—50, то в этой сессии участвовало свыше 150 человек, из которых 37 представляли Советский Союз. Кроме больших делегаций ГДР (во главе с академиками Ф. Хинтце и Г. Ф. Юнкером и президентом XII сессии ПИАК Г. Хазан) и СССР (член-корреспондент Академии наук СССР А. Н. Кононов, президент Академии наук Туркменской ССР академик П. А. Азимов, академик Академии наук Казахской ССР С. К. Кенесбаев и др.) в работе XII сессии ПИАК участвовали представители Англии (И. А. Бойл и др.), Болгарии (П. Мятев, И. Татарлы и др.) Венгрии (Л. Лигети, А. Рона-Таш, Ж. Какук, Г. Кара, А. Беше и др.), Голландии (К. Ян), Италии (А. Бомбачи), Монголии (Б. Ринчен, П. Хорлоо и др.), Польши (А. Зойончковский, Э. Триарский, З. Абрахамович), США (Д. Шинор, А. Титце, И. Циртаутас и др.), Турции (С. Булуч, З. Коркмаз, Т. Текин и др.), Франции (Л. Базен, Н. Боратав, Е. Лот-Фальк) и вновь избранный президент XIII сессии ПИАК, проф. Страсбургского университета И. Меликова), ФРГ (А. Габэн, У. Иогансон, Ц. Сасаки и др.), Чехословакия (И. Блашквич).

Общее количество докладов, прочитанных на XII сессии ПИАК, достигло 80, из них 31 доклад сделали представители СССР. Большое количество докладов вызвало необходимость организации нескольких секций. Таким образом, работа сессии была распределена между тремя пленарными и несколькими секционными заседаниями.

На первом пленарном заседании с приветственными речами выступили Ф. Хинтце (ГДР), президент XII сессии ПИАК Г. Хазан (ГДР) и генеральный секретарь ПИАК Д. Шинор (США). На этом заседании были заслушаны также два обобщающих доклада — Г. Юнкера (ГДР) «20 лет алтаистики в ГДР» и Д. Шинора (США) «Состояние и задачи алтаистики».

Второе пленарное заседание было посвящено памяти крупнейшего немецкого тюрколога Вильгельма Банга в связи с 100-летием со дня его рождения. С докладами о деятельности В. Банга выступили А. Н. Кононов (СССР) и А. Габэн (ФРГ).

Третье пленарное заседание было посвящено организационным проблемам, среди которых основное место занимали вопросы о времени и месте созыва XIII сессии ПИАК, о присуждении медали ПИАК за выдающиеся труды в области изучения алтайских языков, о порядке проведения последующих сессий ПИАК, издания трудов и публикации бюллетеня.

По первому вопросу было принято предложение И. Меликовой (Франция) созвать очередную XIII сессию ПИАК в Страсбурге (Франция) в последней декаде июня 1970 г.

При обсуждении вопроса о присуждении медали ПИАК специальным комитетом ПИАК были предложены кандидатуры Дж. Клоусена (Англия) и А. Хаттори (Япония). Значительным большинством голосов медаль была присуждена Дж. Клоусену.

Во время дискуссии по третьему вопросу было внесено несколько предложений по совершенствованию работы ПИАК и, в частности, предложение У. Иогансона (ФРГ) о предварительной публикации развернутых тезисов докладов с тем, чтобы на заседаниях можно было бы их не зачитывать и уделить побольше внимания их обсуждению. На этом заседании было высказано пожелание увеличить объем выпускаемого ПИАК «Бюллетеня» и установить периодичность его выхода. До настоящего времени «Бюллетень» выходил нерегулярно, и за время существования ПИАК — вышло всего четыре номера. В связи с этим генеральный секретарь ПИАК Д. Шинор обратился к участникам собрания с просьбой регулярно присылать информацию об алтаистических исследованиях.

Последнее четвертое пленарное заседание было заключительным. С краткими сообщениями об итогах работы XII сессии ПИАК выступили Д. Шинор и Президент XII сессии Г. Хазан.

Что касается основной научной деятельности XII сессии ПИАК, то она была сосредоточена на заседаниях четырех секций, общее число которых по четырем секциям было шестнадцать.

Следует отметить, что тематика докладов была весьма разнообразной и касалась не только собственно алтаистических проблем, но и более узких вопросов по конкрет-

¹ См. Н. А. Баскаков, XI Сессия Постоянной интернациональной Алтаистической конференции (ПИАК), «Вестник Академии наук СССР», 1968, № 12, М., стр. 110, 111.

ным отраслям алтаистики — тюркологии, монголистики, тунгусо-маньчжуроведения. Значительное место в сообщениях занимали вопросы древней истории, этнографии, искусства, фольклора, литературы и языков алтайских народов.

Из собственно алтаистических докладов следует отметить доклады по фонетике алтайских языков — Г. Санжеева (СССР), и Т. Текина (Турция); по лексике — Л. Базэна (Франция), В. Цинциус (СССР) и В. Колесниковой (СССР); по грамматике — О. Суника (СССР) и Г. Мельникова (СССР); по общим проблемам алтаистики — С. Кенесбаева (СССР), Н. А. Баскакова (СССР) и др.

Значительное внимание было уделено тюркологическим вопросам. Здесь можно назвать доклады по истории этнографии и искусства — А. Габэн (ФРГ), Э. Эсина (Франция), Е. Лотфальк (Франция) и А. Урай-Когальми (Венгрия); по древнетюркским и средневековым памятникам — Г. Хазаи (ГДР), П. Циме (ГДР), А. Карахана (Турция), Э. Фазилова (СССР), И. Меликовой (Франция), И. Блашквич (Чехословакия), А. Тверетиновой (СССР), А. Зайончковского (Польша); по литературе тюркских народов — Н. Боратава (Франция), И. Татарлы (Болгария), М. Сильченко (СССР), И. Стеблевой (СССР), Н. Смирновой (СССР), Р. Фиш (СССР) и др.; по тюркским языкам (морфологии, синтаксису, словообразованию) — А. Н. Кононова (СССР), А. Абдуллаева (СССР), Ф. Зейналова (СССР), А. Эйвазова (СССР), М. Сакиева (СССР), Н. Гаджиевой (СССР), С. Муратова (СССР), С. Клейнмихель (ГДР), И. Циртаутас (США), З. Коркмаз (Турция), С. Булуца (Турция); по лексике — Ж. Какук (Венгрия), К. Мусаева (СССР), А. Рона-Таша (Венгрия), Б. Орузбаевой (СССР), С. Тесджана (ФРГ), Л. Покровский (СССР); по фонетике — С. Атамирзаевой (СССР), И. Кормушина (СССР) и др.

В меньшей мере были представлены доклады по монголистике и тунгусо-маньчжуроведению. Кроме указанных выше общеалтаистических докладов отметим доклады по истории и этнографии — П. Рачневского (ГДР), И. Бойла (Англия), доклад Б. Ринчена (Монголия), затрагивающий проблемы этнографии и лингвистики, а также обобщающий информационный доклад Н. Шастиной (СССР); по эпосу — П. Хорлоо (Монголия); по новым методам изучения лексики — Г. Фитце (ГДР) и по грамматике — Л. Беше (Венгрия).

Из беглого обзора докладов можно заключить о весьма пестрой и разнообразной проблематике, затронутой на XII сессии ПИАК. Однако это многообразие имеет, как нам представляется, не только положительные, но и некоторые отрицательные стороны. ПИАК призван исследовать общеалтаистические проблемы, а следовательно было бы целесообразно объединить усилия алтаистов вокруг одной какой-либо важной проблемы и, в частности, проблемы существования алтайской общности, которая должна быть решена как в историко-этнографическом, так и в филологическом аспектах.

В заключение следует отметить, что как предыдущие сессии ПИАК, так и будущие международные встречи алтаистов-тюркологов, монголистов и тунгусо-маньчжуроведов имели и имеют чрезвычайно важное значение для решения проблем этногенеза многих народов СССР. Активное участие представителей Советского Союза в сессиях ПИАК является совершенно необходимым хотя бы потому, что на этих сессиях советские ученые получают исчерпывающую информацию об изучении алтаистических проблем их зарубежными коллегами и могут активно влиять на организацию дальнейшего изучения алтаистических проблем.

Н. А. Баскаков

ВТОРАЯ ПОВОЛЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ОНОМАСТИКЕ

С 23 по 26 апреля 1969 г. в Горьком проходила Вторая Поволжская конференция по ономастике, созданная по инициативе московских академических институтов этнографии и языкознания, а также Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького и Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. В центре внимания этой конференции, так же как и предыдущей конференции в Ульяновске¹ находилась славянская, финно-угорская и тюркская ономастика, которой были посвящены 186 докладов. Особо, на наш взгляд, следует отметить тот отрядный факт, что на конференции в Горьком большое внимание было уделено таким малоразработанным разделам ономастики, как зоонимия, космонимия, имена вещей (кстати, для этой отрасли специального названия пока не существует) и отономастические образования.

На пленарном заседании, посвященном открытию конференции, были заслушаны четыре доклада, из которых наиболее интересными для этнографа представляются

¹ О конференции в Ульяновске см. сообщение М. А. Членова в «Сов. этнография», 1968, № 1.

доклады Б. Д. Бондалетова (Пенза) о социологическом аспекте ономастики, и Э. М. Мурзаева (Москва) «Местные географические термины в топонимии». Последний докладчик отметил повсеместное распространение в составе топонимов так называемых местных географических терминов, т. е. слов, указывающих на характер данного географического объекта. Значение этих терминов для топонимики очень велико, так как некоторые из них имеют весьма широкий ареал распространения, дающий, по мнению докладчика, возможность судить о древнейших связях населения Европы и Дальнего Востока.

После пленарного заседания работа протекала в следующих секциях: топонимия, микротопонимия, гидронимия, антропонимия, этнонимия, вопросы теории ономастики, космонимия, имена вещей, зоонимия. Первые пять секций были разбиты на соответствующие зональные подсекции.

Истории формирования и современному состоянию антропонимической модели у разных народов СССР были посвящены многие доклады, представленные на секцию «Антропонимия». Этапам развития болгаро-чувацкого языкознания в связи с проблемами ономастики посвятил свой доклад Г. Е. Корнилов (Чебоксары), особо остановившийся на проблемах историографии антропонимии. Он отметил, что первый словарь чувашских имен, вышедший почти 100 лет назад, имеет ряд недостатков, так как включает в себя в качестве языческих также татарские, общемусульманские, русские христианские, венгерские, тюркские имена. Т. А. Короткова (Среднеуральск) проанализировала личные имена свердловчан, родившихся в 1927 г. Говоря о переменах имен, она отметила, что меняли, как правило, имена, имеющие церковную и деревенскую окраску, хотя иногда сменные имена встречаются и среди вновь присвоенных. Доклад В. И. Тагуновой (Муром) «Категории уменьшительности и ласкательности в диалектной антропонимии» был посвящен анализу продуктивных средств образования diminutivov в Муромском районе. Л. К. Максимова (Москва) и З. А. Данилова и др. (Саратов) представили доклады о мотивах выбора личных имен и антропонимической моде. В первом докладе были изложены данные анкеты, распространенной среди научных сотрудников Института русского языка АН СССР. Выяснилось, что лингвисты при выборе имени своему ребенку стремятся избежать ассоциаций с именами знаменитых людей, стараются подобрать имя редкое, но не выделяющееся из обычного круга имен, а также такое, от которого удобно образуются уменьшительные формы. Во втором докладе был предпринят опыт лингвистического анализа моды и оценки имен с точки зрения их фонетического звучания. Докладчица отметила связь определенных звуков (например, сонорных) с благозвучием имени. М. А. Членов (Москва) проследил динамику изменения моды на имена за годы Советской власти у сельского населения восточной части Вологодской области и отметил ряд архаических черт именослова, например высокую частоту таких сравнительно редких в остальной части России имен, как Иван и Василий. М. В. Федорова (Нижний Тагил) в докладе «Угризмы в южнорусских фамилиях» высказала предположения, что ряд русских фамилий имеют угорское (венгерское) происхождение и возникли в период миграций венгров на территорию Южной России.

Р. Х. Субаева (Казань) остановилась на процессе адаптации интернациональных имен в татарском именнике. К. З. Закирьянов (Уфа) посвятил свой доклад новому явлению, возникшему в башкирской антропонимии в послевоенные годы, — явлению отчества, способу их образования от традиционных башкирских имен, трудностям, вытекающим из их неупорядоченной фиксации. М. У. Монраев (Элиста) проанализировал этапы сложения калмыцкого именника, выделив в нем санскритские и тибетские (через ламаизм), а также русские и интернациональные заимствования. Р. Ш. Джарылгасинова (Москва) посвятила свой доклад наблюдающемуся в наши дни изменению антропонимической модели корейцев Средней Азии, а именно появлению русских имен наряду с сохранением прежних корейских фамилий. Она связывает это явление с современными этническими процессами, происходящими в среде среднеазиатских корейцев, с общей тенденцией к русификации, наблюдаемой в их жизни и быту. А. Б. Булатов (Казань) проанализировал возможные источники изучения антропонимов волжских булгар и этимологизировал на основании этих источников некоторые булгарские имена (Айдар, Табан, Туксаба и др.). Современному казахскому именнику посвятила свой доклад Р. И. Нишанбаева (Чимкент); обычаям, связанным с наречением имен у башкир, — Т. Х. Кусимова (Уфа).

Е. Н. Бакланова (Москва) рассмотрела антропонимы русского населения Вологодского уезда в начале XVIII в. Она отметила, что некоторые имена, традиционно считающиеся распространенными, на самом деле встречались сравнительно редко. А. М. Членов (Москва) в докладе, посвященном политическому значению имен сыновей и внуков Владимира I, обратил внимание на резкие колебания в употреблении варяжских имен в княжеском именнике X—XI вв. Докладчик связал это явление с некоторыми предполагаемыми политическими событиями в истории Киевской Руси, в частности со сменой правящей династии. Э. И. Кучеренко (Рязань) представил доклад «К вопросу о происхождении „княжого имени“ у славян», в котором содержится попытка рассмотреть «княжие» имена в качестве титулов. Аргументация строилась в основном на лингвистических данных с учетом гипотез ностратической теории.

Разнообразные по своей тематике доклады были представлены на секции «Этнонимия». Н. Л. Жуковская (Москва) выступила с докладом «Отражение социальной

структуры общества в монгольских этнонимах», в котором проследила историю возникновения и последующую судьбу нескольких этнических наименований, являвшихся изначально обозначениями социальных групп или военно-административных подразделений общества. Впоследствии эти группы сложились в этносы, а их социальные наименования превратились в этнонимы. Основная идея доклада Э. Ф. Ишбердина (Уфа) «Пережитки культа животных и птиц у башкир» заключается в том, что наименования многих башкирских родов восходят к названиям животных, почитавшимся башкирами в древности в качестве тотемов. Докладчик отметил зафиксированные в литературе реликты обрядов, связанных с почитанием тотемного животного. Т. И. Тепляшина (Москва) в докладе «Родовые названия бесермян» выделила тюркский, русский и удмуртский пласты в названиях родов бесермян. Этнонимии Кзыл-Ординской области Казахской ССР был посвящен доклад А. Бетлеутова (Чимкент). Ф. В. Прончатов (Горький), представивший единственный на всей конференции доклад по африканистике — «Этноним готтентот в Юго-Западной Африке» поставил вопрос об отказе от введенного в оборот голландцами термина «готтентот» как оскорбительного и о переходе к этнониму «кой-коня», являющемуся самоназванием этого народа. Н. Ф. Мокшин (Саранск) в докладе «Этнонимы „мордва“, „эрзя“, „мокша“ и их употребление» рассмотрел этимологию, историю и функционирование этих терминов и пришел к важным выводам о степени консолидации мордовского народа. Докладчик считает, в частности, что приведенные им данные о широком употреблении в народе этнонимов «эрзя» и «мокша» свидетельствуют о том, что распространенный взгляд о закончившейся консолидации мордвы является преждевременным и неправильным.

Большинство докладов на конференции было посвящено топонимическим сюжетам. Среди них значительное число занимали сообщения о топонимии того или иного района, носящие краеведческий характер. К сожалению, в кратком сообщении невозможно охарактеризовать все доклады по топонимии. Остановимся на некоторых. О. Т. Молчанова (Томск) представила доклад на тему «Части тела и географические имена», в котором приводит большое количество примеров из топонимии разных областей земного шара на вхождение апеллятива со значением части человеческого тела в состав топонима или на функционирование такого апеллятива в качестве так называемого «местного географического термина». О. Т. Молчанова объясняет универсальную распространенность этого явления тем, что первоначальная ориентация человека на местности производилась по частям тела. Г. И. Донидзе (Москва) в докладе «Грамматика тюркских топонимов» выделил три группы бытующих топонимов (собственно тюркские, иноязычные, смешанные) и наметил пути и способы их образования. Одной проблеме были посвящены доклады Л. Л. Трубе (Горький) «Перенесенные географические названия в Горьковской области и формирование ее населения» и Ф. А. Корягина (Горький) «Перенесенные географические названия в Чувашии». Выступавшие отметили большое значение для этногенетических исследований тех топонимов, которые могли быть принесены мигрантами с их прежней родины. Эти топонимы они называют «перенесенными». Ф. А. Корягин высказал предположение, что любые «перенесенные» топонимы свидетельствуют о существовании в прошлом определенных миграций. Г. В. Агапова (Саратов) рассмотрела топонимию Ростово-Суздальской земли с целью выяснения того, в какой степени она отражает древние славянско-финские контакты. Она подчеркнула, что топонимия этого района богата названиями, указывающими на существование в прошлом подсечно-огневого земледелия. Близкий по тематике доклад В. А. Кучкина (Москва) был посвящен некоторым вопросам топонимии поселений Нижегородско-Суздальского княжества XIV—XV вв. При картографировании этих поселений докладчик встретился со случаями топонимического разрыва. Сопоставление материалов XIV—XV вв. с документами последующего времени позволило объяснить изменение названий. В докладе И. В. Власовой (Москва) рассмотрены названия поселений в междуречье Северной Двины и Волги в связи с их словообразовательной структурой. Докладчица устанавливает связь между возникновением топонимов и историей заселения края.

Много смогут дать этнографии новые отрасли ономастики, отражающие быт и идеологию различных народов. Так, ценный этнографический материал содержится в докладах по зоонимии Горьковской области (А. А. Смирнов), удмуртов (Г. А. Архипов), казахов (Г. Ф. Фельде), по космонимии (Д. Х. Нуржанова, В. А. Никонов), по названиям предприятий и магазинов (Л. А. Филотова).

На заключительном заседании В. А. Никонов (Москва) выступил с докладом о русской топонимии Горьковской области. Используя метод формантно-рядового анализа, он предложил свою схему этапов заселения русскими низовьев Оки и Среднего Поволжья.

Принятая на конференции резолюция подчеркивает плодотворность проведенных конференций по ономастике Поволжья. В ней содержится предложение о созыве третьей конференции в 1971 г. в Саранске.

Н. Л. Жуковская, М. А. Членов

СИМПОЗИУМ «ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ»

25—26 марта 1969 г. во Владивостоке состоялся симпозиум «История и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке», созданный отделом истории, археологии и этнографии Дальнего Востока Дальневосточного филиала им. В. Л. Комарова Сибирского отделения АН СССР. Созыв данного симпозиума стал возможным в связи со значительными успехами дальневосточных востоковедов, опирающихся на богатые научные традиции русского и советского востоковедения. Симпозиум был приурочен к 70-летию первого высшего учебного заведения на Дальнем Востоке — Восточного института, открывшегося в октябре 1899 г. во Владивостоке.

Доклад «О некоторых проблемах истории и культуры народов Дальнего Востока в связи с подготовкой коллективного труда «История советского Дальнего Востока» и задачах востоковедных исследований» прочитал А. И. Крушанов (Владивосток). Были заслушаны два коллективных доклада: М. С. Беловицкого и Г. С. Ермолаева (Владивосток) «О работе востоковедов Дальневосточного государственного университета» и А. П. Окладникова, А. П. Деревянко и Р. С. Васильевского (Новосибирск) «Археология советского Дальнего Востока и востоковедение». Отметив заслуги востоковедов Н. Я. Бичурина, П. Кафарова, Н. В. Кюнера, А. В. Гребенщикова, Д. М. и А. М. Позднеевых в изучении древностей Дальнего Востока, докладчики обобщили достижения советских археологов в раскрытии древнейшей истории Дальнего Востока. Особое внимание было обращено на тунгусо-маньчжурскую проблему¹ и обоснование дальневосточного очага древнего земледелия².

С докладом «О некоторых проблемах методологии и методики востоковедных исторических исследований» выступил Г. Г. Стратанович.

О востоковедных исследованиях в Бурятском институте общественных наук Сибирского отделения АН СССР рассказали Д. Д. Лубсанов и Р. Е. Пубаев (Улан-Удэ). В настоящее время в этом институте в секторах истории и культуры Востока, а также буддологии работает более 40 научных сотрудников, многие из которых — кандидаты наук. При институте создан Музей восточных культур. В «Материалах по истории и филологии Центральной Азии» печатаются труды ведущих сотрудников-востоковедов:

Г. Н. Румянцев], К. М. Герасимовой, Б. В. Семичева, Б. Д. Бадараева, Б. Д. Дандарона, В. Д. Цыбикова, Г. Г. Банчикова и др. В докладе, на наш взгляд, были спорные моменты. Так, едва ли правомерно рассматривать центральноазиатскую культуру как буддийскую, а деятельность реформатора буддизма Цзонкавы как проявление эпохи Возрождения в тибетско-монгольском мире.

С интересом был заслушан доклад В. С. Кузнецова «Восточный институт во Владивостоке — центр отечественного востоковедения» Творческая инициатива и дарования работавших во Владивостоке ученых способствовали развитию русской ориенталистики, в том числе этнографии. Их трудами положено начало всестороннему изучению Японии, Кореи, Тибета. Издававшиеся Восточным институтом «Известия» привлекли внимание отечественной и мировой научной общественности. Большое значение имело создание при институте Этнографического музея по народам русского и зарубежного Дальнего Востока. Библиотека института была одной из лучших востоковедных библиотек.

Доклад «Продолжатели традиций владивостокского Восточного института в Харбине» сделал В. С. Стариков (Ленинград). Он отметил крупный вклад в этнографию китайцев И. А. Добровольского, П. В. Шкуркина, И. Г. Баранова, И. И. Петелина, П. С. Тищенко, Г. А. Софоклова, А. В. Спицына, А. П. Хионина, японистов Е. Н. Спальвина, Н. П. Мацокина и др.³ Усилиями этих исследователей и их учеников были созданы научные общества (Общество русских ориенталистов в Харбине, Общество изучения Маньчжурского края с историко-этнографической секцией и краеведским музеем при нем, Харбинское общество естествоиспытателей), библиотеки и т. д. В русских газетах, выходивших в Маньчжурии, было опубликовано много ценных научных статей.

С докладом «Русские востоковеды — исследователи истории и культуры малых народов Дальнего Востока» выступил Ю. А. Сем (Владивосток). Первые сведения о малых народах Приамурья и Приморья содержатся в описаниях путешествий И. Петлина и особенно Н. Г. Спафария (XVII в.). В связи с организацией востоковедских научных центров изучение малых народов Приамурья и Приморья приобрело большую глубину и размах (работы Н. Я. Бичурина, П. Кафарова, В. П. Васильева и др.). Ва-

¹ См.: А. П. Окладников, Тунгусо-маньчжурская проблема, «История СССР», 1968, № 5.

² См.: А. П. Окладников, Д. Л. Бродянский, Дальневосточный очаг древнего земледелия, «Сов. этнография», 1969, № 2.

³ Об этих ученых и их работах см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, М., 1960.

жную роль в изучении этнографии аборигенов сыграл Восточный институт во Владивостоке (особенно такие ученые, как А. В. Рудаков, Н. В. Кюннер, П. П. Шмидт, А. В. Гребенщиков), Благовещенское, Читинское и Приамурское отделения Общества востоковедения, местные филиалы Географического общества, в которых этнография занимала видное место. Предшествующая научная традиция создала надежную базу для изучения истории, филологии и этнографии народов советского Дальнего Востока.

Ф. В. Соловьев (Владивосток) в докладе «Топонимика Дальнего Востока в трудах русских востоковедов» показал местный, тунгусо-маньчжурский характер дальневосточной топонимики.

Е. И. Кычанов (Ленинград) выступил с докладом «А. М. Позднеев и Восточный институт во Владивостоке». С именем А. М. Позднеева (1851—1920 гг.), монголиста, маньчжуриста, тибетолога, китаиста, связано создание Восточного института во Владивостоке. В Институте было организовано четыре отделения: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-монгольское и китайско-маньчжурское. В основу такого деления была положена справедливая и для нашего времени идея об изучении двух-трех языков региона. Студентам давалась широкая страноведческая подготовка, важное место среди предметов принадлежало этнографии. Большое значение придавалось поездкам преподавателей и студентов в изучаемые страны.

Ряд докладов был посвящен другим выдающимся отечественным ученым, работавшим в Восточном институте, а позднее, с 1919 г., в преобразованном ДВГУ. Это доклады Л. И. Сем (Владивосток) «Вклад П. П. Шмидта в изучение культуры народов Дальнего Востока», А. М. Решетова (Ленинград). «Роль Н. В. Кюннера в исследовании проблем истории и культуры народов Дальнего Востока», Г. Г. Стратановича (Москва) «Д. М. Позднеев — востоковед и исследователь Дальнего Востока», Н. В. Кочешкова (Владивосток) «Вклад Г. Ц. Цыбикова в этнографию и филологию народов Монголии и Тибета» и др. В этих докладах довольно подробно говорилось о выдающихся работах этих ученых и в области этнографии.

Симпозиум продемонстрировал успехи советского востоковедения на Дальнем Востоке, где не только имеются славные традиции, но и сейчас ведутся широкие и многогранные исследования. Большинство работающих там в настоящее время востоковедов — воспитанники Восточного факультета Ленинградского государственного университета (ученики В. М. Алексеева, Н. В. Кюннера и Г. В. Ефимова).

Встает вопрос о наилучшей координации сил дальневосточных востоковедов. Очевидно, пришла пора создать в системе АН СССР специализированный институт гуманитарного направления с центром во Владивостоке. Нужно продумать также вопрос о сосредоточении и в этом центре работы по подготовке кадров молодых востоковедов. Следует обратить большое внимание на деятельность краеведческих музеев. Необходимо развивать этнографическое изучение народов Дальнего Востока.

Все эти предложения вошли в решение, принятое участниками владивостокского симпозиума. Следующий симпозиум намечено провести в т. Улан-Удэ в 1971 г.

А. М. Решетов

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Большая пестрота многонационального населения Сибири и различия в уровнях социально-экономического и культурного развития отдельных ее народов ставили в прошлом и ставят в настоящее время немало сложных проблем при решении конкретных вопросов хозяйственно-культурного строительства. Этим в первую очередь и определяется необходимость элементарной этнографической подготовки студентов гуманитарного профиля Новосибирского университета, многим из которых после окончания вуза придется в своей практической деятельности непосредственно принимать решения в области национальной политики.

Научной базой Новосибирского государственного университета (НГУ) служат соответствующие научно-исследовательские институты Сибирского отделения АН СССР. Этнографическая подготовка студентов гуманитарного факультета определена научной проблематикой Института истории, филологии и философии СО АН СССР¹.

¹ См. «Изв. СО АН СССР», сер. обществ. наук, Новосибирск, 1968, № 1, стр. 132—135; 1969, № 6, стр. 154—157. Гуманитарный факультет был открыт в 1962/63 учебном году, первоначально в составе трех отделений: исторического, филологического и экономического. Первый выпуск состоялся в 1967 г., в том же году экономическое отделение выделилось в самостоятельный факультет. Ежегодный прием на историческое и филологическое отделение составляет 50 чел.

НГУ — первый вуз Сибири и Дальнего Востока, где осуществляется систематическая общая и специальная этнографическая подготовка студентов. Все студенты исторического отделения, а факультативно и филологи, специализирующиеся по языкам родов Сибири, слушают курсы: «Основы этнографии» (36 час. по общевузовской программе), «Этнография Сибири» (72 час. по программе, разработанной группой специалистов Института истории, филологии и философии СО АН СССР). Оба курса построены по региональному принципу, причем первый наряду с теоретическими положениями дает общие сведения об основных группах народов мира, а второй, как бы углубляет его, подробно знакомит студентов с группой собственно сибирских народов, в частности с их этнической историей.

Студентам исторического отделения, получающим одну специальность — «История СССР», дополнительно читают курсы по проблемам этнической истории одной из сибирских историко-этнографических областей (36 час.), по культуре и языку избранной группы народов (72 час.) и по этносоциологии (36 час.). Особенность последнего спецкурса, прочитанного экспериментально в 1966/67 и 1967/68 учебных годах, состоит в том, что в нем изложены методологические и методические принципы социологии и этнографии, а конкретные этносоциологические проблемы (например, проблема перехода кочевого населения на оседлый образ жизни) рассмотрены на фактическом сибирском материале. Кроме того, два спецкурса (по 36 час. каждый) по смежным вопросам специализации студенты слушают на выбор. По тематике основных спецкурсов проводятся и семинарские занятия, включающие методику полевых исследований и основы этнографии. Важный элемент специализации историков — архивная практика, дополняемая по данному профилю полевой практикой. Обе практики организуются по тематике научных исследований, проводимых в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, и позволяют студентам собрать оригинальные материалы для курсовых и дипломных работ.

О характере этнографической специализации можно судить по проблематике дипломных работ, защищенных на историческом отделении гуманитарного факультета НГУ в 1967—1969 гг.

К первой группе относятся дипломы историко-этнографического характера. Важное место в этнографической науке занимают проблемы заселения и освоения территорий, в том числе и такого обширного региона, как Сибирь и Дальний Восток. Здесь на площади, составляющей более половины всей территории СССР, в 1965 г. разделилась примерно десятая часть населения страны (в РСФСР до одной пятой). История формирования этого населения изучена еще недостаточно. Большой интерес, в частности, представляют в этом отношении северные районы, которым посвящены две дипломные работы о населении Обского и Енисейского севера в XVIII в. Молодым исследователям удалось собрать большой материал, характеризующий изменение численности и состава различных этнических групп, размещение этих групп и их взаимосвязи в процессе закрепления данной территории в составе Русского государства и ее хозяйственного освоения.

Часть дипломов посвящена проблемам исторических судеб аборигенов Сибири и Дальнего Востока. Их численность к приходу русских составляла менее 200 тыс. человек, а в 1959 г. — свыше 800 тыс.² При этом аборигенное население не только выросло в численном отношении, но, что особенно важно, осуществило после Октября революционные преобразования и стало равноправным участником строительства коммунистического общества в нашей стране. В дипломных работах, посвященных народам бассейнов Амура, Оби, а также Саян, сделаны основанные на изучении литературы и сборе новых данных краткие обзоры исторического прошлого этих народов. Основное внимание уделено развитию народов в условиях социалистических преобразований³.

Вторую группу дипломов составляют работы этнографического и этносоциологического характера. На современном этапе развития науки необходима разработка проблем типологии, функциональных изменений культуры различных народов. Такой подход наметился в дипломных работах по жилищи, одежде, семье и производственным традициям аборигенного населения Сибири. Особый интерес, на наш взгляд, представляют попытки конкретно-социологического анализа традиционной культуры, возможностей использования на основе реконструкции прогрессивных народных традиций в области современного хозяйства, быта и культуры.

Среди лучших дипломных работ историков трех выпусков гуманитарного факультета НГУ следует назвать исследования о населении Обского севера в XVIII в. (Н. А. Миненко) и сибирских цыганах (В. И. Санаров). Однако и в других работах немало новых полевых и архивных материалов, обогащающих наши сведения в области этнической истории Сибири и Дальнего Востока. Необходимо отметить, также, что студенты-исто-

² См. Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в 17 в. М., 1960; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. Подсчеты автора. В итоге 1969 г. не вошла значительная часть аборигенов, которые в результате длительных этнических контактов, в том числе и брачных, слились с русским народом.

³ Сюда относятся также две дипломные работы, посвященные сибирским немцам и цыганам.

рики — активно участвовали наряду с филологами в осуществлении массовых социолого-лингвистических обследований у различных народов⁴.

Весьма успешно в эти годы работали и научные кружки, участники которых выступали с докладами на сибирских и всесоюзных конференциях студентов.

В организации этнографической подготовки в НГУ большое значение имело творческое содружество представителей Университета со специалистами Новосибирского научного центра СО АН СССР — историками, археологами, этнографами и лингвистами. Важную роль в становлении этнографического образования сыграли также ученые Москвы и Ленинграда — В. А. Аврорин, И. С. Гурвич, Г. Ф. Дебец, Е. П. Лебедева, Е. П. Орлова, А. И. Собченко, С. А. Токарев.

Ю. Б. Стракач

⁴ См. «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 156—158; «Вопросы языкознания», 1969, № 4, стр. 163—164; сб. «Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири», Новосибирск, 1969.

НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ «КУЛЬТУРА И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ ЯПОНИИ» В МАЭ

В Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде (МАЭ) недавно открылась новая экспозиция по культуре и быту японцев. Построенная на подлинных этнографических материалах, она дает посетителю наглядное представление о многих сторонах жизни японского народа, бережно хранящего многовековые традиции своей культуры.

Выставленные предметы составляют часть японского коллекционного фонда МАЭ, насчитывающего более 8 тысяч предметов.

Первые японские коллекции стали поступать в Петровскую Кунсткамеру (наследником которой является Музей антропологии и этнографии имени Петра I) в начале XVIII в. Из наиболее ценных поступлений XVIII в. следует отметить коллекцию, привезенную в 1795 г. русским посланником в Японию А. К. Лаксманом. Среди поступлений XIX в. заслуживают внимания экспонаты, полученные от члена-корреспондента Академии наук Овермейера Фишера, от ученого хранителя Зоологического музея И. С. Полякова, капитана второго ранга В. В. Линдстрема, адмирала К. Н. Посыета, из Азиатского музея, из Эрмитажа, а также из Адмиралтейского департамента.

Особенно много коллекций поступило в МАЭ в XX в. — от консула М. М. Генденштрама, академика С. Ф. Ольденбурга, от Русского географического общества и т. д.

Очень ценные коллекции собраны в Японии в 1920-х годах выдающимся советским этнографом Л. Я. Штернбергом, зоологом П. Ю. Шмидтом, научным сотрудником МАЭ А. Е. Глускиной. Среди послевоенных пополнений следует отметить коллекции, переданные в МАЭ из Южно-Сахалинского областного краеведческого музея, большое количество предметов японского прикладного искусства, закупленных Министерством культуры СССР непосредственно в Японии¹, и, наконец, этнографическую коллекцию, присланную в августе 1967 г. в порядке научного обмена из университета Тэнри.

Экспозиция состоит из семи разделов, характеризующих основные стороны культуры и быта японского народа.

Она открывается большим стендом, материалы которого дают посетителю представление о географии и современном населении страны.

Большое внимание в вводном разделе уделено малой народности Японии — айнам — потомкам древнейшего населения Японии. В большом шкафу выставлены два манекена, на которых показана мужская и женская одежда, тканная из растительных волокон с характерным айнским орнаментом. Из экспликации посетитель узнает о том, что некогда айны населяли главные острова Японии, но, теснимые японцами в течение многих веков, они отступили на север страны, куда перенесли южные черты своей материальной и духовной культуры: ткацкий стан, лук индонезийского типа, отравленные стрелы, тканые из растительных волокон халаты, своеобразный орнамент, культ черепов и священных стружек — «кинау». Несмотря на значительное влияние и насильственную ассимиляцию, айны до сих пор сохраняют многие особенности своей самобытной культуры. В настоящее время айны сохранились только на о-ве Хоккайдо, где живут небольшими поселками и занимаются земледелием, рыболовством и охотой. Они заметно отличаются от японцев по расовому типу, языку, культуре и быту.

Непосредственно за этнической характеристикой населения страны следует тема «Япония — страна древней культуры». Здесь на большом щите выставлены фотографии:

¹ Часть этой коллекции (свыше 800 предметов) в 1959 г. передана в МАЭ из Государственного музея искусства народов Востока.

Рис. 1. Айнские коллекции начала XX в.

синтоистского храма в Исэ (III—VI вв.), монастыря Хорюдзи (VII в.), головы деревянной скульптуры Каннон (г. Нара, VII в.), бронзовой скульптуры будды в г. Камакуре (XIII в.), золотого павильона в г. Киото (XVI в.). На оригинальной карте «Древние памятники и культурные центры Японии»² представлены памятники японского неолита (II тысячелетие до н. э.—II в. до н. э.), и периода бронзы и раннего железа (II в. до н. э.—VI в. н. э.), а также памятники культуры раннего феодализма (VI—XII вв. н. э.), средневековья (XII—XVI вв.) и позднего феодализма (XVI—XIX вв.). Здесь же отмечены столицы феодальной Японии. Вводный раздел заканчивается краткой характеристикой истории страны.

В большом шкафу выставлены два манекена самураев в полном облачении. В витрине и на большом щите над нею представлены образцы красиво оформленного старинного японского холодного оружия: мечи, алебарды, копьа, пики, кинжалы, щит, сабли, лук, колчан со стрелами, а также характерные для того времени японские стремена.

Раздел «Основные занятия японцев» начинается с небольшого стенда, плоскостной материал которого знакомит посетителя с бурным развитием японской промышленности в послевоенный период. Пережив разгром во второй мировой войне, последовавшую за ней разруху и американскую оккупацию, Япония за два десятилетия не только восстановила свое хозяйство, но и почти в восемь раз превзошла довоенный уровень, став в настоящее время высокоразвитой индустриально-аграрной страной. По общему уровню промышленного производства современная Япония заняла в капиталистическом мире второе место (после США).

Фотографии и текст следующего щита дают представление о железнодорожном, автомобильном и морском транспорте.

Значительное место в экспозиции отводится показу сельского хозяйства. В одном из шкафов выставлены крестьянские сельскохозяйственные орудия: ручной плуг, мотыга, четырехзубная крюк-мотыга для рыхления земли, серпы, деревянный цеп, сапка, бамбуковые грабли, а в большом шкафу манекены крестьянина и крестьянки изображают сценку провеивания зерна с помощью старинной веерообразной веялки и плетеного сов-

² Автор карты — научный сотрудник сектора Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Ин-та этнографии АН СССР Р. А. Ксенофонта.

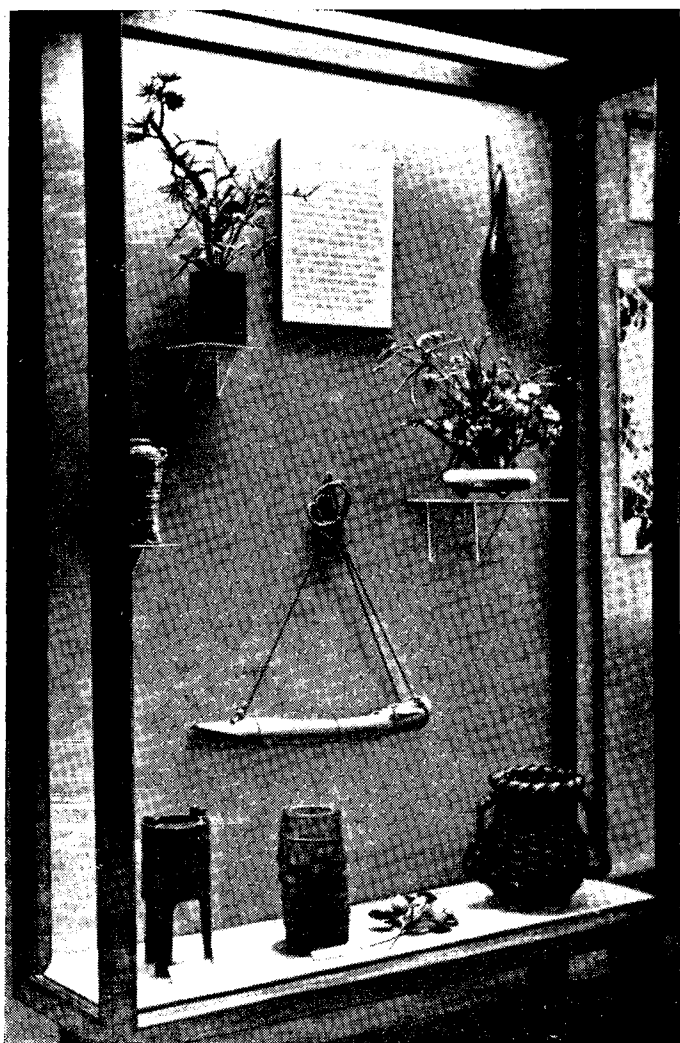

Рис. 2. Икэбана. Коллекции начала XX в.

ка. Здесь же выставлены рисоделка, деревянная ступка для обрушивания зерна, сито для просеивания риса и модель веялки.

Рядом со шкафом в горизонтальной витрине посетитель видит деревянные модели различных крестьянских орудий труда. На небольшом щите, связывающем эти два шкафа, экспонируется экономическая карта, которая показывает распространение сельскохозяйственных культур, молочного животноводства, шелководства и садоводства. Фотографии этого стенда показывают, что в японской деревне наряду с ручным трудом, господствующим в крестьянском хозяйстве, применяются современные машины и орудия, сосредоточенные преимущественно в хозяйствах крупных землевладельцев.

О рыболовстве рассказывают материалы одного плоского шкафа, витрины и небольшого стенда, где выставлены орудия примитивного рыболовного промысла: сеть для лова мелкой рыбы, сеть для ловли крабов, креветок и других ракообразных, бамбуковая западня для крабов, кринка для ловли осьминогов, бамбуковая ловушка для ловли форелей, пачка рыбьего клея. Кроме того, выставлены модели гребной лодки и старинного торгового судна.

Шелководству посвящена небольшая витрина, в которой выставлена грена (яички, отложенные бабочкой шелкопряда), коконы, шелк-сырец, таблица листьев тутового дерева, корзина для сбора тутовых листьев, нож для размельчения тутового листа, сетка для кормления гусениц, рама для спаривания бабочек, очаг с кастрюлей, в которой разматывают коконы, метелочка для разбивки коконов, станок для наматывания ниток, веретено.

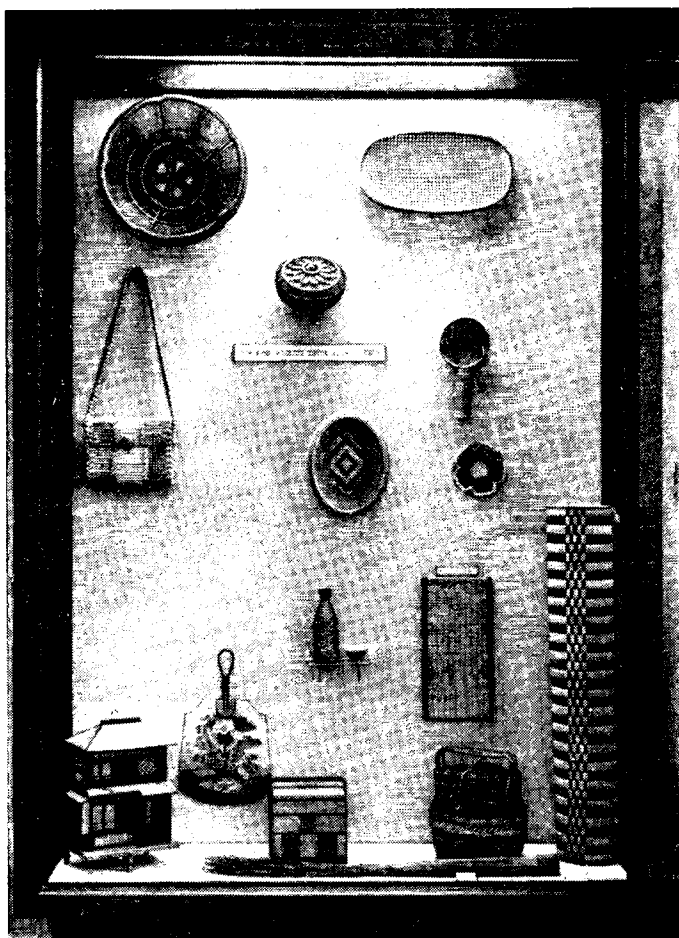

Рис. 3. Плетеные изделия конца XIX—XX в.

Демонстрация вещевых экспонатов и фотографий в разделе «Основные занятия японцев» дополнена, как и в других разделах, большим текстовым материалом. Посетитель узнает об особенностях структуры современной японской промышленности, жестокой эксплуатации рабочего класса, положении в сельском хозяйстве, борьбе крестьян против реакционной аграрной политики японских правящих кругов.

Раздел быта начинается с показа характерной японской одежды. Традиционная японская верхняя одежда, так называемое кимоно, почти одинакового покроя у мужчин, женщин, детей и различается только по цвету и орнаменту ткани. Мужчины носят кимоно, имеющие мелкий рисунок серого, темно-зеленого или темно-синего цвета. Молодые женщины надевают кимоно пестрые и светлые, с яркими крупными узорами, в которых преобладают розовый, красный, желтый и зеленый цвета. Пожилые женщины носят кимоно спокойных цветов с мелкими узорами. Наружные пояса «оби», являющиеся основным украшением кимоно у женщин, очень длинные и широкие, искусно завязываются на спине, образуя большой бант.

В настоящее время в городах на работе мужчины и женщины носят европейские костюмы. Однако после работы, в часы досуга, дома и на улице и мужчины и женщины одеты в кимоно; для многих женщин оно служит излюбленным вечерним, праздничным нарядом. Домашние хозяйки носят его постоянно.

Рядом в витрине выставлена национальная японская обувь — «дзори», «гэта», а также носки «таби». Дзори — соломенные или деревянные сандалии. Гэта — обувь на высокой подошве; это либо деревянная колодка своеобразной формы, либо маленькая деревянная скамеечка на двух подставках. Такая обувь удобна тем, что очень легко надевается и снимается. Японцы, как известно, дома в обуви никогда не ходят, а снимают ее у порога. Дома остаются в носках — таби, которые шьются из плотной хлопчатобумажной ткани, чаще всего белого цвета, причем большой палец ноги помещается отдельно от остальных четырех. Между большим и остальными пальцами продевается ремешок, закрепленный у носка обуви.

В отдельной витрине экспонируются интересные модели сложных традиционных женских и мужских причесок, которые носили в старой Японии. Для выполнения их требовалось большое искусство.

Показу пищи отведен небольшой шкаф. Здесь выставлены прекрасно выполненные японскими мастерами восковые муляжи традиционной пищи: вареный рис, бобовый суп, жареные бобы, бобовый сыр, рыба, морские водоросли, рисовые пирожные и т. д. Представлен также типичный японский обеденный стол — маленький, на низких ножках, за которым японцы едят, сидя на полу; на столе расставлены фарфоровые и деревянные, покрытые лаком чайные и обеденные чашки типа пиалы, графинчик и маленькие чашечки для вина, палочки для еды («хаси»).

На большом щите экспонированы выполненные японскими мастерами деревянные макеты типичных японских жилищ: крестьянского дома с соломенной крышей, обычно городского двухэтажного дома с черепичной крышей, одноэтажного дома с садом богатого японца, гостиницы, ресторана. Между макетами и на щите напротив размещены фотографии, на которых представлены современные интерьеры японских сельских и городских жилищ, а также фотографии новых зданий, построенных с использованием современных достижений строительной техники: бетона, стекла, алюминия, пластика и полимеров.

Типичный японский дом с двухскатной или четырехскатной крышей — это легкое деревянное строение, стены которого, кроме северной и торцовых, представляют собой тонкие деревянные решетчатые легко раздвигаемые рамы («сёдзи»), оклеенные бумагой. Днем в жаркое время стены эти раздвигаются или убираются совсем, впуская в дом солнце и воздух, а на ночь и в холод закрываются снаружи второй деревянной сборной дощатой стеной. Одна комната отделяется от другой с помощью «фусума» — тонких деревянных рам, оклеенных плотной бумагой. Эти рамы тоже легко передвигаются в пазах и могут быть сняты совсем, что дает возможность сделать комнату большой, просторной или перегородить ее, если это нужно, создав несколько маленьких.

В типичном японском доме громоздкая, тяжелая мебель отсутствует. Сидят, спят и едят японцы на полу, устланном соломенными циновками («татами»), по которым ходят в носках.

В Японии существует много традиционных праздников; среди них есть и посвященные специально детям. Так, в третий день третьего месяца празднуется «День девочек», а в пятый день пятого месяца — «День мальчиков». Помимо подарков, которые дети получают в эти дни от родных и знакомых, девочкам в их праздник достают сохраняемые из поколения в поколение куклы, изображающие императора, императрицу, а также их придворных в торжественных позах. С этими куклами, одетыми в дорогие платья, девочки никогда не играют, а расставляют в определенном принятом издавна порядке и потом любуются ими. После праздника куклы опять бережно укладывают в коробки и прячут в шкафы на целый год, до следующего 3 марта.

В «День мальчиков» вывешивают на высоких шестах над домами длинных ярких, сделанных из бумаги или ткани надувных карпов, которые, как флаги, красиво развеваются над крышами домов. Смысл этого символа заключается в том, что мальчик должен для достижения цели преодолеть любые жизненные препятствия, подобно тому, как карп, плывя против течения, преодолевает перекаты.

Эти детские праздники нашли отражение на экспозиции: в большом шкафу посетитель видит традиционные игрушки к празднику девочек, выставленные на покрытой красной тканью пирамидке, как это принято в Японии. Посетитель увидит здесь и очень популярную в современной Японии «кокэси» — оригинальную деревянную раскрашенную куклу без рук и без ног, несколько напоминающую нашу матрешку. Здесь же выставлены традиционные игрушки к «Празднику мальчиков»: куклы, изображающие «даимё» — главу феодального княжества, «сёгуна» — военачальника, самурая в полном облачении, а также модели самурайских доспехов, деревянная раскрашенная и экипированная лошадка, мечи, детские луки и стрелы, игрушечные гонги, барабаны и всевозможные флажки с различными эмблемами.

В отдельном шкафу изображена сценка «тя-но-ю» (чайная церемония) — весьма своеобразный традиционный ритуал, возникший много веков назад и сохранившийся до настоящего времени в среде состоятельных слоев японского общества. В шкафу помещен манекен японки в богато вышитом кремовом кимоно, сидящей на циновке, подогнув под себя ноги. Она изображена в момент приготовления чая: правой рукой опускает на чашечку крышку, а в левой руке держит бамбуковый черпак. Рядом с нею чугунная жаровня со вставленным в нее котелком для воды, лакированная коробка с порошковым зеленым чаем, кисточка из бамбука для взбивания чая, фаянсовый сосуд для воды и другие предметы чайной церемонии.

Японская чайная церемония прежде имела главным образом ритуальное значение. И сейчас процесс приготовления чая и само чаепитие сопровождаются определенными жестами и многочисленными поклонами его участников, причем каждое действие осуществляется по твердо установленным уже с давних времен правилам. Во время церемонии употребляется мелко молотый чайный порошок — «маття», который, заваренный кипятком, имеет вид густой зеленой жидкости. Пьют его непроцеженным и по вкусу он совершенно не похож на чай, привычный для европейца.

Составление цветочных композиций — икэбана — старинный национальный обычай Японии. При составлении букетов используются не только цветы, но и ветви деревьев,

Рис. 4. Культ. Коллекции XIX—XX вв.

камыш, коренья, листья; при этом учитываются время года, убранство комнаты, форма и цвет вазы, а также назначение букета. С помощью соответствующей композиции можно выразить определенные символы, собственные чувства и переживания. Зародившись еще в XIV в., это оригинальное искусство, воспитывающее чувство красоты и гармонии, в настоящее время получило очень широкое распространение в быту. В Японии существует более двух тысяч школ, где учат девочек и девушек составлению букетов. Каждая японская женщина в той или иной степени владеет этим искусством, ставшим одним из массовых и излюбленных в самой Японии и получившим значительную популярность за ее пределами (США, Франция, Англия).

Об икэбана рассказывают материалы шкафа, где выставлены цветочные вазы из фарфора, фаянса и бамбука, а также букеты искусственных цветов — образцы икэбана разных школ.

Богато представлены на выставке художественные ремесленные изделия народных мастеров Японии. Этот большой раздел начинается с показа тканей кустарного производства. В витрине выставлены хлопчатобумажные и шелковые ткани различных расцветок и орнаментов, а на стенде перед витриной демонстрируются образцы цветных и монохромных, старинных и современных набоек.

На экспозиции широко представлены изделия художественного ремесленного производства: плетение, фаянс, фарфор, изделия из металла и лака. Выставленные здесь многочисленные экспонаты, созданные безвестными японскими мастерами, дают представление о наиболее характерных и традиционных для этой страны народных художественных ремеслах. Зародившись в глубокой древности, художественные ремесла за много веков своего существования достигли большого совершенства. Высокий художественный уровень изделий японских ремесленников объясняется как одаренностью народных умельцев, так и тем, что с народными мастерами часто сотрудничали самые знаменитые художники Японии, которые иногда сами создавали изделия из лака, металла, фарфора и керамики. Народное художественное творчество не утратило своего значения и в современной Японии.

Заканчивается этот большой раздел экспозиции показом народной миниатюрной скульптуры — «нэцкэ». В прошлом нэцкэ были принадлежностью традиционного японского костюма. Это своего рода скульптурный брелок-подвеска, с помощью которой на коротком шнурке удерживались на поясе кошельки, кисеты, футляр для именной печати, «инро» (коробка для лекарств и ароматических веществ). Нэцкэ с изображениями людей, животных, героев легенд и сказаний вырезали чаще всего из дерева и слоновой кости.

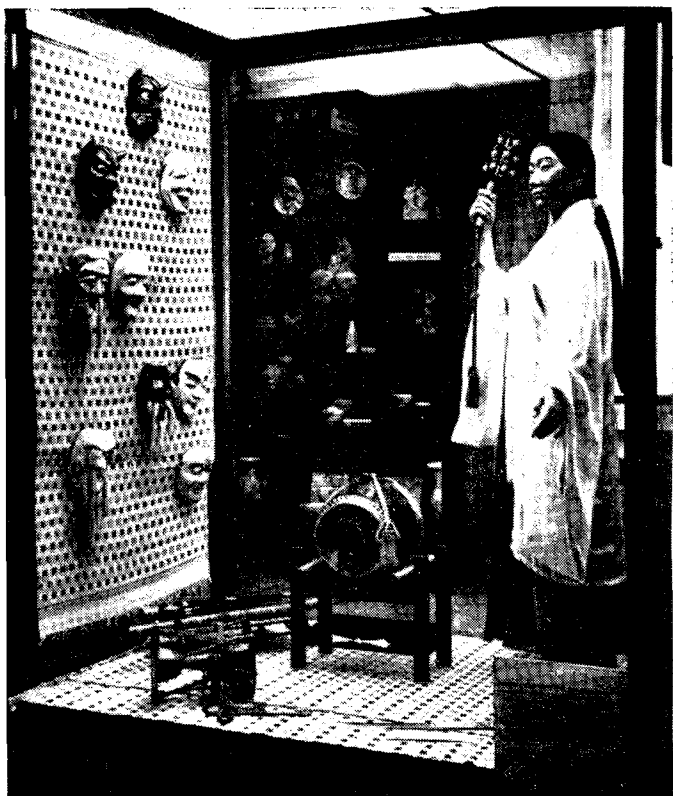

Рис. 5. Представления кагура. Коллекция конца XIX—XX в.

Один из разделов экспозиции посвящен религиям японцев — синтоизму и буддизму. Манекен изображает в молитвенной позе синтоистского жреца в ритуальном одеянии. Здесь же представлены макеты синтоистского храма Инари — божества плодородия риса и стоящей перед ним арки — «тории», характерной для каждого синтоистского храма.

В этом разделе экспонируются также покрытый черным лаком домашний алтарь с принадлежностями буддийского культа, большая позолоченная фигура будды, курильница, пакет курительных свечей, бронзовый колокольчик и другие предметы религиозного обихода.

Значительное место в экспозиции отведено показу одной из важнейших областей японской культуры — театру. В начале этого раздела представлена «кагура», ставшая одним из источников классической драмы «но».

Кагура представляет собой танцевальные пантомимы, которые с древнейших времен исполнялись жрецами в синтоистских храмах. Позднее наряду с ритуальными танцами появились в несколько измененном виде пантомимы, которые разыгрывались для развлечения прихожан во время храмовых празднеств. В такой форме кагура сохранились до последнего времени. На выставке посетители музея видят манекен синтоистской жрицы, изображенной в момент танца. Здесь же представлены очень выразительные деревянные раскрашенные маски различных персонажей, в которых выступают актеры, а также музыкальные инструменты, игрой на которых сопровождаются представления кагура. На большой фотографии изображена пляска жриц.

Традиционный театр «но» экспонирован на выставке макетом открытой с трех сторон сцены, на которой маленькими фигурками изображены актеры, хор и музыканты; тут же выставлены искусно сделанные деревянные резные раскрашенные театральные маски, в которых выступают актеры театра «но».

Возникнув в XIV в., театр «но» существует до настоящего времени. Первые его представления устраивались в буддийских монастырях, однако вскоре он стал театром для феодальной знати и дворянства, а ныне камерные представления «но» вызывают значительный интерес прежде всего у интеллигентной публики. Все исполнители в театре — мужчины, но только ведущие актеры выступают в маске и парике. «Но» объединяет в себе музыку, танец и драму.

О театре «кабуки» рассказывают материалы следующего шкафа, в котором выставлены манекен актера в роли самурая, цветные рисунки образцов грима, театральная

бутафория и основные музыкальные инструменты, игрой на которых сопровождают спектакли этого театра. На крупной фотографии изображен популярный в Японии актер Итикава Сётё в женской роли.

Классический театр «кабуки» возник в XVII в. и первоначально все роли в нем в том числе мужские, исполняли только женщины. С начала XVIII в. и до наших дней все роли в театре играют одни мужчины. Правда, в последнее время возникли уже смешанные труппы театра «кабуки», но традиция исполнения женских ролей мужчинами сохраняется. Театр «кабуки» сочетает в себе драму, музыку и танцы. С появлением в Японии во второй половине XIX в. театров европейского типа стало трансформироваться и искусство «кабуки».

На фотографиях мы видим фасад театра «кабуки» в Токио, сцены из спектаклей. С начала XX в. в Японии стал создаваться новый театр — «сингэки», насчитывающий в настоящее время свыше тысячи коллективов, в репертуар которых включаются произведения мировой, в том числе русской, классической драматургии и пьесы современных прогрессивных авторов.

На экспозиции уделено также место показу театра теней, самые ранние сведения о котором относятся к XVII в. и который в современной Японии, насколько известно, уже давно не существует. Здесь представлены уникальные теневые куклы, изображающие девушку, женщину с зонтом, самурая, дикого кабана и различного рода декорации.

Рядом с теневым театром в небольшой витрине экспонируются марионетки, изображающие популярные персонажи многих пьес кукольного театра, который в Японии получил большое распространение. В Японии существуют разнообразные типы кукол и оригинальные приемы управления ими. Спектакли идут при музыкальном сопровождении, а текст исполняется сказителем — «гидаю».

На фотографиях изображены куклы театра Бунраку, возникшего в Японии 300 лет назад. Куклы этого театра более метра ростом и весят до 7 кг каждая. При помощи сложного механизма одной куклой управляют три человека, делая это прямо на глазах у зрителей.

Заключительный раздел экспозиции посвящен теме борьбы за мир. В настоящее время Япония переживает подъем массового народного движения против производства и применения атомного и водородного оружия. С каждым годом в этой стране усиливается борьба против военных баз на японской земле, против войны, безработицы и нищеты.

Постоянная экспозиция «Культура и быт населения Японии» в МАЭ помогает советским людям узнать много нового и интересного об этой стране. Открытие выставки — одно из проявлений того глубокого интереса, который питает советская общественность к жизни нашего дальневосточного соседа, к его культуре и быту. Эта выставка, несомненно, послужит вкладом в дело укрепления дружбы между народами Советского Союза и Японии.

Г. А. Гловацкий

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. И. Козлов. Динамика численности народов, М., 1969, 408 стр.

Монография В. И. Козлова по существу впервые не только в советской, но и в мировой науке посвящена комплексному исследованию динамики одного из важнейших компонентов народонаселения — этнических общностей, или этнических популяций.

В связи с обострением экономических проблем народонаселения в так называемых развивающихся странах и в связи с обострением во многих странах национальных проблем, стала весьма актуальной необходимость комплексного исследования демографических, этнических, экономических, социологических и других аспектов народонаселения. Такая комплексность исследования может быть осуществлена как в своем простом виде — в виде привлечения научными работниками одной специальности материалов и выводов других, смежных наук, так и в своем более сложном и эффективном виде, когда ученый одной специальности сам овладевает необходимыми знаниями и методикой исследования другой и получает возможность всесторонне разрабатывать пограничные области этих наук. Монография В. И. Козлова представляет собой очень удачный пример именно такого вида комплексного исследования.

Несмотря на сравнительно давние и за последнее время окрепнувшие связи между демографией и этнографией, методика комплексных исследований в пограничных областях названных наук еще только разрабатывается. В этом отношении данная монография имеет большое методологическое значение. По существу она закладывает основы новой научной области — этнической демографии, задачей которой, как говорится в книге, является определение численности народов (этнических общностей) и отдельных этнографических (а также религиозных, расовых и др.) групп, изучение динамики национального состава населения стран мира и динамики численности отдельных народов в ходе процесса их исторического развития от первобытного общества до наших дней.

Посвятив свое исследование, главным образом, решению последней задачи — динамике численности народов — автор углубился в те стыковые области между этнографией и демографией, которые до сих пор оставались в значительной степени «белым пятном» в нашей научной литературе. Монография ликвидировала это «белое пятно», перекинула крепкий мостик между двумя науками.

Одним из основных условий успешной разработки методологии комплексных исследований является подробное рассмотрение рабочих понятий и научных категорий. В монографии уделено большое внимание этим вопросам, причем разработка их проведена на основе марксистского диалектического метода, на хорошем философском уровне.

По существу вся первая глава работы посвящена определению до сих пор слабо разработанного как в этнографической, так и в философско-социологической литературе понятия народа или этнической общности. Кстати, заметим, что в учебных пособиях по марксистско-ленинской философии А. Г. Спиркина, А. Д. Макарова, В. Г. Афанасьева, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, Д. И. Чеснокова в разделах, посвященных формам социальных общностей людей, эти вопросы освещены весьма кратко. Исследование В. И. Козлова в этом отношении вносит определенный вклад в дальнейшее развитие категорий исторического материализма. Насколько мы можем судить, эта глава содержит на сегодняшний день наиболее полное и обоснованное изложение вопроса и достаточно убедительно рабочее определение столь сложного общественного явления как этническая общность. К числу заслуг автора следует отнести его стремление ликвидировать существовавший в этой области разрыв между теорией и практикой. Это касается, прежде всего, признаков этнического или национального самосознания, которые уже сравнительно давно прочно вошли в практику определения национальной принадлежности в переписях населения, но по некоторым причинам до недавнего времени обычно не включались в число основных характеристик этнической общности или ее частных типов, например нации, и не получали подробного теоретического обоснования. Значительный интерес здесь представляет показ В. И. Козлова опосредованного влияния экономической общности, которая часто выражается через те или

иние формы государственности; весьма интересен и анализ соотношения этнической общности с расовой и религиозной общностью, так как эти вопросы, имеющие не только теоретическую, но и практическую значимость, до сих пор оставались мало освещенными в советской научной литературе.

Собственно этно-демографическим сюжетам посвящена вторая глава: «Этнические аспекты естественного воспроизводства народонаселения». Заслугой автора здесь является, прежде всего, показ процесса воспроизводства как сложного социального явления. Весьма удачной является продолженная автором классификация и группировка основных факторов, оказывающих влияние на уровень рождаемости и смертности, а также краткий, но достаточно глубокий анализ этих факторов. Если среди демографов в целом господствует узко экономический подход к демографическим явлениям, то примененный в книге историко-этнографический метод позволил вскрыть ряд новых закономерностей, ранее ускользавших от внимания демографов, особенно — этнического и социально-психологического характера.

Характеризуя брачность и факторы брачности, формы брачных отношений, традиции многодетности и брачно-половые ограничения, а также религиозный фактор, автор привлекает огромный, собранный им по крупицам этнографический материал, имеющий отношение к проблемам рождаемости; то же самое относится и к разделу, в котором характеризуются социально-культурные и физиологические факторы смертности. Вместо распространенного прежде среди демографов-статистиков упрощенного, абстрактного подхода к факторам рождаемости, когда культура понималась только как уровень образования тех или иных групп населения, а о бытовых и тем более религиозных традициях вообще ничего не говорилось, перед читателем предстает действительно реальная, живая картина процесса естественного воспроизводства и непосредственно влияющих на него различных аспектов народной культуры, быта, традиций. Монография может быть широко использована в учебных целях — для улучшения подготовки специалистов-демографов.

Большое познавательное значение имеет и проделанный автором в конце второй главы обзор динамики численности народонаселения с первобытной эпохи до наших дней (с предположительными прогнозами по основным странам мира на 2000 г.), а также рассмотренная автором проблема «вымирания» народов. Если в разделах, посвященных анализу основных факторов рождаемости и смертности, преобладал этнодемографический подход, то здесь автор выступает и как историк-демограф, рисуя широкими мазками рост народонаселения на нашей планете по континентам и отдельным странам.

Проблема сокращения численности некоторых народов мира непосредственно подводит нас к третьей главе, посвященной рассмотрению этнических процессов. Здесь, как и в первой главе, посвященной в основном определению понятия этнической общности, автор работает не на стыке истории и этнографии с демографией, а главным образом на стыке истории и этнографии с социологией, однако многие рассматриваемые им вопросы не могут не заинтересовать и демографов. Замечателен и тот факт, что В. И. Козлов широко пользуется материалами этнической и языковой статистики, статистическими данными о смешанных браках и другими демографическими показателями.

Здесь, как и в предыдущих главах, автор идет в основном по еще непроторенным путям. Он, по существу впервые в нашей науке, дает развернутое определение самому понятию этнических процессов и их типологию, выделяет основные факторы, влияющие на развитие этнических процессов и дает общий обзор исторического развития этнических процессов с древности, выделяя их различные стороны и стадии. Как и при анализе других рассматриваемых явлений, автор не ограничивается чисто экономическими причинами, нередко удающими исследователей в сторону вульгарного материализма, а вскрывает сложный комплекс самых разнообразных, в том числе и социально-психологических факторов.

В заключении автор ставит самостоятельную, очень сложную и важную проблему диалектического взаимодействия в историческом процессе качественных и количественных факторов, проблему влияния роста народонаселения на исторический процесс, на особенности развития отдельных стран и народов мира.

Книга написана очень хорошим языком. Она насыщена крайне полезным для читателя информационным материалом, содержит богатую библиографию по предмету исследования.

Как и всякое большое исследование, монография не свободна от некоторых недостатков.

Прежде всего, обилие затронутых вопросов, многоплановость и комплексность исследования, придавая ему оттенок «энциклопедичности», ведет к тому, что ряд вопросов освещен очень скупо, почти конспективно. Некоторые идеи требуют дополнительного разъяснения. Так, например, раздел о контроле над рождаемостью и политике народонаселения выглядит несколько скромно и по содержанию и по фактическим материалам. То же самое можно сказать и о тех местах исследования, где автор рассматривает влияние урбанизации и образования на процессы воспроизводства населения. Полагаем, что к настоящему времени имеется достаточно статистических и иных материалов, позволяющих глубже проанализировать это влияние.

Книгу, особенно ее этнодемографические разделы, можно было бы оснастить графиками.

ками и диаграммами. Это, возможно, несколько затруднило бы издание, но сделало бы некоторые положения более наглядными. В главе об этнических процессах уместно было бы дать некоторые исторические карты народов.

Работа В. И. Козлова является определенным шагом вперед в исследовании проблем народонаселения. Она подводит итог тому этапу в наших исследованиях, когда анализу подвергались только отдельные факторы и причины, влияющие на воспроизводство населения. Рецензируемую монографию можно считать как бы предвестником следующего этапа, состоящего в том, чтобы объединить многочисленный эмпирический материал и отдельные концепции единой теорией народонаселения. Необходимо признать, что до сих пор многочисленные знания, касающиеся народонаселения, еще являются разрозненными и не связанными друг с другом.

Монография В. И. Козлова наглядно и убедительно показывает, насколько плодотворным, успешным и крайне нужным является союз научных дисциплин. В данном случае он привел к взаимному обогащению как этнографии, так демографии и социологии. Отныне демографы и социологи могут с уверенностью пользоваться теми категориями и понятиями, которые проанализированы автором рецензируемой работы.

Д. И. Валентей, В. А. Сысенко

«„Нет!“ — расизму. Расизм в странах „свободного“ мира и новый этап борьбы против него». М., 1969, 254 стр.

Углубляющийся с каждым годом общий кризис капитализма сопровождается усилением империалистической реакции, ростом угрозы со стороны фашистских и расистских сил. Международное совещание коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в Москве в июне 1969 г., обратилось с призывом «ко всем честным людям земли объединить усилия в борьбе с человеконенавистнической идеологией и практикой расизма». В Основном документе Совещания, в частности, говорится: «Мы призываем развернуть самое широкое движение протеста против постыднейшего явления современности — варварского преследования 25-миллионного негритянского населения США, против расистского террора в Южной Африке и в Родезии, ...против расовой и национальной дискриминации, которые разжигаются капиталистическими реакционными силами для политической дезориентации масс. Империализм использует расизм в целях разобщения народов и сохранения своего господства»¹.

В настоящее время не только передовая сила современности — коммунистические партии, но и другие демократические организации все более активно выступают против позорной идеологии и практики расизма. Так, еще несколько лет тому назад в Париже по инициативе ЮНЕСКО состоялось Международное совещание экспертов по расам и расовым предрассудкам. Оно обратилось к мировой общественности с «Заявлением о расе и расовых предрассудках». В этом документе передовые ученые многих стран снова провозгласили, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Совещание с тревогой отметило, что расизм продолжает угрожать человечеству, что корни расовых предрассудков заложены в социальном и экономическом строе общества.

Важный вклад в борьбу против расизма вносят советские ученые. В последние годы был опубликован ряд общих и специальных работ советских авторов, в которых четко проявилась их боевая, наступательная линия против расистов всех мастей. В этих работах были выявлены исторические и социально-классовые корни расизма, обнажена его капиталистическая природа, проанализировано положение дискриминируемых по расовому признаку групп населения в различных странах, а также показаны основные особенности их антирасистской борьбы².

При этом делался особый упор на разоблачение расизма в Соединенных Штатах Америки, где в угнетенном положении находятся миллионы негров, а также другие национальные меньшинства.

Систематический характер приобрели публикации работ Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР по этой тематике. В 1966 г. появился первый сборник

¹ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», «Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.», М., 1969, стр. 323.

² А. А. Горбовский, «Высшая» и «низшая» (из истории расизма), М., 1961; Э. А. Багратов, Национальный вопрос и буржуазная идеология (критика новейших политико-социологических концепций), М., 1966; Т. К. Мартиненко, Расизм на службе колониализму, Київ, 1962; Т. Ф. Таиров, Расы и политика. Международная противорасовость расизма, М., 1968; Э. Л. Нитобург, Об изменениях в размещении и социальной структуре негритянского населения США, М., 1964; К. С. Лузик, Положение негров в США (1950—1960 гг.), Киев, 1969, и др.

«Против расизма», в 1968 г. была опубликована книга «Документы обличают расизм»³.

И, наконец, в 1969 г. вышел в свет сборник «„Нет!“ — расизму», в котором вышли с новыми работами советские антропологи, этнографы и историки. В основу сборника легли материалы научной сессии, посвященной проблемам расизма и борьбы против него на современном этапе. Сессия состоялась 21 марта 1967 г. в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. В сессии приняли участие научные сотрудники Института истории и Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР.

Во введении к сборнику подчеркивается, что «в эпоху, когда значительная часть человечества строит коммунизм и социализм, когда национально-освободительные революции охватили Африку, Азию и Латинскую Америку, расизм перестал быть проблемой, касающейся только отдельных стран и народов» (стр. 5).

Объектом исследования в сборнике являются расизм и антирасистские движения различных районах мира. Несомненную ценность представляет дальнейшая теоретическая разработка вопроса о расизме и критика новейших расистских доктрин в статье А. В. Ефимова «Раса как социальная категория и расизм» и Н. Н. Чебоксарова «Понятие о расе в современной антропологии».

А. В. Ефимов, исследуя историю и механизм возникновения расизма, подчеркивает, что «сами по себе человеческие расы не антагонистичны. Но поскольку массовые контакты между европейцами и населением Америки, Африки, Азии и Австралии происходили в условиях колониальных захватов, ограбления аборигенов, отнятия их земель, охоты за рабами, вместе с колониальным гнетом возник и расовый, как один из его аспектов, как составная его часть» (стр. 16, 17). Автор обнажает гносеологические корни расистской идеологии и убедительно доказывает, что расизм и во внутренней жизни стран, и в международных отношениях органически связан с капитализмом.

В статье Н. Н. Чебоксарова анализируется вопрос о том, «как в действительности сочетаются между собой расовые признаки и в каком отношении они находятся к другим морфологическим, физиологическим и психологическим признакам» людей. Научный ответ на этот вопрос имеет большое значение для разоблачения разных расистских концепций.

Н. Н. Чебоксаров, опираясь на новейшие данные анализа серологических, дерматоглифических, одонтологических и многих других особенностей разных популяций, доказывает несостоятельность расистских измышлений реакционных генетиков и этнопсихологов и делает вывод о том, что «по сходству или различию расовых признаков нельзя заключать о сходстве или различии по другим особенностям» и «нет никаких оснований утверждать, что расовые признаки, в частности, связаны с определенными психическими особенностями, с нормами поведения, с теми или иными способностями» (стр. 23). В конце статьи автор подчеркивает, что «все человеческие популяции обладают генетическими возможностями достижения высших ступеней экономического, общественного и культурного развития» (стр. 24).

Разоблачению проявлений расистской внутренней и внешней политики американского империализма посвящены работы Э. Л. Нитобурга и Р. Ф. Иванова.

В статье Э. Л. Нитобурга «Сегрегация и дискриминация негритянского населения США в жилищном вопросе» подвергается научной критике «урбанистическая» теория, объясняющая восстания в негритянских гетто во второй половине 60-х годов исключительно как результат «пороков большого города», анализируется процесс урбанизации негров и субурбанизации белого населения, влияние этих процессов на характер негритянской проблемы в США; исследуется история возникновения «черных гетто», жилищная политика федерального правительства и местных властей, рассказывается о негритянском движении против системы расовой сегрегации. Статья написана на основе обильного фактического материала, извлеченного из разнообразных американских источников и литературы. Широкая источниковедческая база позволила автору нарисовать подробную картину жизни и борьбы в трущобах негритянских гетто США. Статья убедительно доказывает, что главным виновником расовой сегрегации «цветного» населения страны является американский монополистический капитал.

Американский расизм обрекает на страдания не только миллионы граждан США, но и население Южного Вьетнама, где американский империализм развязал истребительную войну. Разоблачению кровавой политики США во Вьетнаме посвящена статья Р. Ф. Иванова. Статья имеет большое политическое звучание в связи с разоблачением новых преступлений американской военщины в этой грязной войне.

В статье И. А. Лебедева «Положение аборигенов Австралии и борьба против их дискриминации» исследуются формы и методы расовой дискриминации и сегрегации коренного населения Австралии, анализируется официальная политика в отношении аборигенов и борьба прогрессивных сил страны за расовое равенство.

Южноафриканская разновидность белого расизма и поддержка его британским империализмом являются предметом исследования в статьях Л. А. Фадеева («Воинствующий расизм Южной Африки») и Е. В. Анановой («Маневры британского империализма в поддержку расистов Южной Африки»).

³ «Против расизма», М., 1966 (см. рецензию Р. Ф. Иванова — «Новая и новейшая история», 1966, № 6); «Документы обличают расизм», М., 1968.

Л. А. Фадеев пишет, что «Южно-Африканская Республика — едва ли не единственное в мире государство, где узаконенным порядком с величайшим цинизмом и бесчеловечностью возрождаются основные черты гитлеризма» (стр. 109). Главное внимание в статье уделено анализу расистского законодательства ЮАР. Автор подчеркивает, что «в последние годы правящим кругам Соединенных Штатов, Великобритании и других империалистических государств становится все труднее поддерживать ЮАР в ООН. Влияние общественного мнения вынуждает их присоединяться к осуждению политики апартхеида» (стр. 141).

Но это лишь тактический ход, на деле же по мере расширения международной борьбы против апартхеида империалисты энергичнее прежнего поддерживают южноафриканский расизм. Это подтверждается в статье Е. В. Анановой. Опираясь главным образом на документы английского парламента, автор анализирует политику правительства Англии в отношении расистских режимов в Африке. В статье подчеркивается, что «среди иностранных монополий, которые держат в своих руках экономику Южной Африки, первое место принадлежит английским фирмам; это вынуждает английское правительство к сложным и зачастую весьма унижительным маневрам для того, чтобы оправдать свою поддержку расистов...» (стр. 146).

Автор показывает, как «перед лицом общего врага — национально-освободительного движения африканских народов — колонизаторы объединяют свои силы, забывают о своих распрях и переходят к коллективному колониализму» (стр. 146).

«Коллективный колониализм» нередко проявляется специфическим образом и в ООН, когда дело касается вопросов, связанных с расизмом и борьбой против него в современном мире.

В статье А. И. Борисова «Организация Объединенных Наций и расизм» отмечено, что в тех случаях, когда ООН «шла на поводу у империалистических государств, она становилась препятствием на пути подлинной борьбы с расизмом». Автор делает вывод о том, что «доколе ООН не направит всей остроты удара против империалистических покровителей расистов, надежд на положительное разрешение этого вопроса весьма мало. Пока еще ООН не готова к прогрессивным акциям подобной антиимпериалистической направленности» (стр. 253).

И. Р. Григулевич выступил в этом сборнике с интересной работой «Христианство и расизм». Автору удалось убедительно доказать активную причастность католической церкви к возникновению и развитию белого расизма, выявить существенные изменения в позиции Ватикана по вопросу о расизме, происшедшие в начале 1960-х годов в связи с революционными изменениями в мире после второй мировой войны, в частности под влиянием антиколониальных революций и дальнейшего развития национально-освободительных движений в Азии, Африке и Латинской Америке.

Рецензируемая книга в целом не только представляет собой большую научную ценность, но и играет важную политическую роль в условиях развертывающейся во всем мире антирасистской борьбы. Эта книга вносит весомый вклад в интернационалистическое воспитание, в борьбу против всяческих расовых и националистических предрассудков.

А. П. Королева

НАРОДЫ СССР

Г. Саурова. Современный туркменский ковер и его традиции. Ашхабад, 1968, 164 стр.

В рецензируемом труде впервые наиболее полно изложена история туркменского ковроделия — одной из важнейших отраслей народного декоративно-прикладного искусства, выросшего на местных художественных традициях, корни которых уходят в глубь веков. Туркменское ковроделие, как это показано в работе, тесно связано с трудом, бытом и мировоззрением людей, с их художественным вкусом.

Рецензируемая книга состоит из введения, трех глав и заключения. Эта работа, написанная в искусствоведческом плане, без сомнения, привлечет внимание историков, этнографов и археологов, изучающих народное декоративно-прикладное искусство. Все возрастающий интерес ученых к этой тематике не случаен; он обусловлен необходимостью всестороннего исследования этнической истории и культуры народов нашей страны.

Автор поставил перед собой задачу рассказать об истории развития туркменского ковроделия, об истоках орнаментов и художественно-стилистическом своеобразии туркменских ковров, а также дать рекомендации для дальнейшего развития ковроделия Туркменистана. Потребность в таких изданиях велика, и выход книги Г. Сауровой весьма своевременен.

Первая глава написана сжато и насыщена большим фактическим материалом, характеризующим происхождение коврового орнамента, в частности историю развития геометрических, растительных и зооморфных мотивов, подробно рассказано об эволюции орнаментальных форм. Не вызывает сомнения тезис автора о том, что ковровый орнамент туркмен имел ярко выраженную реалистическую основу, самобытный характер, что многие его элементы были теснейшим образом связаны с мифологией и культурными представлениями и что некоторые орнаментальные формы подверглись в своем развитии сильной стилизации и обобщению.

В книге охарактеризованы художественный образ и технические качества туркменских ковров, их орнаментика, цветовое решение, ритм и пропорции; рассказано о наиболее характерных и широко распространенных композиционных принципах орнамента: центральном поле и кайме, о сочетании цветов фона, об основных гелях на медальонах, заполняющих центральное поле, и об узорах каймы как больших подстилочных ковров, так и различных мелких ковровых изделий.

Особый интерес представляют воспроизведенные в книге элементы различных орнаментов старых туркменских ковров. Орнаментальные изделия наглядно демонстрируют единство многих элементов туркменской культуры, глубокую культурную самобытность туркмен, убедительно опровергают встречающееся в литературе мнение о том, что туркменское художественное творчество представляет собой лишь отблеск высокой культуры Ирана. Большой материал книги, отражающий не только прошлое, но и современное искусство туркменских ковровщиц, свидетельствует о том, что при создании ковров творчески используются весьма разнообразные узоры и композиции.

Можно согласиться с утверждением автора, что основным племенным подразделением туркмен в прошлом соответствовали и определенные группы ковров с вскрытой или локальной спецификой в их орнаментике, красочном оформлении. Автор правильно выявляет наиболее важные традиции туркменского ковроделия (стр. 46—55).

Приведенный в этой главе материал позволяет воссоздать историю развития декоративно-прикладного искусства многих локальных групп туркмен, проследить их этнокультурные связи и взаимовлияния, обусловившие возникновение и развитие ряда общих элементов в материальной и духовной национальной культуре. Кроме того, материал может быть использован как один из важных источников при исследовании проблемы этногенеза туркменского народа.

Есть в первой главе и ряд дискуссионных положений. Например, спорен вопрос о принадлежности отдельных узоров коврового орнамента определенным племенным подразделениям туркмен. По нашему мнению, аналогичный орнамент встречается в коврах и других племенных групп. Отметим и существенные упущения. Так, второй и третий разделы рассматриваемой нами главы не имеют ссылок на работы близкой тематики (в частности, на заслуживающую внимания статью А. Н. Пиркулиевой)¹, что значительно обедняет научную аргументацию многих исследуемых в книге вопросов.

Естественным результатом недостаточного использования автором историко-этнографических источников явилась слабая обоснованность выводов об окончательном формировании племенных признаков (что отобразилось в геле-медальоне ковров) в период завершения процесса ассимиляции местного населения Туркменистана тюркоязычными племенами — огузами (стр. 24). Недостаточно аргументировано положение о том, что первые племенные образования, сложившиеся еще в XIII в., просуществовали вплоть до нашего времени (стр. 24—25). Слабое знакомство автора с обширным материалом по этнической истории туркмен, их передвижению и расселению, родо-племенной организации обусловило недостаточную аргументацию выводов автора о времени образования основных туркменских племен и о сохранении у них чисто кочевническо-скотоводческого уклада хозяйства, которое якобы стимулировало появление и развитие у них ковроделия (стр. 8).

Кочевническо-скотоводческий уклад, по мнению автора, сохранился у туркмен вплоть до победы Великого Октября (стр. 8).

По данным исследований советских историков и этнографов, туркменские племена и племена других тюркских народов (казахов, каракалпаков, киргизов, части узбеков) не были постоянными и неизменными как по составу, так и по численности. Одни из них укрупнялись, другие дробились и теряли свою обособленность, причем их части вливались в более крупные племена или образовывали новые племенные подразделения. Особенно интенсивно протекал этот процесс в период расселения преобладающего большинства туркменских племен в сельскохозяйственных оазисах, т. е. в конце XVI — начале XVIII в. По нашему мнению, нельзя согласиться с утверждением автора о том, что у туркмен был кочевническо-скотоводческий уклад жизни. В действительности, у туркменских племен, живших в бассейне Средней Амударьи и в Мургабском и Копетдагском оазисах, земледелие было исконным и сочеталось местами с отгонным животноводством. В других районах начиная с середины XVIII в. туркмены вели в основном комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Только в Прибалханы и в центральных Каракумах встречались кочующие скотоводы, но многие из них имели земли

¹ А. Н. Пиркулиева, Ковровое ткачество туркмен долины Средней Амударьи, «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966, стр. 146—170.

в оазисах. Ковроделие в указанный период было широко развито не только среди ковчевников-скотоводов, но и среди таких оседлых земледельцев, как эрсаринцы, каркинцы, арабачинцы, сарыки, иомуты и другие этнические группы туркмен.

Во второй главе рецензируемой работы автор правильно и своевременно обращает внимание читателя на неудачный опыт массового изготовления таких ковровых изделий, как чехлы-футляры для мелких вещей (очков, ключей), газетницы, наседельники, чехлы для стульев, драпировки на двери и т. д. (стр. 92—94). Он справедливо говорит об излишней плотности вязки некоторых изделий и нецелесообразности создания ковров с двухсторонним орнаментом (стр. 99). Автор подробно охарактеризовал поиски новых художественных средств в современном ковроделии Туркменистана. Однако нельзя согласиться со слабо аргументированным положением автора о господстве среди художников «ложного консервативного понимания национальных традиций искусства» (стр. 88), а также с утверждением, что художниками-ковроделами недостаточно четко понимается специфика орнаментального искусства (стр. 105, 128).

Вызывает сожаление и то, что автор сурово, а порой и недостаточно обоснованно критикуя поиски художников-ковроделов Туркменистана, сам не делает в этом плане никаких конкретных предложений.

В последней главе, посвященной характеристике качественно новой области коврового искусства — ковров-портретов и коврового сюжетного панно, автор последовательно, на конкретных примерах осветил историю возникновения и развития этого нового вида художественного творчества; обратил особое внимание на необходимость создания современной материально-технической базы ковроделия, подготовки высококвалифицированных кадров. Автор говорит о необходимости создания специального учреждения с художественным советом при нем для экспериментальных работ в ковроделии. Критикуя недостатки в экспериментальной работе над коврами-портретами и сюжетными панно, Г. Саурова порой неправомерно перечеркивает творческие заслуги большого коллектива художников и ковровщиц, в частности известных и заслуженных в Туркменистане энтузиастов-художников (Е. Крылова, А. Смекалина, А. Жукова, А. Беглярова, Р. Байрамова и др.). На наш взгляд, без достаточных оснований критикуется цветовая гамма ковра «Дружба народов», не обосновано и обвинение художников в том, что они недостаточно правильно понимают декоративное искусство (стр. 128, 139, 148). Вряд ли верно и то, что художники, изготавливавшие эскизы ковров, незаконно приписывали себе авторство (стр. 128).

Г. Саурова считает, что в новой области коврового искусства — ковра-портрета и сюжетного тематического ковра — сделано пока мало (стр. 29). Между тем упомянутые в рецензируемом труде материалы о коврах-портретах и сюжетных панно опровергают это утверждение. Вызывает недоумение и то, что Г. Саурова в своем исследовании не дает конкретных рекомендаций и предложений о методике производства ковров-портретов и сюжетного панно. Оставляя без рассмотрения спорные предложения автора о снижении плотности вязки ковра и соответствующем увеличении высоты ворса (стр. 152), а также многие другие дискуссионные положения, отметим явно неудачные формулировки, например о понятии творческого плагиата или о том, что художники ковроделия подходили «к творчеству, как к ремеслу, и поэтому к их произведениям почти невозможно применить требования уникальности, свойственной подлинному произведению искусства» (стр. 127). Обращают на себя внимание и небрежности автора в цитировании отрывков из работ А. А. Рослякова (стр. 25), С. Темерина (стр. 130), из «истории Туркменской ССР» (стр. 25) и из материалов XXII съезда КПСС (стр. 113). Нельзя не пожалеть, что многие иллюстрации, приведенные в книге, свидетельствующие о высоком мастерстве туркменских ковровщиц, об изумительном чувстве орнаментальной ритмики и о чистоте стиля в современном ковроделии Туркменистана, отпечатаны крайне неудовлетворительно.

Следует указать и на то, что орнаментальные мотивы, встречающиеся в ковровых изделиях отдельных локальных групп туркмен, исследованы автором не в равной мере. Так, ничего не сказано о коврах и ковровых изделиях, изготавливавшихся огурджали, гоклен, арабачи, каркын, ага и некоторыми другими этническими группами.

Несмотря на отмеченные недостатки, книга Г. Сауровой представляет несомненную научную ценность и вызовет большой интерес у широкого круга специалистов, в том числе и у этнографов, историков и археологов.

Наличие в книге ряда дискуссионных положений несомненно являются достоинством, а не недостатком рецензируемого труда. В целом книга заслуживает высокой оценки.

В заключение хочется пожелать, чтобы Союз художников Туркменской ССР обсудил дискуссионные вопросы, поднятые в труде Г. Сауровой, а сама Г. Саурова продолжала свои изыскания по этой важной теме, имеющей большое научное и практическое значение.

Я. Р. Винников

Русские народные сказки (Сказки, рассказанные воронежской сказочницей А. Н. Корольковой). Составитель и ответственный редактор Э. В. Померанцева, М., 1969, 406 стр.

Современное состояние и судьбы традиционного народного искусства неоднократно привлекали внимание специалистов, вызывая дискуссии, которые, однако, не привели к окончательному разрешению поставленной проблемы. Она вновь и вновь возникает не только перед учеными-фольклористами, но и перед многими неспециалистами, которым дороги произведения народного творчества.

Что же из традиционного фольклорного наследия безвозвратно уходит в прошлое, что сохраняется, продолжая соответствовать растущим эстетическим запросам человека нашей эпохи?

До известной степени ответ на этот вопрос дает рецензируемая книга «Русские народные сказки».

В прошлом, когда устное народное творчество было единственным средством художественного воплощения представлений широких трудящихся масс об окружающем их мире, когда фольклор был единственной массовой формой искусства народа, публиковался самый разнообразный в художественном отношении материал: от репертуара талантливых исполнителей народной сказки, бережно хранивших ее поэтический строй до репертуара рядовых рассказчиков.

Тексты тех и других публиковались в научных изданиях на равных основаниях, служа целям специальных исторических и других исследований. В издания, предназначенные для широких кругов читателей, попадали только лучшие в художественном отношении образцы.

Сейчас сказка перестает быть массовым видом искусства. Она сохраняется в устах наиболее талантливых мастеров, не только воспринимаящих лучшие черты традиционного народного искусства, но и тонко чувствующих современность, движение жизни, искусно соединяющих эти два различных начала. К таким именно исполнителям сказки относится А. Н. Королькова. Ее сказки являются образцом умелого сочетания бережно сохраняемых элементов традиционной народной сказки в разных ее жанрах (героическая сказка, лубочная повесть, волшебная и бытовая сказка, сказка о животных) с тем, что является плодом жизненного опыта самой рассказчицы — грамотной, энергичной женщины. Уроженка с. Старая Тойда Воронежской области, А. Н. Королькова значительную часть жизни прожила в родном селе, однако жила и в городе, где общалась с рабочими и активно участвовала в клубной самодеятельности.

Талантливая сказочница, охотно рассказывавшая свои сказки односельчанам в поле, в гостях и дома, в городе быстро создала самодельный хор, с которым разучивала старинные песни и новые, злободневные частушки, а вернувшись в родное село, организовывала там хор и давала с ним концерты в воинских частях и госпиталях во время Великой Отечественной войны.

Речь ее богата народными пословицами, которые, как и песни, она нередко вводила в текст сказки.

Своеобразие творчества народной рассказчицы, очевидно, является следствием богатой, хорошо сохранившейся на ее родине (как свидетельствует автор вступительной статьи), фольклорной традиции. «Песня и сказка живут здесь полнокровной жизнью. В домах колхозников, в клубе, на ферме, на колхозном дворе — всюду, где собирается несколько человек, как только выдается свободная минутка, поют прекрасные долгие песни, рассказывают занимательные сказки, передают старые предания» (стр. 4—5).

На почве этой, в прошлом, вероятно, еще более богатой традиции и развилось мастерство Корольковой. Еще в детстве (в конце 1890-х годов) восприняла она сказки из уст своей бабушки, выдающейся песельницы и сказочницы, от пасечника «деда Стяпухи», знавшего множество сказок и преданий, и от других крестьян, а впоследствии пополняла свой репертуар сказками из лубочных и других изданий. Слияние устной и книжной традиций объясняет во многом своеобразие стиля сказок Корольковой, которое хорошо охарактеризовано во вступительной статье Э. В. Померанцевой.

Несомненной заслугой участников фольклорной экспедиции Московского университета (1955—1957 гг.) является сплошное изучение фольклорной традиции Старой Тойды и репертуара А. Н. Корольковой. Опубликованные в сборнике 70 текстов сказок численно значительно превышают ранние публикации (1940—1941 гг.). Они вместе с перечнем 32 записанных экспедицией, но не помещенных в сборнике сюжетов дают полное представление о репертуаре сказочницы. Особенности ее вариантов отмечены составителем в комментариях. Каждый текст предваряется ссылкой на «Указатель сказочных сюжетов» Н. П. Андреева, что облегчит в дальнейшем сравнительное изучение данных текстов, сопоставление их с другими вариантами. Один текст сказки напечатан с сохранением особенностей речи рассказчицы.

Сборник «Русские народные сказки» дает весьма ценный материал, позволяющий судить о причинах сохранности произведений традиционного фольклорного жанра в формах передачи их талантливой современной сказительницей.

Интересно было бы опубликовать вместе со сказочным весь фольклорный репертуар А. Н. Корольковой (песни, частушки, пословицы), чтобы творческий облик этой замечательной сказительницы предстал более полно на фоне народной традиции ее родных мест.

И. М. Колесникова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

В. С. Стариков. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967, 255 стр.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что автор рецензируемой книги — пожалуй, единственный из советских этнографов-китаистов, кто был в состоянии взяться за систематическое изучение материальной культуры китайцев. Общей синологической подготовки и владения методикой этнографического исследования в данном случае еще далеко не достаточно. Для успешного решения поставленной задачи необходимы были обширные, остающиеся до сих пор уникальными полевые материалы, собранные В. С. Стариковым за время его многолетней полевой работы в Китае. Необходима была та сумма личных навыков и практического опыта, которая складывается лишь в результате длительного пребывания в среде изучаемого народа. Все это вместе взятое и определило характер фундаментального исследования В. С. Старикова, опубликованного в 1967 г. Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука».

Для того чтобы правильно оценить значение книги, достаточно вспомнить, что работа такого рода вообще еще не была в синологической литературе. Материальная культура современных китайцев до сих пор не была предметом всестороннего монографического изучения. Работы предшественников В. С. Старикова — это или исследования отдельных частных аспектов материальной культуры или же общие работы, посвященные быту и нравам современных китайцев.

Автор справедливо считает, что «по-настоящему приступить к составлению характеристики материальной культуры китайцев будет возможно лишь после проведения предварительной работы по созданию региональных характеристик материальной культуры отдельных крупных групп в составе северных и южных китайцев (стр. 3). В качестве объекта первого из серии задуманных исследований В. С. Стариков избрал китайское население северо-восточных провинций КНР (Маньчжурии). И заслуга автора заключается не только в том, что он впервые дал читателю детальную и тщательно обоснованную фактическим материалом картину всех важнейших сторон материальной культуры и связанных с ними особенностей общественного быта и верований одной из значительных территориальных групп китайского народа. Достоинство книги в том, что весь обильный фактический материал служит основой для широких выводов по ряду таких существенных проблем, как закономерности формирования и взаимовлияния культур, соотношение этнической традиции и заимствований и т. д.

В этом смысле регион, избранный В. С. Стариковым, представляет большой интерес. Хотя уже в процессе первоначального формирования этнического ядра древних китайцев они имели контакты с предками современных тунгусо-маньчжурских народов, однако на рассматриваемой территории китайское население является пришлым, в основном сформировавшимся в результате постепенной колонизации в новейшее время. Китайцы, переселившиеся в Маньчжурию, столкнулись с местным населением — маньчжурами, эвенками, нанайцами (хэчжэ), частично ассимилировав их и в то же время перенимая у них культурные и хозяйственные навыки, элементы духовной и материальной культуры. В результате этого процесса культурного взаимодействия китайцы Маньчжурии обладают многими своеобразными этнографическими чертами, отличающими их от других локальных групп китайского населения КНР.

Удачно композиционное построение книги. Каждая из ее девяти глав, посвященных отдельным аспектам материальной культуры, помимо основной, описательной, части включает раздел, в котором изложенный материал подвергается анализу в диахронном и этносравнительном плане. Здесь В. С. Стариков полемизирует с концепциями и частными мнениями других исследователей, развертывает свою аргументацию, приводит материал для сопоставлений. Жаль только, что в ряде случаев опровергаются взгляды авторов, хорошо известных В. С. Старикову, но в гораздо меньшей степени — читателю, который подчас остается в неведении по поводу того, кто же именно скрывается под неопределенно-безликим обозначением «некоторые этнографы» (стр. 87, 96). Доходчивости описаний в значительной мере способствуют многочисленные фотографии, преимущественно оригинальные, а также схематические рисунки и планы, выполненные по эскизам автора. В качестве иллюстративного материала В. С. Стариков широко привлечены фонды Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Институте этнографии АН СССР.

В то же время чувство неудовлетворенности вызывает отсутствие в книге историографического введения и списка использованной литературы. Постраничные библиографические сноски не восполняют этого пробела, так как в них не отражены многие работы, специально посвященные рассматриваемой проблематике. Это относится прежде всего к статьям и монографиям такого известного исследователя Маньчжурии, как Е. Е. Яшнов. Неясно также, почему в книге ни разу не упомянута глава о материальной культуре китайцев в томе «Народы Восточной Азии» (авторами ее являются В. С. Стариков и ответственный редактор рецензируемой монографии Н. Н. Чебоксаров). Между тем внимательный читатель будет, несомненно, удивлен тем обстоятельством, что некоторые положения главы и монографии почти полностью совпадают текстуально, хотя авторы относят их к различным районам страны. Так, в томе «Народы Восточной Азии» (стр. 240) говорится, что «в узких долинах гористых местностей Юж-

ного Китая (пров. Гуандун и др.) деревни обычно расположены на склонах гор во избежание затопления при часто случающихся паводках»; в книге В. С. Старикова читаем: «В узких речных долинах гористых местностей на юге Маньчжурии, как и на севере собственно Китая, некоторые деревни расположены не на самом берегу, а чуть поодаль, на склонах гор, во избежание затопления при часто случающихся паводках» (стр. 9). Возможно, что данная особенность расположения деревень действительно в равной мере свойственна как южному Китаю, так и южной Маньчжурии, но в таком случае она должна быть отмечена не как специфическая, а, напротив, общая черта, характерная для весьма удаленных друг от друга локальных групп китайцев. К сожалению, задача показать как общекайтайские, так и местные особенности в материальной культуре китайцев Северо-Востока не во всех случаях решена автором достаточно убедительно, а в такой главе как «Музыкальные инструменты» вообще невозможно обнаружить указаний на какие бы то ни было проявления локальной специфики.

Книга, несомненно, выиграла бы, если бы в ней присутствовал исторический обзор, из которого читатель мог бы получить общие сведения о характере и этапах процесса формирования современного китайского населения Маньчжурии. Автор, правда, касается этого вопроса в нескольких абзацах предисловия и введения, однако, явно недостаточно. Из предисловия, в частности, мы узнаем о том, что «северные китайцы много веков имели постоянные исторические, культурные и хозяйственные связи с тюркоязычными, монголоязычными, тунгусоязычными и другими народами, вошедшими в разное время в состав китайских государственных образований в результате завоеваний, отличавшихся большой жесткостью (жестокостью?— М. К.), захватом имущества и истреблением значительной части покоренных), что обусловило их взаимовлияние и взаимопроникновение, отразившееся в современной материальной культуре китайцев» (стр. 4). Выказанный здесь тезис о взаимосвязи между жесткостью завоеваний и интенсивностью культурного взаимопроникновения народов требует, по-видимому, более тщательного обоснования; он, помимо всего прочего, не имеет прямого отношения к избранному автором региону, поскольку массовое проникновение сюда китайцев не носило характера завоевания.

Попутно следует отметить досадные ошибки в хронологических датах: воцарение династии Цинь относится не к 246 г. до н. э. (стр. 211, 214), а к 221 г. до н. э.; период Южных и Северных династий датируется не 386—589 гг. (стр. 213), а 386—581 гг. и 420—587 гг. соответственно; маньчжурская династия Да Цин была провозглашена не в 1644 г. (стр. 214), а в 1636; 589 г.— не «начало периода Кай-хуан» (стр. 220), а его конец и т. д.

Одно из достоинств рецензируемой книги в том, что она буквально насыщена китайскими терминами для обозначения отдельных элементов материальной культуры. Достаточно сказать, что при описании жилища В. С. Стариков приводит местные названия более тридцати конструктивных деталей дома, некоторые из которых даются в различных вариантах. Рассмотрение народной терминологии в ее комплексе и взаимосвязи с реальными объектами материальной культуры позволило автору в ряде случаев (стр. 76, 98, 115, 126, 165, 167 и др.) внести существенные коррективы в сведения, сообщаемые даже таким авторитетным изданием как «Китайско-русский словарь» под ред. проф. И. М. Ошанина. В качестве примера укажу на слово *цзянь*, обычно переводимое в нашей литературе в значении счетного слова для комнат. Как убедительно показано В. С. Стариковым (стр. 18), применительно к традиционному китайскому жилищу *цзянь* представляет собой своеобразную единицу жилой площади, обозначающую помещение между основными вертикальными столбами каркаса здания (фактически за основу измерения берется длина пролета между столбами).

Но именно в связи с методикой привлечения китайской терминологии при описании предметов материальной культуры и связанных с ними обычаев возникает ряд вопросов, заслуживающих, на мой взгляд, более детального рассмотрения.

Прежде всего — о соотношении общеупотребительной и местной, диалектной лексики. Здесь позиция автора не вполне последовательна. Подавляющее большинство упоминаемых им терминов — это слова, реально бытующие в языке местного китайского населения, хотя приводятся они в нормативном пекинском произношении. Вместе с тем отдельные названия даются в местном произношении (см. *панцуй* — женихень, вместо *банцуй*, стр. 207 и др.). Некоторые же слова даются в фонетическом варианте, свойственном лишь письменной речи и не употребляющемся в живом языке. Так, в разговоре китаец не называет безрукавку словом *бэйсинь* (стр. 89), а чилимсы — *сяжэнь* (стр. 123), хотя соответствующие иероглифы действительно имеют такое чтение; оба слова в живой устной речи произносятся как *бэйсир* и *сяжэр* соответственно.

Нестандартизована в книге и транскрипция китайских слов. Это обстоятельство, на первый взгляд, чисто технического свойства, приобретает принципиальное значение потому, что очень многие термины впервые вводятся в научный обиход автором рецензируемой книги. Не унифицировано, в частности, написание суффикса *ца*: в большинстве случаев он передается как *ца*, однако в тексте встречаются и такие слова как *куайцзы* (стр. 74), *цзунцзы* (стр. 110), *баоцзы* (стр. 112), *банцзы* (стр. 216) и др. При этом, например, слово «пояс» сначала записывается как *дайцзы* (стр. 86), а потом — как *дайца* (стр. 87). Противоречиво написание финалей типа *-ань*, *-эн* (стр. 7, 24, 40, 47, 54, 76), *-ань* и *-ан* (стр. 129, 146, 197, 198). К числу ошибок в транскрипции следует отнести *лю жоу* (стр. 120, вместо *люй жоу* «содятина»), *саньлюр* (стр. 172, вместо

саньлур «велорикша»), *ци син чжуань* (стр. 38, вместо *ци хан чжуань* «кирпичная семирядная кладка») и многое другое. Неясным остается принцип слитного или раздельного написания многосложных слов: в большинстве случаев каждый слог пишется отдельно, но иногда один и тот же термин дается в двух вариантах — *сань лур* (стр. 240) и *саньлур* (стр. 172), *дин пэн* (стр. 40) и *динпэн* (стр. 42), *цзянь би* (стр. 32) и *цзяньби* (стр. 43) и т. д. Суффикс *ца* В. С. Стариков обычно пишет слитно, но в слове *бао фэн бань ца* («ветроотбойная доска», стр. 30) — раздельно. То же самое можно сказать и о других суффиксах, например, *тоу*: наряду с *шитоу* (стр. 30) и *маньтоу* (стр. 58) мы встречаем *чжэнь тоу* (стр. 70), *вово тоу* (стр. 133) и пр.

Еще более существенна другая сторона вопроса. В ряде случаев автор приводит названия орудий труда, носящих явно описательный характер: таковы *дачан юн шитоу гуньца* (букв.: «каменный каток для обмоласта», стр. 159) и *яди юн му гуньца* (букв.: «деревянный каток для утрамбовывания земли», стр. 154). Структура этих названий наводит на мысль о том, что перед нами не местные термины в собственном смысле этого слова, а описания способа употребления данных типов орудий, сообщаемые информатором в ответ на настойчивые расспросы этнографа. Точно так же маловероятно, что китайское население Маньчжурии в повседневной речи употребляет такой термин, как *ули сяо цзин* (букв. «маленький внутрикомнатный колодец») и т. д. Между тем для автора, широко использующего терминологические данные в выводах исторического плана, различение такого рода искусственных описательных названий и реально бытующих в языке терминов совершенно необходимо.

Здесь мы сталкиваемся, по-видимому, со спецификой полевой работы в китайязычной среде, где к сообщаемым информатором сведениям в ряде случаев необходим особый подход. Приведу такой пример. Описывая сельскохозяйственные орудия, распространенные у китайцев Маньчжурии, В. С. Стариков специально останавливается на термине *хуайба*, обозначающем неизвестный в других районах Китая тип маркера-бороздника, и пишет следующее: «Во время моей работы в поле обычно возникла заминка при записи иероглифами названия этого типичного для Маньчжурии орудия. Почти все из немногих умевших в то время писать китайских крестьян испытывали затруднение при выборе иероглифа для обозначения первой половины бинома *хуай+ба*. Все присутствовавшие крестьяне обычно оживленно обсуждали этот вопрос и в итоге выражали мнение, что для этой цели можно употребить любой созвучный иероглиф. В результате выяснилось, что первая часть термина *хуайба* — *хуай* не имеет специального значения...» (стр. 166—167). На этом основании В. С. Стариков предполагает, что «китайский термин *хуайба* является транскрипцией старого маньчжурского названия этого орудия» (там же), хотя и признает, что «слово, которым в маньчжурском языке называется маркер-бороздник..., пока еще остается неизвестным» (стр. 168).

Ход мысли автора не может не вызвать возражений. Прав этнограф, спрашивающий у китайского крестьянина, как называется то или иное орудие, но глубоко заблуждается тот, кто придает сколько-нибудь серьезное значение иероглифической передаче терминов, сообщаемой тем же информатором. Заблуждается потому, что уровень грамотности в крестьянской среде даже в наши дни остается крайне низким. Вряд ли можно требовать от человека, запомнившего в лучшем случае одну-две сотни иероглифов, умения правильно писать названия всех объектов, которые могут заинтересовать специалиста-этнографа. Многочисленные свидетельства того дает хотя бы указатель китайских терминов, приложенный к книге В. С. Старикова. Здесь мы обнаруживаем записанные со слов информатора термины, в которых один или несколько слогов даны ошибочными иероглифами, подобранными лишь по звучанию. Таковы *мусюй тан* (суп с древесными грибами, стр. 123), *юань сяо* (кушанье типа клецок со сладкой начинкой, стр. 126), *да лу мянь* (лапша с гарниром, стр. 112), *цзянь бин* (тонкие блины, стр. 111) и др.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что наряду с такими словами, для записи которых сейчас существуют строго определенные знаки, в различных диалектах современного китайского языка есть немало слов, иероглифическая запись которых отражает лишь их произношение, не неся характерной для системы китайской иероглифики идеографической нагрузки. Как отмечалось выше, основанием для предположения о заимствованном характере термина *хуайба* послужил для В. С. Старикова тот факт, что первый иероглиф в составе данного бинома сам по себе не имеет определенного значения. Но то же самое можно сказать, например, и о приводимых автором названиях таких предметов, как веник (*тяочжоу*, стр. 68), плетеная шумовка (*чжаоли*, стр. 78) и др. Современные иероглифические словари не приводят каких-либо специальных значений для первых знаков этих биномов. Приняв гипотезу В. С. Старикова, мы должны были бы предполагать, что и эти слова являются заимствованиями. Для этого у нас, однако, нет оснований. Вообще привлечение лингвистических данных для выявления происхождения тех или иных элементов материальной культуры должно, по-видимому, основываться на более точных и однозначных критериях, чем те, которые сформулированы автором в ряде экскурсов рецензируемой работы.

Разумеется, говоря о спорных моментах в исследовании В. С. Старикова, нельзя забывать о том, что они вообще неизбежны в работе такого широкого плана, предпринимаемой к тому же впервые. Несомненно, что в последующих очерках задуманной серии автор сумеет избежать многих из тех недочетов, которые были отмечены выше.

ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА ЛИХТЕНБЕРГ

7 января 1970 г. скончалась Юлия Михайловна Лихтенберг, видный этнограф-океанист, кандидат исторических наук. Советская этнографическая наука потеряла талантливого исследователя, трудолюбивого музейного деятеля, замечательного человека.

Юлия Михайловна Лихтенберг родилась в Эстонии в октябре 1891 г. в семье рабочего. После окончания школы работала сначала конторщицей, потом учительницей. В 1920 г. поступила учиться в Эстонский педагогический институт, а затем перешла на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета. Ее учителями здесь были Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз, о которых она всегда вспоминала с большим уважением и благодарностью. Л. Я. Штернберг зародил в ней интерес к изучению систем родства.

В 1929 г. Юлия Михайловна окончила Университет, защитив дипломную работу на тему «Гдовские эстонцы». В 1932 г. она поступила в аспирантуру по экономической географии при Ленинградском университете и окончила ее в 1936 г. С 1920 по 1936 г. она работала педагогом на рабфаке, а с 1936 по 1940 г. — учительницей в школе для взрослых.

В ноябре 1940 г. Юлия Михайловна перешла на работу в Институт этнографии, в отдел Австралии и Океании, и работала здесь вплоть до ухода на пенсию в июне 1963 г.

Юлия Михайловна принимала активное участие в организации выставки, посвященной великому русскому путешественнику и ученому Н. Н. Миклухо-Маклаю (1946 г.), а также выставки рисунков Н. Н. Миклухо-Маклая (1947 г.) и экспозиции «Коренное население Австралии и Океании» (1951 г.). Много сил и труда вложила она в подготовку к печати полного собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая (тт. I—V, 1950—1954 гг.). Ею написаны обстоятельные статьи о микронезийской коллекции Ф. П. Литке и о коллекциях по Гавайским островам, хранящимся в Музее антропологии и этнографии.

С особенным увлечением занималась Юлия Михайловна изучением систем родства. В 1946 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Система родства на острове Рага и вопрос о геронтократии в Меланезии»; в 1948 г. эта работа в сокращенном виде была опубликована в Сборнике МАЭ. Затем Ю. М. Лихтенберг углубилась в изучение австралийских систем родства (диери, яральде и других племен), позднее — папуасских, меланезийских. Ее статьи, посвященные анализу систем родства, отличаются глубиной мысли, новизной подхода, обилием ценных наблюдений и выводов.

Последние годы жизни Юлия Михайловна провела в Таллине, среди родных и друзей. Но с наукой она не расставалась до последних дней.

Память о Юлии Михайловне Лихтенберг навсегда останется в сердцах тех, кто имел счастье работать вместе с ней.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Ю. М. ЛИХТЕНБЕРГ

- Эстония. Физико-географический и экономический очерк. «Большая Советская Энциклопедия», т. 64, 1933.
- Система родства на острове Рага и вопрос о геронтократии в Меланезии. «Сборник МАЭ», т. XII, М.—Л., 1948.
- Две вновь найденные рукописи Н. Н. Миклухо-Маклая. «Сов. этнография», 1951, № 2. Этнографическое описание коллекций Ф. П. Литке (о коллекции, собранной на Каролинских островах). «Сборник МАЭ», т. XVI, М.—Л., 1955.
- Англо-австралийцы и другое пришлое население Австралии. «Народы Австралии и Океании» («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1956 (в соавторстве с С. А. Токаревым).
- Население островов Фиджи. Там же (в соавторстве с С. А. Токаревым и А. И. Блиновым).
- Языки народов Меланезии. Там же (в соавторстве с Н. А. Бутиновым).
- Гавайские коллекции в собраниях Музея антропологии и этнографии. «Сборник МАЭ», т. XIX, М.—Л., 1959.
- К вопросу о так называемых аномальных формах брака. «Сов. этнография», 1959, № 2. Австралийские и меланезийские системы родства (турано-ганованского типа) и их зависимость от деления общества на группы, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 54, М.—Л., 1960.
- Происхождение некоторых особенностей классификаторских систем родства (турано-ганованского типа). Там же.
- Системы родства у папуасов Новой Гвинеи. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 80, М.—Л., 1962.
- Die havaiianischen Kollektionen in den Sammlungen des Museums für Anthropologie und Ethnographie, «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Bd XIX, 1962.
-

СОДЕРЖАНИЕ

О. И. Шкаратан (Ленинград). Этно-социальная структура городского населения Татарской АССР (По материалам социологического обследования)	3
П. Г. Ширяева (Ленинград). Из истории становления революционных пролетарских традиций (По материалам газеты «Искра» 1900—1903 гг.)	17
И. С. Вдовин (Ленинград). К проблеме этногенеза ительменов	28
В. Е. Владыкин (Ижевск). К вопросу об этнических группах удмуртов	37
И. Лозе (Рига). Глиняные фигурки из неолитических стоянок Восточной Прибалтики	48
Д. В. Деоник, М. А. Членов (Москва). Топонимия и язык (К проблеме выявления субстратных топонимических ареалов)	62
В. С. Ягья (Ленинград). Об этнолингвистической ситуации в современной Эфиопии (Материалы к проблеме «формирования эфиопской нации»)	75

Дискуссии и обсуждения

Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия»	86
---	----

Сообщения

С. Б. Рождественская (Москва). Просечное железо — декоративный элемент жилища рабочих (По материалам Горьковской области)	104
А. З. Розенфельд (Ленинград). Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана	114
Л. Н. Молотова (Ленинград). Головные уборы русского Севера (Обзор фондов ГМЭ)	120
В. И. Марковина (Москва). Памятники искусства и культы древнего Кавказа	125
Н. Н. Кощевская (Ленинград). Некоторые ранее открытые памятники и новейшие находки в Ифе	132
Л. И. Тегако (Минск). Дерматоглифика белорусов (К проблеме этногенеза белорусского народа)	137
М. Баряктарович (Белград). Цыгане в современной Югославии	149

Поиски, факты, гипотезы

А. М. Кайгородов (Москва). Свадьба в тайге	153
--	-----

Научная жизнь

Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. Илимбетов (Уфа). Научная сессия по этногенезу башкир	162
Н. А. Баскаков (Москва). XII сессия Постоянной интернациональной алтаистической конференции	168
Н. Л. Жуковская, М. А. Членов (Москва). Вторая поволжская конференция по ономастике	169
А. М. Решетов (Ленинград). Симпозиум «История и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке»	172
Ю. Б. Стракач (Новосибирск). Этнографическая подготовка в Новосибирском государственном университете	173
Г. А. Гловацкий (Ленинград). Новая экспозиция «Культура и быт населения Японии в МАЭ»	175

Критика и библиография

Общая этнография

Д. И. Валентей, В. А. Сысенко (Москва). В. И. Козлов. Динамика численности народов	183
А. П. Королева (Москва). «Нет!» — расизму. Расизм в странах «свободного» мира и новый этап борьбы против него	185

Народы СССР

Я. Р. Винников (Москва). Г. Саурова. Современный туркменский ковер и его традиции	187
И. М. Колесницкая (Ленинград). Русские народные сказки	190

Народы зарубежной Азии

М. В. Крюков (Москва). В. С. Стариков. Материальная культура китайцев Северо-восточных провинций КНР	191
--	-----

Юлия Михайловна Лихтенберг	194
----------------------------	-----

На первой странице обложки: Украшение светелки дома в Ворсме Горьковской области, 1930 г. (см. статью С. Б. Рождественской).

SOMMAIRE

O. I. Chkaratan (Léningrad). La structure ethno-sociale de la population urbaine de la R. S. S. A. de Tatarie (d'après les matériaux d'une enquête sociologique)	3
P. G. Chiryaieva (Léningrad). Sur l'histoire des traditions révolutionnaires du prolétariat russe (d'après les matériaux du journal «Iskra» des années 1900 à 1903)	17
I. S. Vdovine (Léningrad). Contribution au problème de l'ethnogenèse des Itelmen	28
V. Ye. Vladykine (Ijevsk). À propos des groupes ethniques des Oudmourtes	37
I. Lose (Riga). Figurines en argile provenant des cités néolithiques des régions Baltiques de l'Est	48
D. V. Déopik, M. A. Tchliénov (Moscou). La toponymie et la langue (sur le problème de révélation des aréaux toponymiques de substratum)	62
V. S. Yaghya (Léningrad). De la situation ethno-linguistique en Ethiopie moderne (matériaux sur le problème de formation de la nation éthiopienne)	75

Discussions et délibérations

Débats sur l'article de Yu. V. Bromley dit «L Ethnie et l'endogamie»	86
--	----

Communications

S. B. Rjodiestvenskaya (Moscou). Le fer troué en tant qu'élément décoratif (D'après les matériaux de la région de Gorki)	104
A. Z. Rozenfeld (Léningrad). Matériaux pour l'ethnographie et les survivances des anciennes croyances des populations tadjikophones du Badakhchan Soviétique	114
L. N. Molotova (Léningrad). Coiffures du Nord russe (examen du fonds du Musée d'Etat de l'Ethnographie)	120
V. I. Markovine (Moscou). Monuments artistiques et les cultes du Caucase	125
N. N. Kochtchévskaya (Léningrad). Quelques monuments déjà découverts et les trouvailles récentes à Ifé	132
L. I. Tiegako (Minsk). La dermatoglyphie des Biélorusses (contribution au problème de l'ethnogenèse du peuple Biélorusse)	137
M. Barjaktarović (Belgrade). Les Bohémiens en Yougoslavie moderne	149

Recherches, faits, hypothèses

A. M. Kaigorodov (Moscou). Les noces de taïga	153
---	-----

Vie scientifique

N. V. Bikhoulatov, F. F. Ilimbietov (Oufa). Session scientifique pour l'ethnogenèse des Bachkirs	162
N. A. Baskakov (Moscou). La XII-e Session de la Conférence Internationale Permanente des Etudes Altaïques	168
N. Z. Joukovskaya, M. A. Tchliénov (Moscou). Deuxième conférence pour l'onomastique de régions de Volga	169

A. M. Riechetov (Léningrad). Le symposium sur l' « Histoire et traditions des études orientales russes à l'Extrême-Orient »	172
Yu. B. Strakatch (Novossibirsk). La formation ethnographique à l'Université d'Etat de Novossibirsk	173
G. A. Glovatski (Léningrad). L'exposition nouvelle « La culture et la vie quotidienne populaire Japonaise » dans le MAE	175

Critique et bibliographie

Ethnographie générale

D. I. Valentei, V. A. Syssenko (Moscou). V. I. Kozlov. Dynamique de la valeur numérique des peuples	183
A. P. Korolioua (Moscou). « Non » au racisme ! Le racisme dans les pays du monde dit « libre » et la nouvelle étape de la lutte antiraciste	185

Peuples de l'U. R. S. S.

Ya. R. Vinnikov (Moscou). G. Saourova. Le tapis turkmène moderne et ses traditions	187
I. M. Koliesnitskaya (Léningrad). Contes populaires russes	190

Peuples de l'Asie (hors l'U. R. S. S.)

M. V. Krioukov (Moscou). V. S. Starikov. Culture matérielle des Chinois des provinces nord-est de la République Populaire de Chine	191
--	-----

<u>Julia Mikhailovna Lichtenberg</u>	194
--------------------------------------	-----

Sur la couverture: décor de la mansarde d'une maison à Vorsma, région de Gorki, 1930. (v. la communication de S. B. Rojdiestvienskaya)